

ISSN 2078-5356

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАКТИКА:

**Вестник
Нижегородской академии
МВД России**

2024. № 4 (68)

Министерство внутренних дел Российской Федерации
The Ministry of Internal Affairs of Russian Federation

Юридическая наука и практика:

Вестник Нижегородской академии МВД России

Основан в 2001 году
Выходит 4 раза в год

№ 4 (68)

Legal Science and Practice:

Journal of Nizhny Novgorod Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Founded in 2001
Published 4 times a year

Нижний Новгород 2024

Юридическая наука и практика

**Вестник
Нижегородской академии МВД России
№ 4 (68)**

2024

Адрес редакции и издателя:
603144, Нижегородская область,
Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.
Нижегородская академия МВД России
Редакционно-издательский отдел
Тел.: (831) 421-73-21

E-mail: vestniknamvd@mail.ru

**Включен ВАК при Минобрнауки России
в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук
(Категория К-1)**

**Включен в Российский индекс
научного цитирования (РИНЦ)**

Выходит 4 раза в год

Издание зарегистрировано Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № ФС77-38354
от 11 декабря 2009 года

Подписной индекс
по Объединенному каталогу
«Пресса России»: 80785

Главный редактор *В. М. Баранов*
Редакторы *А. И. Новикова, Н. Б. Помадина*
Компьютерная верстка *А. И. Хоревой*
Дизайн обложки *К. А. Быкова*

Тираж 1000 экз. Заказ № 435.
Свободная цена.
Дата выхода в свет 16.12.2024

Отпечатано в отделении полиграфической и оперативной
печати Нижегородской академии МВД России.

603144, Нижегородская область, Нижний Новгород,
Анкудиновское шоссе, 3

© Нижегородская академия МВД России, 2024

Legal Science and Practice

16+

**Journal of Nizhny Novgorod Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
№ 4 (68)**

2024

Address of the editorial and publishing office:
Editorial and publishing department, Nizhny Novgorod
Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
3 Ankudinovskoye shosse, Nizhny Novgorod region,
Nizhny Novgorod, 603144, Russia
Tel.: (831) 421-73-21

E-mail: vestniknamvd@mail.ru

**The journal is included in the list of peer-reviewed
scientific journals and publications,
where main research results of doctoral dissertations
should be published
(Category K-1)**

**The journal is included in the system
of the Russian Science Citation Index**

Published 4 times a year

The Journal is registered at the Federal Service
for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media.
Certificate number PI no. FS77-38354
as of December 11, 2009

Subscription index
at the General catalogue
“The Press of Russia”: 80785

Editor-in-chief *V. M. Baranov*
Editors *A. I. Novikova, , N. B. Pomadina*
DTP *A. I. Khoreva*
Cover design *K. A. Bykov*

1000 copies. Order no. 435.
Free price.
Release date 16.12.2024

Printed at the printing section of Nizhny Novgorod Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

3 Ankudinovskoye shosse, Nizhny Novgorod region,
Nizhny Novgorod, 603144, Russia

Редакционный совет

Председатель:

Плясов Константин Анатольевич — начальник Нижегородской академии МВД России, генерал-майор полиции, доктор юридических наук, доцент, академик Российской академии юридических наук (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Члены редакционного совета:

Баранова Марина Владимировна — заместитель декана юридического факультета по научной работе, профессор кафедры теории и истории государства и права Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, доктор юридических наук, кандидат культурологии, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Баулин Олег Владимирович — профессор кафедры гражданского права и процесса Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Бондарь Николай Семенович — судья Конституционного Суда Российской Федерации в отставке, заведующий кафедрой конституционализма Южного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Белоусов Сергей Александрович — проректор по научной работе Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Власенко Николай Александрович — профессор кафедры теории государства и права юридического института Российского университета дружбы народов, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Ершова Елена Александровна — заведующая кафедрой трудового права и права социального обеспечения Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Исаков Владимир Борисович — профессор-исследователь Департамента теории права и межотраслевых юридических дисциплин Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, член Союза писателей Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Капустин Анатолий Яковлевич — заведующий кафедрой международного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.5 — международно-правовые науки)

Карагодин Валерий Николаевич — заведующий кафедрой криминалистики Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Лазарев Валерий Васильевич — главный научный сотрудник Центра фундаментальных правовых исследований

Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Мацкевич Игорь Михайлович — ректор Университета прокуратуры Российской Федерации, президент Союза криминалистов и криминологов, президент Международного фонда правовых инициатив, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Москалькова Татьяна Николаевна — доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.5 — международно-правовые науки)

Петрянин Алексей Владимирович — директор Нижегородского филиала Санкт-Петербургской академии следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Поляков Михаил Петрович — профессор кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Попондопуло Владимир Федорович — заведующий кафедрой коммерческого права Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Санинский Роман Александрович — председатель Арбитражного суда Нижегородской области, кандидат юридических наук (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Старилов Юрий Николаевич — декан юридического факультета Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Супрунов Александр Германович — первый заместитель начальника Нижегородской академии МВД России (по учебной работе), кандидат юридических наук (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Тарасов Николай Николаевич — профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Терещенко Людмила Константиновна — заместитель заведующего отделом административного законодательства и процесса Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Тихомиров Юрий Александрович — заместитель заведующего Центра публично-правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Editorial council

Chairman:

Plyasov Konstantin A. — Head of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Major General Doctor of Law, Associate Professor (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Members of editorial council:

Baranova Marina V. — Deputy Dean of the Faculty of Law for Research, Professor of the Department Theory and History of State and Law of the National Research Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Doctor of Law, Candidate of Sciences (Cultural Studies), Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Baulin Oleg V. — Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Voronezh State University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Bondar Nikolay S. — Justice of the Constitutional Court of the Russian Federation retired, Head of the Department of constitutionalism of the Southern Federal University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Belousov Sergey A. — Vice-rector for Research of the Saratov State Academy of Law, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Vlasenko Nikolay A. — Professor of the Department of Theory of State and Law of the Law Institute Peoples' Friendship University of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Yershova Yelena A. — Head of the Department of Labor and Social Security Law of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Isakov Vladimir B. — Research Professor at the Department of Legal Theory and Cross-industry Legal Disciplines of the National Research University "The Higher School of Economics", Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Member of the Writers' Union of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Kapustin Anatoly Ya. — Head of the Department of International Law of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.5 — international legal sciences)

Karagodin Valery N. — Head of the Department of Criminalistics of the Yekaterinburg Branch of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Lazarev Valery V. — Chief Researcher at the Center for Basic Legal Research of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Matskevich Igor M. — Rector of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, President of the International Foundation for Legal Initiatives, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Moskalkova Tatyana N. — Doctor of Law, Doctor of Philosophy, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.5 — international legal sciences)

Petryanin Alexey V. — Head of Nizhny Novgorod branch St. Petersburg Academy of the Investigative Committee Russian Federation, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Polyakov Mikhail P. — Professor of the Department of Criminal Procedure of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Popondopulo Vladimir F. — Head of the Department of Commercial Law of the St. Petersburg State University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Saninsky Roman A. — Chairman of Arbitration Court of Nizhny Novgorod Region, Candidate of Legal Sciences (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Starilov Yuri N. — Dean of the Law Faculty of Voronezh State University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Suprunov Alexander G. — The First Deputy Head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for academic work), Candidate of Legal Sciences (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Tarasov Nikolay N. — Professor of the Department of Theory of State and Law of the Ural State Law University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Tereshchenko Lyudmila K. — Deputy Head of Department of Administrative Legislation and Procedure of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Tikhomirov Yuriy A. — Deputy Head of the Center for Public Law Research of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Баранов Владимир Михайлович — помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Заместитель главного редактора:

Смолин Алексей Юрьевич — начальник редакционно-издательского отдела Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук

Члены редакционной коллегии:

Бирюков Павел Николаевич — заведующий кафедрой международного и евразийского права юридического факультета Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.5 — международно-правовые науки)

Болтанова Елена Сергеевна — заведующий кафедрой гражданского права Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Булатов Борис Борисович — профессор кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Вавилин Евгений Валерьевич — заведующий кафедрой семейного и жилищного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, член Совета по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства при Президенте Российской Федерации (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Валеев Дамир Хамитович — заместитель декана юридического факультета Казанского федерального университета по научной деятельности, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Татарстан (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Гамбарян Артур Сиреканович — заведующий кафедрой теории права и конституционного права Института права и политики Российско-Армянского университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки), заслуженный юрист Республики Армения

Горшенков Геннадий Николаевич — профессор кафедры уголовного права и процесса Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Гусев Алексей Васильевич — профессор кафедры криминалистики Краснодарского университета МВД России, доктор юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Демин Александр Васильевич — профессор кафедры предпринимательского, конкурентного и финансового права Юридического института Сибирского федерального университета, доктор юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Демичев Алексей Андреевич — профессор кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Кириллов Михаил Андреевич — профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Кодан Сергей Владимирович — профессор кафедры теории и истории государства и права Уральского государственного

юридического университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Корнев Аркадий Владимирович — заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Крохина Юлия Александровна — заведующая кафедрой правовых дисциплин Высшей школы государственного аудита (факультета) Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Крусс Владимир Иванович — заведующий кафедрой теории права Тверского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Кузнецов Александр Павлович — профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Кучеров Илья Ильич — первый заместитель директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Лушников Андрей Михайлович — заведующий кафедрой трудового и финансового права Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова, доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Мартынов Алексей Владимирович — заведующий кафедрой административного и финансового права Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Милюков Сергей Федорович — профессор кафедры уголовного права Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Миронов Анатолий Николаевич — заместитель руководителя Межрегионального управления Росприроднадзора по городу Москве и Калужской области, доктор юридических наук (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Моисеев Алексей Александрович — профессор кафедры теории и истории государства и права Кабардино-Балкарского университета имени Х. М. Бербекова, доктор юридических наук, доктор права Австралии (научная специальность 5.1.5 — международно-правовые науки)

Нематов Акмал Рауфджонович — заместитель Главного ученого секретаря; главный научный сотрудник отдела теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права Национальной академии наук Республики Таджикистан, доктор юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Овчинников Алексей Игоревич — заведующий кафедрой теории и истории государства и права Южного Федерального университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Павлов Вадим Иванович — начальник кафедры теории и истории государства и права Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Ромашов Роман Анатольевич — профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Сафин Завдат Файзрахманович — заведующий кафедрой экологического, трудового права и гражданского процесса Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Сиземова Ольга Борисовна — заведующий кафедрой гражданского права и процесса Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, доктор юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Соловьева Татьяна Владимировна — профессор кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии, член экспертно-консультативного совета при Комитете Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству, доктор юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Тарасов Анатолий Михайлович — главный советник генерального директора по юридическим вопросам АО «Лаборатория Касперского», главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Терехин Владимир Вячеславович — заместитель директора по научной работе Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических

наук, доцент (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Токтобаев Болот Токтомышевич — заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кыргызской Республики (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Толстик Владимир Алексеевич — начальник кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Фатьянов Алексей Александрович — заведующий кафедрой государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Черных Евгения Евгеньевна — проректор по учебной работе Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, декан юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, кандидат юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Шестерякова Ирина Владимировна — профессор кафедры частного права юридического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук, доктор юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Editorial board

Editor-in-chief:

Baranov Vladimir M. — Assistant to Head of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Innovative Research Development, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

Deputy editor-in-chief:

Smolin Aleksey Yu. — Head of the Editorial and Publishing Department of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Sciences (Law)

Members of editorial board:

Biryukov Pavel N. — Head of the Department of International and Eurasian Law School of Law of Voronezh State University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.5 — international legal sciences)

Boltanova Yelena S. — Head of Department of Civil Law of National Research Tomsk State University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Bulatov Boris B. — Professor of the Department of Criminal Procedure of Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Vavilin Evgeniy V. — Head of the Department of Family and Housing Law of Kutafin Moscow State Law University, Doctor of Law, Professor, Member of the Council for Codification and Improvement of Civil Legislation under the President of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Valeyev Damir Kh. — Deputy Dean of the Faculty of Law of Kazan Federal University, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Gambaryan Artur S. — Head of the Department of Theory of Law and Constitutional Law of the Institute of Law and Politics of Russian-Armenian University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences), Honored Lawyer of the Republic of Armenia

Gorshenkov Gennady N. — Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of National research Lobachevsky State university of Nizhny Novgorod, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.4 - criminal law)

Gusev Aleksey V. — Professor of the Department of Criminalistics of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Associate Professor (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Demin Aleksandr V. — Professor of the Department of Entrepreneurial, Competitive and Financial Law of Law Institute of Siberian Federal University, Doctor of Law, Associate Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Demichev Alexey A. — Professor of the Department of Civil Law and Procedure of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Candidate of Sciences (History), Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Kirillov Mikhail A. — Professor of the Department of Criminal and Penal Law of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Kodan Sergey V. — Head of the Department of Theory and History of State and Law of Ural Academy of Public Administration, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Kornev Arkady V. — Head of the Department of Theory of State and Law of Kutafin Moscow State Law University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Krokhina Yulia A. — Head of the Department of Legal Disciplines of the Supreme State Audit School (Faculty) of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Kruss Vladimir I. — Head of Department of Theory of Law of Tver State University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Kuznetsov Alexander P. — Professor of the Department of Criminal and Penal Law of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Kucherov Ilya I. — The first Deputy Director of Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Lushnikov Andrey M. — Head of the Department of Labor and Financial Law of Demidov Yaroslavl State University, Doctor of Law, Doctor of Historical Sciences, Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Martynov Alexey V. — Head of the Department of Administrative and Financial Law of National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Milukov Sergey F. — Professor of the Department of Criminal Law of the Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Mironov Anatoly N. — Deputy Head of the Interregional Department of Rosprirodnadzor for the City of Moscow and the Kaluga Region, Doctor of Law (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Moiseyev Alexey A. — Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Kabardino-Balkarian University named after H. M. Berbekov, Doctor of law (scientific specialty 5.1.5 — international legal sciences)

Nematov Akmal R. — Deputy Chief Scientific Secretary; Chief Researcher of the Department of Theoretical Problems of the Modern State and Law of the Institute of Philosophy, Political Science and Law of National Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Doctor of Law, Associate Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Ovchinnikov Aleksey I. — Deputy Director of the Department of Theory and History of State and Law of Southern Federal University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Pavlov Vadim I. — Head of the Department of Theory and History of State and Law of Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Candidate of Sciences (law), Associate Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Romashov Roman A. — Professor of the Department of Theory of Law and Law Enforcement Activity of Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Safin Zavdat F. — Head Department of Environmental Law, Labor Law and Civil Procedure of Kazan (Privolzhsky) Federal University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Sizemova Olga B. — Head of the Department of Civil Law and Procedure of National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Doctor of Law, Associate Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Solovyeva Tatyana V. — Professor of the Department of Civil Procedure of Saratov State Academy of Law, a member of the Advisory Board under the Committee of the Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation on Constitutional Legislation and State-Building, Doctor of Law, Associate Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Tarasov Anatoly M. — Chief Advisor of the General Director of the Kaspersky Lab JSC for the Juridical Questions, Chief Scientist of the Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Employee of the Internal Affairs of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Terekhin Vladimir V. — Deputy Director for Research of the Volga Branch of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, Associate Professor (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Toktobaev Bolot T. — Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Law Faculty of the Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Kyrgyz Republic (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Tolstik Vladimir A. — Head of the Department of Theory and History of State and Law of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Fatyanov Aleksey A. — Head of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of Plekhanov Russian Economic Uni-

versity, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Chernykh Evgenia E. — Vice-Rector for Academic Affairs of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, Dean of the Faculty of Law of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor (scientific specialty 5.1.4 — criminal law Sciences)

Shesteryakova Irina V. — Professor of the Department of Private Law, Faculty of Law, State Academic University for the Humanities, Doctor of Law, Associate Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Теоретико-исторические правовые науки

- Евтушенко В. И., Дизер О. А.** Становление самодержавия в Русском государстве в X–XVIII веках: историко-правовой анализ
- Лазорин К. Б.** Методологические предпосылки общетеоретического исследования феномена «нетипичные нормативные правовые акты»
- Мильков А. В.** Позитивная юридическая ответственность как продукт схоластического теоретизирования
- Минникес И. А.** Законность или целесообразность? (по результатам социологических исследований)
- Погодина И. В.** Взаимодействие государства и общества в СССР: стимулирование инициативы и творческой активности советского народа
- Ханин С. В.** Организационно-правовые основы деятельности полиции Российской империи по обеспечению общественного призора в XVIII–XIX веках
- Хужин А. М., Одинокова А. В., Майорова С. А.** Форс-мажорная оговорка как основание освобождения от юридической ответственности
- Червонюк В. И., Леонтьева Е. А.** Публично-правовая ответственность: оценка современных взглядов в контексте утверждающегося в конституционной практике инновационного подхода
- Шафиров В. М.** Марксистское учение: о праве и (или) антиправе?

Публично-правовые
(государственно-правовые) науки

- Малый А. Ф.** Мотивационное влияние конституционных принципов на законодательские и правоприменительные решения

Частноправовые (цивилистические) науки

- Крамской В. В.** Формы и механизм реализации секундарного права
- Соловьева Т. В.** Процессуальная активность сторон как гарантия своевременной судебной защиты
- Ханахмедова Л. В., Семенов В. В.** Соотношение возмещения убытков и принудительного исполнения договорного обязательства в странах разных правовых семей

Уголовно-правовые науки

- Глухова А. А., Шапошников Е. Л.** Прогноз последствий вовлечения несовершеннолетних и молодежи как активных пользователей сети «Интернет» в деятельность деструктивных движений и организаций, содержащих признаки экстремизма и терроризма
- Дягилев А. А.** «Битва за умы» — некоторые вопросы оперативно-розыскной профилактики преступ-

Theoretical and historical legal sciences

- Yevtushenko V. I., Dizer O. A.** Formation of autocracy in the Russian state in the X—XVIII centuries: historical and legal analysis
- Lazorin K. B.** Methodological prerequisites for a general theoretical study of the phenomenon of “atypical normative legal acts”
- Milkov A. V.** Positive legal liability as a product of scholastic theorizing.
- Minnikes I. A.** Legality or expediency? (based on the results of sociological research)
- Pogodina I. V.** Interaction between the state and society in the USSR: stimulation of initiative and creative activity of the soviet people
- Khanin S. V.** Organizational and legal foundations of the activities of the police of the Russian Empire to ensure public welfare in the XVIII–XIX centuries
- Khuzhin A. M., Odinokova A. V., Mayorova S. A.** Force majeure clause as a basis for exemption from legal liability
- Chervonyuk V. I., Leontenkova E. A.** Public legal responsibility: assessment of modern views in the context of the innovative approach established in constitutional practice
- Shafirov V. M.** Marxist doctrine: about law and (or) anti-law?

Public law (state law)

- Maly A. F.** Motivational influence of constitutional principles on legislative and law enforcement decisions

Private law (civil law) sciences

- Kramskoy V. V.** The forms and mechanism of implementation of the second right
- Solovyeva T. V.** Procedural activity of the parties as a guarantee of timely judicial protection
- Khanakhmedova L. V., Semenov V. V.** The relationship between compensation for damages and the enforcement of contractual obligations in countries with different legal families

Criminal law sciences

- Gluhova A. A., Shaposhnikov E. L.** Forecasting the consequences of involving minors and young people as active Internet users in the activities of destructive movements and organizations containing signs of extremism and terrorism
- Dyagilev A. A.** “Battle for minds” — some issues of operational investigative prevention of crimes

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENT

- плений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий
- Журавлев С. Ю.** Криминалистические аспекты понимания криминальных тенденций развития игорного бизнеса применительно к отдельным территориям Российской Федерации **120**
- Кобец П. Н., Ильин И. В.** О перспективах задействия систем, основанных на технологиях искусственного интеллекта, в процессе выполнения задач, решаемых органами внутренних дел **128**
- Козлова А. С., Баринаева Е. Д.** К вопросу об эффективности проведения следственных действий посредством видео-конференц-связи при обеспечении безопасности участника уголовного судопроизводства **134**
- Ламтева А. В.** Турбулентные и ламинарные типы отечественного уголовного судопроизводства: гипотезы и концепции **139**
- Поздышев Р. С., Мельникова Е. Ф., Александров А. Н.** Прикладные проблемы использования специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с незаконным производством и оборотом этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции **146**
- Пшеничнов И. М.** Незаконный найм, экстремизм и терроризм как системообразующие феномены криминальной угрозы для мира и безопасности человечества **154**
- Романовский Г. Б.** Правовой статус национальных медицинских исследовательских центров **159**
- Телевицкая Ю. А.** Оценка достоверности заключения эксперта **166**
- Яковлев Д. Ю., Бесчастнова О. В.** Роль подразделений информационных центров системы МВД России в предупреждении преступлений **171**
- Янгаева М. О., Шепель Н. В.** Актуальные способы неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации **180**
- Трибуна молодого ученого**
- Абдулкеримов Г. М.** Актуальные вопросы противодействия преступлениям, совершаемым в сфере химической промышленности: цифры, факты, правоприменительные проблемы **186**
- Джалилов Ф. М.** Сравнительный анализ понятий «доказательство» и «доказывание» в уголовно-процессуальных кодексах Российской Федерации и Республики Таджикистан: отдельные источники доказательств **193**
- Елышев А. Е.** Возраст юридической ответственности по действующему российскому законодательству **199**
- Коробова А. С.** Проблема соотношения понятий «общественный порядок» и «общественная безопасность» в современной правовой науке **205**
- Куклин Д. В.** Сведения о приготовлении к преступлению как основание для проведения оперативно-розыскных мероприятий **212**
- committed using information and communication technologies
- Zhuravlev S. Yu.** Forensic aspects of understanding criminal trends in the development of the gambling business in relation to certain territories of the Russian Federation
- Kobets P. N., Ilyin I. V.** On the prospects for using systems based on artificial intelligence technologies in the process of performing tasks solved by internal affairs bodies
- Kozlova A. S., Barinova E. D.** On the issue of the effectiveness of investigative actions through videoconferencing when ensuring the safety of a participant in criminal proceedings
- Lamteva A. V.** The turbulent and laminar types of domestic criminal procedure: hypotheses and concepts
- Pozdyshev R. S., Melnikova E. F., Alexandrov A. N.** Applied problems of using special knowledge in the investigation of crimes related to the illegal production and trafficking of ethyl alcohol, alcoholic and alcohol-containing products
- Pshenichnov I. M.** Illegal hiring, extremism and terrorism as system-forming phenomena of criminal threat to the peace and security of mankind
- Romanovsky G. B.** Legal status of national medical research centers
- Televitskaya J. A.** Assessment of the reliability of the expert's opinion
- Yakovlev D. Yu., Beschatnova O. V.** The role of divisions of information centers of the system of the MIA of Russia in crime prevention
- Yangaeva M. O., Shepel N. V.** Current methods of unlawful influence on the critical information infrastructure of the Russian Federation
- A young scientist's forum**
- Abdulkerimov G. M.** Current issues of combating crimes committed in the chemical industry: figures, facts, law enforcement problems
- Jalilov F. M.** Comparative analysis of the concepts of "proof" and "proving" in the criminal procedure codes of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan: individual sources of evidence
- Elyzhev A. E.** Age of legal responsibility under current Russian legislation
- Korobova A. S.** The problem of the relationship between the concepts of "public order" and "public safety" in modern legal science
- Kuklin D. V.** Information on preparation for a crime as a basis for conducting operational investigative activities

- Серегина Е. С.** Право на образование — конституционная ценность **218** **Seregina E. S.** The right to education is a constitutional value
- Сохибназар М. С.** Институт примирения с потерпевшим по делам частного и частно-публичного обвинения в уголовно-процессуальном праве Республики Таджикистан и Российской Федерации: историко-правовой анализ (дореволюционный, советский и постсоветский периоды) **222** **Sohibnazar M. S.** Institute of reconciliation with the victim in cases of private and private-public prosecution in the criminal procedural law of the Republic of Tajikistan and the Russian Federation: historical and legal analysis (pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet periods)
- Судденок К. В.** Дефекты реализации согласия в современном российском праве (общеправовой аспект) **229** **Suddenok K. V.** Defects in the implementation of consent in modern Russian law (general legal aspect)
- Сулейманов С. Т.** Криминологический элемент оперативно-розыскной характеристики преступлений, связанных с распространением порнографических материалов с участием несовершеннолетних **233** **Suleimanov S. T.** Criminological element of operational-search characteristics of crimes related to the distribution of pornographic materials involving minors
- Тетеркина О. И.** Анализ отдельных положений проекта Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», разработанного МВД России (ID проекта 01/05/04-24/00147276) **239** **Teterkina O. I.** Analysis of individual provisions of the draft Federal law “On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation”, developed by the Ministry of Internal Affairs of Russia (project ID 01/05/04-24/00147276)

Рецензии

- Баранов В. М.** Публично-правовые режимы в ракурсе инноваций (доктрина, практика, техника). Отзыв на автореферат диссертации Дегтярева Михаила Владимировича на тему «Инновационные публично-правовые режимы» (Москва, 2024. 48 с.), представленной на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.2. (публично-правовые (государственно-правовые) науки) **246**
- Лазорин К. Б.** Нетипичность актов процессуального права (доктрина, практика, техника). Рецензия на монографию Самсонова Н. В. Нетипичные источники российского гражданского процессуального права. Москва: ИНФРА-М, 2024. 228 с. **249**

Нижегородская академия МВД России: навстречу 100-летию юбилею

- Афанасьев А. Ю., Лубин А. Ф.** Трудно быть методологом в криминалистической науке: к 90-летию юбилею профессора М. К. Каминского **265**
- Каминский А. М.** Системно-деятельностный подход М. К. Каминского в теории криминалистики и криминалистическом образовании **267**

Обзор защит диссертаций

- Баранов В. М. Афанасьев А. Ю.** Обзор защит диссертаций за 2024 год в диссертационном совете 03.2.009.01, созданном на базе Нижегородской академии МВД России **269**

Книжная полка

- Юридическая техника. Juridical Techniques: учебник / под ред. В. М. Баранова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2024. 696 с. ISBN 978-5-392-42572-3 **275**

Reviews

- Baranov V. M.** Public law regimes from the perspective of innovation (doctrine, practice, technique). Review of the abstract of Degtyarev Mikhail Vladimirovich's dissertation on the topic “Innovative public law regimes” (Moscow, 2024. 48 p.), submitted for the degree of Doctor of Law in the specialty 5.1.2. (public law (public law) sciences) **246**

- Lazorin K. B.** Atypical acts of procedural law (doctrine, practice, technique). Review of the monograph by Samsonov N. V. Atypical sources of Russian civil procedural law. Moscow: INFRA-M, 2024. 228 p. **249**

Nizhny Novgorod academy of the MIA of Russia: together the 100th anniversary

- Afanasyev A. Yu., Lubin A. F.** It is difficult to be a methodologist in forensic science: on the 90th anniversary of Professor M. K. Kaminsky **265**
- Kaminsky A. M.** M. Kaminsky's system-activity approach in the theory of forensic science and forensic education **267**

Review of dissertation defenses

- Baranov V. M. Afanasyev A. Yu.** Review of dissertation defenses for 2024 in the dissertation council 03.2.009.01, created on the basis of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia **269**

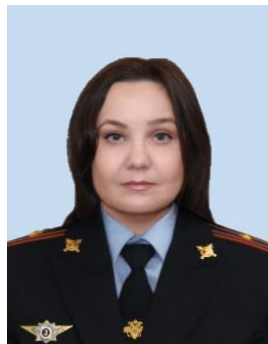
Bookshelf

- Legal technology. Juridical Techniques: textbook / ed. V. M. Baranova. 2nd ed., revised. and additional Moscow: Prospekt, 2024. 696 p. ISBN 978-5-392-42572-3 **275**

Научная статья

УДК 342.36

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-12-18>

Становление самодержавия в Русском государстве в X–XVIII веках: историко-правовой анализ

Евтушенко Владимир Иванович¹, Дизер Ольга Александровна²

¹Управление по делам архивов Белгородской области, Белгород, Россия, 77712@live.ru

²Омская академия МВД России, Омск, Россия, oadizer-24@mail.ru

Аннотация. В статье проведен анализ трех основных мнений о природе становления самодержавия в Русском государстве: воздействия трехсотлетнего татаро-монгольского ига, влияния Византийской Империи и веяния, связанные с Крещением Руси и принятием христианства по обрядам православной церкви. Рассмотрение всех трех концепций показывает, что ни одна из них и даже их симбиоз не может в полном объеме объяснить природу возникновения самодержавия на Руси и, соответственно, данный социально-юридический феномен не может быть объяснен какими-либо только внешними или внутренними факторами исторического развития. Представляется важным пристальное рассмотрение недооцененного, на наш взгляд, персонафицированного влияния отдельных исторических личностей: Государя всея Руси Ивана III, Царя и Великого Князя всея Руси Ивана IV Грозного, первого Императора Всероссийского Петра I. Именно при них сложилась самодержавная система правления в Русском государстве. Правление последующих царей и императоров на Руси имело свои особенности, различалось формами и методами, но сущность правления, его авторитарность и самодержавность не менялись.

Ключевые слова: самодержавие, татаро-монгольское иго, Золотая Орда, Османская империя, народное вече, Византийская империя, Крещение Руси, принятие православия, «симфония» светской и духовной властей, русская самобытность, краткая и пространная редакция «Русской правды», «Ряд Ярославль», Новгородская судная грамота, Псковская судная грамота

Для цитирования: Евтушенко В. И., Дизер О. А. Становление самодержавия в Русском государстве в X–XVIII веках: историко-правовой анализ // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 4 (68). С. 12–18. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-12-18>.

Original article

Formation of autocracy in the Russian State in the X–XVIII centuries: historical and legal analysis

Vladimir I. Evtushenko¹, Olga A. Dizer²

¹Archives of the Belgorod Region, Belgorod, Russian Federation, 77712@live.ru

²Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russian Federation, oadizer-24@mail.ru

© Евтушенко В. И., Дизер О. А., 2024

Abstract. In the article, within the framework of the consideration of the formation of autocracy in the Russian state, an analysis of three main opinions on the nature of this social phenomenon is carried out. The first is the influence of the Tatar-Mongol yoke, which lasted three hundred years. The second is the influence of the Byzantine Empire and, first of all, associated with the Baptism of Rus and the adoption of Christianity according to the rites of the Orthodox Church. In accordance with the third concept, autocracy is an organic, spontaneous creation of Russian identity and Russian national spirit. An examination of all three concepts shows that none of them, or even their symbiosis, can fully explain the nature of the emergence of autocracy in Rus' and, accordingly, this socio-legal phenomenon cannot be fully explained by any external or internal factors of historical development. It seems important to take a closer look at the underestimated, in our opinion, personalized influence of individual historical figures and, first of all, the first truly Russian autocrats — the Sovereign of All Rus' Ivan III, the Tsar and Grand Duke of All Rus' Ivan IV the Terrible — and a little later — the first Emperor of All Russia Peter I. It was under them that the autocratic essence of government in the Russian state was formed. The reign of subsequent tsars and emperors in Rus' had its own characteristics, differed in forms and methods, but the essence of government, its authoritarianism and autocracy did not change.

Keywords: autocracy, Tatar-Mongol yoke, Golden Horde, Ottoman Empire, People's Veche, Byzantine Empire, Baptism of Rus, adoption of Orthodoxy, «symphony» of secular and spiritual authorities, Russian identity, short and long edition of «Russkaya Pravda», «Yaroslavl Row», Novgorod Judicial Charter, Pskov Judicial Charter

For citation: Yevtushenko V. I., Dizer O. A. Formation of autocracy in the Russian state in the X–XVIII centuries: historical and legal analysis. *Legal science and practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 4 (68), pp. 12–18. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-12-18>.

Вопросы создания Российского государства и возникновения самодержавия в нем, определения истинных причин установления авторитарного самодержавного государственного строя являются предметом изучения историков и правоведов. Споры вызывают самые различные аспекты данной проблемы, начиная от выделения исходных составляющих, определивших именно такой ход развития Российского государства, формы правления, государственного строя и организацию системы права в нем, исторические, геополитические, экономические, культурные и другие факторы, влияющие на развитие государства и вызывающие изменение в нем.

Наиболее оживленная научная дискуссия о происхождении и природе самодержавия в Русском государстве велась в научном сообществе с конца XIX — начала XX века [1]. Исходя из этого, мы будем рассматривать в статье доводы ученых-историков, изучающих разные дореволюционные направления. Следует отметить, что научный интерес к данной проблематике стал проявляться только с середины 90-х годов XX столетия.

Природа основополагающего фактора установления самодержавия в Русском государстве стала предметом исследования правоведов и историков, еще, наверное, с момента его установления. За этот период сложились три основных направления в историко-правовой науке, объясняющие данный социально-юридический феномен.

Первое направление связано с огромным влиянием на Российское государство

трехсотлетнего татаро-монгольского ига. Наиболее емко впервые данное мнение было сформулировано Н. И. Костомаровым [2].

В связи с тем, что государствам домонгольской Древней Руси присущ удельно-вечевой государственный строй, то это, по мнению Н. И. Костомарова, приводит к двум основополагающим положениям, которые препятствовали установлению самодержавного государственного строя на Руси.

Во-первых, это связано с довольно сильным влиянием народного вече на внутреннюю политику древнерусских княжеств вплоть до выборности князей или как определил данный государственный строй Рожков Н. А. — «двоевластие вече и князя» [3, с. 12]. Влияние и авторитет народного вече было неоднозначным в различных княжествах. Среди древнерусских государств того периода принято выделять три группы государств с близким государственным строем. Это:

— государства севера России (Новгородские и Псковские земли), которые традиционно относят к странам с республиканской формой правления. Большую роль играло народное вече, которое решало данные вопросы, вплоть до заключения договоров с князем и выборов должностных лиц. А, например, некоторые историки указывают, что Вятка, земля Вятичей, живших вдоль реки Вятка, в силу удаленности не представляла интереса для киевских князей, обходилась вообще без князя. Руководящим органом здесь выступало Вече [4, с. 44];

— государства запада России, в которых сложилась близкая к западноевропейским странам форма правления в виде монархии с сильным влиянием боярства и местной олигархии: купцов, крупных землевладельцев и ремесленников. Наиболее показательным представителем данного типа древнерусских государств является Галицко-Волынское княжество;

— третьим типом государств являлись автократические государства с сильной княжеской властью как, например, Владимиро-Суздальское княжество. Но даже при такой системе правления вече играло свою роль, особенно в критические периоды, когда власть князя ослабевала [5, с. 13–16]. Подобной точки зрения придерживается, например, И. Я. Фроянов, указывая, что во всех древнерусских княжествах нередко народное вече принуждало князей идти на уступки по самым различным вопросам [6, с. 176].

Вторым фактором неприятия самодержавия в Древней Руси до татаро-монгольского нашествия стала причина того, что все более и более набирала силу обратная тенденция к большему разделению существующих государств. Так, например, следующая причина: в середине XII века на территории бывшего единого Древнерусского государства было 15 княжеств, а к середине XIII века их количество достигло уже 50-ти [7, с. 469], а общее количество составило 250 [8, с. 84]. Этот процесс, конечно, объясняется многими причинами и в первую очередь имеет экономическую подоплеку, связанную с тем, что в XIII веке основным направлением было натуральное хозяйство. Да и основная форма сбора дани, практиковавшаяся в то время в Древнерусском государстве, — полюдье, в большей степени способствовала разъединительной тенденции, ибо содействовала организации сбора дани на местах и тем самым укреплению власти местной знати [7, с. 328].

Среди прочих причин, по нашему мнению, немаловажную роль играет и чисто правовой аспект. Древнерусское государство получило свой первый кодифицированный правовой акт — Пространную Русскую правду. Но вопрос любой правовой системы — это вопрос ее реализации: использования, исполнения, соблюдения и применения норм права. Единое Древнерусское государство в том виде, в котором оно существовало, не могло обеспечить выполнение данной задачи. То, что не смогли сделать великокняжеские воеводы, тиуны, вирники, отроки и другие должностные лица князя, выполняющие судебные и правоохранительные функции, в большей степени смогла обеспечить более близкая местная власть.

Кроме того, играл свою роль и национально-племенной аспект. Как отметил Б. А. Рыбаков, распад Древнерусского государства именно на 15 княжеств не случаен, ведь именно столько древних племенных союзов оно насчитывало изначально и границы новых княжеств приблизительно совпадали с территорией союзов славянских племен [7, с. 474]. Так, например, Киевское княжество — это поляне, Смоленское княжество — кривичи, Новгородская земля — словены и т. д. Так что не стоит сбрасывать со счетов и необходимость соблюдения обычного (племенного) права и обычая.

Соответственно, Костомаровым Н. И. делается вывод о том, что «... нет оснований искать... склонность к самодержавию, совершенно противному древнему славянскому духу...» и то, что в период до татаро-монгольского нашествия «...не выработалось никаких оснований для будущего единодержавия в России» [2, с. 66].

Ситуация меняется в период татаро-монгольского завоевания и установления зависимости древнерусских государств. Н. И. Костомаров делит период татаро-монгольского владычества на две части.

В первой половине данного периода шел процесс установления вассально-ленной зависимости русских князей от монгольского хана и одновременно процесс превращения территории княжества в княжеское владение, княжескую вотчину, таких форм не было в Русском государстве до татаро-монгольского нашествия.

Во второй период, как считал Н. И. Костомаров, происходит усиление власти Великого князя — старшего на всеми другими русскими князьями и ослабление татарского хана с последующей его заменой Великим князем в роли верховного и самодержавного правителя. Еще дальше в данном вопросе пошел Г. В. Вернадский, говоря об «...эфекте отложенного действия». Влияние татаро-монгольского ига сказалось на государственном строе Русского государства только после его окончания [9, с. 341–342].

Второе направление ученых считает главенствующим фактором утверждения самодержавной формы правления в Российском государстве влияние Византийской империи. Наиболее полно данное мнение было рассмотрено в трудах М. А. Дьяконова. Он связывал это с Крещением Руси и принятием христианства по обрядам православной церкви. Это историческое событие «...надолго подчинило...» Российское государство «...влиянию

Византийской цивилизации» [10, с. 1]. Данное влияние распространялось через духовенство и затрагивало широкий спектр социальных явлений, содействуя в том числе реформам в правовой сфере, направляя их на преобразование в русло византийской правовой системы. Здесь необходимо учитывать, что вновь образованная русская митрополия в полной мере подчинялась византийскому патриархату и была от него в зависимом положении.

К числу идей и принципов, которые вносились и пропагандировались духовенством и «...оказавших немаловажное влияние на направление и характер государственной деятельности... следует отнести христианскую идею о богоустановленности власти» [10, с. 38], которая постепенно трансформируется в идею «...об ея обоготворении» [10, с. 41]. Как отмечает М. А. Дьяконов, начало пропагандистских мероприятий на Руси связано как раз с появлением христианства.

Но настоящим толчком к превращению верховной власти в Русском государстве во власть самодержавную послужило падение Константинополя. Представители духовенства, а именно митрополит Московский и всея Руси Зосима впервые в 1492 году сформулировал предложение о перенесении на Москву всех религиозно-политических атрибутов бывшей Византийской столицы как преемницы Римской империи и Византии. Данные приложения в полном объеме получили свое оформление в посланиях Филофея, старца псковского Елеазарова монастыря, адресованных в том числе Великому Князю Василию Ивановичу [10, с. 66]. Данная политико-теологическая историософская концепция впоследствии получила свое название «Москва — третий Рим».

Именно необходимость охраны православной веры стала, по мнению М. А. Дьяконова, исходным пунктом теории русского православного государства и одновременно концепцией верховной самодержавной власти в Русском государстве [10, с. 91], что и привело в итоге к принятию Иваном III титула «Государь всея Руси» и венчанию на царство Царя и Велико-го Князя всея Руси Ивана IV Грозного, который в процессе данной процедуры во время молитвы просил об закреплении за Русским государством «скипетра православия» [10, с. 85].

Нередко эти два взгляда относительно природы возникновения самодержавия в России рассматриваются во взаимосвязи, полагая, что влияние Византийской Империи было как бы дополняющим, продолжающим формировать

модель самодержавного правления в Русском государстве или, как определил один из исследователей данного вопроса: «Монгольский» этап формирования самодержавия сменился «византийским» [11, с. 151].

Третье направление в историко-правовой науке, рассматривающее вопросы возникновения самодержавия на Руси, отрицает любое внешнее влияние в данном вопросе, полагая, что идея самодержавия органически присуща русскому обществу, русской культуре, русской истории. Данная концепция была отражена русским юристом А. В. Романович-Славатиным в своем капитальном труде «Система Русского государственного права в его историко-догматическом развитии. Сравнительно с государственным правом западной Европы». В нем, отрицая всякое влияние «татарщины» и воздействие Византии, он писал, что «...самодержавно-монархический принцип — органическое, самопроизвольное создание русского национального духа, органический продукт реальных мотивов и сил: географических, этнографических, конфессиональных и других, которыми была обставлена наша история» [4, с. 39].

Также в историко-правовой литературе встречается симбиоз второго и третьего направления, который первоначально выделяет становление самодержавного образа правления в России как национально-государственную независимость после освобождения от татаро-монгольского ига. Только потом, после отказа от признания Флорентийской унии с Римско-католической Церковью 1439 года, после падения Константинополя в 1453 году, после утверждения на Руси патриаршества в 1589 году, после признания Русской Церковью верховенства самодержавной монархической власти и ее богоизбранности образуется священный союз Русской Церкви и Русского государства, православной веры и самодержавного образа правления, то есть образуется государственно-общественное объединение, которое вскоре назовут Святой Русью [12, с. 183]. В рамках данного направления отдельно подчеркивается значение православной веры как спасительной преграды на пути окончательной «остернизации» Русского государства и его окончательного поворота в сторону Востока [13, с. 23].

Можно выделить и отдельное направление, которое также является своеобразным симбиозом второго и третьего направления и которое опирается на ярко выраженное своеобразие исповедуемого русскими людьми православия.

Представители данной концепции считают, что полученная из Византии православная вера на российской почве вобрала в себя комплекс языческих верований, обычаев, обрядов и т. д., что в конечном счете сложилось в «...характерный для русского религиозного сознания феномен двоеверия...» [13, с. 19–20].

Проведенный анализ основных направлений формирования самодержавной власти в Русском государстве позволяет сделать следующие основные выводы:

1. Что касается влияния татаро-монгольского ига, то данный фактор действительно имел место быть, но он ни в коем случае не был определяющим. Кроме того, несмотря на жесточайшую дисциплину в Монгольском государстве и особенно в монгольской армии, составляющую основу государства, тем не менее с чисто правовой точки зрения власть монгольских ханов не была абсолютной и самодержавной. Она была ограничена своего рода съездом — парламентским органом народного представительства, на котором присутствовали монгольские и тюркские князья и представитель знати — курултаем. Верховная власть также не передавалась по наследству. В соответствии с уложением «Великой Ясы», составленным Чингисханом, ни один хан не мог под страхом смертной казни провозгласить себя верховным правителем без решения курултая [14]. Кроме того, действовал и такой орган, как совет беков, который по ряду вопросов ограничивал власть верховного хана.

Как отмечают ряд исследователей, государственный строй Русского государства времен становления самодержавия аналогичен государственному устройству Османской империи. С. А. Нефедов писал, что монголо-татарское влияние в сочетании с золотоордынским и османским воздействием не имеет под собой доказательной базы [15, с. 765].

2. Влияние Византийской империи на становление самодержавия в России — достаточно спорное мнение. Действительно, на первом этапе принятия православия, пока Российское государство являлось лишь одной из епархий Константинопольской патриархии, авторитет Византии, в том числе при решении внутренних дел, был достаточно велик. Но, если рассматривать взаимодействие Церкви и государственных структур в Русском государстве и в Византийской Империи, то сразу наблюдается большое различие.

В России, если брать период после завершения татаро-монгольского ига, процесс

объединения Церкви и государства достигает достаточно высокой степени, хотя их окончательное единение наступит уже при Петре I [16]. В Византии же «...идеалом являлась «симфония» светской и духовной властей» [17, с. 349], сложившаяся при императоре Юстиниане система взаимоотношения Церкви и государства, при которой в идеальном варианте происходило разделение духовно-нравственных составляющих и государственно-политического контроля [18, с. 178], описываемого хорошо известной формулой «...отдайте кесарю кесарево, а Божие Богу».

3. Третье направление представляется наиболее эмоциональным и наименее аргументированным мнением о природе возникновения самодержавия в Русском государстве. В то же время анализ первых писанных нормативных актов Древнерусского государства: «Пространная Русская правда», «Ряд Ярославль», Новгородская судная грамота, Псковская судная грамота не дают оснований признать самодержавие национальной чертой, исконно присущей русскому характеру и русскому обществу.

Проведенный в работе анализ становления самодержавия в Русском государстве показал, что не одна из концепций, рассматривающих данный социальный феномен: влияние татаро-монгольского ига; влияние Византии; обусловленный исторический продукт эволюции русского общества, не может в полном объеме объяснить его природу.

Соответственно, процесс становления самодержавия в Российском государстве не может быть в полном объеме объяснен какими-либо внешними или внутренними объективными факторами исторического развития. Представляется необходимым проведение более углубленного историко-правового анализа данного процесса. Особенно важным является учет недооцененного, на наш взгляд, персонифицированного влияния отдельных исторических личностей: Государя Всея Руси Ивана III, Царя и Великого Князя Всея Руси Ивана IV Грозного, первого Императора Всероссийского Петра I. Именно при них, по нашему мнению, в большинстве своем сложилась самодержавная сущность правления в Русском государстве. Правление последующих царей и императоров на Руси имело свои особенности, различалось формами и методами, но сущность правления, его авторитарность и самодержавность не менялись [19, с. 54].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Самодержавие. История, закон, юридическая конструкция. Санкт-Петербург: Издание Государственной канцелярии. 1906. 183 с.
2. Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. Том двенадцатый. Начало единодержавия в Древней Руси. Санкт-Петербург: типография А. Траншеля, 1872. 463 с.
3. Рожков Н. А. Происхождение самодержавия в России. Москва: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1906. 213 с.
4. Романович-Славатинский А. В. Система Русского государственного права в его историко-догматическом развитии. Сравнительно с государственным правом западной Европы. Т. 1. Киев: Типография Г. Л. Фронцкевича, 1886. 299 с.
5. Ерошкин Е. П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР. 1960. 394 с.
6. Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Ленинград: Издательство Ленинградского университета. 1980. 243 с.
7. Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII веков. Москва: Изд-во Наука. 1981. 589 с.
8. Егоров И. А. Становление государственной власти в России в период раннего средневековья // Новое слово в науке: перспективы развития. 2016. № 1-1 (7). С. 83–85.
9. Вернадский Г. В. Монголы и Русь. Москва: ЛЕАН, Аграф, 2004. 480 с.
10. Дьяконов М. А. Власть Московских государей. Очерки из истории политических идей Древней Руси до конца XVI века. Санкт-Петербург: типография Н. И. Скороходова. 1889. 224 с.
11. Гребенкин А. Н. Генезис и развитие традиции самодержавия в России // Вестник государственного и муниципального управления. 2015. № 1. С. 149–156.
12. Петров А. В. Православие, «одиначество», самодержавие (к вопросу об исторических основаниях русской политической культуры) // Христианское чтение 2017. № 6. С. 178–185.
13. Баранов П. П. Проблема соотношения морали, права и самодержавия в политико-правовой мысли России XV–XVI веков // Северо-Кавказский юридический вестник. 2011. № 4. С. 19–27.
14. Великая Яса и Билик. Законы и изречения Чингисхана (сохранившиеся фрагменты). URL: <[https://etnoc.mirtesen.ru/blog/43794981897/Velikaya-Yasa-i-Bilik.-Zakonyi-i-izrecheniya-CHingishana-\(sohran\)](https://etnoc.mirtesen.ru/blog/43794981897/Velikaya-Yasa-i-Bilik.-Zakonyi-i-izrecheniya-CHingishana-(sohran))> (дата обращения: 10.11.2024).
15. Нефедов С. А. К вопросу о цивилизационном влиянии Золотой Орды и Османской Империи на Русские княжества. // Золотоордынское обозрение. 2020. № 4. С. 753–770.

16. Николин А. Церковь и государство (история правовых отношений). Москва: Издание Сретенского монастыря. 1997. 430 с.

17. Тяпкина Е. В. К вопросу об идее самодержавной монархии в России // Актуальные проблемы науки и образования на современном этапе: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: Автомобильно-транспортный институт, 2015 С. 346–351.

18. Рожковский В. Б. Византийская теория симфонии светской и духовной властей и ее историческое значение // Философия права. 2019. №4 (91). С. 175–181.

19. Захватова А. В. Феномен русского самодержавия: история и современность // Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Барнаул, 25–26 октября 2012 года. Барнаул: Издательство Си-пресс, 2013. С. 52–56.

References

1. Autocracy. History, Law, Legal Structure. Saint Petersburg: Publication of the State Chancellery. 1906. 183 p. (In Russ.)
2. Kostomarov N. I. Historical Monographs and Research. Volume Twelve. The Beginning of Autocracy in Ancient Rus'. Saint Petersburg: A. Transhel Printing House. 1872. 463 p. (In Russ.)
3. Rozhkov N. A. Origin of Autocracy in Russia. Moscow: A. I. Mamontov Printing House, 1906. 213 p. (In Russ.)
4. Romanovich-Slavatinsky A. V. The System of Russian State Law in Its Historical and Dogmatic Development. In Comparison with the State Law of Western Europe. Vol. 1. Kyiv: G. L. Frontskevich, Nikolaevskaya street, house no. 11. 1886. 299 p. (In Russ.)
5. Eroshkin E. P. Essays on the history of state institutions of pre-revolutionary Russia. Moscow: State educational and pedagogical publishing house of the Ministry of Education of the RSFSR. 1960. 394 p. (In Russ.)
6. Froyanov I. Ya. Kievan Rus. Essays on socio-political history. Leningrad: Publishing House of Leningrad University. 1980. 243 p. (In Russ.)
7. Rybakov B. A. Kievan Rus and Russian principalities of the XII–XIII centuries. Moscow: Publishing House Science. 1981. 589 p. (In Russ.)
8. Egorov I. A. Formation of state power in Russia in the early Middle Ages. *New word in science: development prospects*. 2016, no. 1-1 (7), pp. 83–85. (In Russ.)
9. Vernadsky G. V. Mongols and Rus'. Moscow: LEAN Publ., Agraf, 2004. 480 p. (In Russ.)
10. Dyakonov M. A. The Power of the Moscow Sovereigns. Essays on the History of Political Ideas of Ancient Rus' to the End of the 16th Century. Saint Petersburg: Printing House of N. I. Skorokhodov. 1889. 224 p. (In Russ.)

11. Grebenkin A. N. Genesis and Development of the Tradition of Autocracy in Russia. *Bulletin of Public and Municipal Administration*, 2015, no. 1, pp. 149–156. (In Russ.)
12. Petrov A. V. Orthodoxy, «Singularity», Autocracy (on the Issue of the Historical Foundations of Russian Political Culture). *Christian Reading*, 2017, no. 6, pp. 178–185. (In Russ.)
13. Baranov P. P. The problem of the relationship between morality, law and autocracy in the political and legal thought of Russia in the XV-XVI centuries. *North Caucasian Legal Bulletin*, 2011, no. 4, pp. 19–27. (In Russ.)
14. Great Yasa and Bilik. Laws and sayings of Genghis Khan (surviving fragments). URL: <[https://etnoc.mirtesen.ru/blog/43794981897/Velikaya-YAsa-i-Bilik.-Zakonyi-i-izrecheniya-CHingishana-\(sohran\)](https://etnoc.mirtesen.ru/blog/43794981897/Velikaya-YAsa-i-Bilik.-Zakonyi-i-izrecheniya-CHingishana-(sohran))> (accessed 10.11.2024). (In Russ.)
15. Nefedov S. A. On the issue of the civilizational influence of the Golden Horde and the Ottoman Empire on the Russian principalities. *Golden Horde Review*, 2020, no. 4, pp. 753–770. (In Russ.)
16. Nikolin A. Church and state (history of legal relations). Moscow: Publication of the Sretensky Monastery. 1997. 430 p. (In Russ.)
17. Tyapkina E. V. On the issue of the idea of autocratic monarchy in Russia. In the collection: Actual problems of science and education at the present stage. Collection of articles of the All-Russian scientific and practical conference. Voronezh. Automobile and Transport Institute. 2015. pp. 346–351. (In Russ.)
18. Rozhkovsky V. B. Byzantine theory of the symbiophony of secular and spiritual authorities and its historical significance. *Philosophy of Law*, 2019, no. 4 (91), pp. 175–181. (In Russ.)
19. Zakhvatova A. V. Phenomenon of Russian autocracy: history and modernity. In the collection: Russian political process in the regional dimension: history, theory, practice. Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference. Barnaul, October 25–26, 2012. Barnaul, Publishing House Si-press. 2013. Pp. 52–56. (In Russ.)

Информация об авторах

В. И. Евтушенко — доктор юридических наук, заместитель начальника управления по делам архивов Белгородской области;

О. А. Дизер — кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права и административной деятельности ОВД Омской академии МВД России.

Information about the author`s

V. I. Yevtushenko — Doctor of Sciences (Law), Deputy Head of the Department for Archives of the Belgorod Region;

O. A. Dizer — Candidate of Sciences (Law), Associate professor of the department of administrative law and administrative activities of the Internal Affairs Directorate of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-19-28>

Методологические предпосылки общетеоретического исследования феномена «нетипичные нормативные правовые акты»

Лазорин Кирилл Борисович

Нижегородская областная нотариальная палата, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, kirill.lazorin@gmail.com

Аннотация. В данной статье автором анализируются методологические предпосылки исследования нетипичных нормативных правовых актов. Отмечается, что в настоящее время в российской научной литературе отсутствуют самостоятельные монографические исследования, посвященные обозначенному феномену. В качестве ключевых методологических предпосылок для осуществления качественного общеправового анализа феномена «нетипичные нормативные правовые акты» обозначаются несколько тезисов.

Во-первых, появляется необходимость дать обоснование оправданности наименования, находящегося в поле исследовательского внимания, явления. Во-вторых, устанавливается задача решить проблемный вопрос: «К какому разряду понятий или же категорий в существующей системе общетеоретического знания относятся «нетипичные нормативные правовые акты»?». В-третьих, указывается, что нетипичность — это не случайность, а закономерное следствие развития правовой системы общества. В связи с этим весьма актуальным становится исследование правовой реальности, выходящей за пределы традиционного, типичного и стандартного, с использованием теоретического мышления.

Автор приходит к выводу о том, что «нетипичность» не означает некую «аномальность» и не должна приравниваться к какому-либо крайним случаям, — здесь не должно возникать никакой ассоциативной связи. Нетипичность тех или иных элементов представляет собой, в сущности, закономерность, следствие сложных и противоречивых процессов, протекающих в современном обществе.

Ключевые слова: нетипичные формы права, нетипичные правовые явления, нетипичные правовые ситуации, нетипичные нормативные правовые акты, феномен «нетипичности», нетипичная регламентация, атипичные формы права

Для цитирования: Лазорин К. Б. Методологические предпосылки общетеоретического исследования феномена «нетипичные нормативные правовые акты» // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 4 (68). С. 19–28. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-19-28>.

Original article

© Лазорин К. Б., 2024

Methodological prerequisites for a general theoretical study of the phenomenon of “atypical normative legal acts”

Kirill B. Lazorin

Nizhny Novgorod Regional Notary Chamber, Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russian Federation, kirill.lazorin@gmail.com

Abstract. In this article, the author analyzes the methodological prerequisites for the study of atypical normative legal acts. It is noted that currently there are no independent monographic studies devoted to this phenomenon in the Russian scientific literature. Several theses are outlined as key methodological prerequisites for the implementation of a qualitative general legal analysis of the phenomenon of “atypical normative legal acts”.

First, the need to provide justification for the justification of the name of the phenomenon in the field of research attention is revealed. Secondly, the task is set to solve the problematic question: to which category of concepts or categories in the existing system of general theoretical knowledge do “atypical normative legal acts” belong. Thirdly, it is pointed out that atypicality is not an accident, but a natural consequence of the development of the legal system of society. As a result, the study of legal reality, which goes beyond the traditional, typical and standard, using theoretical thinking, becomes very relevant.

The author comes to the conclusion that “atypical” does not mean some kind of “anomaly” and should not be equated with any extreme cases — no associative connection should arise here. The atypical nature of certain elements is, in fact, a pattern, a consequence of complex and contradictory processes taking place in modern society.

Keywords: atypical forms of law, atypical legal phenomena, atypical legal situations, atypical normative legal acts, the phenomenon of “atypical”, atypical regulation, atypical forms of law

For citation: Lazorin K. B. Methodological prerequisites for a general theoretical study of the phenomenon of “atypical normative legal acts”. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 4 (68), pp. 19–28. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-19-28>.

Парадоксально, но факт: в отечественной научной литературе до сих пор отсутствует самостоятельное общетеоретическое монографическое исследование, посвященное такому феномену, как «нетипичный нормативный правовой акт». По данной тематике в рамках специальности 5.1.1. «Теоретико-исторические правовые науки» не было защищено не только ни одной работы на соискание ученой степени доктора юридических наук, но и ни одной кандидатской диссертации. В настоящее время в теории государства и права имеются лишь отдельные статьи, а также заметки и суждения фрагментарного характера, выраженные «попутно» в процессе анализа различных форм права [1–5].

При этом в рассматриваемой области были проведены отдельные исследования феномена «нетипичность». Это диссертации, в рамках которых изучались нетипичные правовые явления, ситуации, системы права некоторых государств. Объектом научного исследования становились общественные отношения, возникающие в результате функционирования отдельных нетипичных элементов формы государственного правления [6–7]; нетипичные ситуации в правоприменительном процессе [8]; нетипичные правовые средства законодательной техники [9];

нетипичные предписания [10]; нетрадиционные источники российского частного права [11]; нетипичные явления в советском праве [12].

В обозначенных работах, естественно, содержатся тезисы, раскрывающие специфику отдельных видов правовых актов. Есть общеправовая разработка «нетипичности» в юридическом регулировании личных отношений [13]. Кроме того, нельзя не упомянуть и о глубоких наработках в качестве нетипичных форм права актов судебной практики [14–16]. Тем не менее в силу иной направленности указанных исследований цельного общетеоретического выяснения и описания сущностной природы нетипичных нормативных правовых актов не проводилось.

Иная логико-гносеологическая картина складывается в отраслевых юридических науках. Проведена обширная и оригинальная научно-исследовательская работа. Нетипичные правовые акты подвергались анализу в ряде отраслевых юридических наук.

В трудовом праве проводились комплексные исследования нетипичных правовых предписаний, обозначаемых как правовые явления «нестандартного характера» [17]. В научное поле зрения также попадали нетипичные трудовые договоры как «продукт» протекающего

в современных условиях неизбежного процесса, связанного с усилением гибкости правового регулирования в сфере труда [18]; нетипичные работодатели как особые субъекты трудового права, обладающие совокупностью «нехарактерных признаков» [19]; нетипичная (атипичная, нетрадиционная) трудовая занятость как результат оказываемого обществом информационного типа на трудовые правоотношения воздействия [20–21]; формы нетипичных трудовых отношений, возникающих в Российской Федерации и в зарубежных странах [22].

В гражданском праве можно рассмотреть в интересном ракурсе труды ученых, посвященные смешанным и нетипичным договорам, представляющим из себя специфическое сочетание нескольких типичных договоров [23]; конкретным разновидностям нетипичных договоров (с участием органов внутренних дел) [24]; нетипичным формам завещания как особому способу фиксации волеизъявления завещателя [25].

В уголовном праве также затрагивались некоторые элементы нетипичности. В частности, выделялись и изучались объекты нетипичных уголовно-правовых отношений [26], рассматривались нетипичные источники уголовно-исполнительного права [27].

Нельзя не упомянуть фундаментальное исследование по специальности 12.00.04 «Финансовое право, налоговое право, бюджетное право», в котором в том числе анализировался процесс плюрализации источников налогового права, активно протекающий в современных реалиях за счет отдельных актов, документов (например обыкновений правоприменительной практики, документов «мягкого права» и т. д.), обозначаемых автором в качестве «нетипичных» источников налогового права [28].

Примечательно и то, что отечественная процессуальная правовая наука также обратилась к нетипичной регламентации. В данном ракурсе заслуживает внимания содержательная монография Н. В. Самсонова о нетипичных источниках российского гражданского процессуального права [29].

Для осуществления качественного общеправового анализа феномена «нетипичные нормативные правовые акты», по нашему мнению, следует придерживаться нескольких ключевых методологических предпосылок.

Во-первых, необходимо дать обоснование оправданности наименования, находящегося в поле исследовательского внимания, явления. В юридической литературе, как правило, используется без каких-либо дополнительных

пояснений весьма разнообразная терминология: «нетрадиционные формы права», «нестандартные правовые предписания», «атипичные формы», «квазиправотворческие акты». Подобранный филологический «плюрализм» вряд ли способствует прояснению истинной природы феномена «нетипичные нормативные правовые акты».

Считаем одной из важнейших задач теории государства и права — сформулировать авторское понятие «нетипичные нормативные правовые акты», максимально точно раскрыть сущность и формы проявления данных самобытных регуляторов с учетом своеобразия их толкования и реализации.

Во-вторых, методологически непросто решить острый проблемный вопрос: «Нетипичные нормативные правовые акты относятся к ряду понятий или же категорий в существующей системе общетеоретического знания». Мы склоняемся к доктринальной позиции, что это особая категория, которая носит междисциплинарный характер и находится на «стыке» целого ряда научных дисциплин. Исходя из вышеизложенных суждений (с учетом масштабности и самобытности нетипичных правовых актов), по всей видимости, можно вести речь о формировании в структуре общей теории государства и права относительно самостоятельной теории среднего уровня, посвященной комплексному раскрытию данного феномена.

В-третьих, нетипичность — это не случайность, а закономерное следствие развития правовой системы общества. В этой связи справедливо утверждение о том, что весьма актуальным становится исследование правовой реальности, выходящей за пределы традиционного, типичного и стандартного, с использованием теоретического мышления [8, с. 12].

Стоит обратить внимание на тот факт, что современный этап развития общества, характеризующийся динамизмом, происходящий в условиях таких масштабных процессов, как глобализация, цифровизация, влекущих в том числе сближение национальных правовых систем, их взаимопроникновение, что неизбежно затрагивает формы права, включая нормативные правовые акты. Имеют место заимствования, возникновение новых видов форм права, являющихся, по своей сути, нетипичными для функционирующей правовой системы.

Отношения, возникающие в социуме, их развитие — это циклический процесс: одни отношения зарождаются, другие отмирают и исчезают. Кроме того, они постоянно изменяются,

трансформируются. Это приводит к тому, что со временем происходят преобразования и в сфере правового регулирования.

Как отмечает А. Л. Логинов, правовое регулирование «направлено на разрешение типичных ситуаций, имеющих юридическую значимость (уголовно-правовых, гражданско-правовых, семейных, трудовых и пр.), оно охватывает только типичное многообразие общественных отношений. Нормы права в большинстве своем рассчитаны на типичные поведенческие модели. В этой связи приобретает актуальность разрешение не только типичных, но и нетипичных ситуаций при помощи «ситуационного подхода», который ориентирован на конкретные потребности не только правотворческой, но, что более важно, правоприменительной практики» [8, с. 12].

Следует согласиться с мнением Д. В. Храмова, указывающего на то, что появление нетипичных источников права — это объективная данность в ответ на вновь образующиеся потребности социума. Отмечается, что в настоящее время такие источники эффективно функционируют, существенно обогащают и дополняют имеющийся набор способов воздействия на многообразные общественные отношения. Сам факт их существования может выступать в качестве доказательства развития самого права [11, с. 12–13].

Нетипичные формы права, включая нормативные правовые акты, обладают собственной уникальной и неповторимой природой. Они наделены спецификой юридической силы и сферы действия и занимают определенную нишу в существующей правовой системе. В условиях современной реальности их роль нельзя недооценивать, хотя и переоценивать нежелательно. Такие формы права в своей совокупности образуют стремительно развивающуюся область в действующей системе источников права [11, с. 4]. Необходимость углубленного теоретического анализа нетипичных нормативных правовых актов обусловлена отсутствием возможности во всех без исключения случаях урегулирования бесконечно вариативных и сложных общественных отношений традиционными нормативными правовыми актами.

Важно отметить и тот факт, что вопрос, касающийся нетипичных форм права, как правило, анализируется с позиции специфичности конкретного источника для правовой системы того или иного государства либо правовой семьи. Так, например, указывается, что с практической точки зрения характеристика различных источников позитивного

права должна учитывать «проблему типичности или нетипичности по отношению к национальной системе того или иного государства» [30]. При этом вся совокупность таких источников для науки представляет собой вполне известный, устоявшийся, «типичный» перечень (например, правовой прецедент, правовой обычай, религиозные тексты и т. п.).

Более предпочтительным является подход, при котором «нетипичное» воспринимается не как нечто «чужеродное» для устоявшейся системы, но как формирование на уже имеющемся фундаменте «известного» и «привычного» чего-то нового посредством совмещения (гибридизации), а также возникновения иных, незнакомых ранее признаков и видов.

Обратимся к словарным трактовкам термина «нетипичный». Согласно Малому академическому словарю, нетипичный означает «лишенный типичности; не воплощающий в себе характерные особенности какого-либо типа» [31]. Аналогичную трактовку рассматриваемому термину дает современный толковый словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой [32]. В словаре синонимов понятие «нетипичный» отождествляется с дефинициями «малохарактерный», «атипичный», «нешаблонный», «неклассический», «оригинальный» [33]. На наш взгляд, данный синонимичный ряд можно продолжить, добавив в него такие лексемы, как нестандартный, нетрадиционный, неординарный, нетривиальный, необычный.

Все перечисленные характеристики схожи по своему смысловому значению. Так, нетрадиционный есть нечто, не являющееся общепринятым [34]; нестандартный — это то, что не соответствует стандарту [35]; оригинальный в одном из своих многочисленных значений — своеобразный, необычный [36]; неклассический — не относящийся к типичному, характерному, отличающийся от классического [37]; нетривиальный — неочевидный, сложный, необычный [38].

Полагаем, можно утверждать, что в самом общем виде нетипичность нормативного правового акта означает его необычность. «Необычность» как производное от прилагательного «необычный» означает отличие от всех других, особенность, несхожесть, непривычность [39].

Для полноты картины видится необходимым также обратиться к антонимичному понятию исследуемой категории, а именно к термину «типичный».

Типичный в первом значении определяется как нечто, обладающее свойствами и чертами, характерными для конкретного типа. Во втором

значении типичный — это обычный, часто встречающийся, в третьем — настоящий, имеющий все признаки [40]. Здесь же следует обратиться к дефиниции «тип», раскрывающейся как носитель присущих определенному классу предметов и явлений характеристик [41].

Весьма интересна этимология слова «тип» («типичный»). Данная лексическая единица в переводе с греческого языка обозначает «удар» или «нажим». Затем произошли изменения: «нажим» преобразовался в «нажатие, которым создается отпечаток», далее — «печать», «штемпель» и в конце — «первообраз», «образец» [42]. Получается, что типичный — это образцовый, эталонный, идеальный.

Из этого следует, что нетипичный, в противоположность типичному, «выбивается» из некоей устоявшейся совокупности. При этом диалектический подход дает возможность утверждать, что нетипичный также имеет принадлежность к какому-либо типу, а если точнее, в сущности, нечто нетипичное со временем ведет к формированию отдельного, особого типа, выделенного по какому-либо «новому», отличающемуся от существовавших ранее признаку.

Обратимся также к имеющимся доктринальным трактовкам, связанным с «нетипичностью».

Нетипичные правовые акты определяются Р. А. Ижокиным в качестве правовых актов, обладающих нехарактерными признаками, чертами, свойствами или функциями. Это имеющая документальную форму, содержащую в себе волю субъектов права, нацеленную на комплексную регламентацию личных и общественных отношений, влекущую за собой наступление конкретно определенных правовых и социальных последствий, совокупность юридических и других социальных предписаний, для которых присуще наличие правовых характеристик и отдельных элементов юридических актов различных видов (типов) либо различных элементов юридических актов одного вида (типа) [13, с. 8]. Справедливо указывается на то, что перечень нетипичных правовых актов является открытым.

Нетипичное в государстве и праве, по мнению А. Л. Логинова, есть нечто, содержащее в себе существенные отклонения от установленных для конкретного типа явлений принципиально значимых черт или же не содержащее достаточного количества характеристик таковых в сформировавшейся системе связанных между собой элементов определенного множества [8, с. 12].

Нетипичные нормативные предписания трактуются как отличающиеся своеобразием

отдельные элементы системы права, чья специфика проявляется либо в особой структуре содержательного наполнения предписаний (не соответствующей классической модели нормы права), либо в нестандартном порядке их установления (например в форме правовых позиций, выраженных высшим российским органом конституционного контроля) [17, с. 6].

Нетипичная трудовая занятость определяется в качестве осуществляемой гражданами деятельности, в основе которой лежит трудовое правоотношение, не обладающее значимыми (критериальными) признаками, характерными для традиционных трудовых правоотношений, либо имеющее какие-либо видоизмененные черты [20, с. 10].

«Нетипичность» не означает некую «аномальность», она не должна приравниваться к каким-либо крайним случаям, и здесь не должно возникать никакой ассоциативной связи. Скорее можно утверждать обратное: это нормальный, в определенной мере привычный случай. Иными словами, нетипичность тех или иных элементов есть, в сущности, закономерность, следствие сложных и противоречивых процессов, протекающих в современном обществе. Нетипичность не является дестабилизирующим фактором, поскольку, вероятнее всего, лишь демонстрирует возникшее несоответствие чему-то привычному, обыденному, устоявшемуся. Она означает необычность, отход от классической формы, отличие от сложившегося общего представления.

Значимыми методологическими предпосылками общетеоретического исследования феномена «нетипичные нормативные правовые акты» являются следующие авторские предположения, тезисы, гипотезы.

Формулирование авторской дефиниции «нетипичный нормативный правовой акт» может и должно выступать своеобразным итогом разнопланового дисциплинарного анализа рассматриваемого феномена. Без выявления существенных признаков этого явления, без формирования развернутой классификации по объективно нужным основаниям (критериям) видов актов, без установления внутренних и внешних связей между ними, без уяснения функциональных характеристик и целевого предназначения, без понимания механизмов результативной реализации адекватное определение предложить невозможно.

Особой методологической предпосылкой анализа рассматриваемого феномена является подготовка на определенном уровне разработки

проблемы Концепции нетипичных нормативных правовых актов (далее — Концепция). Такая Концепция представляет собой объемный, целостный, структурированный, утвержденный в официальном порядке документ, позволяющий оперативно его распространять и эффективно использовать.

Создание Концепции вызвано необходимостью обеспечения единства, согласованности и стабильности издаваемых многочисленных правовых актов. В условиях правового плюрализма, в том числе порождаемого динамичным развитием общественных отношений, на наш взгляд, имеется теоретическая и практическая потребность в принятии документа такого плана. Предполагаемый эффект, который может оказать Концепция, заключается в упорядочивании общественных отношений в сфере «нетипичного» правотворчества, модернизации действующих в настоящее время правореализационных механизмов, укреплении законности и правового порядка, достижении баланса (гармонии) между типичными и нетипичными нормативными правовыми актами.

В самом общем виде Концепция должна содержать научно обоснованные ответы на следующие вопросы:

- какова сущностная природа нетипичных нормативных правовых актов?
- как раскрывается содержание категории «нетипичные нормативные правовые акты»?
- какие признаки отличают нетипичные нормативные правовые акты от актов «типичных»?
- как соотносятся между собой нетипичные нормы, нетипичные предписания и нетипичные нормативные правовые акты?
- в чем заключается социальная значимость нетипичных нормативных правовых актов?
- присутствует ли специфика реализации нетипичных нормативных правовых актов?
- какое место занимают нетипичные нормативные правовые акты в системе форм права?
- оказывают ли нетипичные нормативные правовые акты какое-либо воздействие на структуру действующего законодательства?
- какова целевая направленность нетипичных нормативных правовых актов и, соответственно, «вытекающие» из этих целевых установок задачи?
- есть ли особенности толкования нетипичных нормативных правовых актов?
- каким образом выражается взаимосвязь «типичных» и нетипичных нормативных правовых актов и как осуществляется взаимодействие между ними?

— какие критерии должны использоваться для классификации (градации) нетипичных правовых актов?

— каковы перспективные направления совершенствования нетипичных нормативных правовых актов?

Этот документ может стать элементом более «высокого ранга» концептуального измерения действующих форм права и давно ожидаемого закона о правотворческой деятельности [43].

К методологическим предпосылкам общетеоретического исследования нетипичных нормативных правовых актов следует отнести и проблему их систематизации. Может ли этот своеобразный вид юридических актов в принципе образовать некую систему? Или же достаточно характеризовать их в качестве совокупности регуляторов? В зависимости от ответа на этот принципиальный практически и доктринально значимый вопрос придется ставить и решать проблему их систематизации. Если исключить кодификацию, то к каким видам инкорпорации можно прибегнуть при системном упорядочивании нетипичных нормативных правовых актов?

Методологически и методически ценно определить доктринальные подходы к «ранней диагностике» дефектов при выдвигании идей, концепции, проектов нетипичных нормативных правовых актов. После принятия такого ряда юридических актов, касающихся «чувствительных» сфер социальной жизни, важно своевременно проводить мониторинг реальных последствий их функционирования.

Масштаб модернизации отечественного законодательства, преобразований, затрагивающих его отрасли и институты, закономерно увеличивается в результате данного процесса нормативная правовая база объективно требуют формирования сбалансированной правовой системы. Необходима грамотная системная организация и нетипичных нормативных правовых актов, являющихся особым результатом правотворчества, неотъемлемым элементом правоприменения и формой закрепления социальных притязаний.

В первом приближении мы считаем целесообразным относить следующие нетипичные нормативные правовые акты:

- государственные реестры;
- экспериментальные;
- временные нормативные правовые акты;
- производные (специальные) нормативные правовые акты;
- национальные (федеральные) информационные регистры;

— рекомендательные нормативные правовые акты;
— рамочные конвенции (соглашения);
— инвестиционные проекты;
— федеральные (национальные) каталоги;
— меморандумы;
— стратегии, декларации, конвенции и иные нетипичные нормативные правовые акты федерального, регионального и муниципального уровней.

Нетипичность некоторых обозначенных видов нормативных правовых актов проявляется и в наименованиях, и в содержательном наполнении всего акта, и отдельных его частях (разделов, глав, норм права), и в самой форме этих документов, и в особенностях их применения и интерпретации. При этом следует подчеркнуть, что, несмотря на выполняемую ими вспомогательную функцию, их нельзя назвать малозначимыми, второстепенными.

В статье, естественно, названы и охарактеризованы далеко не все методологические предпосылки общетеоретического исследования явления и категории «нетипичные нормативные правовые акты». Взятые лишь приоритетные, фундаментальные предпосылочные факторы. После их развернутого и апробированного общеправового анализа возможно выявление и дальнейшее формулирование иных, более конкретных (что не означает малозначительности и второстепенности) предпосылок междисциплинарного и философско-правового освещения неординарного и малоисследованного феномена «нетипичные нормативные правовые акты».

Список источников

1. Бошно С. В. Доктринальные и другие нетрадиционные формы права // Журнал российского права. 2003. № 1 (73). С. 82–91.
2. Кузьмин А. В., Ушаков Н. А. Нетипичные источники в системе формально-юридических источников права // Социология и права. 2022. Т. 14. № 1. С. 78–83.
3. Горшенев В. М. Нетипичные нормативные предписания в праве // Советское государство и право. 1978. № 3. С. 113–118.
4. Ойгензихт В. А. Нетипичные договорные отношения в гражданском праве. Душанбе, 1984.
5. Чиркин В. Е. Нетипичные формы правления в современном государстве // Государство и право. 1994. № 1. С. 109–115.
6. Пушкарев С. В. Нетипичные элементы формы государственного правления: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2016. 26 с.

7. Овчинникова О. Д. Эволюция формы правления Российского государства: историко-теоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2008. 24 с.

8. Логинов А. Л. Нетипичные ситуации в правоприменительном процессе и их разрешение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1994. 22 с.

9. Ушакова Л. Н. Дефиниция как нетипичное правовое средство юридической техники: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. 22 с.

10. Блохин Ю. В. Критерии отграничения нормативно-правовых предписаний от ненормативных в советском законодательстве: (На примере нетипичных предписаний): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1991. 25 с.

11. Храмов Д. В. Нетрадиционные источники российского частного права: общетеоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов. 2010. 26 с.

12. Мирошниченко Т. Н. Нетипичные явления в советском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1985. 167 с.

13. Ижочкин Р. А. Нетипичные правовые акты в регулировании личных отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008.

14. Судебные доктрины в российском праве: теория и практика / отв. ред. В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев. Москва, 2021.

15. Момотов В. В. Судебное правоприменение и правотворчество в современном российском правовом порядке // Российская юстиция. 2022. № 12. С. 11–16.

16. Бондарь Н. С. Нетипичные источники судебного правоприменения: конституционные механизмы формирования и реализации // Журнал российского права. 2024. Т. 28. № 2. С. 5–27.

17. Чуфаров В. Ю. Нетипичные нормативные предписания в трудовом праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. 26 с.

18. Шабанова М. А. Особенности правового регулирования нетипичных трудовых договоров: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2008. 28 с.

19. Тулупова Ю. Г. Нетипичные работодатели по трудовому праву Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2014.

20. Мощная О. В. Нетипичная трудовая занятость: некоторые проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2009. 26 с.

21. Потапов А. В. Юридическое лицо как субъект трудовых и непосредственно связанных с ними отношений: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2022. 231 с.

22. Заключная Н. В. Основные формы нетипичных трудовых отношений в России и за рубежом в условиях модернизации экономики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2021. 54 с.

23. Писчиков В. А. Смешанные и нетипичные договоры в гражданском праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2004. 24 с.
24. Хужин С. М. Нетипичные договоры с участием органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1994. 193 с.
25. Андропова Т. В. Нетипичные формы за вещания: сравнительно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2019.
26. Хун А. З. Объект уголовно-правовых отношений: теоретический и правоприменительный аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2004. 25 с.
27. Головастова Ю. А. Уголовно-исполнительное право как отрасль российского права: предмет, метод, источники, система: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2019. 56 с.
28. Демин А. В. Неопределенность в налоговом праве и правовые средства ее преодоления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2014. 48 с.
29. Самсонов Н. В. Нетипичные источники российского гражданского процессуального права: монография. Москва: ИНФРА-М, 2024. 227 с.
30. Петров К. В., Сапун В. А., Смирнова М. Г. Нетипичные источники российского права // Российский юридический журнал. 2009. № 1 (64). С. 7–16.
31. Значение слова НЕТИПИЧНЫЙ. Что такое НЕТИПИЧНЫЙ? URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/нетипичный> (дата обращения: 15.10.2024).
32. Нетипичный | это... Что такое нетипичный? URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/277816/нетипичный> (дата обращения: 15.10.2024).
33. Нетипичный | это... Что такое нетипичный? URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/94466/нетипичный (дата обращения: 15.10.2024).
34. Значение слова НЕТРАДИЦИОННЫЙ. Что такое НЕТРАДИЦИОННЫЙ? URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/нетрадиционный> (дата обращения: 15.10.2024).
35. СЛОВАРИ.РУ | Поиск по словарям. URL: <https://www.slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068&di=vm&wi=36302> (дата обращения: 15.10.2024).
36. СЛОВАРИ.РУ | Поиск по словарям. URL: <https://www.slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068&di=voj&wi=18533> (дата обращения: 15.10.2024).
37. Значение слова НЕКЛАССИЧЕСКИЙ. Что такое НЕКЛАССИЧЕСКИЙ? URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/неклассический> (дата обращения: 15.10.2024).
38. Значение слова НЕТРИВИАЛЬНЫЙ. Что такое НЕТРИВИАЛЬНЫЙ? URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/нетривиальный> (дата обращения: 15.10.2024).
39. СЛОВАРИ.РУ | Поиск по словарям. URL: <https://www.slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068&di=vorfo&wi=105394> (дата обращения: 15.10.2024).
40. СЛОВАРИ.РУ | Поиск по словарям. URL: <https://www.slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068&di=vksis&wi=3962> (дата обращения: 15.10.2024).
41. СЛОВАРИ.РУ | Поиск по словарям. URL: <https://www.slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068&di=vsem3&wi=3838> (дата обращения: 15.10.2024).
42. Происхождение слова тип. Этимология слова тип. URL: <https://lexicography.online/etymology/т/тип> (дата обращения: 15.10.2024).
43. О нормативных правовых актах в Российской Федерации (проект федерального закона). 6-е изд., перераб. и доп. / рук. авт. коллектива Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2021. 96 с.

References

1. Boshno S. V. Doctrinal and other non-traditional forms of law. *Journal of Russian Law*, 2003, no. 1 (73), pp. 82–91. (In Russ.)
2. Kuzmin A. V., Ushakov N. A. Atypical sources in the system of formal legal sources of law. *Sociology and Law*, 2022, vol. 14, no. 1, pp. 78–83. (In Russ.)
3. Gorshenev V. M. Atypical normative prescriptions in law. *The Soviet state and law*, 1978, no. 3, pp. 113–118. (In Russ.)
4. Eugenzicht V. A. Atypical contractual relations in civil law. Dushanbe. 1984. (In Russ.)
5. Chirkin V. E. Atypical forms of government in a modern state. *State and law*, 1994, no. 1, pp. 109–115. (In Russ.)
6. Pushkarev S. V. Atypical elements of the form of state government. Author's abstract... candidate of legal sciences. Kazan, 2016. 26 p. (In Russ.)
7. Ovchinnikova O. D. Evolution of the form of government of the Russian state: historical and theoretical aspect. Author's abstract... candidate of legal sciences. Moscow, 2008. 24 p. (In Russ.)
8. Loginov A. L. Atypical situations in the law enforcement process and their resolution. Author's abstract... candidate of legal sciences. Moscow, 1994. 22 p. (In Russ.)
9. Ushakova L. N. Definition as an atypical legal means of legal technique. Author's abstract... candidate of legal sciences. Tambov, 2009. 22 p. (In Russ.)
10. Blokhin Yu. V. Criteria for distinguishing normative legal prescriptions from non-normative ones in Soviet legislation: (On the example of atypical prescriptions). Author's abstract... candidate of legal sciences. Moscow, 1991. 25 p. (In Russ.)
11. Khramov D. V. Non-traditional sources of Russian private law: general theoretical aspect. Author's ab-

- tract... candidate of legal sciences. Saratov, 2010. 26 p. (In Russ.)
12. Miroshnichenko T. N. Atypical phenomena in Soviet law. Dissertation... doctor of legal sciences. Kharkov, 1985. 167 p. (In Russ.)
13. Izhokin R. A. Atypical legal acts in the regulation of personal relationships. Author's abstract... candidate of legal sciences. Vladimir, 2008. (In Russ.)
14. Judicial doctrines in Russian law: theory and practice / ed. by V. V. Lazarev, H. I. Gadzhiev, Moscow, 2021. (In Russ.)
15. Momotov V. V. Judicial law enforcement and law-making in the modern Russian legal order. *Russian Justice*, 2022, no. 12, pp. 11–16. (In Russ.)
16. Bondar N. S. Atypical sources of judicial law enforcement: constitutional mechanisms of formation and implementation. *Journal of Russian Law*, 2024, vol. 28, no. 2, pp. 5–27. (In Russ.)
17. Chufarov V. Yu. Atypical normative prescriptions in labor law. Author's abstract... candidate of legal sciences. Yekaterinburg, 2010. 26 p. (In Russ.)
18. Shabanova M. A. Features of the legal regulation of atypical labor contracts. Author's abstract... candidate of legal sciences. Yaroslavl, 2008. 28 p. (In Russ.)
19. Tulupova Yu. G. Atypical employers in the labor law of the Russian Federation. Author's abstract... candidate of legal sciences. Yekaterinburg, 2014. (In Russ.)
20. Motsnaya O. V. Atypical employment: some problems of theory and practice. Author's abstract... candidate of legal sciences. Moscow, 2009. 26 p. (In Russ.)
21. Potapov A. V. A legal entity as a subject of labor and directly related relations. Dissertation... candidate of legal sciences. Moscow, 2022. 231 p. (In Russ.)
22. Zaklyuzhnaya N. V. The main forms of atypical labor relations in Russia and abroad in the context of economic modernization. Author's abstract... doctor of legal sciences. Moscow, 2021. 54 p. (In Russ.)
23. Pischikov V. A. Mixed and atypical contracts in the civil law of Russia. Author's abstract... candidate of legal sciences. Moscow, 2004. 24 p. (In Russ.)
24. Khuzhin S. M. Atypical contracts with the participation of internal affairs bodies. Dissertation... candidate of legal sciences. Moscow, 1994. 193 p. (In Russ.)
25. Andropova T. V. Atypical forms of a will: comparative legal research. Author's abstract... candidate of legal sciences. Ulyanovsk, 2019. (In Russ.)
26. Khun A. Z. The object of criminal law relations: theoretical and law enforcement aspects. Author's abstract... doctor of legal sciences. Rostov-on-Don, 2004. 25 p. (In Russ.)
27. Golovastova Yu. A. Penal enforcement law as a branch of Russian law: subject, method, sources, system. Author's abstract... doctor of legal sciences. Moscow, 2019. 56 p. (In Russ.)
28. Demin A. V. Uncertainty in tax law and legal means of overcoming it. Author's abstract... doctor of legal sciences. Moscow, 2014. 48 p. (In Russ.)
29. Samsonov N. V. Atypical sources of Russian civil procedural law: monograph. Moscow: INFRA-M Publ., 2024. 227 p. (In Russ.)
30. Petrov K. V., Sapun V. A., Smirnova M. G. Atypical sources of Russian law. *Russian Law Journal*, 2009, no. 1 (64), pp. 7–16. (In Russ.)
31. The meaning of the word ATYPICAL. What is ATYPICAL? URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/нетипичный> (accessed 15.10.2024). (In Russ.)
32. Atypical | this... What is atypical? URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/277816/нетипичный> (accessed 15.10.2024).
33. Atypical | this... What is atypical? URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synoims/94466/нетипичный (accessed 15.10.2024). (In Russ.)
34. The meaning of the word UNCONVENTIONAL. What is UNCONVENTIONAL? URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/нетрадиционный> (accessed 15.10.2024). (In Russ.)
35. DICTIONARIES.<url> | Dictionary search. URL: <https://www.slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068&di=vmas&wi=36302> (accessed 15.10.2024). (In Russ.)
36. DICTIONARIES.<url> | Dictionary search. URL: <https://www.slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068&di=voj&wi=18533> (accessed 15.10.2024). (In Russ.)
37. The meaning of the word NON-CLASSICAL. What is NON-CLASSICAL? URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/неклассический> (accessed 15.10.2024). (In Russ.)
38. The meaning of the word NON-TRIVIAL. What is NONTRIVIAL? URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/нетривиальный> (accessed 15.10.2024). (In Russ.)
39. DICTIONARIES.<url> | Dictionary search. URL: <https://www.slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068&di=vorfo&wi=105394> (accessed 15.10.2024). (In Russ.)
40. DICTIONARIES.<url> | Dictionary search. URL: <https://www.slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068&di=vk sis&wi=3962> (accessed 15.10.2024). (In Russ.)
41. DICTIONARIES.<url> | Dictionary search. URL: <https://www.slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068&di=vs em3&wi=3838> (accessed 15.10.2024). (In Russ.)
42. The origin of the word type. Etymology of the word type. URL: <https://lexicography.online/etymology/т/тип> (accessed 15.10.2024). (In Russ.)

43. On regulatory legal acts in the Russian Federation (draft federal law). 6th ed., reprint. and add. / author of the collective T. Ya. Khabrieva, Yu. A. Tikhomirov. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 2021. 96 p. (In Russ.)

Информация об авторе

К. Б. Лазорин — член правления Федеральной нотариальной палаты, Президент Нижегородской областной нотариальной палаты, нотариус г. Нижнего Новгорода, депутат городской Думы Нижнего Новгорода, Председатель комиссии по имущественным и земельным отношениям городской Думы г. Нижнего Новгорода, соискатель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского.

Information about the author

K. B. Lazorin — member of the Board of the Federal Notary Chamber, President of the Nizhny Novgorod Regional Notary Chamber, notary of Nizhny Novgorod, Deputy of the Nizhny Novgorod City Duma, Chairman of the Commission on Property and Land Relations of the Nizhny Novgorod City Duma, candidate of the Department of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky.

Научная статья
УДК 340.12
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-29-37>

Позитивная юридическая ответственность как продукт схоластического теоретизирования

Мильков Александр Васильевич

Филиал Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, Пятигорск, Россия,
almilk999@mail.ru

Аннотация. Обосновывается тезис, согласно которому концепция позитивной юридической ответственности является результатом схоластического теоретизирования, то есть «теоретизирования ради теоретизирования». Для анализа избраны три признака схоластического теоретизирования: полисемантическая дефиниция, отрыв от реальности и псевдоноваторство, и показано, что концепция позитивной юридической ответственности полностью соответствует этим признакам. Сделан вывод о том, что данная концепция представляет собой вариант текстотворчества, то есть деятельности по созданию новых текстов и введению их в доктринальный оборот.

Ключевые слова: юридическая ответственность; ретроспективная юридическая ответственность; позитивная юридическая ответственность; схоластическое теоретизирование

Для цитирования: Мильков А. В. Позитивная юридическая ответственность как продукт схоластического теоретизирования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 4 (68). С. 29–37. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-29-37>.

Original article

Positive legal liability as a product of scholastic theorizing

Alexander V. Milkov

Branch of the Russian Economic University named after G. V. Plekhanov, Pyatigorsk, Russia,
almilk999@mail.ru

Abstract. The thesis is substantiated according to which the concept of positive legal liability is the result of scholastic theorizing, i.e. «theorizing for the sake of theorizing». Three features of scholastic theorizing are selected for analysis: polysemantic definitions, detachment from reality and pseudo-innovation, and it is shown that the concept of positive legal liability fully corresponds to these features. It is concluded that this concept is a variant of text-creation, i.e. the activity of creating new texts and introducing them into doctrinal circulation.

Keywords: legal liability; retrospective legal liability; positive legal liability; scholastic theorizing

For citation: Milkov A. V. Positive legal liability as a product of scholastic theorizing. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 4 (68), pp. 29–37. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-29-37>.

© Мильков А. В., 2024

Проблемами юридической ответственности доктрина занимается длительный период времени, ей не удалось создать непротиворечивую теорию юридической ответственности. Камнем преткновения на пути создания такой теории явился возникший в 60-х годах прошлого века подход к трактовке юридической ответственности в качестве синонима правомерного поведения, оформленный в так называемую концепцию позитивной юридической ответственности. Эта концепция неоднократно подвергалась разносторонней и обоснованной критике, в частности за ложность отстаиваемой в ней идеи, не отвечающей потребностям юридической практики и правовой науки [1], за пренебрежение научными требованиями при ее построении, а именно за противоречивость умозаключений, ненормативные для правоведения положения и наполнение общепринятых юридических терминов новыми смыслами [2], за вред, который приносит эта концепция научному познанию, проявляющийся в разрушении предметного поля правовой теории [3], за искусственность конструкции позитивной юридической ответственности и ее неправовой характер [4]. Однако сторонники рассматриваемой концепции данную критику не воспринимают, продолжая умножать число текстов в ее защиту.

Анализируя проблему понимания юридической ответственности, О. Э. Лейст писал: «...при исследовании теоретических проблем юридической ответственности за правонарушение выявился тупиковый путь семантических изысканий, ведущих к схоластическому теоретизированию» [5, с. 249]. Наш интерес к проблемам юридической ответственности [6–8], а также наблюдения за расширением и упрочением позиции сторонников концепции позитивной юридической ответственности побудили нас вновь обратиться к данной теме и выяснить, присущи ли концепции признаки, характеризующие схоластическое теоретизирование.

Под теоретизированием в русском языке понимается действие по глаголу «теоретизировать», а глагол «теоретизировать» толкуется в двух смыслах: 1) «заниматься вопросами теории, придавать наблюдениям и обобщениям вид теории» и 2) «рассуждать на теоретические темы» [9, с. 354]. В свою очередь, термин «схоластика» употребляется в русском языке также в двух смыслах: прямом, как название средневековой философии, строившей свою систему на догматах церкви, и переносном, как бесплодное умствование, начетничество [10,

с. 1081]. В работах по теории познания схоластика отождествляется с бессодержательностью, надуманностью проблем, прикрытых многозначительностью и научностью терминологии [11, с. 34], а схоластическое теоретизирование характеризуется такими признаками, как отрыв от реальности, произвольность в оперировании терминами, переходящая в «словесную эквилибристику», многосложность и полисемантность дефиниций, «работа в рамках компилятивного, комментаторского исследования текстов» [12, с. 11]. Следует обратить внимание и на такие признаки схоластического теоретизирования, как «манипулирование «голыми» (зачастую «заумными») терминами», доказывание давно доказанного, «псевдоноваторство», «бесплодные перетасовки понятий и бесконечное “плетение словес”» [13, с. 170]. Настоящая статья посвящена обоснованию тезиса о том, что в корпус научных знаний о юридической ответственности активно внедряется концепция позитивной юридической ответственности, являющаяся результатом схоластического теоретизирования и культивирующая практику подобного теоретизирования в правовой науке. Для обоснования этого тезиса концепция рассмотрена на предмет соответствия таким признакам схоластического теоретизирования, как полисемантность дефиниций, отрыв от реальности и псевдоноваторство.

Краткая история вопроса. Развитое юридическое сознание исходит из положения о том, что совершение правонарушения влечет за собой наступление отрицательных юридических последствий, которые являются реакцией на прошлое поведение и трактуются как юридическая ответственность [14, с. 43]. Это положение было широко признанным в правовой доктрине с древних времен и, как утверждал В. Варкалло, «идея юридической ответственности, понимаемой как санкция за причинение вреда, является одной из первых концепций права и науки права» [15, с. 88]. Однако во второй половине прошлого столетия данное положение под воздействием идеологических факторов было подвергнуто сомнениям как не отвечающее идеалам социалистического общества, и на смену ему пришла идея о необходимости для научного сообщества пересмотреть взгляды на юридическую ответственность и приступить к разработке ее «позитивного» аспекта. Данный «позитивный» аспект сводился к тому, что понятие юридической ответственности охватывает осознание субъектом своего долга перед обществом и государством

[16, с. 79] и реализуется при осуществлении правомерных деяний [17, с. 21; 18, с. 52–53; 19, с. 72–78; 20, с. 29–38; 21, с. 8–9]. Квинтэссенция такого понимания была четко выражена Б. Т. Базылевым в следующей формулировке: «Содержание юридической ответственности составляет *реальное правомерное поведение субъекта права*» [22, с. 26]. С этого времени идея о необходимости пересмотра взглядов на юридическую ответственность овладела умами сторонников признания концепции позитивной юридической ответственности и уже собрала в свою защиту солидный массив монографий, диссертаций и научных статей.

Полисемантическая дефиниция как признак концепции позитивной юридической ответственности. Полисемантическая дефиниция, или, как это явление называют в философской литературе, «игра в дефиниции», хорошо иллюстрирует стиль схоластического мышления, характеризую который, Г. Гегель отмечал, что мысль в схоластических рассуждениях «получила такую хитроумную разработку, что эта форма пустого рассудка вертится лишь в беспочвенных сочетаниях категорий» [23, с. 223].

Анализ работ, посвященных рассматриваемой теме, показывает, что для определения позитивной юридической ответственности авторы привлекают понятия из различных областей научного или даже обыденного познания. Во-первых, позитивную юридическую ответственность относят к внутренним психологическим процессам, когда утверждают, что она «означает понимание ее субъектом того груза, который он несет на своих плечах, понимание того, что придется нести определенные лишения, если он не справится с возложенной задачей» [24, с. 489] или предлагают рассматривать ее как «осознание личностью смысла и значения собственных поступков, согласование их со своими правами и обязанностями, своим долгом в *настоящем* и *будущем* поведении» [25, с. 22]. Во-вторых, позитивную юридическую ответственность трактуют как понятие морального сознания, «внутренний объективно существующий долг гражданина перед обществом и государством» [26, с. 267]. В-третьих, ее выводят «из соображений здравого смысла» [27, с. 22]. Оценивая рассматриваемую концепцию через призму признака полисемантической дефиниции, следует иметь в виду, что мы ведем речь о научном теоретическом познании, то есть о теоретической системе знания, а точнее, о центральной категории этой системы. Такую систему от простого нагромождения абстракций

отличает принадлежность всех составляющих ее категорий к одной и той же предметной области и отражение ими одного и того же объекта познания. Следовательно, теоретическая система знания (научная теория) «не может содержать понятий, а стало быть, и высказываний, не имеющих общей предметной области и не отражающих один и тот же объект познания» [28, с. 87]. Если требование о принадлежности к одной и той же предметной области распространяется на все категории, входящие в состав той или иной теоретической системы, то оно тем более относится к главной категории такой системы, которая не может принимать обличье различных субстанций, входящих в различные предметные области и, соответственно, различные сферы научного познания, в том числе и не относящиеся к правовому научному познанию. Говоря иными словами, если главная категория концепции позитивной юридической ответственности с одинаковым успехом может быть определена посредством серии понятий (научных абстракций), принадлежащих различным областям знаний, то охарактеризовать эту концепцию можно только как хаотичное нагромождение абстракций.

Особое внимание следует уделить попытке привлечь для определения якобы «новой субстанции» позитивной юридической ответственности базовые правовые понятия, известные правовой науке с самого ее зарождения и хорошо изученные как в общей теории права, так и в отраслевых дисциплинах (субъективное право, юридическая обязанность, правоотношение). Подобные попытки в доктрине называются переодеванием «хорошо известных явлений в новые словесные одежды» [5, с. 253], которое не дает какого-либо приращения научного знания, но серьезно подрывает основы общей теории права как научной теоретической системы, поскольку в ее категориальный состав могут входить «лишь те абстракции, которые различаются между собой и несут различную информацию» [28, с. 91]. Наиболее впечатляющих достижений на поприще бесплодной перетасовки понятий и бесконечного «плетения словес» достиг Д. А. Липинский, который в различных своих работах определяет позитивную юридическую ответственность и как юридическую обязанность, и как исполнение юридической обязанности, и как субъективное право, и как использование субъективного права, и как правоотношение, и как правомерное поведение [29–35]. Причем анализировать дефиниции Д. А. Липинского — дело крайне

неблагодарное, поскольку его работы четко формулировок не отличаются, содержат массу различных оговорок, многочисленных пояснений к дефинициям и дополнений к ним, блестяще иллюстрируя возможности «научной словесной эквилибристики». Так, например, признание позитивной юридической ответственности юридической обязанностью он сопровождает пояснением: «Позитивная юридическая ответственность не тождественна одной обязанности действовать правомерно. На самом деле это явление более сложное» [36, с. 18]. Однако далее Д. А. Липинский не развивает свой глубокомысленный вывод о сложности упомянутого явления, а приводит цитату из работы В. Н. Кудрявцева, утверждавшего, что позитивная ответственность — «это правоотношение, состоящее из нескольких элементов» [37, с. 286], и завершает свой пассаж еще одним глубокомысленным выводом: «Обязанность и ответственность как юридические категории тесно переплетены, но не тождественны. Более широкая из них — ответственность» [36, с. 18]. В конечном счете автор смешивает все свои представления о позитивной юридической ответственности в один конгломерат, утверждая, что ее «необходимо понимать как комплексное явление, включающее в свое содержание субъективные права, обязанности с запретами, правомерное поведение и факультативное применение мер поощрения» [38, с. 29–30]. Нельзя не указать, что Д. А. Липинский предпринял попытку связать понятия «ответственность» и «регулятивные правоотношения» [39] и обосновать «регулятивную природу института юридической ответственности» [40, с. 21–28], чем внес сумятицу не только в представления о юридической ответственности, но и в представления о регулятивных и охранительных правоотношениях, а заодно и о регулятивных и охранительных подсистемах механизма правового регулирования.

Следующий признак концепции позитивной юридической ответственности — *отрыв от реальности*. В литературе неоднократно отмечалось, что понятие позитивной юридической ответственности не имеет юридического содержания и находится за пределами правовой реальности. Так, М. Д. Шаргородский указывал, что перенесение понятия ответственности из области объективной юридической реальности в область должного, толкуемого в качестве психического процесса, например, в качестве осознания долга, «лишает это понятие правового содержания и ведет к тому,

что при отсутствии такого “осознания” нет ответственности» [41, с. 47]. Подчеркнем, что М. Д. Шаргородский указывал на недопустимость перенесения понятия юридической ответственности из сферы правовой реальности в сферу психических процессов человека в 1968 году, то есть на заре зарождения концепции позитивной юридической ответственности. Это был тот самый момент, когда доктрина должна была безоговорочно отвергнуть попытку вывести юридическую ответственность за пределы правового поля, ведь, как известно, аксиомой правоведа является положение о том, что право регулирует общественные отношения, но не регулирует внутренний мир человека, его мысли и чувства, и всем правоведам рассматриваемого периода было хорошо известно справедливое высказывание К. Маркса о том, что помимо своих действий человек для права не существует [42, с. 14–15]. Однако даже авторитет К. Маркса не помешал поборникам концепции позитивной юридической ответственности продолжать отстаивать идею, прямо противоречащую правовым представлениям, и, как указывал Н. С. Малеин, включать в понятие позитивной юридической ответственности такие субстанции, как «чувство сознательности индивида», его «внутреннее сознание морального долга» и прочее, тем самым выводив это понятие за границы права, ибо «сознание, чувства, мораль — категории не правовые» [43, с. 132–133]. Неправовые категории характеризуются неправовыми же признаками, и данное обстоятельство также свидетельствует о недопустимости признания позитивной ответственности юридической ответственностью. На этот аспект в 1992 году обращал внимание А. С. Шабуров, отмечавший, что позитивная ответственность «не обладает признаками, качествами, особенностями правового явления, характеризующегося связью с государством, с правом» [44, с. 15]. Сторонники концепции позитивной юридической ответственности в своих многочисленных работах так и не смогли отыскать у позитивной ответственности правовые признаки, что и позволило А. С. Шабурову подтвердить свой вывод в 2009 году и вновь подчеркнуть, что позитивная ответственность — это субстанция, чуждая и правовой практике, и правовой теории; она не является юридическим явлением и не подпадает под какое-либо правовое определение [45, с. 229]. Исследуя рассматриваемую концепцию применительно к гражданскому процессуальному праву, А. В. Цихоцкий заключает, что позитивная ответственность не привносит

каких-либо изменений в существующее процессуальное отношение, а сама категория «не отражает какую-либо юридическую реальность» [46, с. 294]. Для подтверждения этого вывода можно провести такой мысленный эксперимент: представить две картины описания процессуального отношения. Первая картина — традиционные представления о процессуальном отношении, вторая — представления сторонников позитивной ответственности. В первом случае мы укажем на субъектов такого отношения, их права и обязанности и этим ограничимся. Во втором случае мы должны будем «встроить» в картину описания позитивную ответственность. Проиллюстрируем сказанное на примере дефиниции В. В. Бутнева, по утверждению которого позитивная гражданская процессуальная ответственность — «это возложенная на субъекта гражданских процессуальных правоотношений необходимость точно исполнить свои процессуальные обязанности и использовать предоставленные ему процессуальные права в соответствии с их назначением» [47, с. 33]. Исходя из этой дефиниции, содержание гражданского процессуального правоотношения следует описывать как включающее в себя: 1) субъективное процессуальное гражданское право плюс необходимость использовать это право в соответствии с его назначением и 2) процессуальную гражданскую обязанность плюс необходимость исполнить эту обязанность. Поскольку, по определению В. В. Бутнева, «необходимость определенного поведения» есть «мера должного поведения», то есть обязанность, в его трактовке субъективное процессуальное гражданское право существует не как таковое, а в соединении с обязанностью, а процессуальная гражданская обязанность удваивается. Очевидно, что подобные построения есть теоретизирование ради теоретизирования, не находящие подтверждения в правовой практике и противоречащие юридической теории. Как справедливо подчеркивает В.В. Баранов, «концепция “позитивной юридической ответственности” является иллюстрацией отрыва науки от реальности, она уводит юридическую науку в сторону от разработки конкретных видов юридических деликтов» [4, с. 134].

Следующий признак концепции позитивной юридической ответственности — *псевдоноваторство*, проявляющееся в стремлении представить результаты своего теоретизирования как «новые идеи» в правовой науке. К числу таких псевдоноваторов можно отнести А. С. Бондарева, заявившего, что

«юридической ответственности в ретроспективном аспекте не существует в природе современного общества» [48, с. 134] и предложившего совершить «революционный прорыв» в правовой теории — признать, что юридическая ответственность «может носить только позитивный характер, являясь ценным (позитивным) правовым свойством субъектов права» [48, с. 22]. Выражение этого «открытого» им правового свойства субъекта права автор видит «в знаниях им своих статусных правовых обязанностей, умении распознавать момент их конкретного возникновения в процессе своей правовой жизни, осмыслении ценности их для собственных и общественных интересов, положительной эмоционально-чувственной оценки и волевого воплощения их в своем правомерном поведении» [48, с. 136]. В этой публицистической тираде тонет какое-либо внятное представление о юридической ответственности, но возникает вопрос: «А это «правовое свойство» присуще каждому субъекту права или только тому, кто знает о своих правовых обязанностях, распознает момент их возникновения, осмысливает их ценность и дает им положительную эмоционально-чувственную оценку?» «Кроме этого, хотелось бы также узнать, какие правовые последствия возникают в случае отрицательного ответа на заданные вопросы (то есть если субъект «не знает», «не распознает», «не осмысливает» и «дает отрицательную оценку»)?»

Продолжить иллюстрацию признака псевдоноваторства концепции позитивной юридической ответственности можно фрагментом из статьи Л. Э. Котковского, который предпринимает попытку развить идею А. С. Бондарева. Автор пишет: «...Юридический характер позитивной ответственности состоит в том, что носителями такой ответственности являются субъекты права, но не находящиеся в состоянии покоя, а действующие. С точки зрения правовой формы все субъекты и права одинаковы (все правоспособны и дееспособны), но как действующие субъекты права отличаются друг от друга. Таким образом, позитивная юридическая ответственность — это признак (свойство) действующих субъектов права, различающихся по степени усвоения нравственно-этических ценностей, правосознанию, состоянию (меры) свободы, ответственности, жизненному и профессиональному опыту и т. д.» [49, с. 33–34]. К сожалению, автор не указал на механизмы, при помощи которых можно было бы установить меру усвоения субъектом

нравственно-этических ценностей, определить уровень его правосознания, выявить его «состояние свободы и ответственности» и изменить уровень жизненного и профессионального опыта, а также не пояснил, какое правовое значение имеет положение о разделении всех субъектов права на «находящихся в состоянии покоя» и «действующих». Без ответа остался и вопрос о том, как это предложение соотносится с принципом равенства субъектов права. Однако особый интерес представляет заключительный вывод автора. «На основании изложенного, — пишет Л. Э. Котковский, — считаем целесообразным рассматривать позитивную юридическую ответственность как надлежащее осуществление субъективных прав» [49, с. 36]. Как видим, автор не заметил, что своим заключительным выводом он нивелировал все свои пространные рассуждения о позитивной юридической ответственности, сведя ее к надлежащему осуществлению субъективных прав. Зачем нужно было классифицировать субъектов на «находящихся в состоянии покоя» и «действующих» и лишать первых «свойства позитивной ответственности» и приписывать это свойство последним, если в итоге все свелось к понятию осуществления субъективного права? Следует констатировать, что автору не только не удалось обосновать свою «новаторскую идею», но даже вразумительно объяснить ее содержание.

Н. А. Боброва полагает, что доктрина позитивной юридической ответственности свидетельствует о приверженности ученых научному романтизму [1, с. 64]. Соглашаясь с мнением В. М. Баранова о том, что от романтизма в концепции позитивной юридической ответственности ничего нет [4, с. 124–125] и принимая в целом его гипотезу, согласно которой создание рассматриваемой концепции есть «вариант семиургии (знакотворчества), то есть... деятельности по формированию новых знаков и введению их в язык» [4, с. 106], хотим внести в эту гипотезу дополнение. По нашему мнению, концепция позитивной юридической ответственности есть вариант текстотворчества, то есть деятельности по созданию новых текстов и введению их в доктринальный оборот. А если проанализировать эту деятельность на предмет соответствия признакам, присущим схоластике, то можно заключить, что концепция позитивной юридической ответственности представляет собой разновидность текстотворчества, являющегося результатом схоластического теоретизирования.

Список источников

1. Боброва Н. А. О ложности доктрины позитивной юридической ответственности // Евразийский юридический журнал. 2018. № 10 (125). С. 63–65.
2. Асланян Н. П. «Теория единой юридической ответственности» как околонучное теоретическое построение // Академический юридический журнал. 2021. Т. 22. № 3 (85). С. 175–184.
3. Асланян Н. П. О вреде так называемой «теории позитивной юридической ответственности»: тезисы // Защита частных прав: проблемы теории и практики: материалы 9-й ежегод. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию Байкальского государственного университета (г. Иркутск, 3 дек. 2020 г.) / под ред. Н. П. Асланян, Ю. В. Виниченко. Иркутск: Издат. дом БГУ, 2021. С. 7–16.
4. Баранов В. М. «Позитивная юридическая ответственность»: спорный концепт, мнимая практика, виртуальная техника: монография. Москва: Блок-Принт, 2022. 176 с.
5. Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. Москва: ИКД «Зерцало-М», 2002. 288 с.
6. Мильков А. В. О несостоятельности концепции двухаспектной юридической ответственности // Закон. 2016. № 6. С. 152–164.
7. Мильков А. В. О понятии юридической ответственности // Защита частных прав: проблемы теории и практики : материалы 5-й ежегод. междунар. науч.-практ. конф. (г. Иркутск, 21 мая 2016 г.) / под ред. Н. П. Асланян, Ю. В. Виниченко. Иркутск: Изд-во БГУ, 2017. С. 128–133.
8. Мильков А. В. Заметки к вопросу о разработке теории юридической ответственности // Образование и право. 2020. № 1. С. 71–79.
9. Словарь русского языка: в 4-х т. Т. 4 / под ред. А. П. Евгеньевой. Москва: Русский язык, 1988. 795 с.
10. Большой толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. Москва, ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2004. 1268 с.
11. Философия: учебное пособие / ред. Т. И. Кохановская. Ростов-на-Дону, 2003. 576 с.
12. Чистякова О. В. Схоластическое мышление как форма метафизики: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 1993. 28 с.
13. Основы философии науки: учебное пособие / отв. ред. В. П. Кохановский. Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. 603 с.
14. Самощенко И. С., Фарукшин М. Х. Ответственность по советскому законодательству. Москва: Юридическая литература, 1971. 240 с.
15. Варкалло В. Ответственность по гражданскому праву (возмещение вреда – функции, виды, границы). Москва: Прогресс, 1978. 328 с.
16. Смирнов В. Г. Уголовная ответственность и уголовное наказание // Правоведение. 1963. № 4. С. 78–89.

17. Смирнов В. Г. Функции советского уголовного права (Предмет, задачи и способы уголовно-правового регулирования). Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1965. 188 с.
18. Недбайло П. Е. Система юридических гарантий применения советских правовых норм // Правоведение. 1971. № 3. С. 44–53.
19. Строгович М. С. Сущность юридической ответственности // Советское государство и право. 1979. № 5. С. 72–78.
20. Назаров Б. Л. О юридическом аспекте позитивной социальной ответственности // Советское государство и право. 1981. № 10. С. 29–38.
21. Клочков В. В. Социальная ответственность и уголовный закон // Правоведение. 1987. № 2. С. 3–13.
22. Базылев Б. Т. Юридическая ответственность (теоретические вопросы). Красноярск, 1985. 120 с.
23. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Книга третья. Санкт-Петербург: Наука, 1994. 582 с.
24. Проблемы общей теории права и государства / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. Москва: Норма, 2006. 832 с.
25. Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности: монография. Москва: Изд-во РАП, 2008. 304 с.
26. Попов К. И. Позитивная уголовная ответственность и правомерное причинение вреда // Военное право. 2018. № 6 (52). С. 266–269.
27. Калина В. Ф. Позитивная юридическая ответственность как категория профессиональной этики // Юридическая ответственность: современные проблемы теории и практики. XXIII Международная научная конференция: сборник статей. Москва: РГГУ, 2023. С. 19–29.
28. Логика научного исследования / отв. ред. П. В. Копнин, М. В. Попович. Москва: Наука, 1965. 360 с.
29. Липинский Д. А. Правоотношения и принципы юридической ответственности: монография. Москва: Изд-во Nota Bene, 2003. 231 с.
30. Липинский Д. А., Шишкин А. Г. Меры позитивной юридической ответственности // Правоведение. 2013. № 1. С. 33–44.
31. Липинский Д. А. Концепции позитивной юридической ответственности в отечественной юриспруденции // Журнал российского права. 2014. № 6. С. 37–51.
32. Липинский Д. А., Шишкин А. Г. Субъективное право и юридическая обязанность как меры позитивной юридической ответственности // Государство и право. 2014. № 10. С. 5–14.
33. Липинский Д. А. Социальное обоснование позитивной юридической ответственности // Право и политика. 2015. № 5 (185). С. 673–683.
34. Липинский Д. А. Психологические характеристики позитивной юридической ответственности // Прикладная юридическая психология. 2016. № 3. С. 6–13.
35. Липинский Д. А. Юридическая ответственность и безответственность как парные юридические категории // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 2 (48). С. 6-24.
36. Липинский Д. А. Проблемы юридической ответственности. Санкт-Петербург: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. 387 с.
37. Кудрявцев В. Н. Закон, поступок, ответственность. Москва: Наука, 1986. 448 с.
38. Липинский Д. А. Макроуровень института юридической ответственности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 1. С. 25–44.
39. Липинский Д. А. Регулятивные правоотношения и позитивная юридическая ответственность // Право и государство: теория и практика. 2010. № 4 (64). С. 13–17.
40. Липинский Д. А. Понятие и структура института юридической ответственности // Правовая политика и правовая жизнь. 2016. № 3. С. 21–28.
41. Шаргородский М. Д. Детерминизм и ответственность // Правоведение. 1968. № 1. С. 40–48.
42. Маркс К. Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинение. 2-е изд. Т. 1. Москва: Госполитиздат, 1955. С. 3–27.
43. Малеин Н. С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. Москва: Юридическая литература, 1985. 192 с.
44. Шабуров А. С. Политические и правовые аспекты социальной ответственности личности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1992. 34 с.
45. Шабуров А. С. Теория государства и права: учебник. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2009. 248 с.
46. Цихоцкий А. В. Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам. Новосибирск: Наука, 1997. 392 с.
47. Бутнев В. В. Гражданская процессуальная ответственность. Ярославль: ЯрГУ, 1999. 62 с.
48. Бондарев А. С. Юридическая ответственность — исключительно позитивное свойство субъектов права // Правоведение. 2008. № 1 (276). С. 133–144.
49. Котковский Л. Э. Позитивная юридическая ответственность как признак (свойство) субъекта права // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. 2018. № 2. С. 32–38.

References:

1. Bobrova N. A. On the Falsehood of the Doctrine of Positive Legal Liability. *Eurasian Law Journal*, 2018, no. 10 (125), pp. 63–65. (In Russ.)
2. Aslanyan N. P. “The Theory of Single Legal Liability” as a Pseudo-scientific Theoretical Construction. *Academic Law Journal*, 2021, vol. 22, no. 3 (85), pp. 175–184. (In Russ.)
3. Aslanyan N. P. On the Harm of the So-Called “Theory of Positive Legal Liability”: Theses. Protection of Private Rights: Problems of Theory and Practice:

Proceedings of the 9th Annual International Scientific and Practical Conf., Dedicated to the 90th Anniversary of Baikal State University (Irkutsk, December 3, 2020) / ed. by N. P. Aslanyan, Yu. V. Vinichenko. Irkutsk: BSU Publishing House, 2021. Pp. 7–16. (In Russ.)

4. Baranov V. M. "Positive Legal Liability": Controversial Concept, Imaginary Practice, Virtual Technology: Monograph. Moscow: Blok-Print Publ., 2022. 176 p. (In Russ.)

5. Leist O. E. The Essence of Law. Problems of Theory and Philosophy of Law. Moscow: ICD Zertsalo-M, 2002. 288 p. (In Russ.)

6. Milkov A. V. On the Insolvency of the Concept of Dual-Aspect Legal Liability. *Law*, 2016, no. 6, pp. 152–164. (In Russ.)

7. Milkov A. V. On the Concept of Legal Liability. Protection of Private Rights: Problems of Theory and Practice: Proc. of the 5th Annual International Scientific and Practical Conf. (Irkutsk, May 21, 2016) / ed. by N. P. Aslanyan, Yu. V. Vinichenko. Irkutsk: BSU Publishing House, 2017. Pp. 128–133. (In Russ.)

8. Milkov A. V. Notes on the Development of a Theory of Legal Liability. *Education and Law*, 2020, no. 1, pp. 71–79. (In Russ.)

9. Dictionary of the Russian language: in 4 volumes. T. 4 / ed. by A. P. Evgenieva. Moscow: Russian language, 1988. 795 p. (In Russ.)

10. The Comprehensive Explanatory Dictionary of the Russian Language / ed. by D. N. Ushakov. Moscow: OOO Izdatelstvo AST: OOO Izdatelstvo Astrel, 2004. 1268 p. (In Russ.)

11. Philosophy: a textbook / ed. by T. I. Kokhanovskaya. Rostov-on-Don, 2003. 576 p. (In Russ.)

12. Chistyakova O. V. Scholastic Thinking as a Form of Metaphysics. Author's abstract. ... candidate of (philos) sciences. Rostov-on-Don, 1993. 28 p. (In Russ.)

13. Fundamentals of the Philosophy of Science: A Textbook / ed. by V. P. Kokhanovsky. Rostov-on-Don: Phoenix, 2008. 603 p. (In Russ.)

14. Samoshchenko I. S., Farukshin M. Kh. Liability under Soviet legislation. Moscow: Legal Literature Publ., 1971. 240 p. (In Russ.)

15. Varkallo V. Liability under civil law (compensation for damage – functions, types, boundaries). Moscow: Progress Publ., 1978. 328 p. (In Russ.)

16. Smirnov V. G. Criminal liability and criminal punishment. *Jurisprudence*, 1963, no. 4, pp. 78–89. (In Russ.)

17. Smirnov V. G. Functions of Soviet criminal law (Subject, tasks and methods of criminal-legal regulation). Leningrad: Publishing house of Leningrad State University, 1965. 188 p. (In Russ.)

18. Nedbaylo P. E. System of legal guarantees for the application of Soviet legal norms. *Jurisprudence*, 1971, no. 3, pp. 44–53. (In Russ.)

19. Strogovich M. S. The essence of legal liability. *Soviet state and law*, 1979, no. 5, pp. 72–78. (In Russ.)

20. Nazarov B. L. On the legal aspect of positive social responsibility. *Soviet state and law*, 1981, no. 10, pp. 29–38. (In Russ.)

21. Klochkov V. V. Social responsibility and criminal law. *Jurisprudence*, 1987, no. 2, pp. 3–13. (In Russ.)

22. Bazylev B. T. Legal responsibility (theoretical issues). Krasnoyarsk, 1985. 120 p. (In Russ.)

23. Hegel G. V. F. Lectures on the history of philosophy. Book three. Saint Petersburg: Nauka Publ., 1994. 582 p. (In Russ.)

24. Problems of the general theory of law and state / ed. by V. S. Nersesyants. Moscow: Norma Publ., 2006. 832 p. (In Russ.)

25. Vitruk N. V. General theory of legal responsibility: monograph. Moscow: RAP Publishing House, 2008. 304 p. (In Russ.)

26. Popov K. I. Positive criminal liability and lawful causing of harm. *Military law*, 2018, no. 6 (52), pp. 266–269. (In Russ.)

27. Kalina V. F. Positive legal liability as a category of professional ethics. Legal liability: modern problems of theory and practice. XXIII International Scientific Conference. Collection of articles. Moscow: RSUH, 2023. P. 19–29. (In Russ.)

28. Logic of scientific research / ed. by P. V. Kopnin, M. V. Popovich. Moscow: Science, 1965. 360 p. (In Russ.)

29. Lipinsky D. A. Legal relations and principles of legal liability: monograph. Moscow: Nota Bene Publishing House, 2003. 231 p. (In Russ.)

30. Lipinsky D. A., Shishkin A. G. Measures of positive legal liability. *Jurisprudence*, 2013, no. 1, pp. 33–44. (In Russ.)

31. Lipinsky D. A. Concepts of positive legal liability in domestic jurisprudence. *Journal of Russian Law*, 2014, no. 6, pp. 37–51. (In Russ.)

32. Lipinsky D. A., Shishkin A. G. Subjective right and legal obligation as measures of positive legal liability. *States and Law*, 2014, no. 10, pp. 5–14. (In Russ.)

33. Lipinsky D. A. Social justification of positive legal liability. *Law and Politics*, 2015, no. 5 (185), pp. 673–683. (In Russ.)

34. Lipinsky D. A. Psychological characteristics of positive legal responsibility. *Applied legal psychology*, 2016, no. 3, pp. 6–13. (In Russ.)

35. Lipinsky D. A. Legal responsibility and irresponsibility as paired legal categories. *Legal science and law enforcement practice*, 2019, no. 2 (48), pp. 6–24. (In Russ.)

36. Lipinsky D. A. Problems of Legal Liability. Saint Petersburg: Publishing House Legal Center Press, 2003. 387 p. (In Russ.)

37. Kudryavtsev V. N. Law, Deed, Responsibility. Moscow: Nauka Publ., 1986. 448 p. (In Russ.)

38. Lipinsky D. A. Macrolevel of the Institute of Legal Liability. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2019, no. 1, pp. 25–44. (In Russ.)
39. Lipinsky D. A. Regulatory Legal Relations and Positive Legal Liability. *Law and State: Theory and Practice*, 2010, no. 4 (64), pp. 13–17. (In Russ.)
40. Lipinsky D. A. Concept and Structure of the Institute of Legal Liability. *Legal Policy and Legal Life*, 2016, no. 3, pp. 21–28. (In Russ.)
41. Shargorodsky M. D. Determinism and Responsibility. *Jurisprudence*, 1968, no. 1, pp. 40–48. (In Russ.)
42. Marx K. Notes on the Newest Prussian Censorship Instruction / Marx K., Engels F. Works. 2nd ed. Vol. 1. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1955. Pp. 3–27. (In Russ.)
43. Malein N. S. Offense: Concept, Causes, Responsibility. Moscow: Legal Literature Publ., 1985. 192 p. (In Russ.)
44. Shaburov A. S. Political and Legal Aspects of Social Responsibility of an Individual. Author's abstract. ... doctor of legal sciences. Ekaterinburg, 1992. 34 p. (In Russ.)
45. Shaburov A. S. Theory of State and Law: textbook. Kurgan: Publishing House of Kurgan State University, 2009. 248 p. (In Russ.)
46. Tsikhotsky A. V. Theoretical Problems of the Efficiency of Justice in Civil Cases. Novosibirsk: Nauka Publ., 1997. 392 p. (In Russ.)
47. Butnev V.V. Civil Procedural Liability. Yaroslavl: YarSU Publ., 1999. 62 p. (In Russ.)
48. Bondarev A. S. Legal Liability as an Exclusively Positive Property of Legal Entities. *Jurisprudence*, 2008, no. 1 (276), pp. 133–144. (In Russ.)
49. Kotkovsky L. E. Positive Legal Liability as a Feature (Property) of a Legal Entity. *Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant. Series: Humanities and social sciences*, 2018, no. 2, pp. 32–38. (In Russ.)

Информация об авторе

А. В. Мильков — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса филиала Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова.

Information about the author

A. V. Milkov — Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the branch of the Plekhanov Russian University of Economics.

Научная статья
УДК 340.1
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-38-43>

Законность или целесообразность? (по результатам социологических исследований)

Минникес Илья Анисимович

Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия, iaminnikes@yandex.ru

Аннотация. Социология права является одним из базовых направлений юридических исследований. Социологические методики позволяют достигнуть результатов, которые невозможно достичь, используя только юридические методы. Объединение методологической базы приводит к значимым научным результатам при проведении комплексных исследований. В данной статье на основе результатов пяти социологических исследований, проведенных в разное время и в разных российских регионах, проанализирован ряд проблем, возникающих при принятии незаконного юридически значимого решения, в частности проблема соотношения законности и целесообразности.

Ключевые слова: методология права, социология права, принятие юридически значимого решения, законность, целесообразность

Для цитирования: Минникес И. А. Законность или целесообразность? (по результатам социологических исследований) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 4 (68). С. 38–43. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-38-43>.

Original article

Legality or expediency? (based on the results of sociological research)

Ilya A. Minnikes

Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, iaminnikes@yandex.ru

Abstract. The sociology of law is one of the basic areas of legal research. Sociological methods make it possible to achieve results that cannot be achieved only by specially legal methods. Combining the methodological base leads to significant scientific results in conducting comprehensive research. Based on the results of five sociological studies conducted at different times and in different Russian regions, this article analyzes a number of problems that arise when making an illegal legally significant decision, in particular, the problem of the correlation between legality and expediency.

Keywords: methodology of law, sociology of law, making a legally significant decision, legality, expediency

© Минникес И. А., 2024

For citation: Minnikes I. A. Legality or expediency? (based on the results of sociological research). *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 4 (68), pp. 38–43. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-38-43>.

Конкретно-социологические исследования всегда занимали значительное место в арсенале юридической методологии. Как в свое время отмечали В. Н. Кудрявцев и В. П. Казимирчук, «без всестороннего анализа социально-правовых проблем трудно раскрыть актуальные задачи и перспективы развития правовой системы, ее роль в качественном совершенствовании социальных отношений, а также разработать научную платформу осуществления крупной правовой реформы, призванной обеспечить верховенство закона во всех сферах жизни общества, усилить механизм поддержания правопорядка на основании развития народовластия» [1, с. 3]. Думается, что это высказывание не утратило своей актуальности и сейчас.

Представляется интересным и перспективным сравнить результаты конкретно-социологических исследований, проведенных в разное время (развитой социализм — начало перестройки — начало двухтысячных — современный период) и разными научными коллективами (в большинстве случаев с участием автора настоящей статьи), но объединенных общими целями.

Результаты данных исследований позволяют наблюдать динамику некоторых правовых процессов, выявлять их качественные характеристики. Главная задача — это проследить отношение лиц, принимающих управленческое или иное юридически значимое решение, к вопросу: «Что важнее при принятии такого решения — законность или целесообразность?».

Первое исследование

В 70-х годах прошлого века время, которое именуется в нашей истории как период развитого социализма, известный специалист в области административного права и деликтологии В. И. Ремнев провел социологическое исследование, респондентами которого были министры, руководители ведомств и их заместители, заведующие отделами исполкомов местных советов, служащие других категорий. Круг лиц, принявших участие в исследовании, был довольно широк, и это были управленцы разного уровня, но всех их объединяло то, что они на профессиональной основе работали в советских органах управления.

После обобщения сведений, взятых из данных анкет, получилось, что средний респондент исследования — это служащий в возрасте

от 50 до 59 лет, имеющий высшее образование (не всегда юридическое) и стаж работы в аппарате управления от 5 до 10 лет. Таким образом, их опыт и профессионализм сомнения не вызывали.

Одной из главных целей исследования было выявление причин нарушения законности в аппарате управления. Результаты проведенного анкетирования были следующие: главной причиной нарушения закона 41 % опрошенных назвали соображение целесообразности; 31 % — игнорирование закона; 25 % — причины сугубо личного характера; 17 % — неясности и другие недостатки законодательства; 12 % — незнание закона; 4 % — кажущуюся возможность решить стоящую задачу без нарушения закона; 1 % — беспринципность и желание угодить начальству [2, с. 127–128].

Обращает на себя внимание то, что именно целесообразность была названа главной причиной нарушения закона в органах управления. Характерно, что ни один из опрошенных респондентов не заявил о безусловном приоритете законности над целесообразностью.

Во многом под влиянием работы профессора В.И. Ремнева автором настоящей статьи были инициированы еще несколько социологических исследований с целью выявления причины нарушения закона в органах управления и других юрисдикционных органах.

Второе исследование

В 1986 году (первые годы перестройки) на базе исполкома Иркутского городского Совета народных депутатов и четырех райисполкомов (всего в то время в городе было 5 районов) было проведено точечное социологическое исследование.

Цель — выявление уровня правовой культуры работников и возможности принятия ими неправомερных решений. Методом опроса было выбрано анкетирование.

Анкетирование проводилось среди служащих, из которых: 32,8 % сами уполномочены принимать решения, 52,7 % участвовали в выработке коллегиального решения и 14,5 % не указали в анкете свои полномочия.

Возрастной состав респондентов был следующий: от 21 до 35 лет — 40 %, от 36 до 50 лет — 30,9 %, свыше 50 лет — 23,6 %, не указали свой возраст 14,5%. Таким образом, задействован более молодой контингент по сравнению с первым исследованием, в нем совпадающая часть

составила всего 23,6 %. Высшее образование имели 59,9 % респондентов, среднее специальное — 23,6 %, среднее — 5,7% и не заполнили графу об образовании 10,8 %.

Анкета предусматривала дополнительные графы по сравнению с первым исследованием, такие как пол, партийность, общий стаж работы и стаж работы в органах управления.

В результате средний респондент второго исследования — это женщина, принимающая участие в выработке коллегиального решения, в возрасте от 40 до 45 лет, член КПСС, имеющая высшее образование, общий стаж работы более 20 лет и стаж работы в органах управления от 6 до 10 лет. Многие признаки респондентов первого и второго исследования совпадают и поэтому допустимо сравнение их результатов.

Основными причинами принятия органами управления незаконных решений респонденты второго исследования считали объективные, не зависящие от работников обстоятельства. Однако большинство не пояснили, что они под этим понимают. Когда же ответ расшифровывался, то очевидно, что речь идет не об объективных, а субъективных обстоятельствах: сложность ситуации, в которой принимается решение; отсутствие штатного юриста; некомпетентность вышестоящих работников, чьи указания приходится выполнять; некомпетентность и отсутствие комплексности в планировании.

Респонденты назвали и другие обстоятельства: незнание и неправильное понимание законов — 36,4 %; большая загруженность в работе — 25,5 %; обилие правовой информации, сложность ее усвоения — 20 %; недостаток правовой информации — 18,2 %; отсутствие юридического образования — 7,3 %.

Тогда как 32,7 % опрошенных считали, что при принятии решения по усмотрению следует руководствоваться только требованиями закона. Большинство (50,9 %) предпочли полагаться на здравый смысл. Указанием «сверху» довольствовались 18,2 %, типичным для подобных случаев решением — 12,7 %, а 3,6 % предпочли на вопрос не отвечать.

Подобно результатам первого исследования, во втором исследовании наблюдается приоритет целесообразности над законностью. Большинство (61,8 %) полагают, что действовать целесообразно — это действовать исходя из фактических обстоятельств дела, своего профессионального и жизненного опыта, поскольку некоторые нормы права явно устарели и не отвечают требованиям времени. И только 38,2 %

считают, что принимающий решение в любом случае обязан соблюдать закон [3].

И хотя в ответах респондентов целесообразность по-прежнему преобладает над законностью, положительная динамика налицо. Уже более трети отвечающих однозначно сориентированы на закон.

Но при этом нужно учитывать, что второе исследование носило региональный характер и проводилось в рамках одного города. В других регионах результаты могли быть другими, также как и на общегосударственном уровне.

Третье исследование

В начале двухтысячных годов автор настоящей статьи снова вернулся к данной проблеме. На этот раз исследование проводилось в составе специально сформированной группы, в состав которой входили юристы, социологи и психологи. Базой исследования была Читинская область (ныне Забайкальский край), респондентами стали работники органов управления и правоохранительных органов города Читы и Читинской области.

Исследование носило комплексный характер. Вопрос о мотивах принятия управленческих решений и причинах принятия незаконных решений был одним из значительного числа вопросов, предлагаемых респондентам.

Для изучения причин профессиональной деформации в исследовании был использован Томский опросник ригидности (далее — ТОР). Опросник разработан Г. В. Залевским в 1987 году и состоит из 150 пунктов, содержание которых отражает те ситуации, в которых от человека требуется изменить отдельные элементы программы своего поведения или в целом образ жизни, стереотипы, отношения, установки, привычки, навыки, темп или саму цель и т. д.

Структурно ТОР представляет собой восемь шкал, в каждую из которых входит определенное число вопросов-утверждений.

Также нами была использована методика «мотивы выбора профессии», которая состоит из 20 утверждений, характеризующих любую профессию. И по количеству набранных баллов выявляется один из четырех видов мотивации: социально значимая, индивидуально значимая, положительные мотивы, отрицательные мотивы.

Приступая к исследованию, мы исходили из того, что необходимое условие нормальной профессиональной деятельности — это информированность. Исследование показало, что наиболее часто используемыми источниками правового информирования у опрошенных

являются нормативно-справочная литература и служебные издания.

Если ранее наблюдалась неудовлетворенность юристов правовым информированием, то на начало двухтысячных годов эта проблема была частично решена созданием нескольких поисковых информационно-правовых систем, которые существенно облегчают работу юриста. Существующие системы «КонсультантПлюс», «Гарант» и другие содержат базы данных, включающие в себя, помимо законодательства практически все отрасли права, а также и законодательство субъектов Российской Федерации, образцы юридических документов, обзор судебной и иной юридической практики и юридические комментарии.

Проведенные ранее исследования показывают, что, как правило, юристы хорошо знают нормы права, входящие в их компетенцию, а также регламентирующие порядок их служебной деятельности. По мере того, как правовые нормы отдаляются от сферы общественных отношений, в которых юрист постоянно участвует как специалист, уровень знания соответствующих положений законодательства падает, опускаясь подчас ниже требований, предъявляемых к выпускнику высшего и даже среднего юридического учебного заведения. Многие юристы, как оказалось, не знают норм, определяющих правовое положение своей профессионально-юридической группы в целом. Зачастую они руководствуются лишь знаниями, полученными на практике, конкретными профессиональными навыками и умениями, привычками, а также разнообразными проявлениями профессиональной активности юристов.

Следует отметить, что серьезные исследования в этой области были ранее проведены Н. Я. Соколовым и наша рабочая группа использовала его наработки в обязательном порядке, делая ссылки на автора [4].

Проведенное группой исследование показало, что первое место среди факторов, оказывающих негативное влияние на соблюдение юристами требований законности, занимает отсутствие у них необходимого профессионального опыта.

Второе место занимает давление, оказываемое на них со стороны представителей местных органов власти.

Недостаточное знание работниками положений закона занимает третье место среди факторов, отрицательно влияющих на соблюдение юристами правовых предписаний.

Следующим фактором, сказывающимся на правомерности деятельности работников, является отсутствие у них возможности должным образом подготовиться к разрешению дела в связи с большой служебной загруженностью.

Весьма существенным фактором, сказывающимся на соблюдении предписаний права самими юристами, является состояние действующего законодательства.

В ходе исследования специально изучались факторы, влияющие на принятие юристами решений. В частности, был задан вопрос, на что респонденты обычно ориентируются, решая конкретные юридические ситуации в тех случаях, когда те или иные общественные отношения оказываются частично или полностью неурегулированными действующим законодательством или же являются недостаточно явными для понимания.

Анализ полученных ответов позволяет сделать вывод, что решающее значение для большинства в такой ситуации имеют: разъяснения руководящих органов и учреждений, на что указало 86 % опрошенных; 62 % респондентов сослались на сложившуюся юридическую практику; 32 % — на мнения авторитетных юристов-практиков; 30 % — на аналогию закона; 8 % — на указания непосредственных руководителей. Обращает на себя внимание факт оказания влияния на юристов-практиков мнения ученых-юристов, на что указали лишь 2 % опрошенных. Нормы нравственности, сложившиеся традиции, обычаи отметили как ориентиры в процессе принятия решения также 2 % респондентов. Не были названы такие факторы, как общественное мнение, мнение родных и близких [5–6].

Четвертое исследование

Возникло предположение, что истоки упомянутых негативных явлений закладываются гораздо ранее, еще на стадии получения юридического образования. В связи с этим было принято решение провести в 2012 году экспресс-исследование среди студентов юридического факультета одного из вузов Иркутска, поскольку им как будущим юристам-профессионалам необходимо принимать юридически значимые решения. Следует отметить, что эти студенты и ранее принимали участие в социологических исследованиях, но тематика исследований была иной [7].

В социологическом исследовании приняли участие 245 человек. С учетом того, что часть розданных анкет не были возвращены, количество полученных анкет — 216 (86 %) является достаточным, чтобы делать определенные

выводы, и результаты исследования можно считать достоверными.

Разработанная для них анкета во многом учитывала результаты предыдущих исследований. Основные результаты таковы.

На вопрос: «Чему Вы отдаете приоритет — законности или целесообразности?» Подавляющее большинство студентов высказалось в пользу законности, что составило 93 %. Однако при этом более 40 % считают оправданным нарушение закона в определенных жизненных ситуациях.

Таким образом, первые результаты были весьма обнадеживающими. Но далее картина получалась менее радужная.

В плане сравнения для нас представляли интерес результаты исследования, проведенного в 90-х годах лабораторией социально-правовых исследований и сравнительного правоведения юридического факультета МГУ с целью получения сведений о том, допускают ли для себя студенты-юристы возможность в определенных жизненных ситуациях преступить закон. Приоритеты равномерно располагались по трем основным направлениям: безусловное соблюдение (34,4 %), мотивированное несоблюдение (30 %), безусловное нарушение закона (35,6 %). Если анализировать полученные данные с точки зрения соотношения правовых и противоправных ориентаций респондентов, то получается, что две трети студентов так или иначе попадают в группу лиц, ориентированных на нарушение закона, и лишь каждый третий — на безусловное его соблюдение [8, с. 64].

Используя методику московских коллег к нашей группе студентов, мы получили более обнадеживающие результаты: безусловное соблюдение (33,4 %), мотивированное несоблюдение (56,4 %), безусловное нарушение закона (5,6 %), не ответили на вопрос 3,6 %. Безусловно, хотелось бы, чтобы данная положительная тенденция имела продолжение, а положительные правовые установки имели место не только в период обучения, но и в практической деятельности.

Пятое исследование

Прошедшее десятилетие многое изменило в жизни нашего общества. Эти изменения коснулись и юридической профессии. И возникло предположение: возможно, результаты предыдущих исследований безнадежно устарели? И возможно, современные студенты-юристы и юристы-практики по-другому относятся к соотношению законности и целесообразности?

В поисках ответа на этот вопрос в 2024 году было проведено онлайн-тестирование. Тестирование носило открытый характер, но участие в нем было строго добровольным и анонимным. Для регистрации и получения анкеты студентам достаточно было указать только курс, форму обучения (очная или заочная) и наличие или отсутствие опыта работы по специальности до поступления в вуз. Практикам — место работы без указания региона, конкретного органа и занимаемой должности (прокуратура, полиция, суд, адвокатура, нотариат, администрация и т. д.), опыт работы (в годах), юридическое образование (базовое или второе высшее), форма обучения (очная или заочная). Отдельно для практиков стоял вопрос: «Занимаете ли Вы руководящую должность?».

Вопрос о соотношении законности и целесообразности был лишь одним, наряду с другими вопросами.

В онлайн-тестировании приняли участие более 350 студентов и 187 практиков. По своим масштабам это точечное тестирование, которое не позволяет делать глобальные выводы. Тем не менее результаты дали богатую пищу для дальнейшего исследования. Следует отметить, что результаты исследования публикуются впервые.

Применительно к соотношению законности и целесообразности первичные результаты следующие.

Студенты младших курсов, которые еще не были ни на ознакомительной, ни на производственной практике, подавляющим большинством голосов (98 %) ставят законность выше целесообразности. Студенты старших курсов очного обучения, студенты-заочники, студенты, имеющие опыт практической работы до поступления в вуз, в основном ратуют за сочетание законности и целесообразности (67 %). И, как исключительный случай, допускают приоритет целесообразности над законностью (8 %).

Результаты анкетирования практиков во многом ожидаемы. В пользу законности высказались работники суда, прокуратуры, нотариата (от 80 до 82 %). Больше всего сторонников целесообразности среди представителей адвокатуры (54 %). Своеобразную позицию занимают работники органов управления различного уровня. В графе «что Вы считаете нужным дополнительно сообщить по теме тестирования?» многие написали, правда, по-разному формулируя свою мысль, что главное, чтобы решаемый вопрос был в сфере моей компетенции. Иначе говоря, они готовы делать то, что

им предписано должностными инструкциями, при этом не отдавая приоритет ни законности, ни целесообразности.

Обобщения и выводы

Нетрудно заметить, что, несмотря на то, что описанные социологические исследования проведены в разное время и в разных политических и экономических условиях, многие результаты совпадают. Во все времена у лиц, принимающих решение, целесообразность, к сожалению, во многом преобладала над законностью. Большое значение для них имеет прямое указание начальства, пусть даже они с ним не согласны. Но справедливости ради следует отметить, что последнее десятилетие картина меняется к лучшему. К тому же меняется мотивация, которой руководствуется юрист, когда встает перед выбором между законностью и целесообразностью.

Список источников

1. Кудрявцев В. Н., Казимирчук В. П. Современная социология права. Москва: Юрист, 1995. 303 с.
2. Ремнев В. И. Социалистическая законность в государственном управлении. Москва: Наука, 1979. 301 с.
3. Минникес И. А. Правовая культура работника и принятие неправомерного решения (по материалам социологического исследования) // Проблемы правового воспитания: межвузовский сборник научных трудов Свердловск: СЮИ, 1988. С. 72–77.
4. Соколов Н. Я. Профессиональное сознание юристов. Москва: Наука, 1988. 222 с.
5. Минникес И. А., Захарченко А. В. К проблеме профессионального сознания юристов (по материалам социологического исследования) // Академический юридический журнал. 2000. № 2. С. 13–18.
6. Минникес И. А., Корякова А. В. Проблемы профессионального правосознания // Доступ граждан к правовой информации и защите неприкосновенности

частной жизни: материалы международного «круглого стола» (Чита, 5–6 сентября 2000 года). Иркутск, 2002. С. 56–62.

7. Минникес И. А. О преподавании теории государства и права в современных условиях (по материалам социологического исследования) // Право и образование. 2007. № 7. С. 64–70.

8. Козлов Ю. Кого готовим, господа? // Юрист. 1998. № 7.

Reference

1. Kudryavtsev V. N., Kazimirchuk V. P. Modern sociology of law. Moscow: Yurist Publ., 1995. 303 p. (In Russ.)
2. Remnev V. I. Socialist legality in public administration. Moscow: Nauka Publ., 1979. 301 p. (In Russ.)
3. Minnikes I. A. Legal culture of an employee and the adoption of an unlawful decision (based on the materials of a sociological study). *Problems of legal education: inter-university collection of scientific papers*, Sverdlovsk: SYul, 1988, pp. 72–77. (In Russ.)
4. Sokolov N. Ya. Professional consciousness of lawyers. Moscow: Nauka Publ., 1988. 222 p. (In Russ.)
5. Minnikes I. A., Zakharchenko A. V. On the problem of professional consciousness of lawyers (based on the materials of a sociological study). *Academic Law Journal*, 2000, no. 2, pp. 13–18. (In Russ.)
6. Minnikes I. A., Koryakova A. V. Problems of professional legal awareness. Citizens' access to legal information and protection of privacy: materials of the international round table (Chita, September 5–6, 2000). Irkutsk, 2002. P. 56–62. (In Russ.)
7. Minnikes I. A. On teaching the theory of state and law in modern conditions (based on sociological research). *Law and education*, 2007, no. 7, pp. 64–70. (In Russ.)
8. Kozlov Yu. Who are we training, gentlemen? *Jurist*, 1998, no. 7. (In Russ.)

Информация об авторе

И. А. Минникес — доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом теории права и сравнительного правоведения Института правовых исследований Байкальского государственного университета.

Information about the author

I. A. Minnikes — Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Department of Theory of Law and Comparative Law, Institute of Legal Studies, Baikal State University.

Научная статья

УДК 340.1

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-44-50>

Взаимодействие государства и общества в СССР: стимулирование инициативы и творческой активности советского народа

Погодина Ирина Владимировна

Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия, ipogodina@vlsu.ru

Аннотация. Автор обращается к советскому периоду истории нашей страны и характеризует взаимодействие государства и общества этого времени. Инструментами взаимодействия названы обращения граждан, выборы, наказания депутатам, отчеты депутатов, обращения с письмами в средствах массовой информации, собрания граждан, особое внимание уделено обращениям. Отмечено, что право на обращение не было закреплено в конституциях советского периода до 1977 года, но данному вопросу придавалось большое значение, поскольку обращения считались формой обратной связи с населением, давали оценку работы органов власти, являлись источником информации о проблемах, помогали в поиске новых решений и идей. Такая форма обратной связи соответствовала технико-технологическим условиям того времени.

За 70 лет развития СССР общество демонстрировало как активные формы адаптации к государству, так и пассивные. Сделан вывод, что в это время были созданы правовые условия для активного включения граждан в работу по реализации функций государства, указано, что взаимоотношения общества и государства, характерные для периода СССР, имеют двойственную природу: монополизация власти номенклатурой и массовое вовлечение общества в управление государством.

Ключевые слова: взаимодействие общества и государства, общество СССР, вовлечение граждан, участие трудящихся, обращение в СССР, жалобы граждан, адаптация общества

Для цитирования: Погодина И. В. Взаимодействие государства и общества в СССР: стимулирование инициативы и творческой активности советского народа // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 4 (68). С. 44–50. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-44-50>.

Original article

Interaction between the state and society in the USSR: stimulation of initiative and creative activity of the soviet people

Irina V. Pogodina

Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs, Vladimir, Russian Federation, ipogodina@vlsu.ru

© Погодина И. В., 2024

Abstract. The author refers to the Soviet period of our country's history and characterizes the interaction of the state and society of that time. The instruments of interaction are named as citizens' appeals, elections, orders to deputies, reports of deputies, appeals with letters to the media, citizens' meetings. Particular attention is paid to appeals. It is noted that the right to appeal was not enshrined in the Soviet Constitutions until 1977, but working with them was given great importance, since they were considered a form of feedback with the population, gave an assessment of the work of government bodies, were a source of information about problems, helped in finding new solutions and ideas. Such a channel was adequate to the technical and technological conditions of that time.

Over 70 years, society demonstrated both active and passive forms of adaptation to the state. It is concluded that in the USSR, legal conditions were created for the active involvement of citizens in the work on the implementation of state functions. The dual nature of the relationship between society and the state is characteristic of the USSR period: the monopolization of power by the nomenclature and the mass involvement of society in governing the state.

Keywords: interaction between society and the state, USSR society, citizen involvement, workers' participation, appeal to the USSR, citizen complaints, adaptation of society

For citation: Pogodina I. V. Interaction between the state and society in the USSR: stimulation of initiative and creative activity of the soviet people. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 4 (68), pp. 44–50. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-44-50>.

Это — общество подлинной демократии, политическая система которого обеспечивает эффективное управление всеми общественными делами, все более активное участие трудящихся в государственной жизни, сочетание реальных прав и свобод граждан с их обязанностями и ответственностью перед обществом.

Конституция Союза Советских Социалистических Республик (принята Верховного Суда СССР 07.10.1977)

Тема взаимодействия общества и государства, прямых и обратных связей, которые возникают при таком взаимодействии, несмотря на свою значимость, остается недостаточно исследованной в литературе [1–2]. Тем временем необходимость в ее изучении существует, поскольку очень часто нарушается баланс в отношениях между государством и обществом, а взаимосвязь эта сложна и развивается нелинейно.

Общество, конечно, шире государства и первично по отношению к нему. Государство — элемент общества, пусть и центральный, выступающий средством управления, а иногда и насилия, подавления, являющийся деструктивной формой организации. Но значение государства для общества велико, поскольку оно является его управляющей системой. В этой ипостаси оно должно выполнять функции в интересах большинства населения, учитывать мнение граждан, разрешать возникающие противоречия, искать решения конфликтов. Оно — регулятор общественных отношений, значительно более мощный, чем другие регуляторы, например, мораль. Недаром противоречия между государством и обществом проявляются как противоречия между моралью и политикой [1]. При решении

своих задач и защите определенных интересов государство, используя силу и аппарат принуждения, не всегда принимает во внимание мнения граждан. Такие явления традиционны и, видимо, будут существовать, пока есть государство как политическая форма управления обществом. Общество воздействует на государство прямыми связями, а государство на общество, как принято считать, обратной [2]. И воздействие это должно быть позитивным, созидающим, способствовать развитию общества и его институтов, прогрессу. Государство как особый мир ценностей, совокупность юридических норм и конструкций [3] должно обеспечивать условия для жизни и деятельности людей, отдельной личности и всего общества. И. А. Гобозов, рассматривая происхождение слова «государство», приводит слова французского политолога Д. Кола, который, в свою очередь, делает весьма интересный вывод об этимологии термина и настаивает на том, что само слово несет в себе идею стабильности и постоянства [1].

Разные исторические периоды демонстрируют вариации взаимоотношений и взаимовлияния общества и государства. Довольно интересна история взаимодействия советского

государства с обществом. Как отмечают исследователи, «...споры о советской истории по-прежнему не оставляют равнодушными <...> Советский Союз интересен во многих отношениях» [4], заметна «мифологизация... советского прошлого» [5]. Кроме того, высказывается мнение, что советский период стал одной из точек бифуркации в историческом развитии России, а общество адаптировалось к новой общественно-политической среде, вырабатывая стратегии приспособления и взаимодействия [6].

Государство СССР — особая социально-экономическая и социально-политическая система, которая подразумевала и практически реализовывала политику массового вовлечения граждан в управление. Нормы права Союза, практика их применения, документы той эпохи и реальные исторические примеры показывают, что граждане могут научиться государственному управлению [4]. К сожалению, в значительной степени традиции, механизмы и достижения советской демократии были утрачены, но документальные источники свидетельствуют, а участники мероприятий советского периода могут транслировать опыт тех лет, что важно для современных практик вовлечения граждан в выполнение функций государства.

Формами взаимодействия общества и государства в СССР были выборы, указы депутатам, отчеты депутатов, обращения к органам власти устные (прием граждан) и письменные (обращения в средства массовой информации (далее — СМИ), собрания граждан). Взаимодействие общества и государства в Советском Союзе можно рассматривать с нескольких сторон: технико-технической, социально-экономической, правовой и психолого-идеологической. Последняя отличалась силой содержания и качеством инструментов.

Конституция РСФСР 1918 года [7] закрепила свободу печати (ст. 14), собрания с предоставлением условий для них (ст. 15), объединения (ст. 16), установила, что власть реализуется через Советы, которые выбираются населением. В примечании к статье 57 было допущено, что в отдельных селениях вопросы управления можно решать и общим собранием избирателей. Право на обращение закреплено в Основном законе не было. Оно было предусмотрено в нормативных актах советской власти, первыми из которых стали постановление «О точном соблюдении законов» [8] и декрет «Об устранении волокиты» [9]. Они закрепляли порядок работы с обращениями граждан, предложенный В. И. Лениным.

Инструментами воздействия государства на общество в 20-х годах XX века были контроль над избирательным процессом, распространение в общественном сознании коммунистических идей, проведение массовых политических акций, антирелигиозная пропаганда [10]. Инструменты эти нельзя назвать демократическими и тем более эталонными: установление норм представительства избирателей, лишение части населения избирательных прав, специальные приемы в пропаганде, агрессивные антирелигиозные кампании — все это использовалось для достижения целей власти, установления нужного политического режима. Являлось ли только деструктивным такое влияние государства с заметными элементами насилия? Вопрос риторико-исторический. Общество реагировало неоднородно, но постепенно интегрировалось в новые условия, адаптируясь к государству.

Антирелигиозная политика государства служит своеобразным маркером взаимоотношений общества и государства. Несмотря на волнообразный характер отношения советской власти к религии, следует констатировать, что весь период существования СССР советское воспитание было антирелигиозным, рассчитанным на новое поколение. Большой вклад в пропаганду атеизма внесли общественные организации. Для создания безрелигиозной среды важным оказалось объявление новых бытовых и культурных традиций [11].

Во второй половине 1920-х годов граждане взаимодействовали с государством следующим образом: обращались письменно (причем количество обращений заметно возрастало в это время), писали в СМИ (газеты), участвовали в спорах в ходе избирательных кампаний, могли дискутировать на отчетных собраниях депутатов. Все это свидетельствует о развитии отношений «общество-государство», активизации граждан, обозначении социально-психологической траектории на сотрудничество. Однако часть общества (так называемые «обыватели») оставалась неактивной, ее поведение можно определить как абсентеизм.

Важной формой взаимодействия власти и населения, каналом информирования о нуждах, запросах и мнении граждан были обращения. Направлялись обращения, а в основном это были жалобы по жилищным проблемам, вопросам образования, лично или через газету. Государство с помощью этого источника информации выявляло проблемы и узнавало претензии к органам власти.

В этот период общество продолжало адаптироваться к новой политической организации, а среди форм подстраивания преобладало включение в существующую политическую систему, усвоение новых социалистических ценностей [5]. О кооперации и сотворчестве говорить в этот период некорректно.

Конституция 1936 года [11] повторила, что политическую основу СССР составляло выбираемые прямыми выборами Советы депутатов трудящихся (ст. 2, 139 и др.), депутатов, которые должны отчитываться перед избирателями и могли быть отозваны (ст. 142).

В марте 1937 года, выступая на Пленуме ЦК, И. В. Сталин сказал о необходимости повышения бдительности среди коммунистов [13]. Как считается, был активизирован объявленный ранее курс на стимулирование граждан к критике власти, обнаружению негативных проявлений, поиску и выявлению проблем. В 1952 году Г. М. Маленков опять призывал к усилению бдительности, указав, что «...необходимо широко развешивать самокритику и особенно критику снизу. Активное участие широких масс трудящихся в борьбе с недостатками в работе и отрицательными явлениями в жизни нашего общества является ярким свидетельством подлинного демократизма советского строя и высокой политической сознательности советских людей. В критике снизу находит свое выражение творческая инициатива и самодеятельность миллионов трудящихся, их забота об укреплении Советского государства» [14].

Лидеры страны приглашали общество к сотрудничеству в деле решения общих задач и выполнения функций государства. Технологическая сторона взаимодействия общества и государства того времени позволяла это сделать путем обращений. Работа с обращениями была одним из направлений по реализации принципа народовластия и участия общества в управлении государством, поэтому интерес к обращениям граждан всегда был повышен. В них видели обратную связь с населением и форму участия трудящихся в решении общих государственных задач, форму контроля органов власти.

Разделив время «оттепели» на два периода (с 1953 по конец 1950-х годов и конец 1950-х по 1964 год), А. Савин и В. Деннингхаус обоснованно указывают, что первый отрезок можно характеризовать как время, когда общество и государство выстраивали равновесие между собой, проявляли взаимную терпимость к системе ценностей и стереотипам друг друга [6, с. 280], несмотря на социально тяжелые условия этого

периода. Государство, со своей стороны, значительно уменьшило репрессивную агрессию, заметно поменяло отношение к церкви, реформировало налогообложение, ценовую политику. Общество вносило свой вклад в приближение «светлого будущего». Население было позитивно настроено и использовало так называемые «активные формы адаптации» [6] (включение в систему, трансляция идеологии). Объяснить такую обоюдную реакцию можно тем, что по окончании войны граждане были настроены терпеть, ждать стабилизации и улучшения ситуации, понимая трудности государства.

Во второй период начало 60-х годов XX века на первый план вышли пассивные формы адаптации, которые в том числе способствовали повышенному оттоку сельского населения в города, проявилось протестное поведение населения. Это было реакцией на изменение воздействия государства на общество: усиление диктата, социально-экономические решения, антирелигиозную кампанию.

В 60-е годы XX века произошло обновление советского законодательства. Это время либерализации норм и общественных отношений. Именно это десятилетие считается качественно новым этапом в развитии взаимодействия общества и государства. Но, по мнению некоторых исследователей, либерализация, активизация процесса развития общественных связей оказались недолгими, и государство фактически отказалось от намечавшегося диалога с обществом [15].

В 1967 году для повышения инициативности и активности советского народа было принято Постановление ЦК КПСС [16], в нем работа с обращениями признавалась важнейшим направлением в деятельности государственных и партийных органов. Следующий нормативный правовой акт по поводу взаимодействия с населением был принят в 1968 году, где опять подчеркивалось значение обращения [17]. Информация от граждан объявлялась ценным источником при поиске решения проблем, новых идей и совершенствования работы государственного аппарата.

О. Д. Попова, исследуя такой исторический источник, как «письма во власть» [17], указывает на то, что большинство обращений относится к «письмам-жалобам». Данный поток обращений был довольно большой: ежемесячно в Совет Министров поступало около 20 тысяч писем (данные о 60-х годах XX века) [5, 18]. Заметна связь количества обращений с экономико-социальными проблемами и с разочарованием

граждан, которые устали ждать наступления лучших времен.

Для обработки такого количества писем был создан сектор жалоб. В органы исполнительной власти перенаправлялись и письма из редакций газет и журналов, в которые обращались граждане для решения своих вопросов. Конечно, СМИ не могли решить проблемы граждан, однако способствовали началу движения по делам заявителей и оглашению проблем.

Поток жалоб в 60-е годы Ю. С. Никифоров и Я. Н. Сироткин трактуют как особый двойственный социокультурный феномен [19]. Они обнаруживают, что, несмотря на улучшение социально-экономических условий, значительное уменьшение репрессий, либерализацию всех сфер жизни, взаимодействие власти и общества приобретало все более жесткий характер и к 80-м годам XX века, превратилось в конфликт. Такой вывод был сделан на материалах архива обращений граждан Ярославской области.

Кроме этого, интересны материалы по поводу трудовых отношений. Авторы писем поднимали проблемы оптимизации производства, дисциплины и халатности. Встречалась и критика власти. Используя материалы указанных авторов, можно сделать вывод, что элементы того, что мы сегодня называем краудсорсинговыми технологиями (получение новых идей от граждан, поиск решения проблем), встречались в рассматриваемое время. Похоже, что именно этого ждало от общества государство. Такой настрой общества сохраняется, несмотря на рост проблем во всех сферах жизни.

Реформы 60-х годов XX века затронули и порядок работы с обращениями. Целесообразным было признано организовать специальное ведомство для их рассмотрения. Поиск наиболее удачной формы такого ведомства велся несколько лет. В 1962 году для рассмотрения заявлений организовали Комитет партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совета министров СССР. В 1965 году был принят новый закон «Об органах народного контроля в СССР» [20], после чего органы партийно-государственного контроля были преобразованы в органы Народного контроля, появился Комитет народного контроля при Совете министров СССР, комитеты народного контроля в республиках и регионах, а также группы и посты народного контроля при сельских и поселковых Советах депутатов трудящихся, на предприятиях, в колхозах, учреждениях, организациях и воинских частях.

Сообщения от граждан в какой бы то ни было форме позволяли понять государству реальные настроения, проблемы и запросы населения страны. Можно сказать, что обращения — это социологический институт, возможно, почти единственный в СССР.

В Конституции 1977 года [21] так, как шестьдесят лет до этого, было еще раз постулировано, что народ осуществляет государственную власть через Советы народных депутатов. Принятый несколько десятилетий порядок участия в управлении государственными и общественными делами был довольно стабильным, понятным и доступным гражданам. Общество через советы участвовало в делах государства, в управлении страной [22, с. 8]. Советы несли и образовательно-воспитательную нагрузку, повышали культуру участия граждан. Количество людей, которые приняли участие в работе советов, прошли «школу активной государственной работы» [22, с. 48], исчислялось миллионами человек. Однако высказывается мнение, что на деле происходило недостаточно полное раскрытие гуманистической составляющей идеи широкого привлечения общества для выполнения функций государства. В доказательство этому исследователь приводит наличие жесткой цензуры, называет советы «декоративными» органами власти, обращает внимание на концентрацию реальной власти в руках узкого круга партийно-государственной номенклатуры [4].

Однако на фоне объявленного расширенного гражданского участия возможности самоуправления были существенно снижены. Так, Л. Ф. Болтенкова пишет, что «...народоправство на Руси было отодвинуто в тень в Советский период, поскольку главная роль отводилась теории классовости и классовой борьбы...» [23].

В 70-80-е годы XX века большое значение во взаимоотношениях с обществом со стороны государства придавалось профилактической работе, поощрениям и наградам. Репрессивность как черта советского государства была существенно скорректирована. Материальное и моральное поощрение — это стимулы для активизации общества к совместной работе со трудничеству и кооперации. Среди форм адаптации общества в данном периоде преобладали все же пассивные.

Следует констатировать дуальный характер двух тенденций в развитии отношений общества и государства СССР: монополизация власти узким кругом номенклатуры и массовое вовлечение трудящихся в управление государством.

Список источников

1. Гобозов И. А. Общество и государство: их взаимодействие // *Философия и общество*. 2011. № 2. С. 5–22.
2. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. Москва: Юрист, 2004. 245 с.
3. Теория государства и права: учебник / под ред. В. Н. Жукова, Е. А. Фроловой. Москва: Проспект, 2024. 640 с.
4. Осин Р. С. Советское общество: сущность, тенденции и противоречия развития: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Москва, 2015. 24 с.
5. Попова О. Д. «Письма во власть» как источник по изучению уровня жизни советских граждан в 1950–60-е годы // Развитие территории в условиях современных вызовов: (X Рязанские социологические чтения): материалы Национальной научно-практической конференции, Рязань, 12–13 ноября 2020 года / отв. редактор Р. Е. Маркин. Рязань: ООО «Издательство Ипполитова», 2020. С. 64–69.
6. Деннингхаус В., Савин А. И. На встречах курсах: политическая коадаптация власти и общества в брежневскую эру // *Диалог со временем*. 2015. № 53. С. 279–293.
7. Конституция Российской Социалистической Федеративной Советской Республики // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.11.2024).
8. О точном соблюдении законов: постановление VI Всероссийского Съезда Советов от 8 ноября 1918 года // URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/95708-postanovlenie-vi-vserossiyskogo-chrezvychaynogo-sezda-sovetov-rabochih-i-krestyanskih-deputatov-o-tochnom-soblyudenii-zakonov-8-noyabrya-1918-g> (дата обращения: 15.11.24).
9. Об устранении волокиты: декрет СНК РСФСР от 30 декабря 1919 года // URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/16656-30-dekabrya-postanovlenie-snk-ob-ustranении-voлокиты-v-sovetskih-uchrezhdeniyah> (дата обращения: 15.11.24).
10. Сухарев А. А. Власть и общество зауральского города в условиях НЭПа: 1921–1929 годы (на материалах Тюмени): автореф. дис. ... канд. истор. наук. Тюмень, 2014. 25 с.
11. Ильязова Р. В. Антирелигиозная пропаганда в СССР в 1918–1941 гг. (по материалам Симбирского — Ульяновского края): автореф. дис. ... канд. истор. наук. Саранск, 2021. 23 с.
12. Конституция Союза Советских Социалистических Республик (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 5 декабря 1936 года // *Известия ЦИК СССР и ВЦИК*. 1936. № 283.
13. Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года. 3 марта 1937 года. Вечернее заседание. Доклад т. Сталина // *Вопросы истории*. 1995. № 3. С. 3–15. URL: <https://istmat.org/node/30245> (дата обращения: 10.11.24).
14. Материалы XIX съезда ВКП(б)-КПСС — Г. М. Маленков. Отчетный доклад Центрального Комитета ВКП(б) XIX съезду партии. URL: <https://stalinism.ru/dokumenty/materialy-xix-s-ezda-vkp-b-kpss.html?showall&start=5> (дата обращения: 10.11.24).
15. Бойченко Л. В. Правовые основы взаимодействия государства и общества в 60-е годы XX века // *Образование и право*. 2013. № 8. С. 152–155.
16. Постановление ЦК КПСС. Об улучшении работы по рассмотрению писем и организации приема трудящихся. 29 августа 1967 года // *Партийная жизнь*. 1967. № 18. С. 8–10).
17. О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан: указ Президиума ВС СССР от 12 апреля 1968 года № 2534-VII (ред. от 2 февраля 1988) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1929/?ysclid=m2rfeqs2co80440569 (дата обращения: 11.11.2024).
18. Кищенко М. С., Никифоров Ю. С., Тумаков Д. В. Бюрократические практики ярославской региональной элиты в работе с письмами граждан в СССР 1960-х годов // *Новейшая история России*. 2021. Т. 11, № 1. С. 134–148.
19. Никифоров Ю. С., Сироткин Я. Н. Жалобы советских граждан как культурный феномен эпохи позднего социализма // *Верхневолжский филологический вестник*. 2019. № 4 (19). С. 216–221. DOI 10.24411/2499-9679-2019-10611.
20. Об органах Народного контроля в СССР: закон СССР от 9 декабря 1965 года № 4224-VI // *Ведомости ВС СССР*. 1965. № 49. Ст. 718.
21. Свод законов СССР. 1990. Т. 3. С. 14. Первоначальный текст документа опубликован в издании: *Ведомости ВС СССР*. 1977. № 41. Ст. 617.
22. Ким Л. И., Барнашов А. М. Народное представительство в СССР / Томск: Изд-во Томск, ун-та, 1982. 91 с.
23. Болтенкова Л. Ф. Формы народоправства в русском государстве: IX–XVI вв. // *Казачество*. 2016. № 3 (16). С. 33–46.

Reference

1. Gobozov I. A. Society and the state: their interaction. *Philosophy and society*, 2011, no. 2, pp. 5–22. (In Russ.)
2. Matuzov N. I., Malko A. V. Theory of state and law: textbook. Moscow: Jurist, 200. 245 p. (In Russ.)
3. Theory of state and law: textbook / ed. by V. N. Zhukov, E. A. Frolova. Moscow: Prospect, 2024. 640 p. (In Russ.)
4. Osin R. S. Soviet society: essence, tendencies and contradictions of development. author's abstract. Dissertation... candidate of philosophy sciences. Moscow, 2015. 24 p. (In Russ.)
5. Popova O. D. "Letters to the Authorities" as a Source for Studying the Standard of Living of Soviet Citi-

zens in the 1950s-60s // Development of the Territory in the Context of Modern Challenges: (X Ryazan Sociological Readings): Proceedings of the National Scientific and Practical Conference, Ryazan, November 12–13, 2020 / Responsible. editor R. E. Markin. Ryazan: OOO "Ippolitov Publishing House", 2020. Pp. 64–69. (In Russ.)

6. Denninghaus V., Savin A. I. On Collide Courses: Political Co-Adaptation of Power and Society in the Brezhnev Era. *Dialogue with Time*, 2015, no. 53, pp. 279–293. (In Russ.)

7. Constitution (Basic Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic (adopted by the V All-Russian Congress of Soviets on July 10, 1918). Access from the reference legal system "ConsultantPlus". (accessed 01.11.2024). (In Russ.)

8. On strict observance of laws: Resolution of the VI All-Russian Congress of Soviets of November 8, 1918 URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/95708-postanovlenie-vi-vserossiyskogo-chrezvychaynogo-sezda-sovetov-rabochih-i-krestyanskih-deputatov-o-tochnom-soblyudenii-zakonov-8-noyabrya-1918-g> (accessed 15.11.2024). (In Russ.)

9. On the Elimination of Red Tape: decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of December 30, 1919. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/16656-30-dekabrya-postanovlenie-snk-ob-us-tranenii-volokity-v-sovetskih-uchrezhdeniyah> (accessed 15.11.2024). (In Russ.)

10. Sukharev A. A. Power and society of a trans-Ural city under the NEP: 1921–1929 (based on materials from Tyumen). Dissertation... candidate of legal history sciences. Tyumen, 2014. 25 p. (In Russ.)

11. Ilyazova R. V. Anti-religious propaganda in the USSR in 1918–1941 (based on materials from the Simbirsk-Ulyanovsk region). Dissertation... candidate of legal history sciences. Saransk, 2021. 23 p. (In Russ.)

12. Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics (approved by the Resolution of the Extraordinary VIII Congress of Soviets of the USSR of December 5, 1936. *Izvestiya of the Central Executive Committee of the USSR and the All-Russian Central Executive Committee*, 1936, no. 283. (In Russ.)

13. Materials of the February-March Plenum of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) of 1937. March 3, 1937. Evening session. Report by Comrade Stalin. *Questions of History*, 1995,

no. 3, pp. 3–15. URL: <https://istmat.org/node/30245> (accessed 10.11.24). (In Russ.)

14. Materials of the XIX Congress of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) — CPSU - G. M. Malenkov. Report of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) to the XIX Party Congress URL: <https://stalinism.ru/dokumenty/materialy-xix-s-ezda-vkp-b-kpss.html?showall&start=5> (accessed 10.11.24). (In Russ.)

15. Boychenko L. V. Legal bases of interaction between the state and society in the 60s of the twentieth century. *Education and law*, 2013, no. 8, pp. 152–155. (In Russ.)

16. Resolution of the Central Committee of the CPSU. On improving the work on considering letters and organizing the reception of workers. August 29, 1967. *Party Life*, 1967, no. 18, pp. 8–10. (In Russ.)

17. On the procedure for considering proposals, applications and complaints of citizens: decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of April 12, 1968 no. 2534-VII/ Access from the reference legal system "ConsultantPlus". (accessed 11.11.2024). (In Russ.)

18. Kishchenkov M. S., Nikiforov Yu. S., Tumakov D. V. Bureaucratic practices of the Yaroslavl regional elite in working with letters from citizens in the USSR in the 1960s. *Modern history of Russia*, 2021, vol. 11, no. 1, pp. 134–148. (In Russ.)

19. Nikiforov Yu. S., Sirotkin Ya. N. Complaints of Soviet citizens as a cultural phenomenon of the era of late socialism. *Upper Volga Philological Bulletin*, 2019, no. 4 (19), pp. 216–221. (In Russ.)

20. On the People's Control Bodies in the USSR: law no. 4224-VI of the USSR of December 9, 1965. *Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR*, 1965, no. 49, art. 718. (In Russ.)

21. Code of Laws of the USSR. 1990. Vol. 3. P. 14. The original text of the document was published in the publication. *Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR*, 1977, no. 41, art. 617. (In Russ.)

22. Kim L. I., Barnasov A. M. People's Representation in the USSR. Tomsk: Tomsk University Publishing House, 1982. 91 p. (In Russ.)

23. Boltenkova L. F. Forms of democracy in the Russian state: IX–XVI centuries. *Cossacks*, 2016, no. 3 (16), pp. 33–46. (In Russ.)

Информация об авторе

И. В. Погодина — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой финансового права и таможенной деятельности Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых.

Information about the author

I. V. Pogodina — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Financial Law and Customs Activities, Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletov.

Научная статья
УДК 94 (47)
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-51-58>

Организационно-правовые основы деятельности полиции Российской империи по обеспечению общественного призрения в XVIII–XIX веках

Ханин Сергей Владимирович^{1, 2}

¹Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия,

²Волго-Вятский филиал МТУСИ, Нижний Новгород, Россия, HaninSV@yandex.ru

Аннотация. В статье раскрываются организационно-правовые основы деятельности полиции по обеспечению общественного призрения в период XVIII–XIX веков. Рассмотрена эволюция формирования правовых основ, определяющих материальное и финансовое обеспечение, в организации механизма реализации политики призрения. Прослеживается деятельность полиции в реализации направлений общественного призрения, особенности выражения декларированных государством форм помощи, а также эволюция методов и направлений в деятельности полиции. Анализируется роль полиции как одного из основных административно-исполнительных органов власти в Российской империи в развитии и реализации идеи общественного призрения и ее традиций, особенности в обеспечении надзорно-контрольной функции в деле организации помощи нуждающимся.

Ключевые слова: Российская империя, общественное призрение, полиция, законодательство, нищенство

Для цитирования: Ханин С. В. Организационно-правовые основы деятельности полиции Российской империи по обеспечению общественного призрения в XVIII–XIX веках // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 4 (68). С. 51–58. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-51-58>.

Original article

Organizational and legal foundations of the activities of the police of the Russian Empire to ensure public welfare in the XVIII–XIX centuries

Sergey V. Khanin^{1, 2}

¹Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation,

²Volga-Vyatka branch of MTUCI, Nizhny Novgorod, Russian Federation, HaninSV@yandex.ru

Abstract. The article reveals the organizational and legal foundations in the activities of the police to ensure public charity in the period of the XVIII–XIX centuries. The evolution of the formation of the legal foundations that determine the material and financial support in the organization of the mechanism for the implementation of the charity policy is considered. A diverse picture of police activity in the implementation of areas of public charity,

© Ханин С. В., 2024

features in the implementation of forms of assistance declared by the state, as well as the evolution of methods and directions in police activities is traced. The article analyzes the role of the police, one of the main administrative and executive authorities in the Russian Empire in the development and implementation of the idea of public charity and its traditions, especially in providing supervisory and control functions in organizing assistance to those in need.

Keywords: Russian Empire, public opinion, police, legislation, begging

For citation: Khanin S. V. Organizational and legal foundations of the activities of the police of the Russian Empire to ensure public welfare in the XVIII–XIX centuries. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 4 (68), pp. 51–58. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-51-58>.

Исторический опыт реформаторской деятельности в становлении и развитии общественного призрения сегодня приобретает особую популярность и значимость. Осмысление проблем развития социальной политики на современном этапе вызывает потребность в активизации научных исследований с целью изучения исторического опыта организационных начал и законодательного обеспечения структур общественного управления, призванных реализовать государственную и общественную благотворительность. Всестороннее изучение различных аспектов организационных основ в эволюции политики государственного и общественного призрения позволяет, опираясь на данный опыт, предложить методы, пути, способствующие повышению эффективности социальной политики Российской Федерации в сложных современных геополитических условиях, изучить особенности постановки и достижения ее целей, рассмотреть роль и место государственных и общественных структур в ее реализации.

Православная церковь на протяжении истории своей деятельности, обращаясь к душе человека, формировала потребность в проявлении милосердия и гуманизма. В период же становления государственности наставляла каждого прихожанина заботиться о ближнем, выступала в роли вдохновителя власти и общества в вопросах благотворительности.

Важным средством в обеспечении организационных основ благотворительности становится законодательство, инициируемое властью. Так, оценивая роль благотворительности как инструмент воспитания и сплочения общества, духовенству вменялась задача постоянного совершенствования общественного призрения (о чем свидетельствует Устав 996 года) [1, с. 102–103]. Примером гуманного отношения к народу явилось учреждение в XII веке по инициативе Ярослава Мудрого сиротского училища, ставшего первым учреждением социальной

помощи. Представители власти активно распространяли среди всех слоев населения ценности, выражающие отзывчивость, доброту и любовь к человеку, жизни и ее духовному содержанию. В то же время Н. М. Карамзин подчеркивал, что в Церковном уставе Владимира богадельни, больницы и т. п. были «отчуждены от мирского ведомства» [2, с. 145], что исключало отождествление форм оказания помощи нуждающимся между церковной и княжеской благотворительностью.

По мере развития гражданственности, возрастания задач безопасности общества в конце XVII века расширяются меры государственного регулирования, предусматривающие не только добровольный характер помощи со стороны общества, но и обязательную помощь в деле призрения. Благотворительность стала рассматриваться как государственная задача.

В конце XVII – начале XVIII веков результатом глубокой модернизации государственной системы управления России, осуществляемой Петром I, охватившей все стороны жизни общества, стали европеизация и трансформация страны в Российскую империю. Будучи поклонником законности и правового порядка, демонстрируя двойственное и небезупречное отношение к религии, Петр I осуществляет упразднение патриаршества и учреждает Духовную коллегию (под надзором обер-прокурора), лишив церковь ее самостоятельности. И если В. О. Ключевский констатировал, что «нищенство считалось в древней Руси не экономическим бременем для народа, не язвой общественного порядка, а одним из главных средств нравственного воспитания народа, состоящим при Церкви практическим институтом благонравия» [3, с. 3], Петр I рассматривал нищенство как источник безнравственности и преступлений. Он начинает всеобъемлющую борьбу с этим явлением. Проявляется новизна подходов в системах организационных и правовых основ благотворительности, ей придается светский характер.

Так, 25 мая 1718 года Петром I был утвержден Указ «Пункты, данные Санкт-Петербургскому генерал-полицмейстеру» (далее — Указ), определивший статус и роль полиции как универсального инструмента в реализации общественного призрения. Так, согласно пункту 10 Указа Санкт-Петербургскому генерал-полицмейстеру предписывалось: «всех гуляющих и слоняющихся людей, а особливо которые под видом, аки бы чем промышляли, хватать и допрашивать... Равно ж содержать и с нищими, буде от оных кто работу сработать может, и тех ловить и определять в работу ж» [4].

Государственный аппарат активно включается в решение проблем общественного призрения, доказывая, что благотворительность приобрела светский характер и стала заботой власти. Важное место в формирующейся системе государственного призрения было отведено Главному магистрату и Духовной коллегии, в регламентах которых были определены не только мероприятия светской и духовной власти в области призрения бедных, но и предусматривалось взаимное дополнение усилий данных структур в борьбе с нищенством. Свидетельством тому — рождение более 20 указов [5, с. 96], направленных на борьбу с профессиональным нищенством, принявшем в государстве форму социального иждивенчества. Так, 30 ноября 1691 года был издан Именной указ «О забираии нищих, притворяющихся увечными, и о наказании их» [6, с. 119–120], а 13 октября 1718 года был издан Сенатский указ «О воспрещении увечным ходить в С.-Петербург для прошения милостыни» [7, с. 189–190], в соответствии с которыми нищим не позволялось перемещаться из одного города в другой с целью прошения милостыни [8, с. 237–238].

Государственная форма организации призрения, настойчиво и последовательно преодолевая бюрократические барьеры и противодействия различных факторов и социальных сил, формировалась за счет государственных средств. Так, Именным указом от 20 июня 1718 года «О поимке нищих и об отсылке их по наказанию в прежние места» [9, с. 578–579] конкретизировался механизм противодействия со стороны полиции в отношении нищих, в том числе и тех категорий, которые неоднократно нарушали предписанный регламент поведения. Его осуществление при Петре I имело целью не только «не допускать шататься по улицам обезображенных нищих, гнусных и видом противных» [9], но и юридическое оформление характера взаимодействия нуждающихся и полиции,

снижения уровня противоречий и нарушения установленных норм, предполагающих применение грубого прямого принуждения.

В то же время особенностью этого периода явилось утверждение в Российской империи строя, который в политико-правовой литературе был определен как полицейское государство, функционирующее на крепостной основе и использующее крепостнические методы, что позволило определить уровень жизни подданных и в первую очередь в вопросах противодействия нищенству. Характерной чертой петровской полиции явилось не только стремление к копированию европейских образцов и невнимание к традиционной для Российской империи форме благотворительности, но и преобладание репрессивно-карательных методов, включая мероприятия социальной направленности. Диапазон средств и методов, используемых полицией в противодействии нищенству и бродяжничеству, закрепленный юридически и носивший чрезвычайный характер, был разнонаправленным. В арсенале полиции имелись такие средства, как осуществление контрольно-надзорных и карательных функций по предотвращению профессионального нищенства и бродяжничества, организация взаимодействия полиции и общества, допрос, применение физической силы, ограничение перемещения просившим милостыню, битье кнутом и ссылка. Жестокость, используемая в механизме противодействия нищенству, означала, что логика и пропорциональность содеянному субъектами, профессионально занимающимися попрошайничеством, в зависимости от результатов дознания определяли не только принцип неотвратимости наказания, но и разные варианты и степень наказания в случае неоднократного совершения аналогичных действий. Однако анализ реализации насильственных методов полицией в деле призрения позволяет констатировать, что сущность и причины использования репрессий, инициируемых властью и получивших юридическое закрепление, определялись позицией власти, выражавшейся в уверенности в магической силе страха, исходящего от формы применения наказания и статуса мер, ставших не только важным средством в процессе оказания помощи лицам, нуждающимся в ней, но и надежным инструментом в механизме формирующейся системы общественного призрения. Став в городах бюрократическим органом чиновничье-дворянского государства [10, с. 14],

полиция активно применяла варварские методы в своей деятельности.

В то же время в арсенале форм и методов петровской полиции присутствовали и сугубо гуманные методы, обеспечивающие защиту как всего гражданского населения, так и нищих. Так, в условиях голода, при организации раздачи хлеба, обеспечивая получение этой помощи нуждающимися при наводнениях, пожарах и других природных катаклизмах, полиция стремилась обеспечить безопасность слабых и немощных среди подданных Российской империи.

Таким образом, государственная власть, целенаправленно расширяя функции, направленные на реализацию социальных проблем, стремилась обеспечить базис для развития последующих этапов в становлении общественного призрения и формирования таких социальных технологий, как опека и попечительство, адаптация и реабилитация. Своими инициативами, активной деятельностью, создавая условия для развития инноваций в последующей деятельности в совершенствовании государственного призрения, Петр I заложил лишь основы для формирования государственного института призрения, осуществление которого было возложено на полицию. Системы же общественного призрения создать Петру I не удалось.

В годы правления Екатерины II формируются механизмы государственного управления, способствующие законодательному оформлению и реализации задач внутриполитической деятельности самодержавия, в качестве которых провозглашались безопасность и обеспечение благочиния, что свидетельствовало об официальном признании и закреплении данной деятельности как социально необходимой и определяющей направленность внутренней политики екатерининской эпохи.

С середины 70-х годов XVIII века правительство Екатерины II приступает к новой масштабной реорганизации аппарата управления страной: на основании «Учреждений для управления губерний Всероссийской империи» от 7 ноября 1775 года [11], ставших законодательной основой в оформлении государственной системы призрения в лице губернских приказов общественного призрения, создаваемых в каждой губернии (статья 378).

В «Уставе об общественном призрении» 1842 года содержалась норма, определяющая предмет призрения: «установление, содержание и управление богоугодных и общественных заведений, как-то: сиротских и воспитательных

домов, больниц и домов для призрения умалишенных, богаделен и работных домов для прокормления неимущих работою; 2) заведывание подобными заведениями, от частных лиц и обществ учрежденными...» [12].

Смысл концепции законодателя заключался в организации деятельности новых структур, посредством которых усилия государства будут сконцентрированы на создании механизма помощи нуждающимся. Власть мобилизует общество на милосердие и оказание помощи неимущим.

Происходит трансформация во взглядах и позициях власти в определении места полиции, ее методов в осуществлении попечения о нетрудоспособных членах общества. Отдается приоритет методам не репрессивно-карательным, а принудительно-обязательным, тем самым правительство определяет политику снисходительного отношения к малоимущим, это свидетельствует о перемене государственной позиции в сфере призрения в сторону ее гуманизации.

С 1781 года властью создается возможность реализации частной инициативы в развитии общественного призрения и, в частности, в создании благотворительных заведений [13, с. 119–120] по инициативе частных лиц. Однако заведения находились под контролем государства. Основу функционирования предложенной системы общественного призрения планировалось реализовать через сокращение количества нищих, используя управленческие технологии на внебюджетной основе. При этом важно отметить трансформацию в организационных началах. Так, если первоначально приказы общественного призрения были подотчетны губернаторам, следивших за исполнением приказов, а обязанностью полиции являлось распределение нищих по богадельням и приютам, обеспечение их занятости общественно-полезным трудом, что позволяло нуждающимся иметь минимальную материальную помощь [14, с. 15], то в последующем на полицию было возложено и проведение благотворительных мероприятий с необходимым материальным обеспечением.

Это свидетельствовало не только о глубоких переменах во взглядах власти на роль общественного призрения в системе государственного механизма, но и о возрастании роли полиции как специализированного органа, обеспечивающего реализацию комплекса мероприятий по призрению бедных, и изменении взглядов власти на категорию подданных, нуждающихся

в помощи, а также об официальном признании со стороны государства потребности оказания помощи нуждающимся. Это стало важным социальным направлением внутренней политики государства.

Одновременно в 1775 году было принято решение о расширении аппарата общегосударственной полиции. Полиция была разделена на городскую и уездную. На фоне дальнейшего расширения ее функций на полицию была возложена обязанность предупреждать и пресекать преступление и принуждать к исполнению законов.

В то же время перемены в системе общественного призрения способствовали не только приближению помощи к основному потребителю, находящемуся в провинции, но и увеличивали нагрузку на сельскую полицию, штат которой был незначительным, что не позволяло в полном объеме достигнуть результатов в деле общественного призрения.

Осуществление поиска в формировании основ правовой базы, регламентирующей становление и развитие социального обеспечения населения в Российской империи, его организационных начал на каждом историческом этапе свидетельствовало о возрастании роли законодательных основ как регулятора основных направлений в совершенствовании государственной системы общественного призрения, основой которой становятся губернские приказы общественного призрения.

Однако сохранение феодальных отношений, низкий уровень материального положения населения оставались источником бродяжничества и профессионального нищенства. Функции полиции на этом этапе развития общественного призрения определялись ее участием и заботой о подданных Российской империи в обеспечении общественной безопасности, выражавшейся в защите общества от распространения преступности и инфекционных болезней, сохранении социальной стабильности в обществе.

8 сентября 1802 года Александр I подписал манифест «Об учреждении министерств», на основании которого было создано Министерство внутренних дел. Среди предписанных ему внутренних функций государства важное место занимала организация общественного призрения [15, с. 6]. Министерство внутренних дел осуществляло надзор за больницами, богоугодными заведениями, тюрьмами, кроме этого, занималось делами приказов общественного призрения.

Важным средством в системе благотворительности становится частная инициатива. Согласно опубликованной «Табели о работе приказов общественного призрения и частных учреждений» в период с 1808 по 1812 год, в империи действовало девять частных благотворительных учреждений, подведомственных Министерству внутренних дел [16, с. 339]. В последующее время в стране начинает складываться система, включающая в себя не только принудительное общественное призрение, но и добровольную благотворительность, имеющую общую основу и цель — помощь слабым и реализацию морально-нравственных аспектов благотворительности. Указом от 4 января 1816 года «О непринятии от порочных людей пожертвований и ненаграждении их за оные» [17] были сформулированы требования, по которым принятие пожертвований необходимо было относить с личностью благотворителя.

С 1803 года Хозяйственный департамент становится центром, определяющим условия материального обеспечения организации общественного призрения в государстве. Диапазон задач, стоящих перед сотрудниками данного структурного подразделения, определялся уровнем качества и перспективами развития всех направлений общественного призрения. Так, на основе анализа отчетов губернаторов о состоянии благотворительных заведений подготавливали проекты нормативных документов для рассмотрения их Комитетом министров, способствовали кадровому и финансовому обеспечению и укреплению организационных и материальных основ общественного призрения. Чиновники департамента имели профессиональную подготовку, позволяющую обеспечить выполнение важнейших государственных задач в деле призрения. Примером в выполнении своего служебного долга являлся творческий и инициативный подход руководителей Министерства внутренних дел, оказывающих влияние на перспективы в деятельности полиции и в осуществлении социальной политики в Российской империи. Так, министры внутренних дел В. П. Кочубей, А. А. Закревский, Д. Н. Блудов обращали внимание на необходимость развития медицинских учреждений, добиваясь от губернаторов создания новых больниц, лазаретов и лечебниц. Особое внимание уделяли подготовке медицинских кадров, обучению сирот, чтобы выпускники, выйдя в большую жизнь, могли самостоятельно заработать себе на жизнь. [18, с. 127–128].

Однако сложившаяся вертикаль централизованной системы управления не только не способствовала формированию положительных тенденций в эволюции государственной системы общественного призрения, но и усложняла возможности оперативного внесения корректив в интересах совершенствования, оказания помощи нуждающимся. По мере формирования и укрепления буржуазных отношений роль Министерства внутренних дел возрастала. В Своде законов Российской империи в томе XIII редакции 1857 года, в книге первой «Учреждения и уставы приказов общественного призрения и заведений, состоящих под их ведомством» (далее – Свод), определялась главенствующая роль за Министерством внутренних дел. В статье 48 Свода законодателем было определено, что приказы общественного призрения с принадлежащими к ним заведениями подчиняются Правительствующему Сенату и Министерству внутренних дел.

Буржуазные реформы 1860–1870 годов XIX века, вызвавшие инновации в осуществлении социальной поддержки нуждающихся, создавали новые перспективы в эволюции системы общественного призрения. На основании «Положения о губернских и уездных земских учреждениях» 1864 года была осуществлена ликвидация земских приказов общественного призрения, а их заведения и капиталы передавались земским учреждениям, тем самым развитие общественного призрения получает мощный импульс к активизации в осуществлении социальных мероприятий. Данные новации определяли перемены и в самой концепции управления общественным презрением. Однако традиционно за Министерством внутренних дел и губернаторами сохранялась надзорная функция за генезисом управления социальными инициативами в деятельности органов самоуправления, благотворительных учреждений, частных лиц, а также системы содействия им в их реализации. Объяснялось это и напряженностью, сложившейся в стране, связанной с всплеском терроризма.

Поощряя пожертвования в пользу благотворительных учреждений, правительство в то же время вводило ограничения. Законодатель уделил внимание и проблемам учреждения приказов общественного призрения, формированию их сословного состава в губерниях, где отсутствовали земства. Данная процедура осуществлялась под председательством губернатора, с обязательным учетом социального состава, включая, представителей дворян,

губернских городских обществ и поселян. Важно отметить, что и комплектование штатов и увольнение членов приказа осуществлялось в соответствии с распоряжением Министерства внутренних дел. Данное ведомство получало карт-бланш на приостановку движения финансов, которыми располагал конкретный приказ. Это дает основание для вывода, что самостоятельность приказов в деле общественного призрения была в значительной степени ограничена и требовала согласования, прежде всего с губернским правлением.

В период контрреформ в 80–90 годы XIX века полицейский надзор ужесточается. Устав «Об общественном призрении», принятый в 1892 году [19], подтвердив разрешительный порядок открытия благотворительных обществ, обеспечил не только сохранение традиционного принципа сословности в призрении, но и традиционного патронирования со стороны Министерства внутренних дел, что предполагало не только утверждение уставов создаваемых обществ данным Министерством, но и соответствие этих обществ определенным требованиям, а также их всеобъемлющую отчетность. Система государственного призрения в рассматриваемый период оказалась недостаточно эффективной. Правительство не смогло утвердить общие правила по установлению взаимодействия с частной благотворительностью. На фоне расширения активности революционно настроенной части общества возрастала и необходимость сохранения жесткой регламентации в отношениях между Министерством внутренних дел и общественными и частными благотворительными организациями.

Таким образом, власть Российской империи не только признавала обязательность общественного призрения, но и способствовала формированию организационно-правовых основ деятельности полиции в развитии общественного призрения. Определяя место и роль полиции как элемента государственного аппарата, власть наделила полицию полномочиями главного распорядителя в организации дела общественного призрения, деятельность которого обеспечивала обществу безопасность.

Список источников

1. Цыпин В. А. Церковное право. Москва, 1996.
2. Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 1. Т. 1. Москва, 1988.
3. Ключевский В. О. Добрые люди Древней Руси // Богословский вестник. Сергиев Посад, 1892.

4. Пункты генерал полицмейстеру от 25 мая 1718 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. V. № 3212.

5. Вольф С. П. Благотворительное законодательство в Российской империи: камень преткновения или прочная основа для развития благотворительности // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2016. № 1 (17). С. 9–100.

6. О забираии нищих, притворяющихся увечными и о наказании их: Именной указ от 30 ноября 1691 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Санкт-Петербург, 1830. № 1424. С.119–120.

7. О воспрещении увечным ходить в С.-Петербург для прошения милостыни: Сенатский указ от 13 октября 1718 года // ПСЗ. Собрание 1. Т. V. № 10824. С. 189–190.

8. Галай Ю. Г. Законодательные меры Петра Великого по искоренению нищенства // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2007. № 1. С. 236–239.

9. О поимке нищих и об отсылке их, по наказании в прежние места: указ от 20 июня 1718 года // ПСЗ. Собрание 1. Т. V. № 3213. С. 578–579.

10. Сизиков М. И. Общая полиция в России XVIII века. Москва, 1999.

11. Учреждений для управления губерний Всероссийской империи от 7 ноября 1775 года // ПСЗРИ–I, Т. XX. № 14392.

12. Устав об общественном призрении // Свод законов Российской империи. Т. XIII. Пг. 1915.

13. О мерах к доставлению пропитания нищим: указ // ПСЗРИ I. Т. XX (1775–1780). № 15152.

14. Тарасова И. А. Роль полиции в обеспечении благотворительной деятельности в дореволюционной России (XVIII — начало XX в.): историко-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2001.

15. Министерство внутренних дел России 1802–2002. Исторический очерк в 2-х т. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России; Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности, 2002.

16. Гривастова А. Н. Благотворительность в дореволюционной России: основные проблемы и итоги изучения // Христианское чтение. 2022. № 2. С. 335–348.

17. О непринятии от порочных людей пожертвований и ненаграждении их за оные: указ от 4 января 1816 года // ПСЗРИ–I. Т. XXXIII. № 26061.

18. Кирпа М. С. Деятельность министерства внутренних дел российской империи по вопросам общественного призрения // Юристъ-Правоведъ: научно-теоретический и информационно-методический журнал. Ростов-на-Дону. 2023. № 2 (105). С. 125–130.

19. Устав об общественном призрении 1892 года // Свод законов Российской империи. Т. XIII. Санкт-Петербург, 1892.

References

1. Tsypin V. A. Church law. Moscow, 1996. (In Russ.)

2. Karamzin N. M. History of the Russian state. Book 1. Vol. 1. Moscow, 1988. (In Russ.)

3. Klyuchevsky V. O. Good people of Ancient Rus'. Theological Bulletin, Sergiev Posad, 1892. (In Russ.)

4. Points to the general police master from May 25, 1718. Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection I. Vol. V. No. 3212. (In Russ.)

5. Wolf S. P. Charitable legislation in the Russian Empire: a stumbling block or a solid foundation for the development of charity. *Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technology*, 2016, no. 1 (17), pp. 9–100. (In Russ.)

6. On the seizure of beggars pretending to be disabled and their punishment: Personal decree of November 30, 1691. Complete Collection of Laws of the Russian Empire (hereinafter PSZ). Collection 1. Saint Petersburg, 1830. No. 1424. Pp. 119–120. (In Russ.)

7. On the prohibition of the disabled from going to St. Petersburg to beg for alms: Senate decree of October 13, 1718. PSZ. Collection 1. Т. V. No. 10824. Pp. 189–190. (In Russ.)

8. Galay Yu. G. Legislative measures of Peter the Great to eradicate beggary. Bulletin of the N. I. Lobachevsky University of Nizhny Novgorod, 2007, no. 1, pp. 236–239. (In Russ.)

9. On the capture of beggars and their sending back to their former places after punishment: decree of June 20, 1718. PSZ. Collection 1. Vol. V. No. 3213. Pp. 578–579. (In Russ.)

10. Sizikov M. I. General police in Russia in the 18th century. Moscow, 1999. (In Russ.)

11. Institutions for the governance of the provinces of the All-Russian Empire of November 7, 1775. PSZRI–I, Vol. XX. No. 14392. (In Russ.)

12. Charter on public charity. Code of laws of the Russian Empire. Vol. XIII. Pg. 1915. (In Russ.)

13. On measures to provide food to the poor: decree. PSZRI-I. Vol. XX (1775–1780). № 15152. (In Russ.)

14. Tarasova I. A. The role of the police in ensuring charitable activities in pre-revolutionary Russia (18th - early 20th centuries): historical and legal aspect. Author's abstract... candidate of legal sciences. Moscow, 2001. (In Russ.)

15. The Ministry of Internal Affairs of Russia 1802–2002. Historical essay in 2 volumes. St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Academy of Law, Economics and Life Safety. 2002. (In Russ.)

16. Grivastova A. N. Charity in pre-revolutionary Russia: main problems and results of the study. Christian reading, 2022, no. 2, pp. 335–348. (In Russ.)

17. On the non-acceptance of donations from vicious people and non-rewarding them for them: decree of January 4, 1816. PSZRI-I. T. XXXIII. No. 26061. (In Russ.)
18. Kirpa M. S. Activities of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire on Public Welfare Issues. Jurist-Pravoved: scientific-theoretical and information-methodical journal Rostov-on-Don, 2023, no. 2(105), pp. 125–130. (In Russ.)
19. Charter on Public Welfare of 1892. Code of Laws of the Russian Empire. T. XIII. St. Petersburg, 1892. (In Russ.)

Информация об авторе

С. В. Ханин — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России; доцент кафедры естественнонаучных и гуманитарных дисциплин Волго-Вятского филиала МТУСИ.

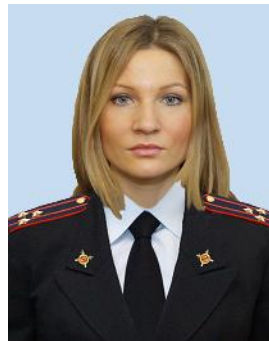
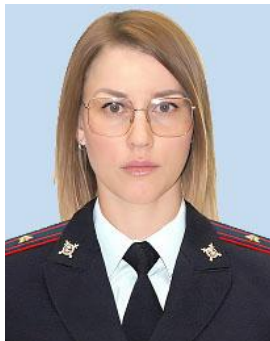
Information about the author

S. V. Khanin — Candidate of Science (History), Associate Professor of the department of theory and history of state and law of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Associate Professor of the department of natural sciences and humanities of the Volga-Vyatka branch of MTUCI.

Научная статья

УДК 34.13

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-59-65>

Форс-мажорная оговорка как основание освобождения от юридической ответственности

Хужин Альфир Мисхатович^{1, 2}, Одиноква Анастасия Владимировна³, Майорова Светлана Анатольевна⁴

^{1, 3, 4}Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия,

²Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия,

¹alfirhuzhin@mail.ru

²happygirl2101@mail.ru

³plavalaguna@inbox.ru

Аннотация. В статье исследуется проблема применения форс-мажорной оговорки в целях освобождения лица от юридической ответственности. Анализируются различные доктринальные взгляды на природу, сущность и содержание форс-мажорной оговорки. Рассматриваются примеры судебной практики с обоснованием применения форс-мажорных оговорок в контексте освобождения от юридической ответственности. Делаются предложения по совершенствованию действующего законодательства и практики его применения в аспекте решаемой научно-практической проблематики.

Ключевые слова: форс-мажор, юридическая ответственность, оговорка, соглашение

Для цитирования: Хужин А. М., Одиноква А. В., Майорова С. А. Форс-мажорная оговорка как основание освобождения от юридической ответственности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 4 (68). С. 59–65. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-59-65>.

Original article

Force majeure clause as a basis for exemption from legal liability

Alfir M. Khuzhin, Anastasia V. Odinkova, Svetlana A. Mayorova

^{1, 3, 4}Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation,

²National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russian Federation,

¹alfirhuzhin@mail.ru

²happygirl2101@mail.ru

³plavalaguna@inbox.ru

© Хужин А. М., Одиноква А. В., Майорова С. А., 2024

Abstract. The article examines the problem of applying a force majeure clause in order to release a person from legal liability. Various doctrinal views on the nature, essence and content of the force majeure clause are analyzed. Examples of judicial practice with justification of the use of force majeure clauses in the context of exemption from legal liability are considered. Proposals are made to improve the current legislation and the practice of its application in the aspect of the scientific and practical problem being solved.

Keywords: force majeure, legal liability, reservation, agreement

For citation: Khuzhin A. M., Odinkova A. V., Mayorova S. A. Force majeure clause as a basis for exemption from legal liability. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 4 (68), pp. 59–65. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-59-65>.

Современные предпринимательские отношения содержат в себе довольно значительный элемент неуверенности в связи с постоянно изменяющимися веяниями в сфере политики и экономики в конкретных ситуациях. В качестве одного из способов защиты интересов сторон таких отношений с соответствующей возможностью освобождения от юридической ответственности субъекты права включают в соглашения обстоятельства непреодолимой силы, именуемые форс-мажорными оговорками.

Содержание понятия «форс-мажор» в российском законодательстве является схожим с понятием непреодолимой силы, однако не является тождественным. В данном случае можно говорить о том, что понятие непреодолимой силы включает в свое содержание законодательно установленные критерии обстоятельств, освобождающих лицо от юридической ответственности, тогда как форс-мажорная оговорка позволяет самим субъектам правоотношения формулировать те обстоятельства, которые для них будут выступать основаниями освобождения лица от применения к нему мер юридической ответственности. По сути, форс-мажорная оговорка является актом индивидуально-правового регулирования, она позволяет более широко трактовать обстоятельства невиновного поведения как основания освобождения от юридической ответственности [1].

Конвенция Организации Объединенных Наций (далее — Конвенция) о договорах международной купли-продажи товаров содержит норму (пункт 1 статьи 79), которая устанавливает, что в случае, если сторона докажет, что неисполнение любого из своих обязательств было обусловлено возникновением препятствий вне ее контроля и что от нее при заключении договора нельзя было разумно ожидать принятия в расчет такого препятствия или же во избежание (или преодоление) данного препятствия или его последствий [2]. Несмотря на то, что указанная статья не закрепляет напрямую понятие

«форс-мажорная оговорка», но доктринальный комментарий к Конвенции содержит пояснение о том, что понятие «освобождение от ответственности» включает в себя те же элементы, традиционно образующие понятие форс-мажора [3, с. 183]. Возможно, такое «косвенное» изложение содержания форс-мажорной оговорки и придание некой гибкости, абстрактности и обтекаемости соответствующим положениям без перечисления и нормативного закрепления сопутствующих им признаков выражает намерение органов международной юрисдикции избежать формирования легальной дефиниции.

Принципы международных коммерческих договоров (далее — Принципы УНИДРУА), применяемые в современной международной коммерческой практике, закрепляют аналогичное положение о форс-мажоре (статья 7.1.7). Согласно данному установлению сторона может быть освобождена от ответственности за неисполнение в случае, если она докажет, что такое неисполнение было обусловлено возникновением препятствия вне ее контроля и что от нее нельзя было ждать разумного принятия этого препятствия в расчет во время заключения договора или же избежания (или преодоления) этого препятствия либо его последствий. Отмечается, что сфера, охваченная закрепленной нормой, не является идентичной какой-либо из доктрин о непреодолимой силе. Избранный термин широко известен в международной торговой практике за счет активного использования в договорах так называемой «форс-мажорной оговорки» [4, с. 187–188].

Следует также отметить публикацию Международной торговой палаты (далее — МТП), изданную для обобщения результатов, полученных по проведенному исследованию, касающемуся форс-мажорных обстоятельств. Отмечается, что ситуации физической или юридической невозможности исполнить обязательства, предусмотренные контрактом, могут охватываться общим понятием ненаступления предполагаемых

обстоятельств (*force majeure*), невозможности, тщетности, *frustration*, стихийного бедствия, *Act of God*. Типовая форс-мажорная оговорка содержит в себе условия освобождения стороны от юридической ответственности в тех случаях, когда исполнение обязательств является буквально или практически невозможным. Такие оговорки приобретают все большее значение (особенно для крупномасштабных долгосрочных проектов) в период реализации подобных международных контрактов, когда их осуществление может оказаться под большим вопросом в результате трансформации политических и фактических условий и, как следствие, изменения экономической основы, на которой базировался заключенный договор. МТП обращает внимание на то, что форс-мажорные оговорки общего характера необходимо адаптировать к конкретным обстоятельствам того или иного контракта, а также учитывать их непротиворечивость императивным нормам существующей в государстве правовой системы, поскольку такие оговорки не являются универсальными и едиными для всех. Перечисляются события, которые могут признаваться препятствием (форс-мажорной оговоркой) [5].

Исходя из установленного МТП перечня (который является примерным) возможных препятствий, предполагаем, что обстоятельства, оказывающие существенное влияние на экономическую стабильность внешней торговли, можно разделить на две группы:

1. Собственно обстоятельства непреодолимой силы (различные природные катаклизмы: бури, ураганы, циклоны, цунами, разрушения в результате удара молнии, наводнения, землетрясения, эпизоотии и эпидемии, происшествия в виде взрывов, пожаров, разрушения заводов и другие);

2. Экономические факторы, которые, не являясь по своей сущности форс-мажором в классическом понимании, могут оказывать серьезное влияние на юридически значимые деяния [6] (действия правительственных структур, например, нормативные правовые акты, ограничивающие или запрещающие оборот товаров, работ, услуг).

Стоит отметить, что вопрос, касающийся второй группы факторов, а именно возможности отнесения актов государства, препятствующих исполнению обязательств, поднимался и в доктрине советского периода. Выделялись запретительные и изменяющие план акты, которые расценивались арбитражной практикой того периода в качестве разновидностей

непреодолимой силы. К запретительным актам относились, например, распоряжения о закрытии пограничных станций, невыдача лицензии на ввоз товаров, временное прекращение движения по железным дорогам. Иллюстрацией акта, изменяющего план, являлось уменьшение или же аннулирование экспортных фондов, которыми располагал продавец [7, с. 142]. Как обстоятельства непреодолимой силы, о возмещающие сторону от ответственности и имеющие социальное (а не естественное) происхождение, анализируются экспортное эмбарго, то есть введение запрета на вывоз во все (или в определенные государства) любых или же конкретных товаров, а также отказ в выдаче экспортной лицензии [7, с. 149–150].

Мы поддерживаем позицию М. Б. Трифунова, который отмечает присущую сущности непреодолимой силы в договорных отношениях определенную специфику, связанную с тем, что в таких отношениях содержание понятия непреодолимой силы наполняется особым смыслом за счет того, что решающим значением обладает факт невозможности предвидеть в момент заключения договора обстоятельство, обусловившее невозможность исполнения договорных обязательств [8, с. 73]. Подтверждением этой точки зрения можно считать появление непредвиденных колебаний различного рода, нарушающих стабильное взаимодействие участников торговых отношений в одной из стран, которые часто вызвали серьезные изменения в экономиках других стран. Общеизвестно, что введение санкций в отношении некоторых государств, а также существенные изменения валютного курса привели к ухудшению экономического положения многих субъектов предпринимательской деятельности как в Российской Федерации, так и за рубежом. Указанные факторы в первую очередь коснулись представителей малого и среднего бизнеса в сфере внешнеторговой деятельности, а также связанных с ними контрактными отношениями контрагентов.

Так, ряд нормативных правовых актов, принятых в Российской Федерации, оказал существенное влияние на формирование сущностного восприятия экономических факторов в качестве форс-мажорных обстоятельств [9–10]. Для защиты национальных интересов России было ограничено или запрещено проведение внешнеэкономических операций, предусматривающих ввоз на территорию нашего государства некоторых видов (установленных в специальном перечне) сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, страны-производители которых

приняли решение о введении экономических санкций в отношении отечественных юридических и (или) физических лиц либо присоединившиеся к такому решению. В связи с предпринятыми мерами политико-экономического характера запрет на ввоз ряда категорий товаров на российский рынок явился по своей сути форс-мажорным обстоятельством по ряду ранее заключенных договоров с иностранными партнерами.

Весьма печальным, по нашему мнению, является тот факт, что множество заключаемых в настоящее время договоров включают в себя раздел, посвященный форс-мажорным обстоятельствам, в большинстве случаев это является скорее некой традицией, поскольку хозяйствующие субъекты полагают, что подобного рода обстоятельства им не грозят, и делается это чисто механически для придания внушительности и объемности документу. Однако допущенные в процессе разработки положений договора погрешности в виде абстрактности и размытости формулировок, регулирующих форс-мажорные вопросы, отсутствие конкретного, подробного, соответствующего особенностям правовых отношений именно для этих сторон перечня обстоятельств, наступление которых при возникновении спорных ситуаций может стать причиной освобождения одной из сторон от юридической ответственности, приводят к неопределенности, что, соответственно, создает дополнительную нагрузку на органы судебной власти, волокиту, затяжные разбирательства и негативным образом сказывается на экономическом благосостоянии участников, заключивших такой договор.

Получается, что в таком ключе попытки урегулировать вопросы, связанные с форс-мажорными оговорками, являются поверхностными, непродуктивными и даже в некоторой степени вредоносными в связи с указанными отрицательными последствиями. Данное проявление индивидуального правового регулирования представляет собой неудачный вариант фиксации дополнительных положений об обстоятельствах форс-мажора, не обладающих практической пользой и порождающих только еще больше проблем и трудностей.

В рассматриваемом случае видится верным одно единственное возможное решение проблемы, а именно — тщательная и точная проработка положений заключаемого между сторонами договора с особой концентрацией внимания, в том числе на условиях, содержащих в себе информацию об обстоятельствах форс-мажора. Чем более детально и грамотно

будут составлены такие договорные условия, тем больше вероятность максимально «безболезненного» разрешения вопросов в случае возникновения спорных ситуаций, требующих судебного разбирательства. В этой связи необходимо предложить ряд рекомендаций.

Во-первых, еще раз подчеркнем, что *важно избегать абстрактных формулировок*, в данном случае требуется подробная конкретизация, иначе не имеет смысла вообще включать в договор подобные положения, поскольку тогда при обращении в суд можно будет ссылаться на нормы общего правового регулирования.

Во-вторых, приведем «удачный», на наш взгляд, *правильно составленный возможный вариант содержательного наполнения формулировок*, касающихся форс-мажорных обстоятельств, которые, по нашему мнению, способны облегчить разрешение спорных ситуаций без образования новых проблем в виде неопределенности, приводящей к затяжным судебным разбирательствам и, конечно же, экономическому ущербу участников соответствующих правовых отношений (необходимо отметить, что приведенный ниже вариант позволяет продемонстрировать лишь обязательные для включения в специальные условия договора о форс-мажорных обстоятельствах элементы и не может претендовать на всеобщий универсальный характер, поскольку любой заключаемый договор, регулирующий особую сферу деятельности субъектов правоотношений, является уникальным и требует рационального подхода, предусматривающего всестороннюю оценку и анализ всех деталей, тонкостей и сложных моментов, игнорирование которых может привести к различным негативным последствиям).

Вариант возможных для включения в договор формулировок, регулирующих освобождение от юридической ответственности сторон в случае наступления форс-мажорных обстоятельств:

Пункт 1. Стороны освобождаются от юридической ответственности за частичное или полное неисполнение предусмотренных настоящим Договором обязательств, если такое неисполнение обусловлено действием форс-мажорных обстоятельств. В случае, когда Сторона не может выполнить предусмотренные Договором обязательства вследствие наступления форс-мажорных обстоятельств, препятствующих выполнению условий настоящего Договора, его действие приостанавливается на время до момента устранения этих обстоятельств.

Пункт 2. К форс-мажорным обстоятельствам в соответствии с настоящим Договором относятся природные катаклизмы (наводнения, землетрясения, обледенения, экстремальные колебания среднесуточной температуры воздуха, ураганные ветры и др.), пожары, возникшие не по вине Сторон, объявленные и необъявленные войны, мятежи, забастовки (кроме забастовок на предприятиях Сторон), а также нормативные акты органов государственной власти, в результате которых вносятся изменения в действующее законодательство или налагаются ограничения, если указанные обстоятельства оказали непосредственное влияние на исполнение Договора, сделав невозможным выполнение содержащихся в нем условий.

Пункт 3. Сторона, для которой возникла невозможность исполнения предусмотренных настоящим Договором обязательств, должна в течение 3 (трех) дней с момента наступления форс-мажорных обстоятельств в письменной форме уведомить другую Сторону об этом. Отсутствие уведомления или несвоевременное уведомление о возникновении форс-мажорных обстоятельств ведет к лишению Сторон права ссылаться на них. Обязанность по доказыванию наступления форс-мажорных обстоятельств лежит на Стороне, не исполнившей предусмотренные настоящим Договором обязательства. В качестве подтверждения возникновения форс-мажорных обстоятельств должны использоваться справки, предоставленные соответствующими государственными органами власти.

Пункт 4. Время, необходимое Сторонам для исполнения обязательств, предусмотренных настоящим Договором, продлевается на любой срок, в течение которого действуют форс-мажорные обстоятельства и их последствия. В том случае, если невозможность полного или частичного исполнения обязательств будет сохраняться более 3 (трех) месяцев с момента ее возникновения, то настоящий Договор может быть расторгнут по письменному заявлению одной из Сторон.

Пункт 5. Независимо от наступления форс-мажорных обстоятельств, продолжительности их действия до момента расторжения настоящего Договора по причине форс-мажора Стороны должны осуществить окончательные взаиморасчеты.

Пункт 6. Сторона, для которой создавалась невозможность исполнения предусмотренных настоящим Договором обязательств, также должна предпринять все необходимые и достаточные меры, которые могут уменьшить размер предполагаемого ущерба.

Таким образом, в числе ключевых элементов, которые должны быть отражены в специальных условиях договора, регулирующих особенности форс-мажорных обстоятельств, можно назвать следующие:

— условия освобождения сторон от исполнения обязательств без несения юридической ответственности;

— определение перечня обстоятельств, являющихся форс-мажорными для сторон в конкретных правовых отношениях (здесь важно учитывать специфику той сферы деятельности, на регулирование которой направлен договор, климатические, территориальные и иные *индивидуальные* особенности);

— порядок извещения о наступлении форс-мажорных обстоятельств и последствия нарушения установленной в договоре процедуры (в идеале можно также приложить к договору форму такого уведомительного документа);

— последствия несоблюдения установленного в договоре порядка уведомления о наступлении форс-мажорных обстоятельств.

Следует также обратить внимание на следующий момент. Нет никаких сомнений в том, что даже при весьма тщательном и скрупулезном подходе к составлению условий договора объективно невозможно заранее предусмотреть все ситуации, которые могут произойти. Тогда возникает вопрос: «Каким образом стороны могут разрешить спорную ситуацию?»

Очевидным кажется решение, которое применяется при составлении многих договоров, а именно при перечислении конкретных форс-мажорных обстоятельств добавлять формулировку, например, «но не ограничиваются перечисленными». Однако, на наш взгляд, это является излишним, поскольку при таком раскладе (если возникнет ситуация, не содержащаяся в условиях договора в качестве форс-мажорной) стороне, для которой необходимо доказать действие форс-мажора и освободиться от ответственности за неисполнение предусмотренных договорных обязательств, необходимо будет ссылаться на положение общего нормативного правового регулирования, а суду проверять заявленные в качестве форс-мажорных обстоятельства на соответствие закрепленным критериям.

Тем не менее довольно часто на практике встречается тот вариант, когда в договорах стороны оставляют перечень форс-мажорных обстоятельств открытым. Так, например, в одном из дел, связанных с урегулированием разногласий по договору об эксплуатации

железнодорожных путей необщего пользования, в одном из пунктов, касающихся временных рамок приема и отправления локомотива на путях общего пользования, по обоюдному согласию сторон было закреплено, что возможно превышение фиксированных временных интервалов в исключительных случаях. К таким случаям стороны отнесли различные конкретные форс-мажорные обстоятельства (выполнение неотложных работ, стрелочные переводы, устранение и ликвидация последствий аварий или технических неисправностей). При этом участники данных правоотношений предпочли оставить перечень форс-мажорных обстоятельств открытым, однако с интересной, на наш взгляд, оговоркой, закрепляющей, что возможны иные форс-мажорные обстоятельства, связанные с работой на станции, образовавшейся на путях общего пользования и создающей препятствия для отправки локомотива [11].

Из этого следует, что, несмотря на «свободный» характер перечисленных в договоре форс-мажорных обстоятельств, стороны фактически ограничили перечень исходя из особенностей той сферы деятельности, на регулирование особенностей которой направлен этот договор. Тем не менее повторимся, что, по нашему мнению, нет необходимости включать в договор подобные формулировки, поскольку суду при отсутствии наступившей ситуации, на которую одна из сторон ссылается как на форс-мажор, в договорных условиях необходимо будет прояснить ее квалификацию на предмет соответствия критериям чрезвычайности и непредотвратимости при данных условиях.

Список источников

1. Хужин А. М. Проблема юридической ответственности за невиновное поведение: пути решения // Российский судья. 2012. № 10. С. 14–17.
2. Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров // Вестник ВАС Российской Федерации. 1994. № 1. Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 24.10.2024).
3. Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров: комментарий. Москва, 1994.
4. Принципы международных коммерческих договоров. Москва: международные отношения, 2003. 288 с.
5. Форс-мажорные обстоятельства (FORCE MAJEUR AND HARDSHIP) ICC Publication № 421 (E) серия: «Издания Международной торговой палаты»,

Москва: Издательство АО «Консалтбанкир», 1997. URL: <https://marinelegal.biz/pravo/force-majeure.pdf> (дата обращения: 24.10.2024).

6. Юридически значимые деяния в частном праве: монография / под ред. д-ра. юрид. наук А. М. Хужина. Москва: Юрлитинформ, 2021. 272 с.
7. Мусин В. А. Международные торговые контракты: учебное пособие по спецкурсу для студентов заочного отделения. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1986. 150 с.
8. Трифунов М. Б. Рекламации в международной торговле. Москва: Юридическая литература, 1991. 176 с.
9. О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 6 августа 2014 года № 560 // Собрание законодательства РФ. 2014. № 32, ст. 4470.
10. О мерах по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации и защите граждан Российской Федерации от преступных и иных противоправных действий и о применении специальных экономических мер в отношении Турецкой Республики: Указ Президента Российской Федерации от 28 ноября 2015 года № 583 // Собрание законодательства РФ. 2015. № 48 (часть II), ст. 6820.
11. Решение Арбитражного суда Ульяновской области от 11 марта 2015 года по делу № А72-13898/2014. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.10.2024).

References

1. Khuzhin A. M. The Problem of Legal Liability for Innocent Behavior: Solutions. *Russian Judge*, 2012, no. 10, pp. 14–17. (In Russ.)
2. United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods. *Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*, 1994, no. 1. Access from the reference legal system “Consultant Plus” (accessed 24.10.2024). (In Russ.)
3. Vienna Convention on Contracts for the International Sale of Goods: Commentary. Moscow, 1994. (In Russ.)
4. Principles of international commercial contracts. Moscow: International Relations, 2003. 288 p. (In Russ.)
5. Force Majeure Circumstances (FORCE MAJEUR AND HARDSHIP) ICC Publication No. 421 (E) series: “Publications of the International Chamber of Commerce”, Moscow: Publishing House of JSC “Consultbankir”, 1997. URL: <https://marinelegal.biz/pravo/force-majeure.pdf> (accessed 24.10.2024). (In Russ.)
6. Legally Significant Acts in Private Law: Monograph / ed. by Dr. of Law A. M. Khuzhin. Moscow: YurLitinform Publ., 2021. 272 p. (In Russ.)
7. Musin V. A. International Trade Contracts: A Textbook on a Special Course for Correspondence Students. Leningrad: Publishing House of Leningrad University, 1986. 150 p. (In Russ.)

8. Trifunov M. B. Complaints in international trade: Trans. from Serb-Croatian. Moscow: Jurid. Lit. Publ., 1991. 176 p. (In Russ.)

9. On the Application of Certain Special Economic Measures in Order to Ensure the Security of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation no. 560 dated of August 6, 2014. *Collected Legislation of the RF*, 2014, no. 32, art. 4470. (In Russ.)

10. On measures to ensure national security of the Russian Federation and protect citizens of the Russian

Federation from criminal and other illegal actions and on the application of special economic measures in relation to the Republic of Turkey: Decree of the President of the Russian Federation of 28.11.2015 No. 583. *Collected Legislation of the RF*, 2015, no. 48 (Part II), art. 6820. (In Russ.)

11. Decision of the Arbitration Court of the Ulyanovsk Region dated March 11, 2015 in case no. A72-13898/2014. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 23.10.2024). (In Russ.)

Информация об авторах

А. М. Хужин — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России, профессор кафедры гражданского права и процесса Национального исследовательского университета имени Н. И. Лобачевского;

А. В. Одинокова — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России;

С. А. Майорова — кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры административной деятельности ОВД Нижегородской академии МВД России.

Information about the authors

A. M. Khuzhin — Doctor of Science (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Civil Law and Procedure at the Lobachevsky National Research University;

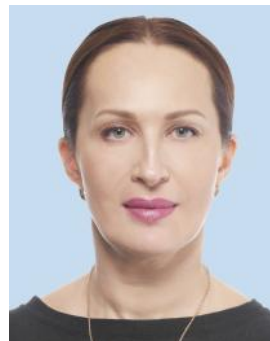
A. V. Odinkova — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

S. A. Mayorova — Candidate of Sciences (Law), Deputy Head of the Department of Administrative Activities of the Internal Affairs Directorate of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-66-75>

Публично-правовая ответственность: оценка современных взглядов в контексте утверждающегося в конституционной практике инновационного подхода

Червонюк Владимир Иванович¹, Леонтенкова Елена Андреевна²

¹Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия

²Нижегородский областной суд, Нижний Новгород, Россия

¹v.chervonyuk@yandex.ru

²superbegemot@rambler.ru

Аннотация. Постулирование современного государства правовым одновременно означает возможность гражданина предъявлять публично-правовые притязания к власти в целом и ее властным институтам. Применительно к современной России проблема юридически корректного (ответственного) поведения государства, всей системы публичных властей во взаимоотношениях с гражданами является принципиально новой. Длительное время господствовавшая идеология иммунитета государства, иных властных публично-правовых структур от ответственности оказывается весьма «живучей» и применительно к новым государственно-правовым реалиям. Соответственно, проблема ответственности государства, публичных властей за нарушение основных прав и свобод человека и гражданина в специальной литературе рассматривается преимущественно в контексте позитивной юридической (политической) ответственности, вне связи с охранительно-принудительным инструментарием. Очевидно, что преодоление укоренившихся в теории и на практике взглядов предопределяет формирование в государственно-правовой системе отлаженного механизма юридической ответственности публичных властей как важнейшей гарантии конституционно-правовой охраны (и защиты) основных прав и свобод, противодействия коррупционному поведению должностных лиц, публичного права, формирования в обществе среди самых широких слоев населения, доверия к властным институтам. Исследование проблемы публично-правовой ответственности в указанном смысле действительно выступает одной из приоритетных задач современной правовой науки, является своего рода ее ответом на вызовы развивающейся конституционной практики современной России.

Ключевые слова: догматизация публично-правовой ответственности, позитивная ответственность как квазиидея, инновационный подход к пониманию конституционной ответственности, публично-правовая ответственность как «дочерняя» форма, вид конституционной ответственности, специальные составы конституционных деликтов, ответственность без вины в публично-правовой сфере, повышенная юридическая ответственность специального субъекта, публично-правовое злоупотребление, механизмы юридической ответственности публичных властей

Для цитирования: Червонюк В. И., Леонтенкова Е. А. Публично-правовая ответственность: оценка современных взглядов в контексте утверждающегося в конституционной практике инновационного подхода // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 4 (68). С. 66–75. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-66-75>.

Original article

© Червонюк В. И., Леонтенкова Е. А., 2024

Public legal responsibility: assessment of modern views in the context of the innovative approach established in constitutional practice

Vladimir I. Chervonyuk¹, Leontenkova Elena Andreevna²

¹Of the Moscow University of the Mia of Russia named after V. Ya. Kikot, Moscow, Russian Federation;

²Nizhny Novgorod Regional Court, Nizhny Novgorod, Russian Federation

¹v.chervonyuk@yandex.ru

²superbegemot@rambler.ru

Abstract. The postulation of the modern state as legal at the same time means the ability of a citizen to make public legal claims to the government as a whole and its power institutions. In relation to modern Russia, the problem of legally correct (responsible) behavior of the state and the entire system of public authorities in relations with citizens is fundamentally new. For a long time, the prevailing ideology of immunity of the state and other powerful public legal structures from responsibility turns out to be very «tenacious» in relation to new state-legal realities. Accordingly, the problem of responsibility of the state and public authorities for the violation of fundamental human and civil rights and freedoms in the specialized literature is considered mainly in the context of positive legal (political) responsibility outside of protective and coercive tools. It is obvious that overcoming views rooted in theory and practice predetermines the formation of a well-established mechanism of legal responsibility of public authorities in the state legal system as the most important guarantee of constitutional and legal protection (and protection) of fundamental rights and freedoms, countering corrupt behavior of public law officials, and the formation of trust in government institutions in society among the broadest segments of the population. The study of the problem of public liability in this sense is indeed one of the priorities of modern legal science, is a kind of its response to the challenges of the developing constitutional practice of modern Russia.

Keywords: institute of recall of deputies of the Soviets of People's Deputies, dogmatization of public-legal responsibility, positive responsibility as a quasi-idea, innovative approach to understanding constitutional responsibility, method of legal regulation in constitutional law, special constitutions of constitutional torts, responsibility without guilt in the public-legal sphere, increased legal responsibility of a special subject, public-legal abuse, mechanisms of legal responsibility of public authorities, public legal responsibility as a "subsidiary" form, a type of constitutional responsibility.

For citation: Chervonyuk V. I., Leontenkova E. A. Public legal responsibility: assessment of modern views in the context of the innovative approach established in constitutional practice. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 4 (68), pp. 66–75. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-66-75>.

Публично-правовая ответственность есть «дочерняя» форма, вид конституционной ответственности, обособляющийся от «материнской» главным образом своим субъектным составом — это ответственность публичных властей (органов публичной власти и публичных должностных лиц) перед гражданами, с которыми они (публичные власти) пребывают в постоянной и неразрывной, не ограниченной временными и пространственными параметрами конституционно-правовой связи (отношении) и обремененные поэтому соответствующими конституционными обязательствами, исполнение которых гарантируется в том числе угрозой наступления для них негативных правовых последствий, то есть применения публично-правовой ответственности [1].

Отношение к пониманию концепта ответственности публичных властей не остается неизменным в теоретической (равно и практической) юриспруденции; перманентно

наблюдаемые смены эпистем на разных этапах государственно-правового развития неизбежно привносят новые коннотации в осмысление данного феномена. В юриспруденции на начальном этапе развития Советского государства ответственности публичных властей как составляющей государственного управления отводилась незначительная роль. Этим можно объяснить отсутствие научного интереса к проблеме (впрочем власть всякого государства, включая современное государство, старается избавиться от принятых обязательств и, соответственно, ответственности за их неисполнение). Лишь в 1970-е годы были предприняты попытки теоретически обосновать существование юридической ответственности в государственном праве подобно тому, как она существовала в отраслях уголовного, гражданского, административного права. Считается, что появление конституционной ответственности как предмета научной дискуссии и как самостоятельного

вида ответственности следует относить именно к данному периоду развития государствоведческой мысли.

Одной из первых публикаций в этом направлении была статья Ю. П. Еременко и Ф. М. Рудинского «Проблемы ответственности в советском государственном праве», притом, что некоторые элементы конституционной ответственности нашли отражение в законодательстве (в частности, институт отзыва депутатов Советов народных депутатов) [2]. В последующем к проблеме конституционной ответственности обращается ряд авторов, таких как Г. В. Барабашев, Н. А. Боброва, Т. Д. Зражевская, Ю. П. Еременко, А. И. Лепешкин, М. И. Пископин и др. В этот же период времени справедливости ради надо отметить с позиции теории государства и права активно велась разработка проблем законности (С. С. Алексеевым, Н. Г. Александровым, Н. В. Витруком, Н. Н. Вопленко, А. Ф. Граниным, Д. А. Керимовым, Н. И. Козюбра, В. Н. Кудрявцевым, Е. А. Лукашевой, Н. С. Малеиным, П. Е. Недбайло, С. В. Полеминой, П. М. Рабиновичем, И. С. Самощенко, М. С. Строгович, А. Я. Сухаревым, В. В. Борисовым, В. И. Ремневым и др.), так или иначе ориентированной, в том числе относительно рассматриваемой проблемы.

В новейшей литературе идея ответственности публичных властей органично вплетена в контекст проблемы конституционной ответственности, исследование которой представлено в работах преимущественно представителей науки конституционного права (Н. М. Колосовой, Д. Т. Шон, В. А. Виноградовой, А. В. Зиновьева, М. В. Баглай, М. А. Краснова, О. Е. Кутафина, В. О. Лучина, С. А. Авакьяна, А. А. Кондрашева, Е. И. Колюшина, Г. А. Гаджиева, А. И. Иванченко, В. В. Игнатенко, Г. А. Василевича, М. П. Авдеенковой и многих др.). При этом позиции самых разных авторов в данном вопросе в основном совпадают: конституционно-правовая ответственность квалифицируется в качестве еще одного вида юридической ответственности, присущего охранительным отраслям права [3]. Между тем конституционная ответственность принципиально отлична от иных видов юридической ответственности. Ее особенность — в нормативной структуре конституционного права, наличии в нем значительного удельного веса общих (исходных) установлений (не сводимых только к принципам права). Состав конституционного деликта по своему формально-юридическому содержанию не совпадает с набором признаков, присущих

всякому правонарушению: «усеченный состав», принципиально иные субъекты (такowymi прежде всего выступают носители властных полномочий — публичные власти и публичные должностные лица), своеобразии субъективной стороны конституционной ответственности (действие презумпции вины); объективной стороной конституционного деликта следует считать обусловленное диспозициями конституционных норм неправомерное поведение субъекта такой ответственности (то есть не правонарушение). Сущностная особенность «непохожести» рассматриваемого вида ответственности — наличие в составе конституционного права комплекса охранительно-принудительных средств (санкций) не специфичных для иных из отраслей национального права. Если для отраслей публичного права главным образом свойственна штрафная или карательная функция, то конституционная ответственность преследует главным образом осуществление правосоставительной функции

В рассматриваемый период теоретическая литература обогащается анализом политической и управленческой ответственности (И. Н. Барцица, М. А. Краснова, Л. А. Морозовой, В. Н. Савина, А. М. Черныш и др.). Обращает на себя внимание попытка связать ответственность публичных властей с конструкцией сильного, современного государства [4]. Небезынтересно, что к осмыслению конструкции сильного государства в новейшее время обращается знаменитый американский философ, социолог и футуролог Ф. Фукуяма, автор бестселлера «Конец истории и последний человек» сравнительно недавно опубликовавший интересную работу, в которой постулирует принципиально иной, в сравнении с господствующим в политической и правовой науке подход к пониманию концепта «сильное государство». При всей значимости труда Ф. Фукуямы, собственно проблема ответственности публичных властей автором не рассматривается в качестве составляющей сильного государства.

В представлении В. Е. Чиркина ответственность органично связана с природой современного государства, выступая гарантией его (государства) должного поведения [5].

В то же время анализ публично-правовой ответственности в рассматриваемый период нельзя признать удовлетворительным. Примечательно, что даже в тех случаях, когда авторы обращаются к сопредельным проблемам, в частности, к проблеме законности, проблема публично-правовой ответственности

не попадает в фокус внимания исследователя [6]. Не обращаясь к анализу собственно природы публично-правовой ответственности, в отдельных работах представлен анализ ее разновидностей — ответственности законодательных, исполнительных и судебных органов государственной власти, а также ответственности муниципальных органов власти [7].

При оценке специальных работ, посвященных рассматриваемой проблеме, обращает на себя внимание то обстоятельство, что вследствие догматизации важнейшего механизма устойчивости конституционного строя представления о публично-правовой ответственности показаны настолько отдаленно от существующих реалий, что собственно об ответственности напоминают, может быть, только названия параграфов и глав данных работ. Как-то не принимается в расчет собственно назначение данного вида ответственности — гарантировать незыблемость конституционных прав и свобод, противодействовать их умалению, отмене или нарушениям в иных формах. Кроме того, обнаружение и обоснование оптимальных для современной реальности инструментов противодействия коррупции, поразившей структуры власти, точно также находятся в зоне действия феномена публично-правовой ответственности. Между тем, как показывает анализ в представленных по данной проблеме работах, движение мысли наблюдается по специальной, заданной не существом проблемы, а, видимо, самими авторами траектории научного поиска: проблема ответственности публичных властей и должностных лиц публичного права [8] неизменно рассматривается в контексте позитивной юридической ответственности. Тем самым авторы уводят и себя, и читателя от анализа сложнейшего конструкта современной (не виртуальной, умозрительной (какой она нередко предстает в воображении обратившихся к ее осмыслению авторов) правовой жизни страны [9]. Примечательно, что один из исследователей проблемы — в одном ряду «противников и сторонников идеи позитивной юридической ответственности», чьи «содержательные аргументы «широко представлены» в работах В. М. Баранова, А. В. Малько, Д. А. Липинского и др. При этом, что отдельные из перечисленных авторов, в частности, проф. В. М. Баранов, в данном вопросе занимает прямо противоположную позицию по отношению к позиции остальных. В лучшем случае анализ сводится к моральным аспектам проблемы (нравственному долгу публичных властей и их представителей) или,

чаще всего — к теоретизированию с заранее ожидаемым эффектом.

Оставляя вне анализа множество работ, выполненных в таком жанре [10], обратим внимание на коллективную монографию «Юридическая ответственность в правовой системе России...», в которой анализируемой проблеме посвящена глава 9 («Юридическая ответственность органов публичной власти в системе юридической ответственности») [11]. Кажется, что уже само название работы изначально настраивает читателя на встречу с отвлеченным анализом сложнейшей проблемы российской действительности. Вполне возможно, что иную задачу авторы перед собой и не ставили, если иметь в виду общее название работы. Хотя ее уточняющее «второе» название, предполагающее «анализ взаимосвязей, взаимодействий и противоречий» поставленной проблемы в монографии могло бы соответствовать по меньшей мере определенным ожиданиям. Как и во многих других изданиях, хотя и в иной стилистике, авторы упомянутых работ предпочитают вести речь о позитивной ответственности публичных властей. Справедливости ради надо сказать, что один из авторов монографии в оценках позитивной юридической ответственности все же старается оставаться на «почве права». Задолго до анализируемой работы им сделан вывод о том, что позитивная ответственность «как, и негативная, может выражаться в наступлении определенных неблагоприятных для субъекта последствий, «социальных неудобств», в лишении известных благ», при отсутствии факта правонарушения и при отсутствии вины». Однако применительно к ответственности публичных властей ранее сделанные выводы требуют иной оценки [12].

Примечательно, что в значительной по объему текста главе о конституционной ответственности [11] читатель не встретится с анализом представленного в доктрине принципиально иного подхода к пониманию конституционной ответственности, который, как это можно судить на основе компетентной литературы, все более утверждается в теории конституционного права; осталась не понятой авторами цитируемой работы и оценка так называемого «усеченного» состава конституционного деликта. Вследствие приверженности традиционным взглядам на проблему как вид юридической ответственности конституционная ответственность и та ветвь права, которую она идентифицирует, оказались несовместимыми; имеющая закономерный характер связь особенной природы предметных

областей и нормативной структуры конституционного права [13] и конституционно-правовой ответственности в анализируемой работе оставлена без внимания.

Мультипликация отмеченного подхода находит продолжение и в иных изданиях авторов, что в особенности специфично для работ Д. А. Липинского, в которых неизменно сохраняется аргументация отстаиваемого подхода. Симптоматично, что данный подход охотно и весьма интенсивно осваивается многочисленными сторонниками позитивной ответственности [14]. Так, придерживаясь «парадигмы» своих предшественников, один из последователей данного подхода убеждает на страницах своей работы читателя в том, что «представляется также возможным говорить о позитивной конституционной ответственности в смысле проведения действий в духе соблюдения основных конституционных правовых норм и принципов» [15]. Несколько перефразируя классика русской драматургии А. Н. Островского, уместно было бы заметить: говорить-то можно, была бы в том польза практического свойства, что совершенно не наблюдается из продолжающейся полемики.

В некоторых работах при оценке отраслевых видов юридической ответственности исследователи, исходя из традиционно устоявшихся в отечественной литературе взглядов относительно понимания и классификации методов правового регулирования (основанном на этом отраслевом делении права), по-прежнему не включают в предмет анализа как конституционно-правовую, так и публично-правовую ответственность [16]. Такой подход основывается на устаревшем понимании нормативной структуры методов регулирования конституционного права, оценки его связи с другими ветвями права [17]. Понятно, что «традиционно отечественное» понимание природы конституционного (государственного) права» (в качестве «еще одной отрасли права) [18], его места в правовой системе страны (расположенного в одном ряду с отраслевыми подразделениями права) [19], можно сказать, заблокировало доступ к анализу титульных особенностей конституционно-правовой (а вместе с этим и публично-правовой) ответственности. Так, экстраполируя выводы общей теории права относительно особенностей метода правового регулирования применительно к конституционному праву, авторы специального исследования формулируют собственный взгляд относительно понимания особенностей метода правового регулирования конституционного права. Отмечается, что

такой метод непосредственно применяется при регулировании правоотношений, характеризуя отдельные виды общественных отношений, составляющих предмет отрасли конституционного права; определяет особенности применения общеотраслевых императивного и диспозитивного методов к конкретному правоотношению, определяет диалектику их взаимодействия; обеспечивает реализацию отраслевых норм с учетом специфики отрасли; «обладает специфическими для данной отрасли приемами и способами регулирования общественных отношений» (что это за специфические приемы и способы, кроме уже известных (универсальных) авторы не указывают; определяет необходимость и степень применения государственного принуждения к субъектам общественных отношений» (притом что совершенно не учитывается своеобразие вида ответственности в сфере действия конституционного права); функционирует в особых правовых условиях, обуславливающих порядок и направления его работы». Но такое понимание метода правового регулирования в конституционном праве не отвечает его особенной природе (не являющейся еще одной отраслью права) и, понятно, не позволяет уяснить действительную природу присущего ему (конституционному праву) вида юридической ответственности — конституционно-правовой ответственности [20].

Далеко не во всех работах концепт публично-правовой ответственности подменяется иным понятием; мультиплицируется мысль о том, что ответственность публичных властей — это синтез всех видов юридической ответственности. В частности, в одном из диссертационных исследований отмечается, что «базовой формой юридической ответственности для публичной власти является конституционно-правовая ответственность», «в рамках конституционно-правовой ответственности реализуются и конкретизируются положения других видов юридической ответственности в данной сфере (уголовной, административной, дисциплинарной, гражданско-правовой)» [21]. Ответ на ожидаемый в этой связи вопрос: «Как это может произойти в реальной конституционной практике?» Конечно же, оставлен без внимания. Вследствие этого конституционно-правовая ответственность в принципе исключается из потенциала охранительно-принудительного действия конституционного права. Словом, признание «синтезированного» характера публично-правовой ответственности означает, что она не приобретает самостоятельного значения.

Несомненно, представляют интерес публикации исследователей по тем аспектам рассматриваемой проблемы, которые связаны с правовыми основаниями применения данного вида ответственности [22]. Из работ, непосредственно посвященных рассматриваемой проблеме, обратим внимание на публикацию Г. А. Трофимовой, предлагающей дополнительно к существующим мерам конституционно-правового воздействия ввести санкции за специальные составы конституционных деликтов, субъектами которых признаются исключительно лица и органы, наделенные властными полномочиями [23].

В этой же связи следует особо выделить, несомненно, полезную работу монографического характера проф. Н. А. Бобровой [24]. К предложенному в упомянутой публикации перечню публично-правовых деликтов Н. А. Боброва предлагает дополнительно и иные. Это: 1) деликт в виде бездействия органа власти по изменению или отмене акта, признанного судом полностью или частично не соответствующим более высоким по юридической силе актам; 2) деликт неподписания Президентом Российской Федерации в установленный Конституцией Российской Федерации срок принятого парламентом закона; 3) деликт принятия Президентом Российской Федерации указов в сфере и по вопросам компетенции законодательной власти (прежде всего по вопросам, требующим изменений в бюджете Российской Федерации); 4) деликт принятия субъектами власти, не обладающими законодательной компетенцией, нормативных актов по вопросам, относящимся к сфере компетенции законодательной власти. По мнению автора, речь идет о так называемом ведомственном, инструкционном нормотворчестве, которое зачастую противоречит законодательству и даже Конституции); 5) «деликт Конституционного Суда Российской Федерации, который пересматривает принятую им же позицию и принимает постановление, противоположное предыдущему»; 6) деликт непринятия парламентом закона по изменению закона, признанного Конституционным Судом Российской Федерации полностью или в части, не соответствующим Конституции Российской Федерации, в срок, установленный в резолютивной части соответствующего постановления Конституционного Суда Российской Федерации; 7) деликт награждения лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации, государственными наградами по принципу *do ut des* (в буквальном переводе с лат. — даю, чтобы ты дал) в период осуществления должностным

лицом полномочий, за злоупотреблением которыми он был осужден или осужден за иные преступления, совершенные за период нахождения в данной должности; 8) деликт манипуляций со сроками легислатур выборных органов власти в сторону как уменьшения, так и увеличения сроков их полномочий; 9) деликт невнесения законодательных инициатив или невынесения их на референдум депутатами и соответствующими фракциями, если такие инициативы были обещаны в период избирательной кампании, в публичных (официальных) выступлениях и агитационных материалах партий; 10) деликт голосования конституционного судьи и заключения судьи-докладчика Конституционного Суда Российской Федерации в противоположность позиции, изложенной им же в его научных публикациях по данному вопросу [24].

В контексте исследуемой проблемы, думается, должно представлять интерес предпринимаемое в последние годы обращение к осмыслению концепта повышенной юридической ответственности специального субъекта.

В монографии А. В. Одиноковой повышенной юридическую ответственность специального субъекта (к таковым автор обоснованно относит и представителей властных структур) предложено понимать как установленную законодательством исключительную обязанность лица, обладающего рядом обусловленных правовым положением дополнительных признаков, претерпевать неблагоприятные последствия за совершение им правонарушения в связи с возложенным статусом [25]. Следует заметить, что применительно к рассматриваемому виду публично-правовой ответственности как особой разновидностью конституционно-правовой ответственности правонарушение не является специфическим признаком квалификации его субъекта, поскольку во многих случаях конституционно-правовой деликт есть неправомерное, но не правонарушающее поведение [26].

К признакам отмеченного вида ответственности отнесены такие, как наличие специального статуса субъекта; усиленный (повышенный) характер обязанности претерпевать негативные последствия, что прямо предопределено статусом данного лица; «сверхнегативная» реакция государства относительно совершения данным лицом противоправного поведения и т. д. При этом специальный субъект интерпретируется как представитель особого круга лиц, выделенный по специфическому признаку, который является носителем жесточенных и расширенных требований, заранее выраженных

и сформулированных в законодательстве. Симптоматично, что повышенная юридическая ответственность специального субъекта «может рассматриваться и существовать только в рамках негативного (ретроспективного) подхода [25]. Рассматриваемый вид юридической ответственности указанный автор распространяет в том числе на властных субъектов права; однако сделанный им в работе вывод относительно того, что «единственным фактическим основанием юридической ответственности является само совершение правонарушения» [25], что существенно сужает сферу применения повышенной юридической ответственности специального субъекта. В этой же связи ошибочно утверждение о том, что конституционно-правовая ответственность применяется за правонарушения, что ее субъекты привлекаются к уголовной ответственности, что отсутствие вины — специальная особенность исключительно гражданско-правовых деликтов и т. д. [25] Равным образом следует считать ошибочным вывод о том, что «основанием возникновения конституционно-правовой ответственности может выступать применение других мер юридического воздействия например, уголовной или же административной юридической ответственности в отношении таких специальных субъектов, как судьи судов любых звеньев судебной системы» [25]. Верное замечание автора о том, что «повышенная юридическая ответственность специального субъекта отличается тем, что в большинстве случаев наступает независимо от вины», ограничивается преимущественно гражданско-правовой ответственностью [25]. Правда, ссылаясь на другие работы [26], автор приводит один случай безвиновного привлечения применительно к так называемым избирательным деликтам, что не специфично для данного вида ответственности.

В контексте заявленной темы представляет интерес исследование сопредельной проблемы «публично-правового злоупотребления» или «злоупотребления властью», интерпретируемой скрытым механизмом проведения частных интересов в публичных решениях всех уровней, системным образом наносящих тяжелейший вред обществу; это «действия властных субъектов по реализации своих дискреционных полномочий в пределах буквальных предписаний права, но с нарушением внутренних пределов, усмотрения в виде публичного интереса, совершаемые из корыстных мотивов, в состоянии конфликта интересов и наносящие вред обществу» [27].

Обращая внимание на актуальность поисков достижения общественного согласия, реализации конституционных принципов равенства и социальной справедливости проф. В. Д. Зорькин в этой связи отмечает: «по-прежнему актуальной и весьма болезненной для общества остается проблема коррупции, которая уже приобрела опасный для жизни людей характер. Несмотря на осознание и властью, и обществом масштабов и значения данной проблемы, в этой области использованы далеко не все имеющиеся резервы. В частности, считаю необходимым еще раз обратить внимание на то обстоятельство, что статья 20 («Незаконное обогащение») Конвенции ООН против коррупции до сих пор не стала частью российской правовой системы под предлогом того, что она не вписывается в действующее российское законодательство. А между тем в Конституции Российской Федерации нет ничего, что препятствовало бы имплементации положений этой статьи. Напомню, что коррупция в переводе с латыни — это порча, разрушение, разложение. В данном случае речь идет о разложении институтов власти, что чревато разрушением той системы общественных отношений, на которую данная власть распространяется. Поэтому борьба с коррупцией — это жизненно важный для нашего общества вопрос, без решения которого невозможно достичь искомого общественного согласия, равенства и социальной справедливости» [28].

Если связывать деятельность электоральных органов страны с действенностью реализуемых гражданами избирательных прав, общими интересами, формированием в этой связи высокоэффективного и дееспособного общенационального представительного органа страны — парламента, то применительно к электоральным органам, организующим и обеспечивающим проведение выборов, видимо, необходимо вести речь и об их специальной ответственности за качество выборов и качество сформированной в результате общенациональных выборов легислатуры. По своему характеру такая ответственность может быть исключительно конституционно-правовой (публично-правовой). Очевидно, что правовым основанием расформирования организующих выборы избирательных комиссий должна признаваться и неспособность электорального органа обеспечить проведение конкурентных и легитимных выборов.

В заключение обратим внимание на следующее. Квалификация современного государства правовым одновременно означает возможность

гражданина предъявлять публично-правовые притязания к власти в целом и ее властным институтам. Механизм превенции от неправомерных действий публичных властей обеспечивается в том числе охранительно-принудительными средствами. Современная доктрина идентифицирует публично-правовую ответственность одной из титульных (статусных) характеристик современного государства [29]; это ответственность публичных властей (органов публичной власти и публичных должностных лиц) перед гражданами, с которыми они (публичные власти) пребывают в постоянной и неразрывной, не ограниченной временными и пространственными параметрами конституционно-правовой связи (отношении) обремененные в силу этого конституционно определенными обязательствами, исполнение которых гарантируется в том числе угрозой наступления для них негативных правовых последствий, то есть применения мер публично-правовой ответственности. Для Российской Федерации проблема юридически корректного (ответственного) поведения государства, всей системы публичных властей во взаимоотношениях с гражданами является принципиально новой. Прежде господствовавшая идеология иммунитета государства, иных властных публично-правовых структур от ответственности оказывается весьма «живучей» и применительно к новым государственно-правовым реалиям. С этой точки зрения проблема ответственности государства и его агентов за нарушение основных прав и свобод человека и гражданина рассматривается преимущественно в контексте политической или позитивной юридической ответственности вне связи с охранительно-принудительным инструментарием. Для преодоления этих негативных явлений важным представляется формирование в государственно-правовой системе отлаженного механизма юридической ответственности публичных властей, являющейся формой обеспечения и защиты конституционных прав и свобод и важной составляющей эффективной и социально ориентированной государственной политики.

В современных условиях внедрение механизмов юридической ответственности публичных властей перед гражданами является важной предпосылкой формирования в обществе среди самых широких слоев населения доверия к публичным властям [30]. Как отмечается в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации от 16 декабря 1997 года № 20-П, от 19 июня 2002 года № 11-П, от 23 апреля

2004 года, № 9-П от 15 февраля 2016 года, № 3-П от 25 апреля 2019 года, № 19-П от 27 марта 2018 года, № 13-П от 14 января 2020 года и т.д., легитимность правопорядка и публичной власти во многом основывается на доверии общества; поскольку степень доверия граждан в конечном счете определяет их уверенность в незыблемости верховенства права и правовой демократии, постольку поддержание этого доверия нуждается в эффективных правовых механизмах. Постулируется, что отказ государства в конкретных правоотношениях от выполнения своих публично-правовых обязательств, возникших из ранее установленного регулирования и состоявшихся правоприменительных актов, подрывает доверие к закону и государству, поскольку в нарушение конституционного принципа равенства не обеспечивает равные условия реализации гражданами приобретенного ими права [31].

В рассматриваемом контексте исследование проблемы публично-правовой ответственности публичных властей и должностных лиц публичного права действительно выступает одной из приоритетных задач современной правовой науки; это своего рода ее ответ на вызовы развивающейся конституционной практики современной России.

Список источников

1. Червонюк В. И. Теория, философия и методология права: монография. Москва: Юстицинформ, 2021. С. 767–789.
2. Авдеенкова М. П. Конституционно-правовая ответственность в России: проблемы становления и реализации: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2003. С. 17.
3. Червонюк В. И. Теория конституционного права: сравнительно-правовой и страноведческий анализ: монография. Москва: Юстицинформ, 2022. С. 108–121.
4. Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке: [пер. с англ.]. Москва: АСТ. ХРАНИТЕЛЬ, 2006.
5. Чиркин В. Е. Современное государство. Москва: Международные отношения, 2001. С. 278.
6. Зиновьева М. Ю. Специально-юридические гарантии законности в условиях формирования правового государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999.
7. Юридическая ответственность: философский, социологический, психологический, и междотраслевой аспекты: монография / под общ. ред. д-ра. юрид. наук, проф. Р. Л. Хачатурова. Москва: Юрлитинформ, 2017.
8. Червонюк В. И. Институт отзыва публичных должностных лиц местного самоуправления // Вестник экономической безопасности. 2017. № 2. С. 18–188.

9. Кокурина О. Ю. Дискуссионные проблемы наградного права: «позитивная ответственность» и «позитивные санкции» как юридические понятия // Административное право и процесс. 2020. № 6. С. 32–44).
10. Кушхова Б. З. Юридическая ответственность публичной власти в современной России: общетеоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2009.
11. Юридическая ответственность в правовой системе России: нормативные и правореализационные проблемы взаимосвязей, взаимодействий и противоречий: монография / Д. А. Липинский, А. В. Малько, А. А. Мусаткина и др.; / под ред. А. В. Малько, Д. А. Липинского, А. А. Мусаткиной. Москва: РИОР, 2020. С. 312–344.
12. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права. Москва: Юрист, 2001. С. 451–452.
13. Червонюк В. И. Предмет (предметные области) и нормативная структура конституционного права в современном правовом дискурсе // Государство и право. 2020. № 2. С. 50–58.
14. Черногор Н. Н. Юридическая ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления (теоретико-правовые проблемы). Москва: ИД «Юриспруденция», 2006.
15. Карлов М. Ю. Парламентская ответственность: этические и правовые начала: монография. Казань: Бук, 2022. С. 30.
16. Межотраслевая дифференциация уголовной и иных видов юридической ответственности: итоги теоретического моделирования: монография / под ред. д-ра юрид. наук проф. Н. А. Лопашенко. Москва: Юрлитинформ, 2021. С. 10 и сл.
17. Червонюк В. И. Имплементация конституционно-правовых понятий в отраслевое (действующее) законодательство (позитивное право) как форма его конституционализации // Государственная служба и кадры. 2014. № 4. С. 13–18.
18. Червонюк В. И. Предмет (предметные области) и нормативная структура конституционного права в современном правовом дискурсе // Государство и право. 2020. № 2. С. 50–58.
19. Червонюк В. И. Структура права: закономерности формирования и развития (в 9 вып.). Выпуск третий. Структурные уровни, ряды права. Правовые общности // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 3. С. 11–16.
20. Методы правового регулирования: монография / под общ. ред. д-ра. юрид. наук, проф. Р. Л. Хачатурова. Москва: Юрлитинформ, 2018. С. 106–107.
21. Кушхова Б. З. Юридическая ответственность публичной власти в современной России: общетеоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2009. С. 5.
22. Долгих Ф. И. Правовые аспекты создания, государственной регистрации и ликвидации политических партий в России. Москва, 2016.
23. Трофимова Г. А. Конституционно-правовая ответственность публично-правовых субъектов: деликты общего характера // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 6. С. 3–11.
24. Боброва Н. А. Общетеоретический и межотраслевой аспекты юридической ответственности: монография. Москва: Юрлитинформ, 2019. С. 140 — 244, 245 и сл.
25. Одинокова А. В. Повышенная юридической ответственность специального субъекта: монография. Москва: Юрлитинформ, 2021. С. 16–17.
26. Червонюк В. И. Современная концепция конституционной ответственности // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 11. С. 8–13;
27. Виноградов В. А. Защита избирательных прав граждан (конституционно-правовая ответственность): системное исследование. Москва, 2003. С. 158.
28. Тюрин С. Е. Понятие публично-правового злоупотребления (злоупотребления властью) // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 9. С. 8–11.
29. Зорькин В. Д. Десять лекций о праве: монография. Москва: Норма, 2021. С. 178.
30. Червонюк В. И. Организация публичной власти: монография. Москва: Юстицинформ, 2023. С. 949–962.
31. Зорькин В. Д. Право против хаоса: монография. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма, 2023. С. 386–387.

References

1. Chervonyuk V. I. Theory, Philosophy and Methodology of Law: monograph. Moscow: Yustitsinform Publ., 2021. Pp. 767–789. (In Russ.)
2. Avdeenkova M. P. Constitutional and Legal Responsibility in Russia: Problems of Formation and Implementation. Dissertation... doctor of legal sciences. 2003. P. 17. (In Russ.)
3. Chervonyuk V. I. Theory of Constitutional Law: Comparative Legal and Regional Analysis: Monograph. Moscow: Yustitsinform Publ., 2022. Pp. 108–121. (In Russ.)
4. Fukuyama F. A Strong State: Governance and World Order in the 21st Century: [translated from English] / Francis Fukuyama. Moscow: ACT. KHANITEL, 2006. (In Russ.)
5. Chirkin V. E. The Modern State. Moscow: International Relations, 2001. P. 278. (In Russ.)
6. Zinovieva M. Yu. Special legal guarantees of legality in the context of the formation of a legal state. Author's abstract... candidate of legal sciences. Saratov, 1999. (In Russ.)
7. Legal liability: philosophical, sociological, psychological, and intersectoral aspects: monograph / ed. by dr. of law, prof. R. L. Khachaturov. Moscow: Yurlitinform, 2017. (In Russ.)
8. Chervonyuk V. I. Institute for the recall of public officials of local government. *Bulletin of Economic Security*, 2017, no. 2, pp. 18–188. (In Russ.)

9. Kokurina O. Yu. Controversial issues of award law: "positive liability" and "positive sanctions" as legal concepts. *Administrative law and process*, 2020, no. 6, pp. 32–44. (In Russ.)
10. Kushkhova B. Z. Legal liability of public authorities in modern Russia: general theoretical aspect. Author's abstract... candidate of legal sciences. Moscow, 2009. (In Russ.)
11. Legal liability in the legal system of Russia: normative and law-enforcement problems of interrelations, interactions and contradictions: monograph / D. A. Lipinsky, A. V. Malko, A. A. Musatkina [and other]; / ed. by A. V. Malko, D. A. Lipinsky, A. A. Musatkina. Moscow: RIOR, 2020. pp. 312–344. (In Russ.)
12. Matuzov N. I., Malko A. V. Theory of state and law. Moscow: Yurist, Publ., 2001. Pp. 451–452. (In Russ.)
13. Chervonyuk V. I. Subject (subject areas) and normative structure of constitutional law in modern legal discourse. *State and Law*, 2020, no. 2, pp. 50–58. (In Russ.)
14. Chernogor N. N. Legal liability of local government bodies and officials (theoretical and legal problems). Moscow: ID "Jurisprudence", 2006. (In Russ.)
15. Karlov M. Yu. Parliamentary responsibility: ethical and legal principles: monograph. Kazan: Buk, 2022. P. 30. (In Russ.)
16. Inter-sectoral differentiation of criminal and other types of legal liability: results of theoretical modeling: monograph / ed. by doctor of law, prof. N. A. Lopashenko. Moscow: Yurlitinform Publ., 2021. (In Russ.)
17. Chervonyuk V. I. Implementation of constitutional and legal concepts in sectoral (current) legislation (positive law) as a form of its constitutionalization. *Public service and personnel*, 2014, no. 4, pp. 13–18. (In Russ.)
18. Chervonyuk V. I. Subject (subject areas) and normative structure of constitutional law in modern legal discourse. *State and Law*, 2020, no. 2, pp. 50–58. (In Russ.)
19. Chervonyuk V. I. Structure of law: patterns of formation and development (in 9 issues). Third issue. Structural levels, series of law. Legal communities. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2014, no. 3, pp. 11–16. (In Russ.)
20. Methods of legal regulation: monograph / ed. by Dr. of Law, Professor R. L. Khachaturov. Moscow: Yurlitinform Publ., 2018. Pp. 106–107. (In Russ.)
21. Kushkhova B. Z. Legal liability of public authorities in modern Russia: general theoretical aspect. Author's abstract... candidate of legal sciences. Moscow, 2009. P. 5. (In Russ.)
22. Dolgikh F. I. Legal aspects of the creation, state registration and liquidation of political parties in Russia. Moscow, 2016. (In Russ.)
23. Trofimova G. A. Constitutional and legal liability of public-law entities: general torts. *Constitutional and municipal law*, 2018, no. 6, pp. 3–11. (In Russ.)
24. Bobrova N. A. General theoretical and intersectoral aspects of legal liability: monograph. Moscow: Yurlitinform Publ., 2019. pp. 140–244, 245 et seq.
25. Odinkova A. V. Increased legal liability of a special entity: monograph. Moscow: Yurlitinform Publ., 2021. Pp. 16–17. (In Russ.)
26. Chervonyuk V. I. Modern concept of constitutional liability. *Constitutional and municipal law*, 2010, no. 11, pp. 8–13. (In Russ.)
27. Vinogradov V. A. Protection of citizens' electoral rights (constitutional and legal liability): a systemic study. Moscow, 2003. Pp. 158. (In Russ.)
28. Tyurin S. E. Concept of public law abuse (abuse of power). *Constitutional and municipal law*, 2021, no. 9, pp. 8–11. (In Russ.)
29. Zorkin V. D. Ten lectures on law: monograph. Moscow: Norma Publ., 2021. (In Russ.)
30. Chervonyuk V. I. Organization of public authority: monograph. Moscow: Yustitsinform Publ., 2023. pp. 949–962. (In Russ.)
31. Zorkin V. D. Law against chaos: monograph. 3rd ed., revised and enlarged. Moscow: Norma, 2003. pp. 386–387.

Информация об авторах

В. И. Червонюк — доктор юридических наук, профессор Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя;

Е. А. Леонтенкова — кандидат юридических наук, судья Нижегородского областного суда.

Information about the authors

V. I. Chervonyuk — Doctor of Sciences (Law), Professor Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot;

E. A. Leontenkova — Candidate of Sciences (Law), Judge of the Nizhny Novgorod Regional Court.

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-76-82>

Марксистское учение: о праве и (или) антиправе?

Шафиров Владимир Моисеевич

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, vshafiroff@gmail.com

Аннотация. В советском правоведении марксистское учение о праве считалось целостным. Да и сейчас такое понимание имеет место, оно включает в себя разные подходы к пониманию права. Один из них сложился в ранних произведениях К. Маркса, другой — в работах зрелого ученого, поэтому недопустимо смешивать работы К. Маркса, написанные в разные периоды. В противном случае создается иллюзия о полном единстве взглядов К. Маркса на право. В статье обосновывается, что в первых работах ученого содержатся положения о праве, его важности в обществе. К. Маркс, перешедший на позиции материалистической диалектики, выступил против права, настаивал на неизбежности его отмирания при коммунизме. Делается вывод, что идеи, изложенные в трудах молодого К. Маркса, могут быть использованы при изучении проблем современного отечественного права.

Ключевые слова: право, конституция, права человека, марксистское учение, антиправо

Для цитирования: Шафиров В. М. Марксистское учение: о праве и (или) антиправе? // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 4 (68). С. 76–82. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-76-82>.

Original article

Marxist doctrine: is it about law and(or) anti-law?

Vladimir M. Shafirov

National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russian Federation, vshafiroff@gmail.com

Abstract. In soviet jurisprudence Marxist doctrine of law was considered to be coherent. Such conception exists nowadays too. But really it includes different approaches to law understanding. One of them was formed in early works of Marx, the other was composed in the works of mature K Marx. That is why it is unacceptable to mix different periods of Marx's work. Otherwise, the illusion of complete unity of Marx's viewpoints to law is set. In the article it is established that in the early works of Marx there are provisions about law, its importance for the society. Having switched to the positions of materialist dialectic, Marx was opposed to law, insisted on inevitability of its dying away under communism. The conclusion is made, that the ideas, stated in the works of young K. Marx, can be used when studying the problems of contemporary national law.

© Шафиров В. М., 2024

Keywords: law, constitution, human rights, Marxist doctrine, anti-law

For citation: Shafirov V. M. Marxist doctrine: about law and (or) anti-law? *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 4 (68), pp. 76–82. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-76-82>.

В советской юридической науке принято считать К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина основоположниками учения о праве. В подтверждение сказанного можно привести капитальные труды: Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия. Москва: Юридическая литература, 1970; Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое право. Москва: Юридическая литература, 1973; Марксистско-ленинское учение о государстве и праве. История и современность. Москва: Наука, 1977; Учение К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина о социалистическом государстве и праве. История и современность. Москва: Наука, 1978 и другие. Действительно, в работах классиков марксизма есть идеи о праве, актуальность которых и в наши дни сомнений не вызывает.

Вот только некоторые значимые положения из произведений К. Маркса.

Природу государства и права надо вывести «...из природы человеческого общества» [1, с. 110]. «В демократии не человек существует для закона, а закон существует для человека; законом является здесь человеческое бытие...» [1, с. 252]. «Законодатель же должен смотреть на себя как на естествоиспытателя. Он не делает законов, он не изобретает их, а только формулирует, он выражает в сознательных положительных законах внутренние законы духовных отношений» [1, с. 162]. В законе, преследующем тенденцию, «...законодательная форма противоречит содержанию...» [1, с. 16]. «...От нас требуют поведения, соответствующего законам, требуют уважения к законам, <...> которые ставят нас вне закона и возводят произвол в право» [1, с. 17]. «Закон о цензуре имеет только форму закона...» [1, с. 62].

В статье, посвященной закону о краже леса, К. Маркс резко выступал против того, чтобы, используя форму закона, «...превращать всякое грязное притязание в чистое золото права» [1, с. 125]. Форма лишена всякой ценности, если она не есть форма содержания...» [1, с. 158–159]. «...Законы — это положительные, ясные, всеобщие нормы, в которых свобода приобретает безличное, теоретическое существование, независимое от произвола

отдельного индивида. Свод законов есть библия свободы народа...» [1]. «Мудрый законодатель предупредит преступление, чтобы не быть вынужденным наказывать за него. Но он сделает это не путем ограничения сферы права, а тем путем, что в каждом правовом стремлении уничтожит его отрицательную сторону, предоставив праву положительную сферу деятельности» [1]. «Но если бы государство захотело сделать преступника вашим временным крепостным, то оно... этим доказало бы преступнику смертность права, между тем как наказание должно было служить доказательством того, что право бессмертно» [1, с. 154–155]. «Если законодательство не может декретировать нравственность, то оно еще в меньшей степени может провозгласить правом безнравственность» [1, с. 162] и др.

Бесспорно, все представленные теоретические суждения свидетельствуют о признании важности права, его вечности в человеческом обществе. Молодой ученый сформулировал их, опираясь на синтез отдельных положений, взятых из доктрин естественного и позитивного права. Настоящий факт нередко в исследованиях оставляется без внимания, а он существенен. Начинаящий и зрелый исследователь К. Маркс — это принципиально разный по взглядам, убеждениям ученый. В более поздние периоды творчества К. Маркс разработал классово-этактический подход к пониманию права. В основу его была положена материалистическая диалектика. Перейдя на позиции материализма, К. Маркс коренным образом изменил свое отношение к праву. Проиллюстрируем это с помощью различных утверждений К. Маркса и его единомышленника Ф. Энгельса.

Производственные отношения — это «...реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка... Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще» [2, с. 6]. А поскольку все юридическое имеет политическую природу [1, с. 360], то было признано, что право, «...не имеет своей собственной истории...» [3, с. 64]. Следовательно, «...правовые отношения...», не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого

духа, что, наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях...» [2, с. 6]. Особо подчеркивалось, что «право никогда не может быть выше, чем экономический строй...» [4, с. 19]. Праву как форме экономических отношений была отведена ограниченная функция (роль): регулировать производство, потребление, распределение, обмен товаров [5, с. 725–726]. «...Право на революцию является единственным действительно “историческим правом”...» [6, с. 545]. Помеху революции они видели в законах, которые «... вообще никогда не совершают революций» [7, с. 760]. После социалистической революции государство и право начнут отмирать. Процесс отмирания будет проходить постепенно. При этом «право... все еще является правом буржуазным...»

Оно не признает никаких классовых различий, но оно молчаливо признает неравную индивидуальную одаренность, а следовательно, и неравную работоспособность естественными привилегиями. Поэтому оно по своему содержанию есть право неравенства, как всякое право. По своей природе право может состоять лишь в применении равной меры...» к неравным индивидам...» [4, с. 19]. Только «на высшей фазе коммунистического общества, ...когда труд станет первой потребностью жизни, тогда можно будет преодолеть узкий горизонт буржуазного права» [4, с. 20]. После исчезновения частной собственности, классов, отмирает политическая власть (государство), право, «...приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» [8, с. 447].

Итак, если в начале своей научной деятельности К. Маркс высоко оценивал место и роль права в общественной жизни, то, перейдя на позиции материализма, он выступил против права. Материалистические идеи К. Маркса, в том числе об отмирании государства и права, углубил В. И. Ленин: «...При коммунизме, где нет различия между членами общества по их отношению к общественным средствам производства, когда исчезнет государство и можно говорить о свободе, люди постепенно привыкнут к соблюдению элементарных, веками известных, тысячелетиями повторяющихся во всех прописях правил общежития, к соблюдению их без насилия, без принуждения, без подчинения, без особого аппарата для принуждения, который называется государством. Право же есть ничто без аппарата, способного принуждать к соблюдению норм права» [9, с. 89–95, с. 99].

Материалистическая диалектика стала методологической и теоретической основой

советского правоведения. Проблема отмирания государства и права была выделена в самостоятельный предмет исследований в научной литературе. Было разработано учение о правилах коммунистического общежития. В частности, было определено, что для становления и упрочения правил коммунистического общежития решающим фактором в конечном счете является создание материально-технической базы коммунизма, развитие социалистических производственных отношений в коммунистические, подъем материального благосостояния, культуры и сознательности народа. Правила коммунистического общежития будут связаны с деятельностью общественного самоуправления. Моральный авторитет общественного самоуправления и сознательная самодисциплина каждого члена коммунистического общества послужит основными гарантиями исполнения норм коммунистического общежития.

Добровольность исполнения каждым своих обязанностей будет обусловлена не только высоким уровнем сознательной самодисциплины, но и тем, что нормы коммунистического общежития выражают и закрепляют органическое единство прав личности с ее обязанностями. Характерной чертой норм коммунистического общежития будет их единство, которое определяется, во-первых, тем, что по своему содержанию эти нормы не будут носить классового характера, отразят полное отсутствие деления общества на классы и социальные слои; во-вторых, они не будут дифференцироваться на такие виды, как право и мораль, не будут подразделяться на нормы, обеспеченные и не обеспеченные государственным принуждением [10, с. 589–603]. На такой теоретической платформе подобное понимание судьбы государства и права было оправдано. Вопросы отмирания государства и права рассматривались в качестве отдельной темы в учебных изданиях.

В наши дни изложенная выше позиция советских ученых подвергнута критике. Ключевая идея марксизма об отмирании права и государства затушевывается. Вместо этого, например, А. Ф. Черданцев считает, что правопонимание, сложившееся в советское время на базе материалистической диалектики идей марксизма, и сегодня продолжает оставаться устоявшимся [11, с. 6]. Еще более категоричен в плане актуальности ныне материалистической доктрины на право В. М. Сырых. Он считает ее одной единственной теорией, способной дать научно обоснованные ответы на важнейшие правовые вопросы. Процитируем ряд суждений ученого:

«На примере правовой формы исторически первого экономического отношения обмена Маркс показал, что действительное право, являясь формой экономических отношений, обладает такими всеобщими принципами, как равенство, свобода воли, взаимозависимость, эквивалентность и общеобязательность. Названные принципы, а также общие принципы современного права и принципы отдельных отраслей права в своей совокупности образуют содержание объективного права, которое составляет основу позитивного права и цель правового регулирования».

Примат права перед законом, согласно теории правового государства, предполагает наличие неких нормативных установлений, законов, закрепляющих закономерные объективные связи, свойства права, которым должен соответствовать любой действующий закон. Несоответствие хотя бы одному из этих требований является бесспорным свидетельством неправового характера закона.

Именно в проблемах организации и функционирования правового государства, по нашему мнению, кроется основной животворный источник теоретических достижений современных российских правоведов и основное направление научного творчества.

Надежной гарантией устойчивого интереса российских правоведов к проблемам правового государства служат потребности практики, обусловленные действием ряда институтов правового государства, установленные в соответствии с развитием Конституции Российской Федерации (доступность и достаточность всеобщих прав и свобод человека, конституционный контроль, судебный нормоконтроль, прямое действие Конституции Российской Федерации, примат международных договоров Российской Федерации над федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации и другое).

Дать научно обоснованные ответы на вопросы соотношения права и закона, раскрыть критерии правового закона и диалектику воплощения объективного права в позитивном может только одна-единственная теория — это отвергнутая «верными марксистами» и советско-российскими правоведами, необоснованно раскритикованная ими, как сонмище ошибок и недоразумений, марксистская, материалистическая теория права.

Согласно материалистической теории права, многовековая история права представляет собой непрерывную, временами вооруженную борьбу классов, иных слоев общества за

воплощение в законах государства всеобщих правовых принципов: равенства, свободы воли, взаимозависимости, эквивалентности и общеобязательности» [12, с. 110].

Однако подобные суждения вызывают возражения, поскольку содержат не последовательное и противоречивое освещение марксистского материалистического учения о праве. Во-первых, замалчивается принципиальный момент — негативная оценка классиками марксистско-ленинской теории самого факта возникновения и функционирования государства и права. По мнению К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, для человеческой истории их наличие — это «шаг назад», регресс, поскольку государство — орган угнетения одного класса другим, есть создание порядка, который узаконивает и упрочивает это угнетение. Поэтому они настаивали на неизбежности отмирания государства и права при коммунизме.

Во-вторых, основа и источник развития права рассматривается исключительно через экономические отношения. Из экономических отношений обмена выводятся всеобщие правовые принципы равенства, свобода воли, взаимозависимости, эквивалентности и общеобязательности. Представляется увязывание права только с экономическими отношениями, односторонний, упрощенный подход к пониманию права. Определяющее воздействие на право оказывают много факторов: личностные, экономические, политические, культурные, идеологические, религиозные, национальные и исторические и т. д. Комбинация факторов, сила их побуждающей энергии могут быть неодинаковы на различных стадиях цивилизации и у разных народов. Любая попытка выделять в системе компонентов, влияющих на право, какой-то один ведущий например, экономический, обусловливающий все остальные, несостоятельна. Кстати, К. Маркс и Ф. Энгельс признавали свою вину в том, что основной упор они делали на материальные условия и недостаточно подчеркивали значение других факторов [13, с. 396]. Особо ущербно это отразилось на восприятии права не менее значимой для личности, общества ценности, чем мораль.

В-третьих, парадоксально сама постановка вопроса о развитии материалистического представления о праве через связь с построением правового государства. Определяющими принципами правового государства являются: «не человек для права, а право для человека», «не человек для государства, а государство для человека». Но в материалистической

теории права нет места личности, акцент смещен в сторону больших групп людей, классов. Негативно оценивались права человека. Это имело место уже в работах молодого К. Маркса: «...Права человека суть не что иное, как права члена гражданского общества, то есть эгоистического человека, отделенного от человеческой сущности и общности...

Право человека на свободу основывается не на соединении человека с человеком, а, наоборот, на обособлении человека от человека. Оно — право этого обособления, право ограниченного, замкнутого в себе индивида. Практическое применение права человека на свободу есть право человека на частную собственность» [3, с. 399–400]. Подобное отрицательное отношению к правам человека не изменилось при разработке материалистического учения, поскольку права человека, по мнению классиков марксизма, разрушают вечные законы природы и разума, они не могут иметь универсального значения, то есть одинаково применимого к эксплуататорам и эксплуатируемым. А ведь права человека — центральное понятие современного правопонимания, имеющее существенное значение для характеристики правового государства. Без прав и свобод личности невозможно отграничить правовой закон от неправового закона. Закон признается неправовым, если он отменяет и умаляет права и свободы человека.

В-четвертых, несправедливая и жесткая критика советских правоведов. Да, можно не соглашаться с теми или иными их положениями, но надо отдать должное тому, что многие из них были убежденными и последовательными сторонниками идей Маркса. И отход от марксистских взглядов на право они рассматривали как ревизию учения.

Итак, нет оснований признавать марксистскую материалистическую теорию о праве в качестве устоявшейся, единственно правильной в условиях строительства правового государства.

Вместе с тем следует различать вклад К. Маркса в политическую экономию и в юридическую науку. В области политической экономики он великий ученый. Его фундаментальный труд «Капитал» вошел в золотой фонд мировой научной, политической, экономической мысли, не утратил актуальности и в XXI веке. Однако равного по значению труда о праве и государстве К. Маркс как ученый-материалист не создал. Да, это, видимо, не входило в его планы. Ведь государство и право к числу коммунистических ценностей К. Маркс не относил, как и Ф. Энгельс и В. И. Ленин. Поэтому логичен

вывод об отрицании государства и права. Их будущее они видели в музее древностей вместе с прялкой и бронзовым топором. Следовательно, марксистская материалистическая теория — это учением об антиправе.

Современное понимание права сформировалось на ином теоретическом и методологическом (человекоцентристском) фундаменте. Это нашло отражение и закрепление в Конституции Российской Федерации. При построении ее теоретической и нормативной модели были использованы концептуальные основы «...базирующиеся на естественно-правовом подходе к пониманию права» [14, с. 53] и положениях юридического позитивизма. Согласно Конституции Российской Федерации: «Россия есть правовое государство... (ч. 1, ст. 1). В нем «человек, его права и свободы являются высшей ценностью» (ст. 2). И это неслучайно. Человек как биосоциальное существо не может существовать без прав и свобод, как без сердца, нервной системы, легких и т. п. Лишение прав и свобод приводит к уничтожению личности, ее достоинства, свободы, жизни. Поэтому при разработке проекта Конституции Российской Федерации были учтены в том числе и уроки этого трагического события в истории человечества. Была не просто продекларирована высшая ценность прав и свобод, а конкретно определена их роль в механизме правового регулирования. «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием» (ст. 18); «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц» (ч. 3, ст. 17).

В Конституции Российской Федерации изменен подход к содержанию права, не юридические нормы, а закрепленные в них права, свободы и обязанности являются элементами содержания права. Основной правовой документ страны закрепляет бинарную природу права: естественное начало (природа личности) и позитивное начало (политическая природа). Это сформулировано следующим образом: «основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения» (ч. 2, ст. 17); «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства» (ст. 2). Конституционное понимание права имеет отчетливо выраженный интегративный (естественно-позитивный) характер.

Таким образом, марксистское учение, одним из основоположников которого является К. Маркс и опубликованное в Сочинении К. Маркса и Ф. Энгельса, включает в себя разные подходы к пониманию права. Один из них сложился в ранних произведениях К. Маркса. Другой — в работах зрелого К. Маркса, ученично-материалиста и его соратника Ф. Энгельса. Материалистическая теория права есть учение против права.

Недопустимо также смешивать разные периоды творчества К. Маркса. В противном случае создается иллюзия о единстве взглядов К. Маркса на право и на возможность их синтетизирования. Это не так. Положения, излагаемые в ранних и поздних работах (с позиций материалистической диалектики), кардинально отличаются и принадлежат различным доктринам. С полным основанием можно утверждать, что идеи о праве, сформулированные молодым К. Марксом о том, что: природу права надо выводить из природы человеческого общества; не человек существует для закона, а закон существует для человека; форма закона не должна противоречить его содержанию; недопустимо возводить произвол в право; нельзя, используя форму закона, превращать всякое грязное притязание в чистое золото права; свод законов есть библия свободы народа; о бессмертии права во многом соответствует нынешнее представление о праве. Они вполне могут быть использованы при дальнейших исследованиях проблем общей теории права и государства и отечественного правоправедения в целом.

Список источников

1. Маркс К., Ф. Энгельс Сочинения: в 50 т. Т. 1. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1955. 698 с.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. Т. 13. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1959. 805 с.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. Т. 3. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1955. 650 с.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. Т. 19. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1961. 703 с.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. Т. 12. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1958. 910 с.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. Т. 22. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1962. 845 с.

7. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. Т. 23. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1960. 920 с.

8. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. Т. 4. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1955. 638 с.

9. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 56 т. Т. 33. Москва: Политиздат, 1969. 433 с.

10. Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое право. Москва: Юридическая литература, 1973. 647 с.

11. Черданцев А. Ф. Интегративное непонимание права // Журнал российского права. 2016. № 10. С. 5–15.

12. Сырых В. М. Проблемы правового государства — основополагающее направление современных российских правоведов // Российская юстиция. 2022. № 1. С. 16–24.

13. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. Т. 37. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1965. 630 с.

14. Зорькин В. Д. Конституционно-правовое развитие России. Москва: Норма, ИНФРА-М, 2011. 719 с.

References

1. Marx K., Engels F. Works: in 50 vol. Vol. 1. Moscow: State Publ. House of Political Literature, 1955. 698 p. (In Russ.)
2. Marx K., Engels F. Works: in 50 vol. Vol. 13. Moscow: State Publ. House of Political Literature, 1959. 805 p. (In Russ.)
3. Marx K., Engels F. Works: in 50 vol. Vol. 3. Moscow: State Publ. House of Political Literature, 1955. 650 p. (In Russ.)
4. Marx K., Engels F. Works: in 50 vol. Vol. 19. Moscow: State Publ. House of Political Literature, 1961. 703 p. (In Russ.)
5. Marx K., Engels F. Works: in 50 volumes. Vol. 12. Moscow: State Publ. House of Political Literature, 1958. 910 p. (In Russ.)
6. Marx K., Engels F. Works: in 50 volumes. Vol. 22. Moscow: State Publ. House of Political Literature, 1962. 845 p. (In Russ.)
7. Marx K., Engels F. Works: in 50 volumes. Vol. 23. Moscow: State Publ. House of Political Literature, 1960. 920 p. (In Russ.)
8. Marx K., Engels F. Works: in 50 volumes. Vol. 4. Moscow: State Publ. House of Political Literature, 1955. 638 p. (In Russ.)
9. Lenin V. I. Complete Works: in 56 volumes. Vol. 33. Moscow: Polit-izdat, 1969. 433 p. (In Russ.)
10. Marxist-Leninist General Theory of State and Law. Socialist Law. Moscow: Legal Literature, 1973. 647 p. (In Russ.)

11. Cherdantsev A. F. Integrative Misunderstanding of Law. *Journal of Russian Law*, 2016, no. 10, pp. 5–15. (In Russ.)
12. Syrykh V. M. Problems of the Rule of Law — the Fundamental Direction of Modern Russian Legal Scholars. *Russian Justice*, 2022, no. 1, pp. 16–24. (In Russ.)
13. Marx K., Engels F. Works: in 50 volumes. Vol. 37. Moscow: State Publ. House of Political Literature, 1965. 630 p. (In Russ.)
14. Zorkin V. D. Constitutional and Legal Development of Russia. Moscow: Norma, INFRA-M, 2011. 719 p. (In Russ.)

Информация об авторе

В. М. Шафиров — доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского.

Information about the author

V. M. Shafirov — Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of Department of Theory and History of State and Law, of the Law Faculty National Research Nizhny Novgorod State University N. I. Lobachevsky.

Научная статья
УДК 342.4
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-83-88>

Мотивационное влияние конституционных принципов на законотворческие и правоприменительные решения

Малый Александр Федорович

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия, afm-10@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы влияния правовых принципов на содержание нормативных правовых и правоприменительных актов. В основу рассуждений положен тезис о том, что принципы — это идеи, не осуществляющие прямого регулирования общественных отношений. Они оказывают влияние на регулятивные процессы и тем самым получают формализацию в нормативных предписаниях. Уделено внимание соотношению понятий «правовое воздействие» и «правое влияние». Делается вывод о влиянии конституционных принципов на процесс регулирования общественных отношений через мотивацию лиц, осуществляющих эту деятельность, о мотивационной сущности принципов права.

Ключевые слова: Конституция, принципы, регулирование, правовое воздействие, правовое влияние, мотивация

Для цитирования: Малый А. Ф. Мотивационное влияние конституционных принципов на законотворческие и правоприменительные решения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 4 (68). С. 83–88. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-83-88>.

Original article

Motivational influence of constitutional principles on legislative and law enforcement decisions

Alexander F. Maly

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation, afm-10@mail.ru

Abstract. The article discusses the influence of legal principles on the content of regulatory legal and law enforcement acts. The reasoning is based on the thesis that principles are ideas that do not directly regulate social relations. They influence regulatory processes and thus are formalized in regulatory prescriptions. Attention is paid to the correlation of the concepts of “legal influence” and “right influence”. The conclusion is made about the influence of constitutional principles on the process of regulating social relations through the motivation of persons carrying out this activity, about the motivational essence of the principles of law.

© Малый А. Ф., 2024

Keywords: Constitution, principles, regulation, legal impact, legal influence, motivation

For citation: Maly A. F. Motivational influence of constitutional principles on legislative and law enforcement decisions. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 4 (68), pp. 83–88. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-83-88>.

В науке конституционного права продолжает оставаться актуальным вопрос о роли и месте норм-принципов в системе правового регулирования общественных отношений [1–3]. Отмечается, что «конституционные принципы являются одним из наиболее сложных (сложно организованных) юридических феноменов» [4, с. 2]. Можно встретить многообразие подходов к пониманию роли принципов права в регулятивном механизме государства, видение их значения для выработки теоретических конструкций и использования в разрешении правовых коллизий. Рассматривается не только содержание, но и функциональное предназначение принципов, выявляется специфика принципов как средств правового регулирования [5, с. 112], отмечается их вспомогательная роль при упорядочивании конкретных правоотношений [5, с. 109].

Нередко можно встретить утверждение о том, что принципы оказывают регулирующее воздействие на общественные отношения и даже налаживают общественные отношения. Наличие такой интерпретации в отраслевой научной литературе можно объяснить достаточно распространенным подходом к такому пониманию принципов, особенно при восприятии их как составной части правовой системы Российской Федерации, закрепленной в части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации. В то же время содержание принципа права — это основополагающая идея, выраженная в норме права. В позитивистском понимании «принципы права представляют собой основополагающие идеи отрасли права (либо нескольких отраслей права или же всего правового регулирования), выраженные в специфической правовой форме — в виде норм-принципов» [6, с. 287]. Анализируя взгляды представителей различных школ по вопросу о принципах права, В. А. Илюхина подчеркивает, что «принципы права не являются правовыми нормами в позитивистском понимании» [6, с. 287].

В конституционном праве преобладает взгляд на конституционные принципы как на «идеи, лежащие в основе содержания конституции той или иной страны (общие конституционные принципы или принципы конституции) либо в основе содержания ее отдельных

институтов и норм (частные или институциональные конституционные принципы)» [1, с. 6].

Норма-принцип не обладает регулирующим компонентом, не закрепляет права и обязанности участников правоотношения. В то же время принцип права (заложенная в нем идея) оказывает (должен оказывать) большое влияние на законодателя и правоприменителя при осуществлении ими законодательной и правоприменительной деятельности. Следует особо подчеркнуть, что содержание принципа оказывает влияние на личность и иных субъектов права без какого-либо принуждения. Возникает вопрос: «Если нет правового механизма принуждения к использованию норм-принципов субъектами права, то каково может быть их влияние на формирование законодательства, на правоприменение?». И здесь напрашивается ответ: правовые идеи (принципы) могут оказывать влияние через осознание субъектом права необходимости их внедрения в законодательную и правоприменительную практику, в индивидуальное поведение.

Основным побуждающим инструментом внедрения конституционных норм-принципов в практическую юриспруденцию в России является деятельность Конституционного Суда Российской Федерации, который осуществляет это побуждение через формирование правовых позиций, основанных в том числе и на конституционных нормах-принципах. Тем самым Конституционный Суд Российской Федерации выявляет правовой потенциал этих норм и мотивирует участников правоотношений к их использованию в практической юриспруденции. Использование, например, положений Преамбулы Конституции Российской Федерации для обоснования Конституционным Судом Российской Федерации своих выводов побуждает и к постановке некоторых вопросов теоретического характера. Например, поиску ответа на вопрос о том, какими понятиями и терминами можно воспользоваться для характеристики влияния норм-принципов на содержание регулирующих норм, разрабатываемых и вводимых уполномоченными органами в практическую юриспруденцию?

Обсуждение вопроса о влиянии норм-принципов на процесс регулирования

общественных отношений немислим без соответствующего категориального аппарата. Уточнение содержания юридических понятий и терминов не является самоцелью исследователя, автор преследует вполне конкретную цель — уточнение понятийной платформы на основе которой ведется научная дискуссия. В этом есть и практический смысл, суды нередко вынуждены исследовать юридическое содержание термина, использованного законодателем. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно выявлял содержание конституционных терминов, формулируя на этой основе свои правовые позиции. Поэтому вопрос о формах и способах влияния конституционных норм-принципов на субъекты права оправдан.

Реализация права невозможна без человека. В. С. Нерсесянц отмечал: «Право как известно, само не действует, действуют люди, и именно свободные люди, люди со свободной волей, которые в своих взаимоотношениях выступают как субъекты права» [7, с. 43]. Право есть совокупность общеобязательных установлений (правил), которые оказывают влияние на поведение человека. Действовать право не может, следовательно, и все используемые термины: «право воздействует», «право действует» могут быть подвергнуты сомнению в части их использования для оценки способов влияния правовых норм на поведение человека. Можем ли мы утверждать, что право влияет на поведение человека через мотивацию, то есть осознание линии поведения посредством мыслительной деятельности, трансформируемой в принятие решений, осуществления действия? Безусловно, да.

Норма-принцип получает реализацию в том случае, когда содержащаяся в ней идея воплощается должностным лицом или органом в решение (законодательном или правоприменительном актах). Норма выступает средством, используя которое человек (коллектив граждан, орган) выполняет волю законодателя, выраженную в содержании нормы.

Норма не действует, действует человек, принимающий правовой акт, под влиянием нормы, содержание которой мотивирует соответствующее поведение (действие). То же самое можно утверждать и применительно к органу, принимающему решение. Коллектив граждан (орган) при принятии нормативного или правоприменительного акта основывается на убежденности, формируемой под влиянием нормы права, то есть правопонимание является результатом ее мотивирующего влияния. Парламент, принимая закон, руководствуется содержанием

конституционных положений, в том числе идеологией, заложенной в нормах-принципах.

Препятствовать принятию акта может убежденность, формируемая политическими взглядами, политическими убеждениями и предпочтениями. Например, затягивая принятие предусмотренного Конституцией Российской Федерации закона (принятие Государственной Думой Российской Федерации Федерального конституционного закона «О Конституционном Собрании Российской Федерации»), депутаты, вероятнее всего, мотивированы политическими установками, являющимися в данном случае приоритетными.

Издавая указ, глава государства руководствуется необходимостью и целесообразностью регулирования общественных отношений, но на содержание издаваемого им нормативного акта оказывают влияние и иные факторы. Помимо необходимости и целесообразности учитываются положения действующей Конституции и федеральных законов, так как издаваемый главой государства акт не может им противоречить. Влияние конституционных положений происходит через осознаваемые нормотворцем установки, формируемая в сознании лица мотивация определяет его правопонимание и, как следствие, содержание издаваемых актов.

Термин «правовое влияние» не получил распространение при характеристике возможностей достижения целей правовой нормы, в отличие от конструкции «правовое воздействие». Влияние и воздействие в их лингвистическом понимании не имеют строгого разграничения. Так, словарь С. И. Ожегова по влиянием понимает «действие, оказываемое кем-чем-нибудь на кого-что-нибудь, воздействие» [8, с. 74]. Он же определяет воздействие как «действие, направленное на кого-что-нибудь с целью добиться чего-нибудь, внушить что-нибудь» [8, с. 79]. И влияние, и воздействие определяются как действие. Общим здесь является подразумеваемое проявление воли лица через совершение определенных действий в отношении других лиц. Воля лица формируется через осмысление человеком возможных вариантов поведения под влиянием идей и смысловых посылов, посредством речевой или письменной коммуникации. Физическое воздействие не формирует волю как внутреннее побуждение к принятию решения, оно подавляет ее, чтобы добиться нужного поведения. Поэтому в юридическом смысле слова «влияние» и «действие» могут различаться. Если «действие» есть результат физической активности человека, то в основе «влияния» лежит осознание необходимости действовать (поступать) определенным

образом, соотносясь с идеями, установками, выраженными в письменной или речевой форме. Такое влияние именуется мотивированием (мотивацией) и именно оно формируется нормой права, заложенным в ней побуждением к осознанию необходимости позитивной деятельности.

Если побуждением к принятию решения лицом являются целенаправленные действия иного человека (коллектива лиц), то такое побуждение будет воздействием. Правоприменительный акт будет иметь эффект воздействия на личность, поскольку он является результатом действия лица, выполняющего волю законодателя. Неисполнение правоприменительного акта влечет неблагоприятные последствия для лица, его не исполнившего.

Если же исключить деятельность человека из процесса оказания влияния, а попробовать оценить форму воздействия без его участия, тогда такой формой будет формирование мотивации поведения через закрепление правил поведения в нормативном акте. Участие человека в этом процессе происходит в период формирования нормы и придание ей легитимности через процедуру правотворчества. Однако участники процесса разработки и принятия нормативного правового акта испытывают влияние идей, заключенных в нормах-принципах. Но с момента введения правового документа в силу он начинает самостоятельное существование в правовой системе государства, его содержание формирует поведение человека.

В теории права выработана правовая конструкция для характеристики одной из форм реализации функций права — «ориентационное воздействие», то есть «выработка у граждан позитивных правовых установок» [9, с. 62]. Правовые установки у личности появляются под влиянием норм права, они мотивируют человека на совершение или несвершение тех или иных действий.

Следует отметить, что термин «воздействие» в правовом смысле традиционно используется для обозначения широкого спектра действий с использованием юридического инструментария. Государство использует разнообразный набор возможностей для воздействия (влияния) на поведение людей с целью упорядочения общественных отношений в различных сферах жизни социума. Основным способом такого воздействия (влияния) является правовое регулирование, которое выступает элементом системы социального регулирования. Кроме того, исследователями называются и иные элементы влияния с использованием различных социальных

регуляторов. В частности, в нормативной системе, помимо традиционных социальных норм, выделяются также ненормативные регуляторы, к которым относятся ценностные, директивные, информационные [10, с. 14–35].

Вышеизложенные подходы к пониманию терминов «правовое воздействие», «правовое влияние», «ориентационное воздействие» требуют осмысления и содержательного разграничения в части их использования для обозначения форм влияния нормативного предписания на принятие лицом или органом правомерного решения.

Наиболее точно термином «воздействие» может быть охарактеризовано побуждение субъекта права к принятию законного решения посредством воздействия уполномоченного органа или оказание им содействия в осуществлении субъектом права своих функций. Приведем достаточно обширную цитату, дающую представление о формах воздействия органов государственной власти на институты гражданского общества. В. В. Гриб к таким формам относит: «контроль за деятельностью институтов гражданского общества, ограничения и запреты в осуществлении деятельности, финансовую поддержку, предоставление льгот, целевые программы и стратегии, участие органов государственной власти в формировании и функционировании институтов гражданского общества, участие в деятельности общественно-государственных объединений, участие государственных служащих в руководящих органах разных институтов гражданского общества (политических партиях, общественных объединениях)» [11, с. 16].

За исключением одной из перечисленных форм (ограничения и запреты в осуществлении деятельности), все остальные формы воздействия напрямую предполагают деятельность уполномоченных органов публичной власти. Что касается запретов и ограничений, то они оказывают мотивирующее влияние, побуждают человека к соблюдению правовых предписаний в силу осознания последним последствий нарушения запрета. На осознание личностью необходимости соблюдать запреты влияет, несомненно, и возможная угроза наказания, но здесь главным фактором влияния нормы является самостоятельная оценка личностью предлагаемой линии поведения и ее выбора.

Именно такое влияние на человека оказывают конституционные нормы общего характера. Они формируют личностное отношение к государству, принципам его организации, ценностям, отраженным в конституционных нормах.

Идеи, заключенные в нормах-принципах, не содержат механизма воздействия, они являются носителями правовой идеологии и формируют уважение к праву через осознание должного.

Нормы-принципы оказывают влияние не только на личность, но и на органы государства (индивидуальные и коллегиальные). Коллегиальный орган состоит из граждан, обладающих индивидуальным правом пониманием, воплощаемым в принимаемых коллегиальных решениях. Даже при расхождении во взглядах на содержание решения, при его обсуждении окончательный вариант принимается с учетом требований конституционных положений и актов, имеющих более высокую юридическую силу.

Абстрактное содержание норм-принципов влечет возможность различной интерпретации их содержания. Конкретизация этого содержания находит отражение в судебных решениях. Безусловным авторитетом в понимании содержания конституционных норм-принципов (подкрепленным официально закрепленной обязанностью единственного толкователя Конституции) является Конституционный Суд Российской Федерации. В значительной части своих решений Конституционный Суд Российской Федерации обосновывает свои правовые позиции ссылками на конституционные нормы-принципы. Тем самым осуществляется юридическая формализация правовых идей. Закрепленные в конституционных принципах, они получают практическую реализацию через акты Конституционного Суда Российской Федерации.

В начале своей деятельности Конституционный Суд Российской Федерации сформулировал свою позицию относительно влияния общеправовых принципов на регулирование общественных отношений следующим образом: «Эти принципы обладают высшей степенью нормативной обобщенности, определяют содержание конституционных прав человека, отраслевых прав граждан, несут универсальный характер и в связи с этим оказывают регулирующее воздействие на все сферы общественных отношений. Обязательность данных принципов состоит как в приоритетности перед иными правовыми установлениями, так и в распространении их действия на все субъекты права» [12]. Как видим, Конституционный Суд Российской Федерации не назвал принципы регуляторами общественных отношений, указав, что они «оказывают регулирующее воздействие». Возникает вопрос: «Каковы формы такого «регулирующего воздействия?» Одной из них является использование Конституционным Судом Российской Федерации содержащихся в

принципах правовых идей при обосновании своих выводов и принятии на их основе решений, имеющих общеобязательный характер. Таким образом, воздействием на регулирование общественных отношений является решение Конституционного Суда Российской Федерации, принимаемое коллегиально. Принципы (правовые идеи) формируют соответствующее понимание у судей, которые отражаются в выводах Конституционного Суда Российской Федерации.

Другой формой «регулирующего воздействия» является отражение принципов (идей) в нормативном правовом акте. В результате действия законодателя получают формализацию правила, на содержание которых оказали влияние идеи, заложенные в правовых принципах. Таким образом, происходит воплощение их «сущности и содержания в нормативно-правовых предписаниях» [4, с. 4]. Поскольку идеи проходят через сознание законодателей, определяют их понимание, то и процесс этот можно назвать мотивированием.

Подводя итог, можно отметить, что принципы права занимают особое место в правовой системе государства, воплощая в себе правовую идеологию, лежащую в основе регулирования общественных отношений. Конституционные принципы вбирают в себя идеи, содержание которых предопределяет содержание нормативных правовых актов, закрепляющих систему органов государства и основных институтов гражданского общества, права и обязанности человека и гражданина, устройство государства и систему его органов. Эти идеи получают формализованное воплощение в юридическую практику (законотворческую, правоприменительную) через осознание их содержания лицами, осуществляющими законотворческую и правоприменительную деятельность, и формирование у них мотива, определяющего профессиональное поведение при принятии решений. Сложно назвать это «осознание» воздействием (физическим, а не мыслительным компонентом), правильнее именовать влияние идей на принятие решений мотивацией.

Список источников

1. Алебастрова И. А. Конституционные принципы: проблемы юридической природы и эффективности реализации // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 7. С. 5–13.
2. Мещеряков А. Н. Система конституционно-правовых принципов осуществления государственной власти в Российской Федерации // Научный портал МВД России. 2021. № 1 (53). С. 8–17.

3. Осавелюк Е. А. Конституционные принципы — основополагающие правовые идеи или руководящие нормы права? // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 1. С. 26–28.

4. Джагарян А. А. О природе конституционных принципов в национальной правовой системе // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 17. С. 2–4.

5. Арапов Н. А. К вопросу о понятии «принцип» в конституционном праве: его определение и функции // Петербургский юрист. 2016. № 1. С. 102–113.

6. Илюхина В. А. Принципы права как динамичное явление правовой системы // Юридическая техника. 2023. № 17. С. 284–289.

7. Нерсисянц В. С. Философия права: учебник для вузов. Москва: Издательская группа ИНФРА*М — НОРМА, 1997. 652 с.

8. Ожегов И. С. Словарь русского языка: ок. 57000 слов / под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. 17-е изд., стереотип. Москва: Русский язык, 1985. 797 с.

9. Общая теория государства и права. Академический курс в 2-х томах. Т. 2. Теория права. Москва: Изд-во «Зерцало», 1998. 640 с.

10. Венгеров А. Б., Барабашева Н. С. Нормативная система и эффективность общественного производства. Москва, 1985.

11. Гриб В. В. Правовые формы воздействия органов государственной власти на институты гражданского общества // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 1. С. 16–17.

12. По делу о проверке конституционности правоприменительной практики ограничения времени оплаты вынужденного прогула при незаконном увольнении, сложившейся на основе применения законодательства о труде и Постановлений Пленумов Верховного Суда СССР, Верховного Суда Российской Федерации, регулирующих данные вопросы // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 14. Ст. 508.

References

1. Alebastrova I. A. Constitutional principles: problems of legal nature and effectiveness of implementation.

Constitutional and municipal law, 2007, no. 7, pp. 5–13. (In Russ.)

2. Meshcheryakov A. N. The system of constitutional and legal principles for the exercise of state power in the Russian Federation. *Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 1 (53), pp. 8–17. (In Russ.)

3. Osavelyuk E. A. Constitutional principles — fundamental legal ideas or guiding norms of law? *Constitutional and municipal law*, 2022, no. 1, pp. 26–28. (In Russ.)

4. Dzhagaryan A. A. On the nature of constitutional principles in the national legal system. *Constitutional and municipal law*, 2009, no. 17, pp. 2–4. (In Russ.)

5. Arapov N. A. On the issue of the concept of “principle” in constitutional law: its definition and functions. *Saint Petersburg lawyer*, 2016, no. 1, pp. 102–113. (In Russ.)

6. Ilyukhina V. A. Principles of law as a dynamic phenomenon of the legal system. *Legal technology*, 2023, no. 17, pp. 284–289. (In Russ.)

7. Nersesyants V. S. Philosophy of Law: a textbook for universities. Moscow: Publishing group INFRA*М - NORM, 1997. 652 p. (In Russ.)

8. Ozhegov I. S. Dictionary of the Russian language: ok. 57,000 words / ed. by Corresponding member USSR Academy of Sciences N. Yu. Shvedova. 17th ed., stereotype. Moscow: Russian language, 1985. 797 p. (In Russ.)

9. General Theory of State and Law. Academic Course in 2 Volumes. Volume 2. Theory of Law. Moscow: Zertsalo Publishing House, 1998. 640 p. (In Russ.)

10. Vengerov A. B., Barabasheva N. S. Normative System and Efficiency of Social Production. Moscow, 1985. (In Russ.)

11. Grib V. V. Legal Forms of Influence of Government Bodies on Civil Society Institutions. *Constitutional and Municipal Law*, 2011, no. 1, pp. 16–17. (In Russ.)

12. On the Case of Verifying the Constitutionality of the Law Enforcement Practice of Limiting the Time of Payment for Forced Absenteeism in Case of Illegal Dismissal, Established on the Basis of the Application of Labor Legislation and Resolutions of the Plenums of the Supreme Court of the USSR and the Supreme Court of the Russian Federation Regulating These Issues. *Vedomosti SND and the Supreme Court of the Russian Federation*. 1993. No. 14. Art. 508. (In Russ.)

Информация об авторе

А. Ф. Малый — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета.

Information about the author

A. F. Malyy — Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Kazan (Volga Region) Federal University.

Научная статья

УДК 34.01

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-89-95>

Формы и механизм реализации вторичного права

Крамской Вадим Владимирович^{1, 2}

¹Тамбовский государственный технический университет, Тамбов, Россия;

²Тамбовский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Тамбов, Россия, vkramskoy@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-4186-7765>

Аннотация. В настоящей статье автор продолжает цикл исследований, посвященных вопросам существования в российской правовой системе вторичных прав в контексте различных правовых институтов и категорий. В данном случае таковыми выступают формы реализации права и механизм реализации права. Последовательно анализируя свойства вторичных прав в разрезе соблюдения, исполнения, применения и использования правовых норм, автор утверждает, что вторичное право, равно как и любое другое субъективное право, может быть реализовано только в двух формах: в форме использования и в форме применения. Другими словами, вторичное право может быть реализовано как в непосредственной форме, причем только активного вида, так и в правоприменительной. Относительно механизма реализации вторичного права в статье отмечается, что он совпадает по своему содержанию с механизмом реализации других субъективных прав и охватывает собой три стадии: совершение юридического факта, образование правоотношения, реализация права в установленной форме. При этом безусловным юридически значимым обстоятельством реализации любого вторичного права является юридический состав, включающий в себя наличие базового правоотношения и акта реализации вторичного права.

Ключевые слова: форма реализации права, механизм реализации права, вторичное право, правоотношение, юридический факт

Для цитирования: Крамской В. В. Формы и механизм реализации вторичного права // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 4 (68). С. 89–95. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-89-95>.

Original article

The forms and mechanism of implementation of the second right

Vadim V. Kramskoy^{1, 2}

¹Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation;

²Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Tambov branch), Tambov, Russian Federation, vkramskoy@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-4186-7765>

Abstract. In this article, the author continues a series of studies on the existence of second rights in the Russian legal system in the context of various legal institutions and categories. In this case, these are the forms of realization

© Крамской В. В., 2024

of the right and the mechanism of realization of the right. Consistently analyzing the properties of secondary rights in the context of observance, execution, application and use of legal norms, the author argues that secondary law, as well as any other subjective right, can be realized only in two forms: in the form of use and in the form of application. In other words, the second right can be implemented both in a direct form, and only in an active form, and in law enforcement. Regarding the mechanism of realization of the second right, the article notes that it coincides in its content with the mechanism of realization of other subjective rights and covers three stages: the commission of a legal fact, the formation of a legal relationship, the realization of the right in the prescribed form. At the same time, an unconditional legally significant condition for the implementation of any second right is the legal composition, which includes the existence of a basic legal relationship and an act of implementation of the second right.

Keywords: form of realization of the right, mechanism of realization of the right, second law, legal relationship, legal fact

For citation: Kramskoy V. V. The forms and mechanism of implementation of the second right. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 4 (68), pp. 89–95. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-89-95>.

Начиная разговор об определении сущности форм и механизма реализации секундарного права, следует заметить, что в названии данной статьи указаны правовые явления, два из которых не получили своего полноценного закрепления в теории права: секундарное право и механизм реализации права.

Так, до сих пор в ученой среде нет определенности того, что считать секундарным правом и, что более важно, нужно ли вообще выделение секундарного права как такового. Одна группа авторов приравнивает секундарное право к полноценному субъективному праву, состоящему в возможности своими действиями (по нашему мнению, и при помощи других лиц) гарантированно реализовать заложенный в него интерес, что в своих исследованиях мы также стараемся последовательно показать [1, с. 187]. Другие ученые рассматривают секундарное право не иначе как тривиальную одностороннюю сделку [2, с. 75]. Третья когорта правоведов видит секундарное право в качестве элемента дееспособности или даже юридического факта [3, с. 278]. Есть и другие взгляды, например, связанные с полным научным отрицанием секундарного права [4, с. 233].

Относительно понятия «механизм реализации права» ситуация складывается несколько иным образом, поскольку среди ученых прослеживается определенная консолидация мнений по вопросу обоснованности выделения такой теоретической конструкции. Однако данное понятие в серии классических учебников по теории права свое место не нашло, а получило массовое распространение на уровне научной периодики, в отличие, например, от широко известных и общепринятых понятий «форма реализации права», «механизм правового регулирования».

Апеллируя к законам формальной логики, можно в обоснование целесообразности

позиции выделения конструкции «механизм реализации права» привести довод о том, что если существуют формы реализации права (соблюдение, использование, исполнение, применение), то совершенно закономерно, что реализация права в конкретной форме осуществляется в определенном порядке, образующем собой систему или механизм.

В правовых исследованиях понятие «механизм реализации права» воспринимается и описывается по-разному, в отличие от понятия «механизм правового регулирования», относительно которого существует определенное единство его понимания. Понятие «механизм реализации права» в отдельных случаях учеными дается без привязки к категориям теории права, а его определение выводится через терминологию социологических и политических наук применительно к сфере юриспруденции, что, по нашему мнению, не способствует конструктивной дискуссии в правовом поле. Безусловно, любое правовое явление можно рассматривать многоаспектно и в первую очередь в социальном контексте, но когда юристами рассмотрено правовое явление в плоскости смежных наук, дальнейший разговор теряет исходную предметную составляющую.

Существующие точки зрения по вопросу определения сути механизма реализации права можно свести к следующим основным группам: 1) юридическое понимание в контексте механизма правового регулирования; 2) юридическое понимание не в контексте механизма правового регулирования; 3) социополитическое понимание с элементами правоведения:

1. Механизм реализации права — это подсистема механизма правового регулирования, действие которой направлено на претворение в жизнь объективного права при помощи блока

правовых средств, что отражается в правомерном поведении субъекта (В. А. Сапун [5, с. 6], О. В. Белянская [6, с. 14], Ю. С. Решетов [7, с. 15], Ю. И. Гревцов [8, с. 18], И. Ю. Крылатова [9, с. 214]).

2. Механизм реализации права — специальный механизм, необходимый для гарантирования процесса претворения права в жизнь (И. А. Хахимов [10, с. 192], В. В. Лазарев [11, с. 8], В. И. Червонюк [12, с. 46]).

3. Механизм реализации права — совокупность средств, в том числе правовых, влияния общества на государство в лице его властных органов в целях наилучшего удовлетворения индивидом своих интересов, закрепленных в объективном праве. В этой связи механизм реализации права видится как «ограничение власти, установление правовых пределов вмешательства государства в жизнь гражданского общества» (Л. Н. Завадская) [13, с. 7], «социальное устройство, функционирующее в определенных формах человеческой деятельности, направленной на удовлетворение потребностей и интересов» (А. В. Олефиренко) [14, с. 13], «система социального порядка, в котором обнаруживаются компоненты вещного, процессуального, духовного и человеческого порядков» [15, с. 102], «осуществление в определенной правовой форме интересов, потребностей, отношений субъекта в ходе достижения целей, предусмотренных законодателем» (В. Н. Кудрявцев, В. П. Казимирчук) [16, с. 104].

Рассмотрение механизма реализации права в юридическом ключе как части механизма правового регулирования представляется наиболее оправданным, поскольку если механизм правового регулирования представляет собой совокупность средств, при помощи которых право результативно воздействует на общественные отношения [2, с. 145], то совершенно очевидно, что по своей сути реализация права — это некая стадия механизма правового регулирования, на которой и осуществляется то самое непосредственное воздействие на общественные отношения.

Влияние права на общественные отношения происходит, как было сказано ранее, в традиционно выделяемых формах, а именно: исполнение, соблюдение, использование, применение. При этом О. В. Белянской все формы реализации права сведены к двум основным: правоприменительной, если для реализации права требуется вмешательство властного субъекта, и непосредственной, когда заложенный в право интерес лицо осуществляет своими действиями

[17, с. 16]. По сути, предложенную О. В. Белянской классификацию форм реализации права можно определить иначе как опосредованные и непосредственные формы реализации права, на что также обращал внимание Д. А. Липинский [18, с. 288]. Кроме того, названные четыре формы реализации права: исполнение, соблюдение, использование, применение совершенно точно укладываются в предлагаемую О. В. Белянской их градацию. Если смотреть еще дальше, то, пожалуй, справедливым будет утверждение о том, что предложенные О. В. Белянской формы реализации права целесообразнее рассматривать не столько даже как формы, а скорее, как некие способы реализации права при помощи кого-либо (правоприменительная форма) и самостоятельно (непосредственная форма).

Относительно понимания форм реализации права исполнение, соблюдение, использование, применение можно сказать, что их определение в науке не вызывает споров.

Так, соблюдение подразумевает под собой выстраивание субъектом права своего поведения согласно действующему запрету; исполнение предполагает действие или бездействие в соответствии с возложенной на субъекта права обязанностью; использование — это претворение права в жизнь его носителем; применение права олицетворяет собой реализацию права при помощи публично-властного субъекта правоотношения.

Кратко рассмотрим каждую из них, сопоставляя конкретную форму реализации права со случаями осуществления вторичных прав.

Соблюдение права и вторичное право.

Реализация вторичного права в форме соблюдения невозможна, поскольку суть данной формы состоит в исключении из поведения субъекта права какого-либо варианта, отличного от установленного законом. Данная форма реализации права представляет собой проявление императивного метода регулирования общественных отношений, когда посредством запрета обеспечивается необходимая для общества и государства линия поведения субъектов права. Говоря о соблюдении права как о форме реализации права, мы полагаем, что речь следует вести о реализации права в объективном смысле, поскольку трансформация правового запрета через юридический факт и правоотношение в субъективное право невозможна, в то время как реализация вторичного права в объективном смысле в конечном счете преследует цель претворения его в субъективное вторичное право.

Для наглядности приведем пример с реализацией вторичного права — права на прекращение обязательства зачетом. Данное право из разряда объективного реализуется, как правило, активным поведением управомоченного лица, вследствие чего обретает субъективный характер. Никакого запрета здесь нет, разве что только запрет на недобросовестное поведение при реализации данного права. Но данный запрет можно адресовать любому субъективно-му праву.

Исполнение права и вторичное право

Если исполнение права состоит в активном или пассивном поведении по реализации возложенной на лицо обязанности, то очевидно, что данная форма реализации права неприменима к вторичным правам, а использование в словосочетании «исполнение права» слова «право» предполагает его восприятие не как исполнение правомочия, а как и в случае с соблюдением права, понимание его исключительно в объективном смысле.

Использование права и вторичное право

Использование права, как никакая другая форма его реализации, отражает существо имманентных признаков самого права — возможности действовать в своем интересе, то есть своим активным поведением трансформировать объективное право в субъективное право, а его, в свою очередь, в желаемый законный интерес.

Так, например, право на одностороннее расторжение гражданско-правового договора в оговоренных сторонами или законом случаях реализуется в рамках конкретного правоотношения своей волей, своими действиями и в своем интересе одним из участников данного правоотношения. Другими словами, в этой ситуации лицо активным образом реализует предоставленное ему вторичное право.

Применение права и вторичное право

Как одна из форм реализации права, применение права предполагает материализацию законного интереса управомоченного субъекта через распорядительную деятельность публично-властных субъектов. При такой форме реализации права субъективное право должно быть юридически закреплено в акте применения права.

Рассматривая в этом контексте вторичное право, сложно представить, что такая форма реализации может быть применима к нему. На первый взгляд это выглядит абсурдно, поскольку традиционно понимаемое вторичное право предполагает под собой правомочие

посредством действий вторично управомоченного лица изменить сферу правовых интересов его контрагента, то есть ничего не требуя от обязанного лица, достигнуть нужного результата своими собственными действиями при его пассивном поведении [19, с. 7].

Возьмем для примера то же право на одностороннее расторжение гражданско-правового договора. В одних случаях для того, чтобы реализовать это право, состоящее в одностороннем отказе от дальнейшего исполнения гражданско-правового договора, управомоченному на это лицу достаточно уведомить своего контрагента об этом. Однако возможны случаи, когда простого уведомления недостаточно, а интерес на одностороннее расторжение договора имеется вследствие существенного нарушения договора другой его стороной. При таком положении дел реализация права на одностороннее расторжение договора возможна только через акт применения права, то есть судебное решение.

Подобный казус мы можем наблюдать и при реализации таких прав, как право на расторжение брака, право на расторжение трудового договора по инициативе работника и др.

Рассмотрение форм реализации вторичных прав было бы неполным без исследования реализации вторичного права и в рамках такой классификации форм реализации права, как правоприменительная и непосредственная, которая подразделяется на пассивную и активную (О. В. Белянская) [6, с. 14].

Правоприменительная форма с привязкой к вторичному праву была рассмотрена выше, мы приходим к выводу, что предлагаемая к выделению О. В. Белянской данная форма реализации права по своему содержанию идентична применению права.

Интереснее в научных целях рассмотреть непосредственную форму реализации вторичного права в контексте ее пассивного и активного видов.

Реализация вторичных прав в непосредственной форме пассивного вида невозможна, поскольку данная модель относима только к субъективным правам, предполагающим пользование определенными благами. Эти права обычно тесно связаны с личностью и представляют собой набор неотъемлемых естественных прав человека (право на жизнь, неприкосновенность жилища, доброе имя, честь и достоинство и др.). Вторичные права не предполагают какой-либо пассивности, их правовая природа, наоборот, свидетельствует о необходимости воздействия на сферу правовых интересов

другого лица своими действиями или при посредничестве других. Поэтому, говоря о непосредственной форме реализации секундарного права, следует сказать, что ее проявление возможно только в активном виде.

К примеру, секундарное право на прекращение обязательства зачетом состоит в заявлении об этом одной из сторон обязательства.

Завершая данный блок исследования секундарного права сквозь призму форм реализации права, подытожим и отметим, что реализация секундарных прав возможна в правоприменительной форме и непосредственной форме активного вида, а также в форме использования и правоприменения, если проводить рассмотрение в свете иной классификации.

Теперь рассмотрим реализацию секундарного права в названных формах, но уже в рамках действия механизма реализации права, понимаемого нами также как подсистемы механизма правового регулирования.

Традиционно механизм правового регулирования понимается как последовательно сменяющие друг друга стадии. Таких стадий А. В. Малько выделяет пять: стадия моделирования парадигмы правовых отношений в конструируемой правовой норме и ее объективирование (принятие закона, издание подзаконного правового акта и др.); стадия осуществления юридического факта, с которым объективное право связывает начало правоотношения; стадия образования правоотношения; стадия реализации конкретных прав и обязанностей; стадия защиты и охраны нарушенного права как факультатив [18, с. 289]. В этом утверждении о схеме функционирования механизма правового регулирования его поддерживают и другие правоведы (например, А. В. Мелехин [20, с. 399]).

В структуре механизма правового регулирования для целей нашего исследования необходимо отыскать место для механизма реализации секундарного права. Сделать это возможно, сопоставив каждую из стадий механизма правового регулирования с реализацией секундарного права в рассмотренных формах.

Стадию принятия (издания) правовой нормы, которой закреплена эвентуальная линия поведения субъекта права, невозможно отнести к реализации права, поскольку на данном этапе только лишь моделируется линия его поведения. В частности, гражданским законодательством предусматривается право одностороннего расторжения договора.

Стадия осуществления юридического факта, с которым объективное право связывает начало

правоотношения. Если для наглядности взять то же право на прекращение обязательства посредством одностороннего отказа от исполнения договора, то юридическим фактом реализации данного секундарного права будет даже не сам юридический факт, а юридический состав: факт состояния в гражданском правоотношении, факт направления контрагенту уведомления об отказе от договора.

Стадия образования правоотношения на основе состоявшегося юридического факта является закономерным продолжением правовой цепочки элементов механизма правового регулирования. Применительно к реализации секундарного права важное значение имеет факт существования базового правоотношения, в рамках которого возможно появление секундарного. Для наглядности продемонстрируем это на примере с реализацией того же права на одностороннее расторжение гражданско-правового договора.

Так, в рамках существующего правоотношения по выполнению подрядных работ у заказчика есть секундарное право на отказ от исполнения данного договора в любое время. Данное право у него появляется только по факту вступления в основное правоотношение. После появления воли у заказчика инициировать отказ от дальнейшего исполнения договора, он инициирует образование секундарного правоотношения, которое по отношению к базовому будет являться вторичным.

Стадия реализации конкретных прав и обязанностей предполагает непосредственное воплощение в жизнь заложенного в право интереса посредством совершения акта реализации права в одной из форм. Применительно к секундарному праву такой формой будет использование путем совершения определенного действия, которое, в свою очередь, будет являться юридическим фактом (например, направление уведомления об отказе от исполнения договора).

Факультативной (пятой) стадией механизма правового регулирования выступает стадия защиты нарушенного права. В случае с рассмотрением секундарного права данная стадия механизма правового регулирования носит еще более факультативный характер, поскольку реализация секундарного права и материализация интереса, заложенного в него, наступают, как правило, неизбежно. Поскольку у контрагента секундарно управомоченного лица нет иного варианта поведения, как претерпеть на себе эффект реализации секундарного права (например,

случаи с отказом от исполнения договора, прекращением обязательства зачетом и др.).

Возвращаясь к вопросу о механизме реализации права и его соотношении с механизмом правового регулирования, отметим, что механизм реализации права, в том числе и вторичного, охватывает собой стадию осуществления юридического факта, стадию образования правоотношения и стадию реализации прав и обязанностей и ввиду этого, как мы говорили выше, является его неотъемлемой частью.

Из изложенного видно, что какие-либо особенности в реализации вторичного права, в отличие от любого иного субъективного права, как таковые, отсутствуют. Пожалуй, отличительным признаком всего механизма реализации вторичных прав в каждом случае будет наличие юридического состава (совокупности юридических фактов).

Подводя итог, отметим следующие установленные нами закономерности реализации вторичных прав:

1. Вторичное право может быть реализовано в форме использования, то есть совершения управомоченным лицом активных действий в своем интересе, а также в форме применения, когда реализация вторичного права должна быть безусловно опосредована субъектом, осуществляющим властно-распорядительную деятельность. Две остальных формы реализации права (соблюдение и исполнение) к вторичному праву не применимы, также как они не применимы к любому другому субъективному праву.

2. Вторичное право может быть реализовано как в непосредственной форме, причем только активного вида, так и в правоприменительной форме.

3. Механизм реализации вторичного права совпадает по своему содержанию с механизмом реализации других субъективных прав и охватывает собой три стадии: совершение юридического факта, образование правоотношения, реализация права в установленной форме.

4. Исходя из природы вторичного права, неизменным юридическим фактом реализации любого вторичного права является условие нахождения лица в конкретном правоотношении.

5. Отличительным признаком механизма реализации вторичных прав в каждом случае будет наличие юридического состава (совокупности юридических фактов) — наличие базового правоотношения и акта реализации вторичного права (например, ситуация с расторжением трудового договора по инициативе работника: данное вторичное право

невозможно реализовать, не находясь в рамках трудового правоотношения и не выразив свою волю на это в соответствующем заявлении).

Список источников

1. Крамской В. В. Конструкции «инфирмитивное право», «вторичное право», «потестативное право» в контексте новой классификации субъективных прав // Государство и право. 2022. № 11. С. 187–191.
2. Алексеев С. С. Теория права. Москва, 1995. 311 с.
3. Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву. Москва, 2002. Т. 1. 278 с.
4. Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. Москва: Юридическая литература, 1974. 351 с.
5. Сапун В. А. Механизм реализации советского права // Правоведение. 1988. № 1. С. 3–11.
6. Белянская О. В. Механизм непосредственной реализации прав и свобод граждан: понятие, структура, проблемы функционирования // Современные научные исследования. 2012. № 10 (7). С. 14–21.
7. Решетов Ю. С. Механизм реализации советского права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 1991. 46 с.
8. Гревцов Ю. И. Использование права субъектами юридических отношений: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ленинград, 1989. 42 с.
9. Крылатова И. Ю. Механизм реализации и механизм защиты прав человека в Российской Федерации: понятие, сущность, структура, формы // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2014. Т. 14. Вып. 3. С. 210–223.
10. Хакимов И. А. К вопросу о механизме обеспечения реализации права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 1 (96). С. 191–194.
11. Лазарев В. В. Применение советского права. Казань, 1972. 200 с.
12. Червонюк В. И. Теоретическая конструкция механизма реализации основных (конституционных) прав и свобод личности // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2015. № 1 (3). С. 46–54.
13. Завадская Л. Н. Механизм реализации права. Москва: Наука, 1992. 287 с.
14. Олефиренко А. В. Социальные факторы реализации права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1989. 19 с.
15. Афанасьев В. Г. О системном подходе в социальном познании // Вопросы философии. 1973. № 6. С. 98–111.
16. Кудрявцев В. Н., Казимирчук В. П. Современная социология права. Москва, 1995. 303 с.

17. Белянская О. В. Механизм непосредственной реализации прав и свобод личности: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. 26 с.

18. Гогин А. А., Липинский Д. А., Малько А. В. Теория государства и права: учебник / под ред. А. В. Малько, Д. А. Липинского. Москва: Проспект, 2016. 324 с.

19. Tuhr A. Von. Tradato de las Obligaciones. Granada. Editorial Comares. S. L. 2007. 308 p.

20. Мелехин А. В. Теория государства и права: учебник. Москва, 2007. 640 с.

References

1. Kramskoy V. V. Constructions "infinitive law", "second law", "potestative law" in the context of a new classification of subjective rights. *State and law*, 2022, no. 11, pp. 187–191. (In Russ.).

2. Alekseev S. S. Theory of law. Moscow, 1995. 311 p. (In Russ.).

3. Agarkov M. M. Obligation under Soviet civil law. Selected works on civil law. Moscow, 2002. Vol. 1. 278 p. (In Russ.).

4. Khalfina R. O. General doctrine of legal relations. Moscow: Legal literature Publ., 1974. 351 p. (In Russ.).

5. Sapun V. A. The mechanism of implementation of Soviet law. *Law studies*, 1988, no. 1, pp. 3–11. (In Russ.).

6. Belyanskaya O. V. Mechanism of direct realization of citizens' rights and freedoms: concept, structure, problems of functioning. *Modern scientific research*, 2012, no. 10 (7), pp. 14–21. (In Russ.).

7. Reshetov Yu. S. The mechanism of implementation of Soviet law. Author's abstract... doctor of legal sciences. Moscow, 1991. 46 p. (In Russ.).

8. Grevtsov Yu. I. The use of law by subjects of legal relations: problems of theory and practice. Author's abstract... doctor of legal sciences. Leningrad, 1989. 42 p. (In Russ.).

9. Krylatova I. Y. The mechanism of implementation and the mechanism of protection of human rights in Russian Federation: concept, essence, structure, forms. *Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, 2014, no. 14 (3), pp. 210–223. (In Russ.).

10. Khakimov I. A. On the issue of the mechanism for ensuring the implementation of the right. *Bulletin of the Saratov State Law Academy*, 2014, no. 1(96), pp. 191–194. (In Russ.).

11. Lazarev V. V. Application of Soviet law. Kazan, 1972. 200 p. (In Russ.).

12. Chervonyuk V. I. Theoretical design of the mechanism for the realization of basic (constitutional) rights and freedoms of the individual. *Bulletin of the Academy the Investigative Committee of the Russian Federation*, 2015, no. 1(3), pp. 46–54. (In Russ.).

13. Zavadsкая L. N. The mechanism of realization of law. Moscow: Nauka Publ., 1992. 287 p. (In Russ.).

14. Olefirenko A.V. Social factors of realization of law. Author's abstract... candidate of legal sciences, 1989. 19 p. (In Russ.).

15. Afanasyev V. G. On a systematic approach to social cognition. *Questions of philosophy*, 1973, no. 6. pp. 98–111. (In Russ.).

16. Kudryavtsev V. N., Kazimirchuk V. P. Modern sociology of law. Moscow, 1995. 303 p. (In Russ.).

17. Belyanskaya O. V. Mechanism of direct realization of individual rights and freedoms. Author's abstract... candidate of legal sciences. Saratov, 2003. 26 p. (In Russ.).

18. Gogin A. A., Lipinsky D. A., Malko A.V. Theory of state and law: textbook / ed. by A. V. Malko, D. A. Lipinsky. Moscow: Prospekt Publ., 2016. 324 p. (In Russ.).

19. Tuhr A. Von. Tradato de las Obligaciones. Granada. Editorial Comares. S. L. 2007. 308 p. (In Span.).

20. Melekhin A. V. Theory of state and law: textbook. Moscow, 2007. 640 p. (In Russ.).

Информация об авторе

В. В. Крамской — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Тамбовского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; доцент кафедры гражданского права и процесса Тамбовского государственного технического университета.

Information about the author

V. V. Kramskoy — Candidate of Sciences (law), Associate Professor of legal disciplines Department of Civil Law and Process Tambov State Technical University; Associate Professor of legal disciplines Department of Civil Law and Process Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Научная статья
УДК 347.97
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-96-100>

Процессуальная активность сторон как гарантия своевременной судебной защиты

Соловьева Татьяна Владимировна

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия, s80tv@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию процессуальной активности сторон как гарантии своевременной судебной защиты. Определено, что своевременное предоставление судебной защиты выступает одним из значимых показателей эффективного гражданского судопроизводства. Отмечается, что вся деятельность лиц, участвующих в деле, осуществляется в рамках гражданской процессуальной формы и зависит от их волеизъявления. Делается вывод о том, что процессуальная активность сторон может иметь позитивную и негативную направленность, что непосредственно оказывает влияние на достижение цели гражданского судопроизводства.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, срок рассмотрения и разрешения дела, стороны, процессуальная активность, диспозитивность

Для цитирования: Соловьева Т. В. Процессуальная активность сторон как гарантия своевременной судебной защиты // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 4 (68). С. 96–100. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-96-100>.

Original article

Procedural activity of the parties as a guarantee of timely judicial protection

Tatiana V. Solovyeva

Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation, s80tv@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the procedural activity of the parties as a guarantee of timely judicial protection. It is determined that the timely provision of judicial protection is one of the significant indicators of effective civil proceedings. It is noted that all the activities of the persons involved in the case are carried out within the framework of the civil procedural form and depend on their expression of will. It is concluded that the procedural activity of the parties may have a positive and negative orientation, which directly affects the achievement of the goal of civil proceedings.

Keywords: civil proceedings, term of consideration and resolution of the case, parties, procedural activity, dispositivity

For citation: Solovyeva T. V. Procedural activity of the parties as a guarantee of timely judicial protection. *Legal science and practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 4 (68), pp. 96–100. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-96-100>.

© Соловьева Т. В., 2024

Говорить об эффективности судебной защиты гражданских прав возможно в случае, когда своевременно, то есть в срок, установленный законом, достигается цель гражданского судопроизводства. По общему правилу, гражданское судопроизводство осуществляется мировыми судьями в месячный срок, а в районных судах этот срок составляет два месяца (ст. 154 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ)). При этом законом могут быть установлены и иные сроки судопроизводства, например, по делам, рассматриваемым в упрощенном порядке (ст. 232.3 ГПК РФ). Несмотря на то, что срок судопроизводства устанавливается законом и по общему правилу не может быть изменен, в 2018 году законодатель предоставил право председателю суда, его заместителю, а также председателю судебного состава продлевать срок судопроизводства не более чем на один месяц по сложным делам (ч. 6 ст. 154 ГПК РФ).

Срок рассмотрения дела выступает одним из условий обеспечения доступности правосудия, и важность данного условия «объяснима, если учесть, что нарушение нормативных сроков может привести к утрате интереса в получении судебной защиты ввиду невозможности исполнения судебного решения, принятого в пользу истца или по иным причинам» [1, с. 6]. Кроме того, срок разбирательства является одним из важных факторов, который подлежит учету при оценке эффективности гражданского судопроизводства в целом [2, с. 43].

Согласно статистическим данным, большая часть гражданских дел рассматривается судами общей юрисдикции в срок, установленный законом. Так, в 2023 году в суды поступило 28 479 474 заявления по гражданским делам, из которых 25 355 162 рассмотрены в срок до 1,5 месяцев, что составляет 89,03 %, в 2022 году — 23 165 619 рассмотрены в срок, что составляет 89,02 %, в 2021 году количество рассмотренных гражданских дел за аналогичный срок составляет 20 900 496, то есть 89,01 % от общего количества поступивших заявлений [3–5]. При этом необходимо отметить, что в общий срок рассмотрения и разрешения дела не включаются срок приостановления судопроизводства по делу, срок, на который было отложено судебное заседание ввиду обращения сторон к процедуре медиации, и прочее. Также имеются процессуальные инструменты, после реализации которых срок судопроизводства начинает исчисляться заново. В качестве

примера можно назвать диспозитивное право ответчика на предъявление встречного иска (ст. 137 ГПК РФ).

Своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел названо в качестве задачи гражданского судопроизводства (ст. 2 ГПК РФ). Данная задача предполагает установление судом всех обстоятельств дела, изучение и оценку доказательств, а также принятие решения в срок, установленный законом.

Определенной гарантией выполнения указанной выше задачи судами общей юрисдикции выступает статья 6.1 ГПК РФ. Более того, применение названной статьи ГПК РФ является определенной санкцией для суда. В данной статье предусмотрено право заинтересованных лиц обратиться к председателю суда с заявлением об ускорении рассмотрения дела, если после принятия заявления дело длительное время не рассматривается и судебный процесс затягивается. Кроме того, статья 6.1 ГПК РФ устанавливает, что судопроизводство должно осуществляться в разумные сроки. Не определяя самого понятия «разумный срок», законодатель установил критерии, по которым можно оценить разумность срока. К таким критериям отнесены: правовая и фактическая сложность дела, поведение участников гражданского судопроизводства, достаточность и эффективность действий суда, а также общая продолжительность дела. Данные критерии условно можно разделить на объективные и субъективные, где в основу их дифференциации положена зависимость от инициативы субъектов гражданского судопроизводства. Таким образом, к объективным критериям следует отнести правовую и фактическую сложность дела, а также его продолжительность, а к субъективным — поведение участников гражданского судопроизводства, а также достаточность и эффективность действий суда.

Учитывая выбранную тему статьи, исследованию будут подвергнуты субъективные критерии разумности срока, а именно поведение участников гражданского судопроизводства. Необходимо отметить, что процессуальная деятельность сторон носит преимущественно диспозитивный характер и в большей части зависит от их волеизъявления, в то время как деятельность суда при осуществлении правосудия ограничена нормативными предписаниями, установленными процессуальным законодательством, то есть по характеру является императивной. Несмотря на то, что суду предоставлены определенные процессуальные средства,

с помощью которых он может увеличивать фактический срок рассмотрения и разрешения дела (например, отложение разбирательства дела (ст. 169 ГПК РФ), приостановление производства по делу (ст. 216 ГПК РФ)), все же они реализуются строго в рамках закона, то есть в пределах гражданской процессуальной формы. «Большинство возможных действий судьи уже предписаны процессуальным законом, и его задачей становится лишь выбор подлежащей применению модели» [2, с. 52].

Поведение участников судопроизводства включает в себя реализацию процессуальных прав и выполнение обязанностей. Реализация прав и выполнение обязанностей зависят от волеизъявления сторон, но всегда должны осуществляться в рамках, определенных законом, то есть с соблюдением гражданской процессуальной формы. Иными словами, в процессе реализации процессуальных прав и выполнения процессуальных обязанностей необходимо выделять два аспекта: гражданскую процессуальную форму и волеизъявление сторон.

Гражданская процессуальная форма — это «урегулированный законом процессуальный порядок отправления правосудия по гражданским делам» [6, с. 223]. И процессуальный порядок представляет собой «нормативную модель, организующую и упорядочивающую судопроизводительную деятельность посредством системы законодательно закрепленных требований к процессуальным действиям и документам» [6, с. 223].

Гражданской процессуальной форме присущи такие признаки, как нормативность, всеобщность, обязательность и системность, то есть стороны в обязательном порядке реализуют нормативно закрепленные права и выполняют обязанности в определенной законом системной последовательности, в частности ГПК РФ закрепляет по стадиям определенные процессуальные действия, которые могут или должны быть совершены заинтересованными лицами.

Волеизъявление сторон является первопричиной реализации диспозитивных прав сторон. Суды указывают, что «лицо, участвующее в деле, действует в своей воле, по своему усмотрению реализует принадлежащие ему процессуальные права и должно действовать при необходимой степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась, исходя из сопутствующих обстоятельств и характера процессуальных правоотношений, для принятия всех мер по защите оспариваемых прав, по установлению результатов рассмотрения спора и получения соответствующего документа» [7]. Данное

положение в целом свидетельствует о необходимости проявления процессуальной активности заинтересованными субъектами. Выбор термина «активность» обусловлен этимологическим происхождением от слова *actio*, которое в переводе с латинского языка означает «деятельность». Иными словами, процессуальная деятельность есть процессуальная активность.

Отметим, что процессуальная активность по целевой направленности может быть как позитивной, так и негативной. Позитивная процессуальная активность сторон направлена на получение действительной, быстрой и полной защиты нарушенного права. Негативная процессуальная активность сторон не связана с законодательно определенными целью и задачами судопроизводства и направлена на получение иного результата.

В любом случае процессуальная активность сторон выражается в реализации процессуальных прав и выполнении обязанностей, то есть в совершении конкретных процессуальных действий в рамках гражданской процессуальной формы.

Нормы, закрепляющие процессуальные действия сторон, в большей части по характеру являются диспозитивными. С. А. Курочкин утверждает, что «диспозитивные нормы будут более эффективным средством правового воздействия на общественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников, в том числе на отношения, возникающие в связи с защитой интересов таких участников» [8, с. 26]. Позволим себе не согласиться с указанным мнением, так как, например, установленное в статье 35 ГПК РФ право заявлять ходатайства является достаточно широким по содержанию и предполагает возможность совершения значительного количества действий, в том числе и в целях, не связанных с реальной защитой нарушенных прав. Это могут быть необоснованные ходатайства об отводе судьи, об отложении судебного заседания и прочее, аналогичным по характеру является право представлять доказательства. В данном случае можно говорить о проявлении негативной процессуальной активности.

Одним из правил, нацеленных на пресечение проявления негативной процессуальной активности, выступает статья 35 ГПК РФ, где закреплено, что стороны судопроизводства должны добросовестно пользоваться своими процессуальными правами. Понятие «добросовестное поведение» в содержании статей ГПК РФ не раскрывается, тем более законодательно не

определены какие-либо меры ответственности за недобросовестное поведение. Исключение составляет статья 99 ГПК РФ, которая предусматривает возможность взыскания компенсации за подачу необоснованного иска и за систематическое противодействие правильному и своевременному разрешению заявленных требований, что также составляет содержание негативной процессуальной активности. Отметим, что на практике данная норма фактически не применяется.

Основной объем диспозитивных прав сторон в суде первой инстанции составляют права, связанные с доказательственной деятельностью, например заявление ходатайств о проведении экспертизы, о приобщении письменных доказательств и прочее. При этом реализация диспозитивных прав, связанных с доказательственной деятельностью, может иметь неоднозначную цель, а именно он направлен как на формирование действительной позиции по делу, так и на препятствование своевременному рассмотрению и разрешению дела. Помимо названных, к диспозитивным правам сторон можно отнести права на формирование и изменение требований/возражений; ознакомление с материалами дела; проведение примирительных процедур. Например, примирение представляет собой процессуальное действие, которое в случаях недобросовестного поведения позволяет увеличить общий срок рассмотрения и разрешения дела ввиду отложения судебного заседания в связи с желанием сторон использовать процедуру медиации, поскольку срок отложения по указанному основанию не включается в общий срок судопроизводства по делу (ч. 4.1 ст. 154 ГПК РФ). Таким образом, все действия, осуществляемые сторонами и направленные на затягивание сроков судопроизводства, стоит определять как негативную процессуальную активность.

В рамках гражданского судопроизводства процессуальная активность предполагает инициативное, основанное на волеизъявлении лиц, участвующих в деле, осуществление различных диспозитивных прав и выполнение обязанностей в строгом соблюдении гражданской процессуальной формы. В зависимости от характера направленности (добросовестная/недобросовестная) действий сторон необходимо выделять позитивную и негативную процессуальную активность. Позитивная процессуальная активность сторон предполагает добросовестное совершение различных действий в целях формирования позиции по делу и достижения своевременной судебной защиты,

а негативная процессуальная активность направлена на создание препятствий в получении правильной и своевременной судебной защиты. В связи с этим можно говорить, что только позитивная процессуальная активность сторон выступает гарантией своевременного достижения цели гражданского судопроизводства.

Список источников

1. Плешанов А. Г. Доступность правосудия и оптимизация процесса в контексте процессуальной реформы (на примере норм о сроках рассмотрения дел судами первой инстанции) // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 11. С. 6–8.
2. Филатова М. А. Сроки судебного разбирательства: от императива закона к активному судье? // Вестник гражданского процесса. 2019. № 5. С. 42–60.
3. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции за 2021 год. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6120> (дата обращения: 05.02.2024).
4. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции за 2022 год. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7645> (дата обращения: 05.02.2024).
5. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции за 2023 год. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8367> (дата обращения: 05.08.2024).
6. Рассахатская Н. А. Некоторые вопросы гражданской процессуальной формы // Актуальные проблемы развития гражданского права и гражданского процесса: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 40-летию университета, Краснодар, 16 февраля 2017 года. Краснодар: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2017. С. 222–228.
7. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 16 декабря 2022 года о делу № 88-38960/2022. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 05.08.2024)
8. Курочкин С. А. Об эффективности норм гражданского процессуального права // Журнал российского права. 2012. № 4. С. 24–32.

References

1. Pleshonov A. G. Accessibility of justice and optimization of the process in the context of procedural reform (on the example of the norms on the terms of consideration of cases by courts of first instance). *Arbitration and civil procedure*, 2020, no. 11, pp. 6–8. (In Russ.)

2. Filatova M. A. Terms of trial: from the imperative of the law to an active judge? *Bulletin of civil process*, 2019, no. 5, pp. 42–60. (In Russ.)

3. Report on the work of courts of general jurisdiction for consideration of civil and administrative cases at first instance for 2021. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6120> (accessed 05.02.2024). (In Russ.)

4. Report on the work of courts of general jurisdiction for consideration of civil and administrative cases at first instance for 2022. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7645> (accessed 05.02.2024). (In Russ.)

5. Report on the work of courts of general jurisdiction in considering civil and administrative cases at first instance for 2023. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8367> (accessed 05.08.2024). (In Russ.)

6. Rassakhatskaya N. A. Some issues of the civil procedural form. Actual problems of the development of civil law and civil procedure: materials of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 40th anniversary of the university, Krasnodar, February 16, 2017. Krasnodar: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education “Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation”. 2017. Pp. 222–228. (In Russ.)

7. Cassation ruling of the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction dated December 16, 2022 on case no. 88-38960/2022. Access from the reference legal system «ConsultantPlus». (accessed 05.08.2024). (In Russ.)

8. Kurochkin S. A. On the effectiveness of the norms of civil procedural law. *Journal of Russian Law*, 2012, no. 4, pp. 24–32. (In Russ.)

Информация об авторе

Т. В. Соловьева — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии.

Information about the author

T. V. Solovieva — Doctor of Sciences (Law), Professor, Professor of the Department of Civil Procedure of the Saratov State Law Academy.

Научная статья

УДК 347.1

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-101-107>

Соотношение возмещения убытков и принудительного исполнения договорного обязательства в странах разных правовых семей

Ханахмедова Людмила Викторовна¹, Семенов Виктор Владимирович²

^{1, 2}Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, Рязань, Россия

¹Milars-19@mail.ru

²Viktor-sem@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема соотношения возмещения убытков и принудительного исполнения договорного обязательства в странах разных правовых семей.

Материалы и методы: при проведении исследования использовались следующие методы: диалектический, логический, системно-структурный, формально-юридический, системный, сравнительно-правовой. Авторы опирались на результаты отечественных эмпирических исследований Д. Н. Латыпа, Т. А. Батровой, А. Громова, К. А. Усачевой, М. И. Лухманова, а также на иностранные исследования С. Lobach, W. Ballantyne, I. Bantekas.

Авторы статьи анализируют проблему соотношения возмещения убытков и принудительного исполнения договорного обязательства в странах романо-германского, общего и мусульманского права, а также уделяют внимание странам, в которых правовая система носит смешанный характер.

Исследование показало наличие у стран из разных правовых семей различные подходы к вопросу соотношения принуждения к исполнению (исполнение обязательства в натуре) и возмещения убытков. Существующие расхождения в отправных точках оказывают влияние больше на теоретическую сторону вопроса, практическое их проявление может быть не столь значительным. Это объясняется тем, что в итоге правоприменители исходят из того, что будет уместным в конкретном случае: исполнение в натуре или возмещение убытков.

Ключевые слова: возмещение убытков, возмещение ущерба, принудительное исполнение, принуждение к исполнению обязательства в натуре, договорные правоотношения, защита гражданских прав, средства защиты, способы защиты

Для цитирования: Ханахмедова Л. В., Семенов В. В. Соотношение возмещения убытков и принудительного исполнения договорного обязательства в странах разных правовых семей // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 4 (68). С. 101–107. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-101-107>.

Original article

© Ханахмедова Л. В., Семенов В. В., 2024

The relationship between compensation for damages and the enforcement of contractual obligations in countries with different legal families

Lyudmila V. Khanakhmedova¹, Viktor V. Semenov²

¹, ²Ryazan branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya, Ryazan, Russian Federation

¹Milars-19@mail.ru

²Viktor-sem@yandex.ru

Abstract. The article examines the problem of the relationship between compensation for damages and the enforcement of contractual obligations in countries with different legal families.

The following methods were used in the study: dialectical, logical, systemic-structural, formal-legal, systemic, comparative-legal. The author relied on the results of domestic empirical studies by D. N. Latypa, T. A. Batrova, A. Gromov, K. A. Usacheva, M. I. Lukhmanov, as well as on foreign studies by C. Lobach, W. Ballantyne, I. Bantekas.

The author analyzes the problem of the relationship between compensation for damages and the enforcement of contractual obligations in countries with Romano-Germanic, common and Muslim law, and also pays attention to countries with a mixed legal system.

Discussion and conclusion: the study showed that countries from different legal families have different approaches to the issue of the relationship between enforcement (fulfilment of the obligation in kind) and compensation for damages. The existing differences in starting points have more of an impact on the theoretical side of the issue, their practical manifestation may not be so significant. This is explained by the fact that, ultimately, law enforcement officers proceed from what will be appropriate in a particular case: performance in kind or compensation for damages.

Keywords: compensation for damages, compensation for losses, compulsory execution, enforcement of an obligation in kind, contractual legal relations, protection of civil rights, means of protection, methods of protection

For citation: Khanakhmedova L. V., Semenov V. V. The relationship between compensation for damages and the enforcement of contractual obligations in countries with different legal families. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 4 (68), pp. 101–107. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-101-107>.

Актуальность разработки тематики соотношения отдельных способов защиты гражданских прав обусловлена следующими обстоятельствами. В мире наблюдается тенденция к унификации гражданского права. Область договорного права не является исключением, так как в связи с ведением внешнеторговой деятельности государствами и коммерческим взаимодействием частных лиц единообразное регулирование договорных правоотношений привлекает особое внимание законодателей. Ценность любого договора состоит в его исполнении. Он заключается для того, чтобы быть исполненным. В тех случаях, когда договорные обязанности исполняются ненадлежащим образом или вообще не исполняются, контрагент-нарушитель посягает именно на ценность договора. Это влечет для нарушителя негативные последствия в виде гражданско-правовой ответственности. Потерпевшему же предоставлено право на защиту, которым он может воспользоваться посредством определенных способов. Они в разных странах могут отличаться, но все из них сводятся в конечном счете к возмещению убытков или к принудительному исполнению.

Таким образом, исследование вопросов соотношения возмещения убытков и принудительного исполнения договорного обязательства в странах из разных правовых семей позволит выявить особенности используемых подходов. В дальнейшем это можно будет учесть при совершенствовании правового регулирования, которое происходит в направлении унификации гражданского законодательства.

Постановка вопроса включает в себя ряд работ зарубежных и отечественных исследователей, изучающих проблемы договорного права и способы защиты гражданских прав. Среди отечественных ученых особое внимание на него обращает Д. Н. Латыпов. Кроме этого, стоит отметить большой вклад в развитие проблемы зарубежных авторов Ilias Bantekas, Jonathan G. Ercanbrack, Umar A. Oseni, Ikram Ullah, которые подготовили всестороннее исследование исламского договорного права и изучали вопросы расторжения договора. Особый вклад в освещение проблемы внес С. Lobach, который рассмотрел условия, при которых немецкое, голландское и английское право предоставляет кредитору право требовать исполнения договора в натуре.

В данной работе использовались разные методы исследования: диалектический, логический, системно-структурный, формально-юридический, системный, сравнительно-правовой.

В качестве эмпирической основы выступили ранее проведенные исследования: А. Громова [1], Д.Н. Латыпова [2], С. Lobach [3], К. А. Усачева [4], М. И. Лухманова [5], Т. А. Батровой [6], W. Ballantyne [7], I. Bantekas [8]

Исходя из материала этих работ следует, что принадлежность стран к разным правовым семьям определяет различия в соотношении способов защиты прав участников обязательственных правоотношений, в частности в вопросах сопоставления требований об исполнении обязательства в натуре и требований о возмещении убытков. Исследование существующих подходов может способствовать получению ответов на ряд вопросов:

1. Что является назначением договорных способов правовой защиты?

2. В чем суть договорной ответственности? Коренится ли она в идее возмещения контрагенту причиненных убытков или следует исходить из того, что в первую очередь обязательства необходимо выполнять, а возмещение убытков при неисполнении не должно быть целью?

3. Чему должен быть отдан приоритет: принуждению к исполнению договора или возмещению убытков? Или такой приоритет вреден, не нужен?

Рассмотрим соотношение этих способов защиты на примере стран разных правовых семей.

В Российской Федерации возмещение убытков и присуждение к исполнению обязанностей в натуре, согласно статье 12 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), являются способами защиты гражданских прав. Исполнение в натуре — это фактическое выполнение взятых на себя договорных обязанностей. Применяв этот способ защиты, кредитор получает возможность получить такое исполнение, на которое он рассчитывал при вступлении в обязательство (например, получить товар, получить выполнение работы или оказание услуги, устранить недостатки в выполненных работах, понудить к заключению договора).

До реформы ГК РФ не было однозначного мнения относительно возможности защиты стороны обязательства посредством предъявления иска об исполнении обязательства в натуре. Юристы с опаской к нему относились. Казалось, что реальное присуждение допускается, только когда истребуют индивидуально-определенные вещи [1, С. 5]. Благодаря реформированию

гражданского законодательства появилась статья 308.3 «Защита прав кредитора по обязательству», которая дополнительно усилила привилегированное положение кредитора [10, с. 389]. В ней закрепляется право кредитора потребовать по суду исполнения обязательств в натуре, если иное не предусмотрено ГК РФ, иными законами или договором, а также право потребовать присуждения неустойки на случай неисполнения вынесенного судебного акта. Объективная невозможность исполнения, согласно разъяснению Верховного Суда Российской Федерации, лишает кредитора права потребовать по суду исполнения обязательств в натуре [11]. При предъявлении кредитором иска об исполнении должником обязательства в натуре суд, исходя из конкретных обстоятельств дела, определяет, является ли такое исполнение объективно возможным. Стоит учесть, что право требования состоит из материального субъективного права и права на иск в материальном смысле известного как *ius agendi*.

Согласно пункту 24 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 года № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» следует, что в случае, если исполнение обязательства в натуре возможно, кредитор по своему усмотрению вправе либо требовать по суду такого исполнения, либо отказаться от принятия исполнения (п. 2 ст. 405 ГК РФ) и взамен исполнения обязательства в натуре обратиться в суд с требованием о возмещении убытков, причиненных неисполнением обязательства (п. 1 и 3 ст. 396 ГК РФ). Предъявление требования об исполнении обязательства в натуре не лишает его права потребовать возмещения убытков, неустойки за просрочку исполнения обязательства. При этом следует учитывать, что в соответствии со статьями 309 и 310 ГК РФ должник не вправе произвольно отказаться от надлежащего исполнения обязательства [11]. В тех случаях, когда кредитор не может потребовать по суду исполнения обязательства в натуре, должник обязан возместить кредитору убытки, причиненные неисполнением обязательства (если отсутствуют основания для прекращения обязательства). Из указанного следует, что, предоставляя кредитору право потребовать возмещения убытков, уплаты неустойки, законодатель все-таки отдает приоритет исполнению обязательства. Возведение на первое место исполнения обязательства в натуре характерно для стран романо-германской правовой семьи.

Стоит обратить внимание на исключение из общего правила о том, что основным способом защиты обязательственных прав является исполнение обязательства в натуре, поэтому они связаны с объективной невозможностью такого исполнения. К ним Верховный Суд Российской Федерации отнес: гибель индивидуально-определенной вещи, которую должник был обязан передать кредитору; правомерное принятие органом государственной власти или органом местного самоуправления акта, которому противоречит такое исполнение обязательства; если обязательство настолько связано с личностью должника, что его принудительное исполнение будет нарушать принцип уважения чести и достоинства гражданина (например, понуждение физического лица к исполнению в натуре обязательства по исполнению музыкального произведения на концерте).

Общее право представляет собой модель, которая является альтернативной правовым системам континентальной Европы. Исполнение обязательства в натуре в англосаксонском праве выступает, по мнению Д. Н. Латыпова, способом защиты, выработанным правом справедливости, целью которого является понуждение ответчика к исполнению его позитивных обязанностей, а также защита ожидаемого интереса истца. Он основан на существовании контракта как такового, нарушение которого, свершившееся или возможное, делает «справедливым» присуждение исполнения обязательства в натуре [2].

Исполнение в натуре выступает исключительным средством защиты, предоставляемым только в особых случаях. Если возмещение ущерба является адекватным средством защиты, тогда суд не принуждает должника к исполнению обязательства. Компенсация является адекватным средством, если кредитор может получить исполнение другим сопоставимым способом, который бы его удовлетворил. Компенсация не является адекватным средством защиты, если нет альтернативы положенному исполнению или возникают трудности с оценкой и ее получением (или они могут возникнуть) [3, с. 76–81].

Таким образом, подход стран общего и континентального права по вопросу соотношения рассматриваемых способов защиты сильно отличается. Если страны континентального права исходят из того, что в первую очередь обязательства должны быть выполнены только при невозможности их исполнения в натуре, должна происходить защита посредством возмещения

ущерба, то страны общего права отдают приоритет возмещению ущерба. Таким образом, для стран романо-германской правовой семьи основным способом защиты договорных прав является исполнение обязательства в натуре, а для стран англо-саксонской правовой семьи — возмещение убытков. Лишь в исключительных случаях в странах континентального права защита посредством предъявления требования о возмещении ущерба в натуре преобразуется в защиту путем возмещения причиненного ущерба. В странах общего права скептически относятся к такому подходу, допускают требование об исполнении в натуре только лишь в исключительных случаях и при наличии определенных условий. Вместе с тем отдельные авторы указывают на то, что общие подходы к этой группе вопросов, помимо своей неоднородности внутри систем континентального и английского права, при более пристальном рассмотрении нередко оказываются не столь далекими друг от друга. Например, крайние решения о понуждении должника к исполнению своего обязательства в натуре либо возможность потребовать лишь возмещения убытков часто подвергаются оговоркам, значительно сближающим противоположные исходные позиции правопорядка [4]. Английское право, которое по общему правилу ориентирует заказчика на возмещение убытков, а не понуждение подрядчика к реальному исполнению, разумеется, также по умолчанию не устанавливает такого ограничения. Стороны могут специально исключить в своем соглашении отдельные способы защиты прав заказчика или предусмотреть определенный порядок их реализации, но общее правило состоит именно в том, что заказчик при обнаружении недостатков результата работ вправе возместить свои убытки за счет подрядчика, и приоритетным способом расчета убытков выступает именно калькуляция расходов заказчика на устранение недостатков [5].

Не стоит забывать о странах, в которых правовая система носит смешанный характер. Так, современная правовая система КНР складывалась в процессе рецепции романо-германского права, англо-саксонского права, права стран социализма в сочетании с традиционным (древним) правом. В Шри-Ланке также сложилась смешанная правовая система, которая включает элементы романо-германской, англо-саксонской правовых систем, а также основана на традиционных местных правовых нормах (тамилское, мусульманское право). Правовая система Объединенных Арабских Эмиратах

(далее — ОАЭ) тоже носит смешанный характер, в ней сочетается мусульманское и романо-германское право. Важное место в мире занимают мусульманские страны, в которых также существует договорное право. Стоит обратить внимание на их особый подход, за которым просматриваются общие представления об основаниях и пределах гражданско-правовой ответственности за нарушение договорных обязательств, а также освобождении от нее [6, с. 10].

Несмотря на неоднородность исламского права, наличия нескольких правовых школ, отражающих особые представления об отдельных аспектах регулирования общественных отношений, в вопросах договорной ответственности принципиальных расхождений между странами Арабского Востока нет [6, с. 10–11]. Классические исламские правила и принципы, касающиеся контрактов, в значительной степени лежат в основе договорных правил многих юрисдикций мусульманских стран, включая ОАЭ. Стоит отметить, что Гражданский кодекс ОАЭ, как и большинство арабских гражданских кодексов в регионе, смоделирован по образцу гражданского права различных европейских традиций. Первоначальной моделью для этих кодексов является Египетский гражданский кодекс, который сам по себе — сравнительное право, на которое сильно повлиял французский гражданский кодекс и другие европейские гражданские кодексы [7, с. 247]. Во многих странах Арабского Востока средства правовой защиты содержат обширную степень заимствования из классического фикха. Это касается и основанного на доверии подхода исламского права к возмещению ущерба.

Защита при нарушении соглашения строится по схеме: соглашение — возмещение ущерба в натуре — возмещение стоимости. Так, если договором предусмотрен характер и размер возмещения, то ущерб возмещается по достигнутому соглашению в той мере, в какой его реализация возможна. Если же стороны не заключили соглашение о возмещении ущерба, то применяется принцип, регулирующий характер компенсации и количественное определение. То есть необходимо предоставить подобную вещь, а если такую вещь найти невозможно, тогда возмещается ее стоимость [8, с. 391]. Под невозможностью понимаются случаи, когда: 1) аналогичной вещи нет в наличии; 2) аналогичная вещь есть в наличии, но доставка невозможна; 3) цена вещи непомерна. Примером может быть статья 274 ГК ОАЭ, которая закрепляет принцип компенсации за нарушение

контракта. В ней сказано, что если договор расторгается автоматически или по вине сторон, тогда обе стороны восстанавливаются в том положении, в котором они находились до заключения договора, а если это невозможно, то должна быть назначена компенсация. То есть стороны должны быть восстановлены в своих преддоговорных позициях, и только если это невозможно, суд может счесть целесообразным присудить возмещение ущерба. Закон *DIFC* о договорном праве предусматривает возникновение права на компенсацию только тогда, когда невозможен возврат в натуре (ст. 47, 90). Важно обратить внимание на то, что вопрос с компенсацией убытков в этих странах стоит очень остро. Объясняется это тем, что убытки включают в себя не только реальный ущерб, но и упущенную выгоду, которая рассматривается как предположительная и неопределенная и, следовательно, противоречащая строгим требованиям Шариата. Однако действующее законодательство в настоящее время характеризуется смешением положений Шариата с положениями гражданского законодательства европейских государств. Так, статья 292 ГК ОАЭ разрешает возмещение упущенной выгоды, если она является естественным следствием нарушения.

Таким образом, в законодательстве стран Арабского Востока на первое место возведено возмещение ущерба, но только при условии соответствующего договорного закрепления, однако требование об исполнении обязательства в натуре при отсутствии соглашения о возмещении ущерба является более приоритетным способом защиты.

Итак, исследование показало, что принуждение к исполнению (исполнение обязательства в натуре) и возмещение убытков используются в странах разных правовых систем как способы защиты прав контрагентов, но правовое закрепление их соотношения отличается. Так, если страны континентального права исходят из того, что в первую очередь обязательства должны быть выполнены только при невозможности их исполнения в натуре должна происходить защита посредством возмещения ущерба, то страны общего права приоритет отдают возмещению ущерба. В законодательстве стран Арабского Востока на первое место возведено возмещение ущерба, но только при условии соответствующего договорного закрепления, однако требование об исполнении обязательства в натуре при отсутствии соглашения о возмещении ущерба является более приоритетным способом защиты. Существующие расхождения в отправных точках

оказывают влияние больше на теоретическую сторону вопроса, практическое их проявление может быть не столь значительным. Это объясняется тем, что в итоге правоприменители исходят из того, что будет уместным в конкретном случае: исполнение в натуре или возмещение убытков.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Громов А. Исполнение в натуре. Пошаговая инструкция по подготовке иска. Москва, 2008. 154 с.
2. Латыпов Д. Н. Способы защиты гражданских прав по англосаксонскому праву // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.11.2024).
3. Quincy C. Lobach, Inhalt und Grenzen des Erfüllungsanspruchs. 2022. 360 p.
4. Усачева К. А. К вопросу о различии традиций договорного права в странах *common law* и правопорядка континентально-европейского типа // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.11.2024).
5. Лухманов М. И. Проблемные вопросы возникновения и реализации права заказчика на возмещение расходов на устранение недостатков результата работ // Проблемы строительного права: сборник статей / И. Р. Абдуллин, Л. Октай-кызы Аласкарова, Г. А. Александров [и др.]; сост. и отв. ред. Н. Б. Щербаков. Москва: Статут, 2022. Вып. 1. 330 с. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.11.2024).
6. Батрова Т. А. Особенности договорной ответственности в исламском праве // Гражданское право. № 2. 2024. С. 10–13.
7. William Ballantyne, 'The New Civil Code of the United Arab Emirates: A Further Reassertion of the Shari'a' (1986) 1(3) Arab Law Quarterly 245. Pp. 245–264.
8. Bantekas, Ilias, and others, Islamic Contract Law (2024; online edn, Oxford Academic). URL: <https://doi.org/10.1093/law/9780192893796.001.0001> (дата обращения: 13.11.2024).
9. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (учебно-практический): практическое пособие / под ред. С.А. Степанова. 5-е издание (4 части). Москва: Проспект, 2016. 1648 с.
10. О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 года № 7 // Российская газета. 2016. № 70.

11. URL: <http://www.worldislamlaw.ru/?p=3452> (дата обращения: 13.11.2024).

References

1. Gromov A. Performance in kind. Step-by-step instructions for preparing a claim. Moscow, 2008. 154 p. (In Russ.)
2. Latypov D. N. Methods of protecting civil rights under Anglo-Saxon law. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 13.11.2024). (In Russ.)
3. Quincy C. Lobach, Inhalt und Grenzen des Erfüllungsanspruchs. 2022. 360 p. (In Engl.)
4. Usacheva K. A. On the issue of differences in the traditions of contract law in common law countries and legal orders of the continental European type. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 13.11.2024). (In Russ.)
5. Lukhmanov M. I. Problematic issues of the emergence and implementation of the customer's right to recover the costs of eliminating deficiencies in the result of work. Problems of construction law: collection of articles / I. R. Abdullin, L. Oktay-kyzy Alaskarova, G. A. Alexandrov [and other]; compiled and ed. by N. B. Shcherbakov. Moscow: Statut, 2022. Issue 1. 330 p. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 13.11.2024). (In Russ.)
6. Batrova T. A. Features of contractual liability in Islamic law. *Civil law*, no. 2, 2024, pp. 10–13. (In Russ.)
7. William Ballantyne, 'The New Civil Code of the United Arab Emirates: A Further Reassertion of the Shari'a' (1986) 1(3) Arab Law Quarterly 245. Pp. 245–264. (In Russ.)
8. Bantekas, Ilias, and others, Islamic Contract Law (2024; online edn, Oxford Academic). URL: <https://doi.org/10.1093/law/9780192893796.001.0001> (accessed 13.11.2024). (In Russ.)
9. Commentary on the Civil Code of the Russian Federation (studying and practical): Practical manual / ed. by S. A. Stepanov 5th edition (4 parts). Moscow: Prospect, 2016. 1648 p. (In Russ.)
10. On the application by courts of certain provisions of the Civil Code of the Russian Federation on liability for breach of obligations: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation no. 7 of March 24, 2016. *Rossiyskaya Gazeta*, 2016, no. 70. (In Russ.)
11. URL: <http://www.worldislamlaw.ru/?p=3452> (accessed 13.11.2024). (In Russ.)

Информация об авторах

Л. В. Ханахмедова — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя;

В. В. Семенов — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Information about the author

L. V. Khanakhmedova — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Civil Law Disciplines of the Ryazan branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot;

V. V. Semenov — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Civil Law Disciplines of the Ryazan branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

Научная статья
УДК 343.35

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-108-112>

Прогноз последствий вовлечения несовершеннолетних и молодежи как активных пользователей сети «Интернет» в деятельность деструктивных движений и организаций, содержащих признаки экстремизма и терроризма

Глухова Анна Анатольевна¹, Шапошников Евгений Львович²

^{1, 2}Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия,

¹gluhova1117@yandex.ru

²medlay55@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются последствия вовлечения пользователей сети «Интернет» в деятельность деструктивных движений и организаций, содержащих признаки экстремизма и терроризма. Сегодня, в условиях построения информационного общества и предпринимаемых в отношении России попыток дестабилизировать ситуацию, правоохранительные органы продолжают сталкиваться с новыми проявлениями деструктивного и противоправного поведения в молодежной среде. Стоит обратить внимание на то обстоятельство, что такая работа ведется на плановой основе, носит ярко выраженный системный и даже идеологический характер. При этом наиболее четко данное негативное воздействие прослеживается в отношении несовершеннолетних и молодежи, являющихся активными потребителями интернет-контента.

Ключевые слова: деструктивные движения, профилактика преступности, молодежная субкультура, уголовная ответственность, право, интернет, развитие личности преступника, экстремизм, терроризм

Для цитирования: Глухова А. А., Шапошников Е. Л. Прогноз последствий вовлечения несовершеннолетних и молодежи как активных пользователей сети «Интернет» в деятельность деструктивных движений и организаций, содержащих признаки экстремизма и терроризма // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 4 (68). С. 108–112. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-108-112>.

Original article

Forecasting the consequences of involving minors and young people as active Internet users in the activities of destructive movements and organizations containing signs of extremism and terrorism

Anna A. Glukhova¹, Evgeny L. Shaposhnikov²

^{1, 2}Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation

¹gluhova1117@yandex.ru

²medlay55@yandex.ru

© Глухова А. А., Шапошников Е. Л., 2024

Abstract. The article analyzes the consequences of the involvement of Internet users in the activities of destructive movements and organizations containing signs of extremism and terrorism. Today, in the context of building an information society and attempts to destabilize the situation against Russia, law enforcement agencies continue to face new manifestations of destructive and illegal behavior among young people. It is worth paying attention to the fact that such work is carried out on a planned basis, has a pronounced systemic and even ideological character. At the same time, this negative impact is most clearly seen in relation to minors and young people who are active consumers of Internet content.

Keywords: destructive movements, prevention, crime, youth subculture, criminal responsibility, law, Internet, criminal personality development, extremism, terrorism

For citation: Gluhova A. A., Shaposhnikov E. L. Forecasting the consequences of involving minors and young people as active Internet users in the activities of destructive movements and organizations containing signs of extremism and terrorism. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 4 (68), pp. 108–112. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-108-112>.

В современном мире, в том числе и в Российской Федерации, происходят многочисленные ценностно-ориентированные, социально-культурные, политические и экономические преобразования. Система восприятия действительности на рубеже веков Советского Союза и периода новой России, конечно же, способствовала трансформации в традиционных взглядах и нормах, которые определяют модели поведения и стандарты у несовершеннолетних и молодежи. Все эти изменения приводят к неоднозначности в процессе социализации, идентификации и адаптации к новым условиям гармонизации государства, общества и личности. Протекание данных процессов невозможно без различных аномалий, которые проявляются в разделении или утрате нормативных и ценностных основ, которые исключительно важны для обеспечения социальной идентичности и поддержания нравственно-культурного кода.

Сегодня, в условиях построения информационного общества и предпринимаемых в отношении России попыток дестабилизировать ситуацию, правоохранительные органы продолжают сталкиваться с новыми проявлениями деструктивного и противоправного поведения в молодежной среде. Стоит обратить внимание на то обстоятельство, что такая работа ведется на плановой основе, носит ярко выраженный системный и даже идеологический характер. При этом наиболее четко данное негативное воздействие прослеживается в отношении несовершеннолетних и молодежи, являющихся активными потребителями интернет-контента.

Среда интернет-пространства является важным фактором, влияющим на развитие и воспитание молодежи. Многочисленные детали субкультуры современной молодежи напрямую связаны с потреблением интернет-трафика

и созданием стереотипов бытия успешного индивида.

Действительно, с уверенностью можно констатировать, что для определенных слоев несовершеннолетних и молодежи сеть «Интернет» является единственным источником информации, способом общения, алгоритмом познания нового и формирования представлений о должном и возможном зачастую в искаженном представлении.

В этих условиях крайне своевременным и актуальным является изучение последствий воздействия деструктивных движений и организаций, деятельность которых содержит проявления экстремизма и терроризма на пользователей сети «Интернет».

«Планомерное управление любой социальной системой требует наличия опережающей (прогнозной) информации о предстоящих потребностях, возможностях и последствиях управляющих воздействий» [1, с. 262]. Это утверждение относится и к криминологическому прогнозированию. Иными словами, необходима такая информация, которая давала бы сведения о будущем (опережающем прогностическую информацию) [2, с. 308].

Прогнозируя последствия информационного воздействия на сознание молодежи, становится очевидным замещение традиционных ценностей и/или идеологических конструктов общества чужими ценностями и/или идеологическими конструктами; фальсифицирование истории; десакрализация идеалов и основных постулатов базовых ценностей; имплантация и/или поощрение децивилизующих социальных практик.

Участие молодежи в современных субкультурах обусловлено прежде всего тем, что из-за растущей гедонистической направленности индивида возможность изменить свой интернет

профиль, изменить свой стиль, не тратя на это много сил, времени, материальных благ и энергии, предоставляется весьма легко в современных реалиях.

Последствия вовлечения несовершеннолетних и молодежи в деятельность деструктивных движений и организаций, содержащих признаки экстремизма и терроризма, могут быть весьма болезненны для нашего общества.

Среди последних информационных воздействия — череда суицидов подростков (как входивших в печально известные «группы смерти», так и не состоявших в них); массовые убийства в образовательных организациях, совершаемые участниками Колумбайн-сообществ; участие молодежи в экстремистских и террористических организациях, несанкционированных протестных акциях.

Так, например, в постановлении Правительства Нижегородской области от 20 октября 2023 года № 940 указано, что только в Нижегородской области за два года на 24 % выросло количество тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных детьми и подростками. На 8,8 % выросла криминализация в среде несовершеннолетних. В регионе на 18 % увеличилось число суицидов среди детей и подростков. В 2021–2022 годах зарегистрированы 27 случаев окончательного суицида и 332 попытки, совершенные подростками до 17 лет включительно [3].

Правительством Нижегородской области отмечается, что дестабилизирующее влияние на настроения несовершеннолетних оказывают радикальные и экстремистские проявления, навязывание пересмотра базовых норм морали и информационное манипулирование, применяемое недружественными государствами, террористическими и экстремистскими организациями.

В итоге, благодаря системной, хорошо налаженной работе фактически формируются управляемые бойцы с четкими социопатическими, нигилистическими установками. У молодежи нивелируется страх перед применением физической силы и оружия. Ставка делается на молодых людей из простых, небогатых и непривилегированных семей; внушается мысль о том, что они всего могут добиться сами, взяв свое, используя способы, альтернативные общепринятым [4, с. 1646–1660].

В рамках ранее проведенных авторским коллективом исследований в период с 2018 по 2024 год по проблемам преступной деятельности и вовлечения в деструктивные движения и организации несовершеннолетних и молодежи на территории России, которые нашли свое

отражение в иных ранее изданных работах, можно сделать ряд выводов о последствиях такой деструктивной деятельности.

Формирующиеся на просторах сети «Интернет» группы молодежи, проявляющие интерес к темам смерти и самоубийств, являются не самыми большими, компактными и достаточно специфичными. Наиболее негативные группы собираются вокруг интереса к насилию и массовым убийствам. Также просматривается заинтересованность криминальной культурой. Интерес к наркотическим веществам дополняется интересом к эротике и нетрадиционному сексу. Интерес к экстремальному досугу коррелирует с интересом к челленджам. Все это дополняется интересом к сведениям об огнестрельном оружии.

Очевидно, что здесь прослеживается не одна негативная группа, а несколько пересеченных. Анализ их социального портрета и установок, безусловно, представляет значительный интерес для формирования методов работы с различными группами и подгруппами молодежи. Данная деятельность крайне необходима с точки зрения профилактики таких деструктивных молодежных социальных движений в сети «Интернет», как, например, «АУЕ» и «Колумбайн» [7, с. 808–846].

Изложенное выше подтверждает опасность влияния социальных сетей на рост агрессивных и радикальных настроений в обществе.

По мнению И. В. Ситновой и А. А. Полякова, современное информационно-психологическое воздействие необходимо рассматривать в рамках теории и практики ведения войн четвертого поколения или стратегии *4GW* (*4th generation warfare*), где «полем боя» становится все общество противника, исчезает понятие стратегического тыла. Удар наносится по уязвимым точкам, по важным объектам, памятникам культурного наследия, личностям и группам, способным к организованному сопротивлению, умеющим консолидировать общество, а также по подрастающему поколению. В стратегии *4GW* нет реальных сражений, а есть борьба эффектов [8, с. 70–75].

Государству приходится быстро реагировать на проблемы преступной деятельности и вовлечения в деструктивные движения и организации несовершеннолетних и молодежи.

Так, «...для охранников школ, дошкольных и профессиональных образовательных организаций введут требование по обеспечению защиты в случае вооруженного нападения или теракта. Соответствующие требования прописаны в новом ГОСТе, его уже поддержали

Росстандарт и Государственная Дума Российской Федерации» [9].

Новый ГОСТ «Обеспечение безопасности образовательных организаций. Оказание охранных услуг на объектах дошкольных, образовательных и профессиональных образовательных организаций» Р 58485-2024 призван актуализировать новые требования к обеспечению безопасности в современных российских условиях.

Также важно отметить, что за последние несколько лет увеличились материальные затраты, реализуемые в том числе за счет средств бюджета Российской Федерации на осуществление охранных мероприятий в образовательных организациях России.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 2 августа 2019 года № 1006 (в редакции постановления Правительства Российской Федерации от 5 марта 2022 года № 289) [10] определены требования к антитеррористической защищенности объектов (территорий), которые обеспечиваются путем осуществления комплекса мер, в том числе инженерной защиты объектов (территорий), системами видеонаблюдения, оповещения и управления эвакуацией людей на объекте (территории).

В феврале 2024 года в Нижегородском государственном педагогическом университете имени Козьмы Минина открылся центр религиозных исследований Российской академии образования. Сотрудники центра будут изучать религиозный и этнический экстремизм с целью профилактики и недопущения его проявления среди молодежи.

Также в центре планируют исследовать религиозную ситуацию в Нижегородской области и других регионах России, готовить педагогов религиозоведения и проводить лектории и семинары для преподавателей, студентов и школьников.

Планируется, что центр будет сотрудничать с другими российскими вузами из Москвы, Санкт-Петербурга, Омска, республик Марий-Эл и Мордовия, а также из Республики Беларусь с представителями религиозных конфессий [11].

Подводя итог, можно отметить, что анализ последствий вовлечения несовершеннолетних и молодежи как активных пользователей сети «Интернет» в деятельность деструктивных движений и организаций, содержащих признаки экстремизма и терроризма, а также прогноз таких последствий является крайне важным и требующим своевременных и незамедлительных реакций государства.

Список источников

1. Добров Г. М. Наука о науке. Киев: Издательство «Наукова думка», 1970.
2. Аванесов Г. А. Криминология. Москва: Академия МВД СССР, 1984. С. 308.
3. Об утверждении Стратегии комплексной безопасности детей на территории Нижегородской области на период до 2030 года: постановление Правительства Нижегородской области от 20 октября 2023 года № 940. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 24.04.2024).
4. Глухова А. А., Шпилев Д. А. Роль модераторов сайтов, посвященных тематике АУЕ, в формировании социопатических и противоправных установок у подростков и молодежи // Актуальные проблемы экономики и права. 2019. Т. 13. № 4. С. 1646–1660. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.13.2019.4.1646-1660>.
5. Глухова А. А., Иудин А. А., Шпилев Д. А. Колумбайн как разновидность молодежного деструктивизма // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16. № 4. С. 808–846. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.4.808-846>.
6. Ситнова И. В., Поляков А. А. Информационно-психологическое воздействие как практика ведения войн четвертого поколения // Власть. 2018. Т. 26. № 7. С. 70–75.
7. Об утверждении требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий) Министерства просвещения Российской Федерации и объектов (территорий), относящихся к сфере деятельности Министерства просвещения Российской Федерации, и формы паспорта безопасности этих объектов (территорий): постановление Правительства Российской Федерации от 2 августа 2019 года № 1006 // Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения: 24.09.2024).
8. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6532214> (дата обращения: 24.09.2024).
9. Охранников российских школ подготовят к отражению вооруженных нападений. URL: <https://www.kommersant.ru/> (дата обращения: 25.06.2024).
10. Об утверждении требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий) Министерства просвещения Российской Федерации и объектов (территорий), относящихся к сфере деятельности Министерства просвещения Российской Федерации, и формы паспорта безопасности этих объектов (территорий): постановление Правительства Российской Федерации от 2 августа 2019 года № 1006. URL: <https://base.garant.ru/72585152/> (дата обращения: 24.09.2024).
11. В Мининском университете будут изучать религиозный и этнический экстремизм. URL: <https://www.nnov.kp.ru/online/news/5690053/> (дата обращения: 24.09.2024).

References

1. Dobrov G. M. Science of science. Kiev: Naukova Dumka Publishing House, 1970. (In Russ.)
2. Avanesov G. A. Criminology. Moscow: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1984. p. 308. (In Russ.)
3. On approval of the Strategy for Integrated Child Safety in the Nizhny Novgorod Region for the period up to 2030: decree of the Government of the Nizhny Novgorod Region no. 940 dated October 20, 2023. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/> (accessed 24.04.2024). (In Russ.)
4. Glukhova A. A., Shpilev D. A. The role of moderators of sites dedicated to the subject of AUE in the formation of sociopathic and illegal attitudes among adolescents and youth. *Actual problems of economics and law*, 2019, vol. 13, no. 4, pp. 1646–1660. (In Russ.)
5. Glukhova A. A., Judin A. A., Shpilev D. A. Columbine as a kind of youth destructivism. *Russian Journal of Economics and Law*, 2022, vol. 16, no. 4, pp. 808–846. (In Russ.)
6. Sitnova I. V., Polyakov A. A. Informational and psychological impact as a practice of warfare of the fourth generation. *Power*, 2018, vol. 26, no. 7, pp. 70–75. (In Russ.)
7. On approval of the requirements for anti-terrorist protection of objects (territories) of the Ministry of Education of the Russian Federation and objects (territories) belonging to the sphere of activity of the Ministry of Education of the Russian Federation and the form of the safety data sheet of these objects (territories): decree of the Government of the Russian Federation no. 1006 of August 2, 2019. Access from reference legal system “Garant” (accessed 25.06.2024). (In Russ.)
8. <https://www.kommersant.ru/doc/6532214> (accessed 24.09.2024). (In Russ.)
9. Guards of Russian schools will be trained to repel armed attacks. URL: <https://www.kommersant.ru> (accessed 25.06.2024). (In Russ.)
10. On approval of the requirements for anti-terrorist protection of objects (territories) of the Ministry of Education of the Russian Federation and objects (territories) belonging to the sphere of activity of the Ministry of Education of the Russian Federation, and the form of the safety data sheet of these objects (territories): Resolution of the Government of the Russian Federation no. 1006 dated August 2, 2019. URL: <https://base.garant.ru/72585152/> (accessed 24.09.2024). (In Russ.)
11. Religious and ethnic extremism will be studied at Minin University. URL: <https://www.nnov.kp.ru/online/news/5690053/> (accessed 24.09.2024). (In Russ.)

Информация об авторах

А. А. Глухова — кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии Нижегородской академии МВД России;

Е. Л. Шапошников — кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры криминологии Нижегородской академии МВД России.

Information about the author

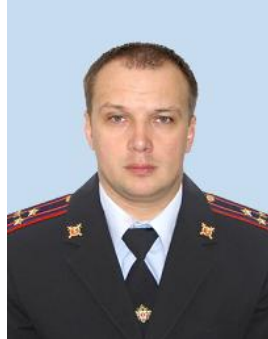
A. A. Glukhova — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminology of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

E. L. Shaposhnikov — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Criminology of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-113-119>

«Битва за умы» — некоторые вопросы оперативно-розыскной профилактики преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий

Дягилев Андрей Аркадьевич

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, musasi2008@yandex.ru

Аннотация. Развитие информационно-коммуникационных технологий оказало существенное влияние на различные сферы жизни современного общества. Не стала исключением и противоправная деятельность, получившая мощный импульс к развитию и совершенствованию механизмов реализации преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий. В настоящее время значительное число преступных посягательств направлено на завладение умами граждан для того, чтобы, манипулируя их поведением, преступники могли достичь своих целей. При этом прослеживается тенденция вовлечения потерпевших не только в общеуголовные преступления, но и в совершение уголовно наказуемых деяний экстремистской и террористической направленности. Таким образом, в статье предпринята попытка рассмотреть эффективность традиционных мер оперативно-розыскной профилактики совершения преступлений с учетом их меняющегося характера. Обозначены возможные направления совершенствования указанного вида деятельности.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, информационные технологии, социальная инженерия, преступления экстремистского и террористического характера, оперативно-розыскная профилактика, ограничение прав и свобод человека в процессе оперативно-розыскной деятельности

Для цитирования: Дягилев А. А. «Битва за умы» — некоторые вопросы оперативно-розыскной профилактики преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 4 (68). С. 113–119. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-113-119>.

Original article

“Battle for minds” — some issues of operational investigative prevention of crimes committed using information and communication technologies

Andrey A. Dyagilev

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, musasi2008@yandex.ru

© Дягилев А. А., 2024

Abstract. The rapid development of information and communication technologies has had a significant impact on various spheres of life in modern society. Illegal activities were no exception, receiving a powerful impetus for the development and improvement of implementation mechanisms. Currently, a significant number of criminal attacks are aimed at capturing the minds of victims, so that by manipulating their behavior, criminals can achieve their goals. At the same time, there is a tendency to involve victims of ordinary crimes in the commission of criminal acts of an extremist and terrorist nature. Accepting the relationship between the mechanisms of criminal activity and activities to combat it, within the framework of the presented article, an attempt is made to consider the effectiveness of traditional measures of operational-search prevention of crimes, taking into account their changing nature. Possible areas for improving this type of activity are also indicated.

Keywords: operational investigative activities, information technology, social engineering, crimes of an extremist and terrorist nature, operational investigative prevention, restriction of human rights and freedoms in the process of operational investigative activities

For citation: Dyagilev A. A. "Battle for minds" — some issues of operational investigative prevention of crimes committed using information and communication technologies. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 4 (68), pp. 113–119. (In Russ.) <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-113-119>.

В последнее время отмечается рост различного рода преступных посягательств, объектом которых является сознание граждан. Фактически преступники пытаются «завладеть» умами людей, чтобы иметь возможность, манипулируя их поведением, решать свои противоправные задачи. Стоит отметить, что уровень преступного профессионализма в данной области растет с каждым годом. О чем свидетельствует, в частности, растущая длительность контроля над поведением жертвы, увеличивающийся набор действий, выполняемых ею в период нахождения под таким контролем.

В качестве примера приведем схему усложнения преступного механизма, реализуемого так называемыми мошенническими «колл-центрами». Если изначально преступники, используя методы психологических манипуляций, убеждали потерпевших сообщить им данные кредитных карт или код из СМС-сообщений, то со временем, апробируя и внедряя наиболее эффективные способы воздействия, им удалось существенно усилить степень контроля над поведением жертвы. Так, наряду с получением персональных данных потерпевших последних стали убеждать в необходимости совершения целого набора определенных действий. Например, снять деньги со своего счета либо оформить на свое имя кредит, после чего внести имеющиеся денежные средства через банкомат на счет, указанный преступниками. Кроме того, имеют место случаи, когда после перевода денег, жертву якобы для обеспечения ее безопасности убеждали в необходимости поменять номер мобильного телефона и уехать на квартиру, указанную преступниками, действующими под видом сотрудников

правоохранительных органов или специальных служб. После чего родственникам жертвы выдвигали требования об уплате определенной суммы денег за возвращение якобы похищенного лица [1].

Более того, если изначально преступники были нацелены только на личные сбережения граждан, то с началом специальной военной операции (далее — СВО) телефонные атаки стали еще более изощренными и опасными. Апробированные в течение нескольких лет и доказавшие свою эффективность методы социальной инженерии, используемые при совершении преступлений в настоящее время, позволяют преступникам на определенный промежуток времени установить практически тотальный контроль над жертвой. В процессе нахождения под таким контролем, зачастую не отдавая в полной мере отчет своим действиям, жертва выполняет все поступившие ей указания, в результате чего не только отдает свои сбережения, но и совершает иные преступления. Так, по приказу «кукловодов» совершаются такие уголовно наказуемые деяния, как призывы к дискредитации действий Вооруженных Сил Российской Федерации в условиях СВО, осуществление взрыва или поджога, а также другие общественно опасные поступки.

В период проведения в марте 2024 года выборов Президента Российской Федерации лица, находившиеся под внешним воздействием, совершили целый ряд действий, направленных на воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий [2]. При этом, как отмечает председатель Центризбиркома России Э. Памфилова, «приказы о вливании красящих жидкостей

в избирательные урны и поджогах на территории российских избирательных участков исполнители получили от кураторов с Украины и ряда стран Евросоюза» [3].

Вышесказанное достаточно наглядно иллюстрирует тот факт, что направленность преступного воздействия на умы граждан оказала существенное влияние на механизмы совершения как общеуголовных преступлений, так и уголовно наказуемых деяний экстремистского и террористического толка. При этом сложилась ранее не типичная ситуация, когда жертва общеуголовного преступления в очень короткий срок (от нескольких часов до нескольких дней) вовлекается в совершение преступления террористического или экстремистского характера.

Стоит отметить, что сложность противодействия ранее описанным криминальным посягательствам обусловлена тем, что в большинстве случаев лица, которые в результате внешнего воздействия были вовлечены в подобного рода преступления, до момента контакта с преступниками вели законопослушный образ жизни и не попадали в поле зрения правоохранительных органов.

Группа риска, куда специалисты относят лиц, которые смогут стать потенциальными жертвами телефонных мошенников и далее будут вовлечены в совершение иных преступлений, достаточно широка. В частности, исследования Центрального банка России показывают, что наиболее часто мошеннические действия совершаются в отношении лиц в возрасте от 25 до 64 лет (66,2 %), проживающих в городах (75,4 %), имеющих средний достаток (44,8 %). При этом доля мужчин (44,5 %) и женщин (55,5 %) среди потерпевших примерно одинакова, как и уровень их образования (общее — 32,8 %, среднее — 41,3 % и высшее — 25,9 %) [4]. Таким образом, выделить какую-либо конкретную социальную группу, требующую особого профилактического внимания, достаточно сложно.

В этой связи закономерно возникает вопрос о соответствии традиционных методов оперативно-розыскной профилактики в складывающейся ситуации. В настоящее время многие специалисты подчеркивают, что наиболее эффективным способом, как гражданину не стать жертвой телефонного мошенничества, является немедленное прекращение разговора. Информация об этом, а также о типичных способах и предложениях, используемых преступниками для установления контакта с жертвой и последующего склонения ее к выполнению

своих требований, систематически доводится до граждан по различным каналам коммуникации (объявления в СМИ, сети «Интернет», в торговых центрах, в рамках осуществления просветительской работы с различными группами населения и т. д.). Эта работа дает определенные плоды. Так, по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения: «В целом россияне скептически оценивают свои шансы быть обманутыми телефонными мошенниками: 46 % считают такое развитие событий маловероятным, 27 % — невозможным. Еще 23 % допускают («это вполне может случиться»), что могут лишиться денежных средств в результате действий телефонных мошенников, среди россиян постарше (45–59 лет) такой ответ звучит несколько чаще — 31 %» [5]. Таким образом, проводимая на различных уровнях работа по повышению цифровой и финансовой грамотности населения нашей страны приносит свои результаты. При этом указанное направление общепрофилактической деятельности должно быть скорректировано с учетом имеющихся фактов вовлечения жертв телефонных мошенничеств в противоправную деятельность. Кроме того, повышенное внимание следует уделять подрастающему поколению, у которого менее сформированы личностные и ценностные установки, что облегчает манипуляцию их поведением.

Однако, несмотря на принимаемые меры воспитательного и просветительского характера, не удается снизить количество рассматриваемого вида преступлений в существенных масштабах. Согласно данным МВД России, в 2023 году «каждое третье преступление совершено с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. В этой сфере зарегистрировано на 29,7 % больше уголовно наказуемых деяний, чем в январе-декабре прошлого года. Подобных преступлений раскрыто на 21 % больше, чем в 2022 году. Их профилактика по-прежнему остается одной из важнейших задач органов внутренних дел» [6]. Более того, как уже отмечалось, происходит их трансформация в деяния, несущие угрозу не только собственности юридических и физических лиц, но и их жизни, здоровью и безопасности государства.

В этой связи представляется целесообразным рассмотреть вопрос о выработке новых мер профилактики данного вида преступлений. Как отмечает С. С. Галахов, «осуществление мер специального предупреждения допустимо с помощью как гласных, так и негласных сил,

средств и методов» [7, с. 283]. Одним из таких методов представляется повышение уровня контроля в информационной среде, в том числе за содержанием телефонных переговоров граждан. В настоящее время операторы сотовой связи имеют возможность фиксировать содержание всех телефонных переговоров своих абонентов. Более того, в силу произошедших изменений законодательства, получивших укоренившееся название «пакета законов Яровой» они обязаны хранить записи данных телефонных переговоров, а также переписку и исходящий трафик всех своих пользователей [8–9]. Соответственно, субъекты оперативно-розыскной деятельности в рамках установленных законом процедур имеют возможность получить доступ к указанной информации.

Как известно, ограничение права человека на тайну телефонных переговоров в общем порядке осуществляется на основании соответствующего судебного решения. Тайна телефонных переговоров признается нарушенной, когда доступ к переговорам совершен без согласия лица, чью тайну они составляют, при отсутствии законных оснований для ограничения данного конституционного права [10]. Фактически речь идет о том, что третье лицо в нарушение установленных процедур ознакомится с содержанием данных телефонных переговоров либо получит сведения о «входящих и об исходящих сигналах соединения между абонентами или абонентскими устройствами пользователей связи (дате, времени, продолжительности соединений, номерах абонентов, других данных, позволяющих идентифицировать абонентов)» [11]. Вместе с тем операторами сотовой связи указанная информация обрабатывается и сохраняется в автоматическом режиме. Схожая ситуация имеет место в банковском секторе. Так, сведения об операциях, совершаемых по счетам физических лиц, выдаются субъектам оперативно-розыскной деятельности в рамках установленных процедур на основании соответствующего судебного решения [12]. При этом в рамках пресечения мошеннических действий многие банки активно используют различные алгоритмы, построенные на принципе анализа больших массивов данных, в том числе о финансовых операциях и поведенческих особенностях конкретного клиента, позволяющих выявлять и приостанавливать подозрительные операции, не характерные для него. Так называемые технологии антифрод мониторинга. Данная аналитическая деятельность

осуществляется искусственным интеллектом без разглашения третьим лицам сведений, составляющих охраняемую законом банковскую тайну. Более того, в сентябре 2023 года Сбол получил патент на систему определения мошеннических звонков путем расшифровки диалогов искусственным интеллектом с лицами, звонящими в банк, посредством сопоставления цифровых «слепок» голоса. Схожая система предусмотрена также антифрод-ассистентом Т-банка [13].

Таким образом, в настоящее время с высокой степенью эффективности функционируют механизмы профилактики, при реализации которых искусственный интеллект анализирует значительный объем охраняемой законом информации, исключая доступ к ней третьих лиц.

Представляется, что подобного рода положительный опыт может быть масштабирован на все телефонные переговоры, осуществляемые на территории Российской Федерации. Например, путем разработки технических решений, которые позволяют, применяя искусственный интеллект, анализировать содержание телефонных разговоров, выявляя те из них, которые содержат признаки телефонного мошенничества либо последующего склонения лица, ставшего жертвой такого мошенничества, но еще не осознающего этого, к совершению террористического акта или иного преступления. При выявлении подобного рода разговоров возможно приостановление связи с направлением лицу соответствующего уведомления посредством СМС-сообщения либо звонка. Кроме того, сведения о лице, в отношении которого, возможно, совершается противоправное действие или которое может быть вовлечено в подготовку либо совершение преступления, должны направляться сведения в правоохранительные органы для принятия превентивных мер, направленных на предотвращение либо пресечение преступления. К подобного рода мерам можно отнести установление места нахождения данного абонента, его идентификацию и обнаружение посредством анализа данных с камер наружного видеонаблюдения. В случае нахождения данного лица в поле зрения камер сотрудники правоохранительных органов могут проанализировать его поведение в данный момент времени (например, выявить приготовление к совершению нападения на объекты инфраструктуры) и скорректировать комплекс необходимых профилактических мер.

Основываясь на диалектическом подходе, рассмотрим предложенный тезис о целесообразности контроля и обработки содержания телефонных переговоров при помощи искусственного интеллекта через возможные возражения. То есть проверим его через антитезисы, в качестве которых могут выступать следующие утверждения.

— Движение по предполагаемому пути повлечет за собой еще большее ограничение прав и свобод человека и приведет нас в «цифровой концлагерь». Вместе с тем законодательство должно отвечать реалиям времени и предоставлять правоприменителям действенные механизмы воздействия, адекватные возникающим угрозам. Похожие опасения высказывались и при установке видеокамер в общественных местах. При этом опыт использования систем видеонаблюдения, в том числе с применением биометрической идентификации личности, показал их высокую эффективность при решении задач борьбы с преступностью и не повлек за собой сколь либо значимое нарушение прав человека, подобные опасения высказывались и при установке видеокамер в общественных местах. При этом опыт использования систем видеонаблюдения, в том числе с применением биометрической идентификации личности, показал их высокую эффективность при решении задач борьбы с преступностью и не повлек за собой сколь либо значимое нарушение прав человека.

Кроме того, действующая редакция Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ, уже содержит в себе ряд нормативных положений, закрепляющих возможность проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права человека в уведомительном порядке с получением соответствующего судебного решения в течении 48 часов с момент начала их проведения. Схожие нормы закона касаются возможности ограничения конституционных прав при поиске лиц без вести пропавших. Соответственно, мы можем говорить о наличии общепризнанной нормативно закрепленной возможности ограничения в особых случаях конституционных прав широкого круга лиц без немедленного получения судебного решения. При этом стоит согласиться, что предлагаемые механизмы потребуют дополнительной правовой регламентации, в том числе в части взаимодействия между операторами связи и субъектами оперативно-розыскной деятельности

при направлении информации, ее использовании и недопущения к ней неуполномоченных на то лиц.

— Внедрение подобных технологий потребует существенных материальных затрат как со стороны бизнеса (разработка, внедрение, поддержание работоспособности соответствующих информационных технологий на базе искусственного интеллекта), так и государства (выработка и обеспечение организационных, кадровых и технологических решений, необходимых для приема, обработки и проверки поступающей информации). Вместе с тем, как мы уже отмечали ранее на примере Сбола или Т-банка, бизнес самостоятельно движется в указанном направлении, стремясь обеспечить безопасность вкладов своих клиентов, повысив тем самым свою привлекательность и конкурентоспособность. Кроме того, общественная опасность и вероятный ущерб от рассматриваемой категории преступлений является достаточным основанием для осуществления подобных затрат, которые в будущем призваны обеспечить недопущение наступления тяжких последствий для граждан, организаций и безопасности государства.

— В случае внедрения подобного рода контроля за телефонными переговорами преступники перейдут на общение в мессенджерах или интернет телефонии. Безусловно, использование преступниками подобного рода технических решений влечет за собой новые риски, связанные с технологией подмены голоса либо изображения. Однако преступники используют данные технические решения и сейчас. Конечно, предлагаемый метод не искоренит все угрозы, но позволит купировать часть из них, поскольку все же именно телефонная связь в настоящее время является более устойчивой и распространенной и вызывающей большее доверие среди группы риска.

Таким образом, обобщая доводы за и против, необходимо отметить, что предлагаемое решение требует дополнительного обсуждения как в научном сообществе, так и среди правоприменителей, специалистов в области связи и обеспечения информационной безопасности. Вместе с тем автору представляется, что наличие подобной дискуссии может принести свои плоды, подсказать новые решения существующей проблемы в области противодействия данному виду преступлений, в том числе предусматривающие использование возможностей искусственного интеллекта при обработке больших массивов данных.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Игра в похищение: телефонные мошенники придумали опасную схему обмана россиян. URL: <https://iz.ru/1503138/dmitrii-bulgakov/igra-v-pokhishchenie-telefonnye-moshenniki-pridumali-opasnuu-skhemu-obmana-rossii> (дата обращения: 23.08.2024).

2. Зеленка, поджоги, спецслужбы: кто и как пытаются сорвать выборы в России. URL: https://news.rambler.ru/politics/52441941/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 23.07.2024).

3. Раскрыты организаторы схемы по порче бюллетеней на выборах президента России. URL: <https://360tv.ru/news/proisshestiya/raskryty-organizatory-shemy-po-porche-bulletnej-na-vyborah-prezidenta-rossii/> (дата обращения: 29.07.2024).

4. Кибермошенничество: портрет пострадавшего Сайт Банка России. URL: https://cbr.ru/statistics/information_security/cyber_portrait/ (дата обращения: 21.03.2024).

5. Телефонное мошенничество: мониторинг. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/telefonnoe-moshennichestvo-monitoring> (дата обращения: 23.03.2024).

6. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь—декабрь 2023 года официальный сайт МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/47055751/> (дата обращения: 25.07.2024).

7. Галахов С. С. Актуальные проблемы оперативно-розыскной деятельности в XXI веке в Российской Федерации: сборник научных трудов. Москва: Нома, 2024. 304 с.

8. О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: федеральный закон от 6 июля 2016 года № 374-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.07.2024).

9. О связи: федеральный закон от 7 июля 2003 года № 126-ФЗ (ред. от 4 августа 2023 года) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.07.2024).

10. О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 139, 144, 145, 145 Уголовного кодекса Российской Федерации): пленум Верховного Суда Российской Федерации // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.07.2024).

11. О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 139, 144, 145, 145 Уголовного кодекса Рос-

сийской Федерации): пленум Верховного Суда Российской Федерации // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.07.2024).

12. О банках и банковской деятельности: федеральный закон от 2 декабря 1990 года № 395-1 (ред. от 12 декабря 2023 года) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.07.2024).

13. Сбер получил патент на систему определения мошеннических звонков. URL: <https://sber.pro/digital/publication/sber-poluchil-patent-na-sistemu-opredeleniya-moshennicheskikh-zvonkov/> (дата обращения: 23.08.2024).

References

1. Kidnapping game: telephone scammers have come up with a dangerous scheme to deceive Russians. URL: <https://iz.ru/1503138/dmitrii-bulgakov/igra-v-pokhishchenie-telefonnye-moshenniki-pridumali-opasnuu-skhemu-obmana-rossii> (accessed 23.08.2024). (In Russ.)

2. Green paint, arson, special services: who and how is trying to disrupt the elections in Russia. URL: https://news.rambler.ru/politics/52441941/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (accessed 23.07.2024). (In Russ.)

3. The organizers of the scheme to spoil ballots in the Russian presidential elections have been revealed. URL: <https://360tv.ru/news/proisshestiya/raskryty-organizatory-shemy-po-porche-bulletnej-na-vyborah-prezidenta-rossii/> (accessed 29.07.2024). (In Russ.)

4. Cyber fraud: portrait of the victim Website of the Bank of Russia. URL: https://cbr.ru/statistics/information_security/cyber_portrait/ (accessed 21.03.2024). (In Russ.)

5. Telephone fraud: monitoring. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/telefonnoe-moshennichestvo-monitoring> (accessed 23.03.2024). (In Russ.)

6. Brief characteristics of the state of crime in the Russian Federation for January — December 2023 official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/47055751/> (accessed 25.07.2024). (In Russ.)

7. Galakhov S. S. Actual problems of operational-search activities in the 21st century in the Russian Federation: collection of scientific papers. Moscow: Noma Publ., 2024. 304 p. (In Russ.)

8. On Amendments to the Federal Law “On Counteracting Terrorism” and Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Terms of Establishing Additional Measures to Counter Terrorism and Ensure Public Safety: federal law no. 374-FZ of July 6, 2016. Access from the reference legal system “ConsultantPlus”. (accessed 25.07.2024) (In Russ.)

9. On Communication: federal law no. 126-FZ of July 7, 2003 (as amended on August 4, 2023). Access from

the reference legal system “ConsultantPlus”. (accessed 25.07.2024). (In Russ.)

10. On Certain Issues of Judicial Practice in Cases of Crimes against Constitutional Rights and Freedoms of Man and Citizen (art. 137, 138, 138, 139, 144, 145, 145 of the Criminal Code of the Russian Federation): plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. Access from the reference legal system “ConsultantPlus”. (accessed 25.07.2024). (In Russ.)

11. On some issues of judicial practice in cases of crimes against the constitutional rights and freedoms of man and citizen (art. 137, 138, 138, 139, 144, 145, 145 of the Criminal Code of the Russian Federation):

plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. Access from the reference legal system “ConsultantPlus”. (accessed 25.07.2024). (In Russ.)

12. On banks and banking activities: federal law no. 395-1 of December 2, 1990 (as amended on December 12, 2023). Access from the reference legal system “ConsultantPlus”. (accessed 25.07.2024). (In Russ.)

13. Sber received a patent for a system for detecting fraudulent calls. URL: <https://sber.pro/digital/publication/sber-poluchil-patent-na-sistemu-opredeleniya-moshennicheskikh-zvonkov/> (accessed 23.08.2024)

Информация об авторах

А. А. Дягилев — кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры оперативно-разыскной деятельности учебно-научного комплекса противодействия экономическим и налоговым преступлениям Нижегородской академии МВД России.

Information about the author

A. A. Diaghilev — Candidate of Sciences (Law), Deputy Head of the Department of Operational Investigative Activities of the educational and scientific complex of countering economic and tax crimes of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Научная статья
УДК 343.98
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-120-127>

Криминалистические аспекты понимания криминальных тенденций развития игорного бизнеса применительно к отдельным территориям Российской Федерации

Журавлев Сергей Юрьевич

Нижегородская академия МВД России, г. Нижний Новгород, Россия, monah07@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-2564-1299>

Аннотация. В данной статье рассматриваются прошлые аспекты и современные криминальные тенденции развития игорного бизнеса. Дается криминалистическое понимание существа используемых криминальных схем на различных этапах развития игорного бизнеса. Проводится криминалистический анализ примеров практики расследования преступлений, совершенных в сфере игорного бизнеса, и формулируются некоторые выводы по совершенствованию раскрытия преступлений в данной сфере.

Ключевые слова: криминальная реальность игорного бизнеса, исторические предпосылки современных криминальных процессов в игорном бизнесе, криминальные схемы в разрешенных игорных зонах, криминальные тенденции развития нелегального игорного бизнеса

Для цитирования: Журавлев С. Ю. Криминалистические аспекты понимания криминальных тенденций развития игорного бизнеса применительно к отдельным территориям Российской Федерации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 4 (68). С. 120–127. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-120-127>.

Original article

Forensic aspects of understanding criminal trends in the development of the gambling business in relation to certain territories of the Russian Federation

Sergey Y. Zhuravlev

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, monah07@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-2564-1299>

Abstract. The historical background and modern criminal trends in the development of the gambling business are considered. A forensic understanding of the essence of criminal schemes used in the past and today is given. A forensic analysis of examples of investigative practice is carried out and some conclusions are formulated for its improvement.

© Журавлев С. Ю., 2024

Keywords: Criminal reality of the gambling business, historical background of modern criminal processes in the gambling business, criminal schemes in permitted gambling zones, criminal trends in the development of illegal gambling business.

For citation: Zhuravlev S. Yu. Forensic aspects of understanding criminal trends in the development of the gambling business in relation to certain territories of the Russian Federation. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 4 (68), pp. 120–127. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-120-127>.

Криминальная реальность игорного бизнеса имеет свои предпосылки в традиционно уголовной среде, где игра, например в карты, исторически является не только формой общения и утверждения уголовных элементов в своем мире, но и выступает как средство воздействия на себе подобных, например, для их подчинения и постановки в зависимость. В этом смысле тенденции игорного бизнеса 90-х годов двадцатого века являются развитием криминальных практик более раннего периода, когда вовлечение граждан в игру в пути следования пассажирского поезда, на пляже, в бане и в иных местах нередко имело криминальное развитие и завершалось причинением вреда здоровью или даже убийством кого-то из участников игры.

Исторически, в криминальной реальности функционирование игорного бизнеса в России и ее субъектах становилось целью для конкурентов, тех лиц, кто «крышевал» деятельность определенных игорных заведений, тех, кого подавляли или пытались вытеснить с данного рынка услуг. Например, в Новосибирске был убит владелец одного из лучших казино. Его застрелили в подъезде дома по месту жительства. Расследование данного факта показало, что убийство являлось результатом соперничества в региональном игорном бизнесе. Продолжавшаяся в течение нескольких лет конкурентная борьба в разрешенной на тот момент игорной зоне закончилась расстрелом человека в упор из автомата, которого позднее нашли в подвале вместе с перчатками, фонариком и сапогами. Региональная борьба за сферы влияния в игорном бизнесе продолжалась.

Были и другие убийства, с помощью которых были уничтожены совладельцы двух игорных домов, а также один из основателей игорного бизнеса Новосибирска И. Б. На этом фоне покушение на вице-президента спортклуба «Первомаец» О. И., который являлся совладельцем нескольких местных казино, с позиции криминалистической культуры понимания криминальных тенденций в регионе может иметь не такое однозначное толкование. Нередко версионный анализ и последующее

выяснение обстоятельств происшедших событий позволяет проследить причастность «жертвы покушения» к другим убийствам и фактически позволяет говорить об инсценировке убийства в отношении заказчика другого убийства [1, с. 41–42].

Клиенты игорных заведений также являются целью и объектом криминального замысла. Для организаторов этого бизнеса игроки — это источник получения денежных средств. С этой целью вся внутренняя жизнь официально работающего в разрешенной зоне или нелегального игорного заведения построена таким образом, чтобы увлечь клиента процессом игры и повышением разовых ставок, чтобы отвлечь его от факта проигрыша и заставить его, например, взять кредит.

В целом можно утверждать, что жажда игры (за исключением интеллектуальных игр в публичном пространстве), зависимость от коммерческой ставки — это страсть, которая делает человека зависимым от тех, кто ее контролирует. И в этом смысле запрет развития этой страсти в обществе — это всегда лекарство. По крайней мере, так в Китае, где весь игорный бизнес сконцентрирован на территории Макао и не распространяется по всей стране. Понимание последнего особенно актуально именно потому, что даже успешные клиенты игорных заведений нередко становятся жертвой грабителей, которые их отслеживают непосредственно в казино или используют для планирования нападения информацию, полученную от своих сообщников из числа сотрудников казино или букмекерской конторы, о выигрыше «счастливчика» и времени его выхода из игорного заведения.

Как отмечают специалисты [2, с. 143], рассматриваемый вид экономико-криминальной деятельности создает и стимулирует вокруг себя криминальную реальность в виде соответствующих структур, группировок и отдельных субъектов преступной деятельности, которые связаны с незаконным оборотом алкогольной продукции, наркотиков, незаконной перевозкой и оказанием услуг по проживанию, в том числе

услуг интимного характера и т. д. В практике известны целые нелегальные холдинги, которые представляют собой ассоциации лиц и капиталов, включают в себя не только отдельные нелегальные казино или их сети, но и клубы, квартиры, отели, рестораны, бары.

Деятельность игорного заведения, вне зависимости от того, речь идет о территории разрешенной для этого вида деятельности или нет, определяется приоритетом получения прибыли за счет суммы проигрышей клиентов заведения. Именно поэтому в подобном рода заведениях ведут картотеки клиентов. В базе есть фотографии, видеозаписи, ксерокопии паспорта клиента. Это следует иметь в виду применительно к ситуациям проведения оперативного обследования или обыска, прогнозировать обнаружение базы клиентов для использования в качестве доказательственной базы масштабности деятельности заведения. В картотеке клиенты могут обозначаться не по фамилии, а условными номерами или псевдонимами, которые отражают их стиль игры и склонность к определенному типу поведения вне игры. В картотеке фиксируют определенные привилегии клиентам: алкоголь, боулинг, гостиница, ресторан, сауна. Наиболее важные клиенты проходят по уровню — «все бесплатно».

В одной из своих работ мы отмечали [3, с. 46–56], что некоторая часть криминальных проявлений в данной сфере вытекала из доступности наличных денег в местах работы игорных заведений и плохого уровня их охраны, в том числе была связана с частыми проигрышами клиентов. Это рождало тяжкие преступления, в том числе расстрелы сотрудников игровых клубов бывшими клиентами, даже разбойные нападения на залы игровых автоматов, отдельных кассиров.

Криминальные тенденции российского игорного бизнеса прошлых периодов проявляются и сейчас. Игровая фирма, действовавшая в разрешенной зоне, взяла в аренду несколько помещений в офисном здании. Целью было изготовление электронных игровых автоматов без лицензии и сертификатов. У одной из московских фирм взяли два игровых автомата. Их разобрали, изучили и скопировали программное обеспечение. Затем вернули прежним владельцам. После этого преступники за счет копирования похищенного программного обеспечения и его установки на контрафактные игровые автоматы развили незаконную предпринимательскую деятельность.

В современных условиях применительно к разрешенным зонам остаются актуальными административные правонарушения, связанные с осуществлением предпринимательской деятельности без государственной регистрации или без специального разрешения (лицензии), а также налоговые преступления. Базовыми схемами получения неучтенной прибыли в игровой сфере являются:

1. Постановка с последующим снятием с учета некоторой части объектов налогообложения, которые продолжают использоваться в деятельности, связанной с игорным бизнесом.

2. Фальсификация реального количества объектов налогообложения, которые используются в экономической деятельности конкретного субъекта в игровой сфере.

3. Организация предпринимательской деятельности в сфере игорного бизнеса без регистрации объектов налогообложения.

Экспертный анализ функционирующих в разрешенных зонах игорных заведений позволяет выделить основные причины того, почему игорные зоны не приносят высоких доходов бюджету. Аналитики отмечают неудачно выбранные места отдаленных территорий, что не соответствует самой модели данного вида бизнеса, для которого важны развитая транспортная инфраструктура, широкий туристический поток и большие города поблизости от разрешенных зон. При этом во всех этих аналитических моделях как-то за рамками анализа остается вопрос о влиянии на общество процессов, стимулирующих азарт и фактическое развитие порочных наклонностей в большой массе людей.

Также эксперты отмечают, что **инвесторы данной сферы экономической деятельности не вполне доверяют чиновникам**. Речь идет о нестабильности всей политики в данном вопросе, о высокой вероятности коррупционного фактора, который сужает круг инвесторов. То, что произошло с «Азов-сити», который закрыли, фактически заморозив многомиллиардные частные инвестиции, явилось наглядным примером отношения власти к представителям игорного бизнеса. От себя отметим, что механизм функционирования игорных зон должен соотноситься с разумным уровнем влияния государства на данную сферу услуг. В этом влиянии, с одной стороны, должна быть экономическая последовательность в выстраивании отношений с инвесторами данной сферы. Но, с другой — государство не должно поощрять широкую экономическую деятельность, в основе которой лежит вовлечение граждан

в игровые отношения и развитие в обществе порочной страстности и азартности.

На наш взгляд, экономическим аналитикам тоже важно разделять влияние экономических процессов на внутренний мир людей и влияние этих же процессов на наполнение бюджета и потери инвесторов. Чаще всего обсуждают последнее, например, поднятие в конце 2017 года в два раза ставки налога. После этого рассуждают о необходимости перестраивать бизнес-план, стратегию развития, учитывать смещение в два раза сроков окупаемости как инвестиционных условий. При этом забывается главное — обсуждается стратегия и перспективы развития в обществе индустрии, которая генерирует порочные наклонности в человеке, возбуждает в нем азарт, но не к творчеству в позитивном понимании, а азарт в получении выигрыша за счет обмана другой стороны в игре.

Результатом указанного непонимания и определенных противоречий в регулировании общественных процессов является усиливающаяся тенденция развития в нашей стране нелегального игорного бизнеса. Полагаем, что запретом азартных игр на большей территории России проблему не решить. Многие владельцы бывших легальных игорных заведений переместились в теневой сектор, используя для этого подставных лиц, которые непосредственно работают в офлайн или онлайн-режимах, в том числе находясь в местах лишения свободы. Анализ материалов отдельных уголовных дел это наглядно подтверждает.

Например, Г., будучи ранее судимым за совершение тяжких и особо тяжкого преступлений, находясь в местах лишения свободы, решил создать преступное сообщество в форме объединения организованных групп для незаконных организации и проведения азартных игр с использованием игрового оборудования вне игорной зоны, с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет» на территории различных субъектов Российской Федерации, в том числе Самарской, Саратовской и Волгоградской областей.

В период с 2017 по 2020 год привлек к участию в составе преступного сообщества ранее знакомого ему Я., через которого впоследствии привлек Д. и Н., отдавая им роль непосредственных руководителей обособленных подразделений преступного сообщества. На игровое оборудование устанавливалось программное обеспечение, разработанное Л.

В период примерно с 1 июля 2019 года по 19 июля 2021 года Г. через Я. и Д. привлек С., И., А., М., К. в качестве активных участников преступного сообщества. В период с 24 августа 2020 года по 19 июля 2021 года через Н. привлек Т., Р., Р., П., К., Р., С., У., Х. в качестве активных участников преступного сообщества для совершения тяжких преступлений, связанных с незаконной организацией и проведением азартных игр на территории Волгоградской области.

Созданное Г. преступное сообщество характеризовалось устойчивостью, высокой степенью организованности, наличием в его составе руководителей, заранее разработанного плана преступной деятельности, четким распределением функций между членами сообщества при подготовке к совершению преступления и осуществлению преступной деятельности, наличием криминальных связей с сотрудниками правоохранительных органов, применением различных технических средств и ухищрений при совершении и сокрытии преступной деятельности.

Во избежание разоблачения преступной деятельности правоохранительными органами, организатором и руководителями структурных подразделений преступного сообщества использовались меры конспирации. В частности, не все соучастники в полной мере были осведомлены о структуре преступного сообщества полагая, что игровое оборудование и программное обеспечение используются в рамках отслеживания только тренировок спортсменов и соревнований по спортивным настольным играм. Для маскировки фактически криминальной деятельности и на случай осуществления проверочных мероприятий контролирующими и правоохранительными органами использовались документы и реквизиты счетов четырех юридических лиц, в названии которых содержались лексические смыслы, связанные с развитием спортивных настольных игр, якобы подтверждающих законный характер осуществляемой деятельности. Использовалось удаленное управление лицевыми счетами пользователей с целью минимизации риска задержания в месте незаконного проведения азартных игр.

Субъектно-процедурная составляющая преступной деятельности выглядит следующим образом:

— Г. разрабатывал общие планы деятельности, распределял роли между членами сообщества, осуществлял контроль и координацию деятельности, аккумулировал у себя сведения

о работе игрового программного обеспечения и получаемого незаконного дохода, осуществлял юридические и технико-программные консультации членов сообщества по деятельности игровых залов, подготовке документов о якобы законных основаниях осуществляемой игровой деятельности, организовывал материально-техническое обеспечение путем приискания и доставки игрового оборудования;

— Л. действовал в составе преступного сообщества в период времени с 2017 по 2019 год, был вовлечен в него Г. и, обладая навыками программирования и обслуживания технических устройств в сфере высоких технологий, разработал необходимое программное обеспечение «...» для его использования в игровом оборудовании при организации и проведении незаконной игровой деятельности. Он проводил техническое обслуживание оборудования, добавлял новый функционал, устранял возникающие при эксплуатации неисправности. Контролировал работу игровых терминалов, используя сеть «Интернет» удаленно, информировал организаторов преступного сообщества о получаемой каждым из игровых залов прибыли от незаконной игровой деятельности;

— Д. с марта 2020 года являлся руководителем структурных подразделений данного преступного сообщества, территориально обособленных в городах Саратове и Самаре. На своем территориальном уровне осуществлял контроль и координацию деятельности структурных подразделений преступного сообщества, занимался подбором помещений и персонала в лице администраторов и охранников. Также он контролировал установку программного обеспечения, разработанного Л., удаленно контролировал работу игровых терминалов, распределял на своем уровне получаемую прибыль от незаконной игровой деятельности между участниками возглавляемых им организованных преступных групп, а также передавал денежные средства в качестве доли от преступного дохода Г.;

— Я. в период времени с 2017 по 2019 год выполнял функции юриста и руководителя структурных подразделений данного преступного сообщества, территориально обособленных в городах Саратове и Самаре. Он обеспечивал юридическое сопровождение деятельности преступного сообщества, осуществлял контроль и координацию деятельности структурных подразделений, подыскивал помещения для размещения игрового оборудования и клиентов, подбирал администраторов зала и охранников,

используя сеть «Интернет», удаленно контролировал работу игровых терминалов, а также распределял получаемую прибыль от незаконной игровой деятельности между участниками возглавляемых им организованных преступных групп, а также передавал денежные средства в качестве доли от преступного дохода Г.

Как мы видим, функции Д. и Я. практически совпадают с небольшим их отличием, которое связано с выполнением Я. юридической работы по обеспечению маскировки деятельности структурных подразделений преступного сообщества;

— Н., который действовал с марта 2020 года в составе участников игровой криминальной схемы и выполнял такие же, как Д. и Я. функции, маскируя свою преступную деятельность рамками функционирования другого используемого преступниками юридического лица, но на территории Волгограда.

Одиннадцать человек из числа указанных выше как привлеченных Г. через Я., Д. и Н. выполняли функции администраторов. Они обеспечивали в ходе своей смены функционирование залов игровых автоматов и проведение азартных игр, осуществляли операции по приему, учету и хранению денежных средств, полученных от игровой деятельности, допускали участников игр (клиентов, игроков) в зал и непосредственно к игровым автоматам. Важной частью их деятельности был публичный показ клиентам и их допуск к программам для ЭВМ (игровым программам). Также они осуществляли контроль за порядком в зале, собирали полученные от незаконной деятельности денежные средства, выдавали участникам игр (клиентам, игрокам) денежные средства в качестве выигрыша.

С позиции криминалистического анализа интересны фигуры У. и Х., которые в материалах постановления о возбуждении уголовного дела фигурируют как те, кто в течение двух лет осуществлял охрану игровых залов и обеспечивал защиту администраторов клуба при организации и проведении незаконной игровой деятельности, а также выполнял иные действия в рамках функционирования преступного сообщества. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что преступная деятельность происходила на территории двух соседних областных центров и прилегающей к ним территории. Поэтому трудно себе представить, чтобы сменную деятельность по охране всех игровых залов осуществляли только два человека. Вероятнее всего, правильнее говорить, что

они организовывали охрану и использовали для этого официальные охранные структуры и неофициальных охранников, в том числе из числа криминальных элементов. С учетом этнических особенностей личности У. и Х. можно предположить их принадлежность к этническим криминальным группировкам, которые «крышевали» данный криминальный бизнес, в котором крутились их денежные средства.

Выявленное, коррупционное звено данной криминальной схемы представляет Р. — оперуполномоченный отделения городского отдела ЭБиПК с дислокацией в одном из городских отделов полиции в Волгограде. Зафиксирована его связь с криминальными элементами в период примерно с 2020 по 2021 год. Следствие констатирует, что он осуществлял общее покровительство незаконной игровой деятельности на территории подконтрольного ему района города Волгограда, в том числе собирал и предоставлял интересующую организаторов преступного сообщества информацию в отношении вновь привлекаемых активных участников, предупреждал о проводимых в отношении участников преступного сообщества проверках со стороны правоохранительных органов как районного, так и областного уровней, содействовал принятию положительных процессуальных решений в отношении деятельности преступного сообщества.

По данному фигуранту уголовного дела, так же как и в отношении ранее отмеченных У. и Х., у автора есть ряд аналитических соображений и главное из них в том, что трудно себе представить, чтобы оперативник городского уровня мог обеспечить безопасность и противодействие разоблачению криминальной игровой схемы, действующей на территории двух соседних областей. Вероятнее, есть и другие фигуры в «крышевании» данной криминальной схемы, которая была окончательно пресечена сотрудниками правоохранительных органов 19 июля 2021 года [4]. Это косвенно подтверждается материалами журналистского расследования журналистов газеты «Новая Сибирь», результаты которого опубликованы 20 ноября 2023 года. В частности, отмечается, что в Новосибирской области ввиду причастности к «крышеванию» игорного бизнеса уволили большое число полицейских. Уже после этого один читатель «Новой Сибири» все же умудрился найти криминальное предприятие, работающее в открытую, средь бела дня, прямо на самой центральной магистрали города. Редакция его сообщение проверила, проинформировала прокуратуру и после

этого игорное заведение закрыли, а у городского управления МВД сменился руководитель.

Перемещение теневого игорного бизнеса в цифровое пространство — это устойчивая тенденция последних лет. Чуть ранее рассмотренного выше уголовного дела о незаконной игровой деятельности на территории Саратовской и Волгоградской областей было выявлено преступное сообщество, которое без согласия правообладателя использовало его программное обеспечение и чисто внешне маскировало незаконную игорную деятельность под майнинг. В частности, на территории городов Москвы, Саранска и Пензы незаконные организации и проведение азартных игр, сопряженные с незаконным использованием объектов авторского и смежных прав маскировались под законную деятельность по использованию программного обеспечения «Система облачного обслуживания процесса майнинга POWERCOIN, которое предоставляло возможность совершения майнинга криптовалюты с целью получения прибыли в виде вознаграждения в форме новых единиц и комиссионных сборов в криптовалютах, с использованием указанных документов от имени двух специально созданных юридических лиц. Участниками криминальной схемы осуществлялось удаленное администрирование учетных записей и удаленное управление лицевыми счетами пользователей при помощи интернет-ресурса «...». Для минимизации риска задержания в месте незаконного проведения азартных игр работа игровых заведений осуществлялась в закрытом режиме.

В игровом процессе использовались элементы визуализации и интерфейса продуктов компании — правообладателя «...» без заключения с ней лицензионного соглашения на предоставление указанных элементов. За счет этого, используя установочные данные учетной записи одного из ключевых организаторов криминальной схемы в интернет-ресурсе «...», осуществлялось скачивание на электронный носитель информации программного обеспечения, предназначенного для проведения азартных игр, материальный выигрыш в которых определялся случайным образом данными игровыми программами, без участия организатора азартных игр и лиц, проводящих азартные игры. Теневые договоренности о распределении дохода реализовались в виде осуществления частных операций по переводу между физическими лицами [5].

Анализ сложившейся криминальной практики в сфере игорного бизнеса позволяет сформулировать определенные выводы:

1. Криминальная деятельность в данной сфере будет традиционно заключаться в сокрытии объектов налогообложения и реальной выручки в данной сфере, а также привнесении в деятельность игорных заведений тех традиционных элементов, которые позволяют увеличивать неучтенную прибыль и привлекательность игорного заведения для клиентов, в частности, контрафактный, более дешевый, но качественный алкоголь, услуги интимного характера, различные акции и бонусы для клиентов, а также лотереи, которые искажают реальность доходов и расходов игорного заведения.

2. На остальной территории будут предприниматься попытки открытия новых разрешенных игорных зон с использованием административного ресурса отдельных региональных руководителей, которые через своих подставных лиц имеют долю в игорном бизнесе.

3. Коррупционная составляющая в данной сфере будет значительно усиливаться именно потому, что в стране происходит очень сильная рекламная популяризация различных игровых форм времяпрепровождения граждан. Пытаясь подстраиваться под легальные игровые формы, предлагаемые гражданам, организаторы незаконной игорной деятельности «обречены» на поиск административно-правоохранительной крыши, которая хоть на какое-то время обеспечит их безопасность и снизит вероятность разоблачения.

4. Реальная возможность усиления борьбы с различными криминальными явлениями, в том числе и в сфере игорного бизнеса, перетекания его нелегального сектора в цифровое пространство лежит в плоскости комплексного совершенствования правоприменительной деятельности. Учет резонансности преступлений, формальные показатели деятельности, опережающий квалификационный подход к оценке криминальных событий и весь существующий бюрократизм должны преобразоваться в такие качества высокооплачиваемых профессионалов, как способность проводить перспективное моделирование и рефлексивную оценку криминальной реальности и своей деятельности, нравственно и даже совестливо осмысливать ситуации оперативно-служебной деятельности. В основе должно лежать высокое информационное обеспечение и всячески поощряемое руководством творческое взаимодействие субъектов расследования преступлений. Именно это будет реально способствовать восстановлению справедливости в общественных отношениях.

Список источников

1. Журавлев С. Ю., Крепышева С. К. Правонарушения в сфере игорного бизнеса и их выявление: методические рекомендации. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД Российской Федерации, 2008. 68 с.

2. Стебнева Е. В., Грачев Ю. А. Анализ современного состояния противодействия незаконной игровой деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России, 2017. № 1 (73).

3. Журавлев С. Ю. История криминальной реальности функционирования игорного бизнеса в контексте криминалистической характеристики правонарушений в данной сфере применительно к территориям разрешенных игорных зон в Российской Федерации // Криминалистические средства обеспечения экономической безопасности России: сборник статей / под ред. А. Ф. Лубина, М. А. Ершова, А. Ю. Афанасьева. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2020. Вып. 1. С. 46–56.

4. Постановление о возбуждении уголовного дела № 12102180008000066 от 4 июля 2022 года // Материалы наблюдательного производства Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Волгоградской области.

5. Постановление о привлечении в качестве обвиняемого М. от 23 июля 2021 года по уголовному делу № 12002890014000013 // Материалы наблюдательного производства Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Мордовия.

References

1. Zhuravlev S. Yu., Krepysheva S. K. Offenses in the field of gambling and their identification: methodological recommendations. Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, N. Novgorod, 2008. 68 p. (In Russ.)

2. Stebneva E. V., Grachev Yu. A. Analysis of the current state combating illegal gambling activities. *Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 1 (73), 2017. (In Russ.)

3. Zhuravlev S. Yu. History of the criminal reality of the functioning of the gambling business in the context of the forensic characteristics of offenses in this area in relation to the territories of permitted gambling zones in the Russian Federation. Forensic means of ensuring the economic security of Russia: collection of articles / ed. A. F. Lubina, M. A. Ershova, A. Yu. Afanasyeva. N. Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. Issue. 1. Pp. 46–56. (In Russ.)

4. Resolution to initiate a criminal case no. 12102180008000066 dated July 4, 2022. Materials of the observational proceedings of the Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Volgograd Region. (In Russ.)

5. Resolution on bringing M. as an accused dated July 23, 2021. Materials of the observational proceedings of the Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Republic of Mordovia in criminal case no. 12002890014000013. (In Russ.)

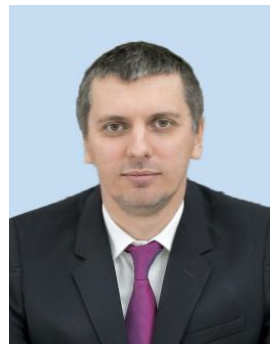
Информация об авторе

С. Ю. Журавлев — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД России.

Information about the author

S. Yu. Zhuravlev — Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Professor at the Department of Criminalistics at the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Научная статья
УДК 343.97
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-128-133>

О перспективах задействования систем, основанных на технологиях искусственного интеллекта, в процессе выполнения задач, решаемых органами внутренних дел

Кобец Петр Николаевич¹, Ильин Игорь Вячеславович²

¹Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва, Россия,

²Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия,

¹pkobets37@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6527-3788>

²igor_ilyin@mail.ru

Аннотация. Деятельность, связанная с обеспечением необходимых условий общественной безопасности в стране, является в настоящее время важнейшим приоритетом развития российского общества. Это направление необходимо развивать и совершенствовать, используя в решении правоохранных задач новейшие цифровые технологии. В связи с этим авторами данного исследования указывается на необходимость стремления в деятельности органов внутренних дел к повышению возможности применения технологий, работающих на основе искусственного интеллекта по отслеживанию, сбору, анализу, обработке и иному использованию колоссальных потоков информации для эффективной борьбы с преступностью. Проведенное исследование дает основание полагать, что в отечественной правоохранительной сфере использовать новые технологии возможно за счет обрабатываемых материалов, содержащих статистические данные; оказания помощи в составлении документации различной сложности; наполнения правоохранительных сайтов правовыми информационными данными; принятия решения в процессе квалификации преступлений и др. Вне всякого сомнения, в дальнейшей перспективе использование новых технологий также может оказать существенное воздействие на формирование основных направлений по борьбе с преступностью, а также и ее предупреждение. В статье делается вывод о том, что в современных условиях важно активизировать применение новых технологий для противодействия различным преступным проявлениям. Скорее всего, что полное внедрение новых технологий в деятельность органов внутренних дел пройдет большой путь. Однако в любом случае, чтобы активно противодействовать преступным проявлениям, уже сегодня современному обществу важно приступить к активному использованию интеллектуальных систем в правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: обеспечение безопасности, правоохранительная практика, процессы цифровизации, внедрение новых технологий, зарубежный опыт, законотворческая деятельность, противодействие преступности, правопорядок

Для цитирования: Кобец П. Н., Ильин И. В. О перспективах задействования систем, основанных на технологиях искусственного интеллекта, в процессе выполнения задач, решаемых органами внутренних дел // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 4 (68). С. 128–133. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-128-133>.

Original article

© Кобец П. Н., Ильин И. В., 2024

On the prospects for using systems based on artificial intelligence technologies in the process of performing tasks solved by internal affairs bodies

Peter. N. Kobets¹, Igor. V. Ilyin²

¹National Research Institute of the Ministry of Interior Affairs of Russia, Moscow, Russia,

²Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia,

¹pkobets37@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6527-3788>

²igor_ilyin@mail.ru

Abstract. Activities related to ensuring the necessary conditions for public safety in the country currently seem to be the most important of the priorities aimed at the sustainable development of Russian society. This area needs to be developed and improved, using the latest digital technologies in solving law enforcement problems. In this regard, the authors of this study draw attention and emphasize that today it is extremely important to strive in the activities of police departments to increase the ability to use technologies based on artificial intelligence to track, collect, analyze, process and otherwise use colossal flows of information to effectively combat crime. The conducted research gives reason to believe that it is possible to use new technologies in the domestic law enforcement sphere: by processing materials containing statistical data; providing assistance in the preparation of documentation of varying complexity; saturating law enforcement websites with legal information; making decisions in the process of qualifying crimes, etc. Without a doubt, in the future, the use of new technologies can also have a significant impact on the formation of prospects for combating crime, as well as its prevention. It is concluded that in modern conditions it is important to intensify the use of new technologies to counter various criminal manifestations. Most likely, the full implementation of new technologies in the activities of internal affairs bodies will go a long way. However, in any case, in order to actively counteract criminal manifestations today, it is important for modern society to begin the active use of intelligent systems in law enforcement.

Keywords: ensuring security, law enforcement practice, digitalization processes, introduction of new technologies, foreign experience, legislative activity, combating crime, law and order.

For citation: Kobets P. N., Ilyin I. V. On the prospects for using systems based on artificial intelligence technologies in the process of performing tasks solved by internal affairs bodies. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 4 (68), pp. 128–133. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-128-133>.

Следует учитывать специфику правоохранительной деятельности государства, для которой являются характерными, с одной стороны, повышенный уровень опасности, а с другой — многозадачность, большой объем аналитической работы, необходимость оперировать серьезным массивом информации, сжатые сроки для принятия решений и т. д.

Уровень востребованности систем, разработанных с использованием новых технологий, чрезвычайно высок. Различные уникальные возможности новых технологий, которые уже сегодня применяются в разного рода отраслях экономики, могут быть адаптированы и использоваться в интересах противодействия преступности. Соответственно, сотрудникам органов внутренних дел (далее — ОВД) технологии искусственного интеллекта также необходимо использовать в решении правоохранительных задач, поскольку они максимально отвечают требованиям этой деятельности.

Как полагают российские специалисты-эксперты по вопросам внедрения интеллектуальных

технологий, во многих странах рассматриваемые технологии «уже внедряются в полицейскую деятельность, это технологии, распознающие подозрительных граждан, похищенный транспорт; программы машинного распознавания образов; программное обеспечение, распознающее голоса в режиме реального времени; программы, производящие латентно-семантический анализ; платформы, собирающие, хранящие и проводящие изучение информационных данных в целях выявления уличной преступности, волнений, беспорядков, выступлений; использование робототехники с целью патрулирования периметра; применение автоматизированных комплексов по анализу запрещенного контента в телекоммуникационных сетях и др.» [1, с. 21].

В том числе рассматриваемые технологии за рубежом уже находят свое применение при масштабируемой, открытой цифровой системе судебных экспертиз; замене бумажного полицейского офиса на электронный; специализированном программном обеспечении, распознающем необычные ценовые колебания на

активы, которые указывают на возможности инсайдерской торговли; в процессе применения автономных роботов, осматривающих опасные объекты; при использовании в полиции ботов в целях контактов с гражданами и организациями и др. [2, с. 121].

Специально хотелось бы отметить, что зарубежными специалистами, проводящими исследования при поддержке аналитиков Исследовательского центра проблем регулирования робототехники и искусственного интеллекта были выработаны подходы, позволяющие толковать и интерпретировать результаты, связанные с распознаванием устной речи, которые были получены при использовании технических средств аудиозаписи [3]. Также этими специалистами было установлено, что при помощи искусственного интеллекта вполне возможно проводить анализ больших объемов информационных данных, которые имеют уголовно-правовое значение при прогнозировании возможных преступных рецидивов. Примечательно, что обозначенные автоматизированные поисковые системы обладают огромным массивом информационных данных, при анализе которых возможно предсказывать риски совершения противоправных деяний лицами, которые ранее уже скрывались от правосудия.

В том числе совершенно очевидно, что на основе новых технологий возможно проводить выявление жертв, которым угрожают субъекты совершения корыстного и бытового насилия. Так, например, иностранными специалистами уже были апробированы алгоритмы искусственного интеллекта с целью аннулирования виктимности пожилых людей [4, с. 7]. При помощи подобных алгоритмов происходит определение не только жертв преступных посягательств, но и самих преступников, а также объективных факторов, которые способствуют различным формам жестокого обращения с людьми. Также на основе учета данных технологий возможно различать формы финансовой эксплуатации пожилых людей и физического насилия над ними. Как полагают эксперты, алгоритмы данных возможно преобразовать в программный комплекс для того, чтобы правоохранители имели возможность определения вероятности возникновения возможной финансовой эксплуатации и быстрого предотвращения данных преступлений. Поэтому совершенно очевидно, что технические устройства, работающие на основе новых технологий, необходимо активнее использовать в отечественной правоохранительной сфере в следующих случаях:

обрабатывая разного рода материалы, содержащие статистические данные; оказывая помощь в составлении документации различной сложности; насыщая правоохранительные сайты правовыми информационными данными; принимая решения в процессе квалификации преступлений и др.

Как отмечается отечественными экспертами, сегодня многие из преступных посягательств «экстремистской направленности, как, например, публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ), публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280.1 УК РФ), возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ), организация экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ), организация деятельности экстремистской организации (ст. 282.2 УК РФ), финансирование экстремистской деятельности (ст. 282.3 УК РФ)» [5, с. 38], и ряд иных преступлений, совершаемых по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, «совершаются с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»» [6, с. 29], поэтому новые технологии могут помочь в процессе расследования рассматриваемых противоправных деяний и оказывать активное им противодействие. При этом, как полагают российские специалисты, новейшие программы «могут не просто обнаружить и идентифицировать признаки политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти в отношении какой-либо социальной группы, но и немедленно передавать в специализированные подразделения правоохранительных органов данные о распространителе преступной информации и ее получателях» [7, с. 51].

В связи с этим необходимо активнее внедрять в деятельность ОВД различные программы и разработки по искусственному интеллекту, в том числе связанные с применением робототехники и работой с большим объемом данных. Следует активнее использовать и планировать повсеместное внедрение программы по видеонаблюдению, на основе которой происходит «считывание биометрических данных человека; распознавание голоса человека; распознавание украденных транспортных средств; внедрение ботов в качестве первичного автономного контакта с населением и организациями» [8, с. 36].

Специально хотелось бы подчеркнуть, что российскими экспертами отмечается, что внедрение расстраиваемых технологий в настоящее время крайне востребовано в процессе расследования преступных посягательств. Причем сотрудники следственных подразделений выражают большую заинтересованность в применении новых технологий «для установления отдельных характеристик серийных преступлений, а также преступных посягательств, совершенных организованными преступными группами» [9, с. 5].

Следует активнее включаться в использование информтехнологий в целях проработки и мониторинга перспективных направлений преступной деятельности и с учетом этого подходить к разработке более новых способов борьбы с рассматриваемыми преступными проявлениями. Также важно, чтобы сотрудники ОВД стремились к внедрению техники, основанной на новых технологиях, для осуществления патрулирования, а также оснащения автотранспорта, находящегося в пользовании подразделений системы МВД России.

Важно также расширять международные контакты сотрудников правоохранительных служб с зарубежными коллегами, дружественными для нашей страны государствами, связанными с использованием новых технологий в правоохранительной сфере. Результатами эффективного применения искусственного интеллекта должны стать существенные успехи правоохранительной работы по предупреждению и пресечению противоправной деятельности, а также повышению уровня раскрываемости преступлений.

В то же время сотрудникам ОВД необходимо уделять внимание пресечению активного использования злоумышленниками разного рода технологий, использующих искусственный интеллект, которые превращаются в их руках в инструмент не только киберпреступности, но и иных высокотехнологичных противоправных деяний.

По мнению российских исследователей, до сих пор современной криминологической науке так и не удается выработать теории, по которым возможно было бы уметь точно определять место, время, а также лиц, которыми будет совершено преступление. Прогнозирование всегда считалось одним из наиболее трудных процессов, тем более такие виды прогнозов, для проведения которых задействуют серьезные объемы информационных данных. При этом технологии искусственного интеллекта могут помогать сотрудникам ОВД работать

с большими объемами различных информационных данных. А результаты этой работы могут быть ими использованы для подготовки управленческих решений, расследования преступлений, а также прогнозирования преступности. Таким образом, совершенно очевидно, что постоянное совершенствование цифровых технологий приводит к повсеместному экспериментированию и последующему внедрению новых технологий, при помощи которых также можно развивать деятельность, связанную с предупреждением преступности и адекватным реагированием на уже совершенные противоправные деяния. Основная идея, на которой строится подобный правоохранительный подход, состоит в том, что большую часть преступных посягательств возможно прогнозировать. Однако, чтобы эти идеи были успешно реализованы на практике, должны быть все необходимые возможности, которые бы позволили проводить работу по обработке и анализу информационных данных, обладающих огромным объемом. Лишь только подобным образом возможно подготовить прогноз преступности, который будет в полном объеме удовлетворять потребности правоохранителей.

Важно отметить, что проведение анализа преступности еще в начале нового тысячелетия было осуществлено технологически довольно сложно. В то же время новейшие данные в сфере информационных технологий позволяют говорить о реальных перспективах и в дальнейшем прогнозировать преступность на основе совершенно новых подходов. На сегодняшний день сложился ряд веских обстоятельств, которые должны способствовать тому, что общество и правоохранительные службы обязательно заинтересуются применением новых технологий в работе по предупреждению преступности. В первую очередь это необходимо для воплощения в жизнь идей, декларированных Федеральным законом от 23 июня 2016 года № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», в том числе регламентирующих необходимость достижения оптимальных уровней, связанных с безопасностью граждан, а также оптимизации государственных средств на борьбу с преступностью.

Поскольку издержки от преступных проявлений оказывают существенное воздействие как в целом на экономические процессы, происходящие в стране, так и на отдельных членов общества из расчета того, что жертвам преступных посягательств приходится нести помимо

моральных, еще и немалые финансовые потери в результате совершенных преступлений. Кроме прочего, преступный рост обуславливает спад ценовых показателей в сфере коммерческой недвижимости и иных активов, поскольку их владельцы должны увеличивать затраты, связанные с обеспечением безопасности.

Для того чтобы эффект от использования программного обеспечения с использованием технологий, работающих на основе искусственного интеллекта, был бы еще более ощутим в деятельности ОВД, необходимо проработать вопрос и при необходимости сформировать подразделение, возложив на него обязанности по развитию технического обеспечения в процессе внедрения в практику рассматриваемых технологий. В то же время важно отметить, что очень принципиально, чтобы данная служба была сформирована именно из аттестованных сотрудников ОВД, поскольку не следует передавать рассматриваемые полномочия работникам коммерческих организаций, чтобы избежать утечки важных информационных данных, что, в свою очередь, непременно станет препятствием в повышении эффективности работы правоохранителей.

Следует согласиться с позицией отечественных экспертов, полагающих, что в дальнейшей перспективе было бы целесообразно досконально исследовать, проработать вопрос о создании единой сети, которая объединяла бы все базы данных ОВД, систем наблюдения, мониторинга и др. Она бы накапливала и затем анализировала полученные информационные данные. А уже после этого по запросам сотрудников ОВД прогнозировала возможное развитие событий в сфере «безопасности дорожного движения, общественной безопасности, серийности совершаемых преступлений, оперативной обстановки, складывающейся как на определенной территории, так и по стране в целом» [10, с. 193].

Нельзя не отметить еще один факт, а именно то, что в настоящее время очень много как отечественными, так и зарубежными экспертами пишется о необходимости развития ситуационного видеонаблюдения, также использующего в своей основе новые технологии. Как полагают многие специалисты, использование новых технологий, несомненно, приведет к повышению уровня общественной безопасности [11, с. 129]. Также, рассматривая возможности применения технологий по искусственному интеллекту в правоохранительной деятельности, следует четко осознавать, что эти системы являются

необходимым элементом для оснащения большинства служб экстренного реагирования. Поэтому необходимо прикладывать все усилия, чтобы искусственный интеллект превратился в средство защиты населения от различных преступных проявлений и увеличения уровня безопасности всего российского общества.

В заключение хотелось бы отметить, что в дальнейшей перспективе использование новых технологий также может оказать существенное воздействие на формирование перспективных направлений по борьбе с преступностью, в том числе и по ее предупреждению. В настоящее время анализируемые технологии, обладая положительным опытом использования их в правоохранительной практике, активно распространяются в ряде стран. При помощи данных технологий выявляются нарушители, прогнозируется совершение противоправных деяний, осуществляется розыск опасных подозреваемых лиц. Применение новых технологий в нашей стране в целях реализации правоохранительных государственных функций, в том числе для противодействия преступным проявлениям, выявления преступников и их розыска, вне всякого сомнения, имеет важное значение.

Список источников

1. Агеев В. В. Большие данные и искусственный интеллект на службе полиции // Стратегическое развитие системы МВД России: состояние, тенденции, перспективы: сборник статей Международной научно-практической конференции, Москва, 30 октября 2019 года / отв. В. О. Лапин. Москва: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. С. 11–23.
2. Кобец П. Н. Зарубежные и отечественные подходы к законодательному регулированию общественных отношений в сфере применения технологий искусственного интеллекта // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 4 (100). С. 119–126; doi:10.35750/2071-8284-2023-4-119-126.
3. Робоправо. Исследовательский центр проблем регулирования робототехники и искусственного интеллекта. URL: <http://robopravo.ru/> (дата обращения: 21.07.2024).
4. Christopher Rigano Using Artificial Intelligence to Address Criminal Justice Needs // National Institute of Justice Journal, 2019, no. 280, pp. 1–10.
5. Бычков В. В. Преступления экстремистской направленности: понятие, классификация, общие объективные и субъективные признаки, квалифицированные составы // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2018. № 4 (22). С. 36–41.

6. Бычков В. В., Ротов В. А. Понятие и виды преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // *Расследование преступлений: проблемы и пути их решения*. 2020. № 3. С. 26–31.

7. Бычков В. В., Прорвич В. А. Искусственный интеллект как средство противодействия преступлениям экстремистской направленности, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети интернет // *Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации*. 2020. № 4 (26). С. 47–52.

8. Боровская Е. В., Давыдова Н. А. Основы искусственного интеллекта. Москва: Лаборатория знаний, 2018. 127 с.

9. Бахтеев Д. В. Искусственный интеллект в следственной деятельности: задачи и проблемы // *Российский следователь*. 2020. № 9. С. 3–6. DOI 10.18572/1812-3783-2020-9-3-6.

10. Зоз В. А., Шроль А. Р. Использование технологий искусственного интеллекта в правоохранительных органах // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки*. 2021. Т. 7. № 2. С. 191–194. DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-2-191-194.

11. Яковец Е. Н. Оперативно-разыскные меры полиции по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации // *Труды Академии управления МВД России*. 2017. № 3. С. 127–131.

References

1. Ageev V. V. Big data and artificial intelligence in the service of the police. Strategic development of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia: state, trends, prospects: Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, October 30, 2019 / res.V. O. Lapin. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2019. pp. 11–23. (In Russ.).

2. Kobets P. N. Foreign and domestic approaches to the legislative regulation of public relations in the field of application of artificial intelligence technologies. *Bulletin*

of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023, no. 4 (100). pp. 119–126; doi:10.35750/2071-8284-2023-4-119-126. (In Russ.).

3. Robolaw. Research Center for Problems of Regulation of Robotics and Artificial Intelligence. URL: <http://robopravo.ru/> (accessed 21.07.2024). (In Russ.)

4. Christopher Rigano Using Artificial Intelligence to Address Criminal Justice Needs. *National Institute of Justice Journal*, 2019, no. 280, pp. 1–10. (In Russ.).

5. Bychkov V. V. Crimes of an extremist nature: concept, classification, general objective and subjective characteristics, qualified offenses. *Investigation of crimes: problems and ways to solve them*, 2018, no. 4 (22). pp. 36-41. (In Russ.).

6. Bychkov V. V., Rotov V. A. The concept and types of extremist crimes committed using information and telecommunication networks. *Investigation of crimes: problems and ways to solve them*, 2020, no. 3. pp. 26–31. (In Russ.).

7. Bychkov V. V., Prorvich V. A. Artificial intelligence as a means of countering extremist crimes committed using information and telecommunication networks, including the Internet. *Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, 2020, no. 4(26). pp. 47–52. (In Russ.).

8. Borovskaya E. V., Davydova N. A. Fundamentals of artificial intelligence. Moscow. Laboratory of Knowledge, 2018, 127 p. (In Russ.).

9. Bakhteev D. V. Artificial intelligence in investigative activities: tasks and problems. *Russian investigator*, 2020, no. 9. pp. 3–6. DOI 10.18572/1812-3783-2020-9-3-6. (In Russ.).

10. Zoz V. A., Shrol A. R. The use of artificial intelligence technologies in law enforcement agencies. Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. *Legal sciences*. 2021, vol. 7, no. 2, pp. 191–194. DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-2-191-194. (In Russ.).

11. Yakovets E. N. Operational and investigative measures of the police to ensure information security of the Russian Federation. *Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, no. 3, pp. 127–131. (In Russ.).

Информация об авторах

П. Н. Кобец — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник ВНИИ МВД России;

И. В. Ильин — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России.

Information about the author

P. N. Kobets — Doctor of Sciences (Law), Professor, Chief Researcher of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

I. V. Ilyin — Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law and Process of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Научная статья

УДК 343.1

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-134-138>

К вопросу об эффективности проведения следственных действий посредством видео-конференц-связи при обеспечении безопасности участника уголовного судопроизводства

Козлова Елена Лорисовна¹, Баринова Елена Дмитриевна²

¹Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, Калининград, Россия, k_elena1979@mail.ru

²Академия управления МВД России, Москва, Россия, elena.barinova.1998@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о применении видео-конференц-связи при проведении следственных действий в контексте осуществления государственной защиты участников уголовного судопроизводства. Проведен анализ применения отдельных мер государственной защиты. Выявлено, что осуществление следственных действий посредством видео-конференц-связи повышает эффективность применения некоторых мер государственной защиты и в целом служит для обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства. Сделан теоретический вывод о необходимости внесения дополнений в действующее законодательство с указанием в качестве отдельной меры обеспечения безопасности участника уголовного судопроизводства, подлежащего государственной защите, проведение следственных действий посредством видео-конференц-связи.

Ключевые слова: следственные действия; видео-конференц-связь; меры безопасности; государственная защита

Для цитирования: Козлова Е. Л., Баринова Е. Д. К вопросу об эффективности проведения следственных действий посредством видео-конференц-связи при обеспечении безопасности участника уголовного судопроизводства // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 4 (68). С. 134–138. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-134-138>.

Original article

On the issue of the effectiveness of investigative actions through videoconferencing while ensuring the safety of participants in criminal proceedings

Elena L. Kozlova¹, Elena D. Barinova²

¹Kaliningrad branch of Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kaliningrad, Russian Federation, k_elena1979@mail.ru

²Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation, elena.barinova.1998@mail.ru

© Козлова Е. Л., Баринова Е. Д., 2024

Abstract. The article discusses the issue of using video conferencing when conducting investigative actions in the context of state protection of participants in criminal proceedings. An analysis of the application of individual state protection measures was carried out. It has been revealed that the implementation of investigative actions through videoconferencing increases the effectiveness of the application of certain measures of state protection and, in general, ensuring the safety of participants in criminal proceedings. A theoretical conclusion has been made about the need to make amendments to the current legislation indicating, as a separate measure to ensure the safety of a participant in criminal proceedings subject to state protection, the conduct of investigative actions through the VSK.

Keywords: investigative actions; video conferencing; security measures; state protection

For citation: Kozlova E. L., Barinova E. D. On the issue of the effectiveness of investigative actions through videoconferencing while ensuring the safety of a participant in criminal proceedings. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 4 (68), pp. 134–138. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-134-138>.

Сегодня уголовное судопроизводство претерпевает коренные изменения. Новые тренды в направлении развития информационных технологий диктуют необходимость их внедрения в уголовное судопроизводство. Так, сравнительно недавно была введена новая норма в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ) статья 189.1 [1], позволяющая проводить ряд следственных действий посредством видео-конференц-связи (далее — ВКС): допрос, очную ставку и опознание. Если проведение данных следственных действий с использованием ВКС четко регламентировано законодателем в отношении участников уголовного процесса, то проведение их в отношении лица, к которому применены меры государственной защиты, такой ясности не усматривается. В этой связи вызывает научный интерес вопрос о проведении данных следственных действий посредством ВКС в контексте обеспечения государственной защиты участника уголовного судопроизводства и определении назначения ВКС в сравнении с другими мерами государственной защиты.

Институт обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства всегда интересовал ученых-процессуалистов. Активной разработкой этой темы из современных ученых занимались О. А. Зайцев [2], Л. В. Брусницын [3], А. Ю. Епихин [4], А. А. Дмитриева [5] и др. Указанные авторы рассматривали различные аспекты данного вопроса, однако об эффективности применения мер безопасности к защищаемому лицу, в том числе о проведении следственных действий посредством ВКС, в контексте обеспечения безопасности не упоминалось. Известно, что наличие норм, предусматривающих меры государственной защиты, не является единственным условием обеспечения безопасности участников уголовного

судопроизводства. Для этого должна сложиться практика их реализации, учитывающая все условия для наиболее эффективного применения мер государственной защиты.

Значимость учета всех обстоятельств, посылок для своевременного применения мер государственной защиты, — подчеркивал Т. Р. Мухаметшин. Автор отмечает, что «качественная организация защиты приведет к обеспечению безопасности личности, возможности раскрытия преступления, выявлению организаторов и исполнителей преступления, а также возмещению материального ущерба» [6].

О. В. Карягина и Ю. С. Аваков в научной публикации поднимают вопрос проблемы интерпретации поводов и оснований применения мер государственной защиты. Авторы указывают на то, что из-за неоднозначности, расплывчатости в законодательстве, предусматривающем меры государственной защиты, поводов и оснований для их применения, возникает путаница и в практике их реализации. Поводы к применению мер безопасности в ходе осуществления государственной защиты указаны в части 2 статьи 16 Федерального закона № 119-ФЗ «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 1 мая 2016 года. Однако буквальное толкование названия статьи указывает на основания применения мер безопасности, о которых речь идет только в части 1 данной статьи [7, с. 52]. Складывается ситуация, при которой в названии статьи указываются только основания, а в ее содержании, помимо оснований, содержатся еще поводы к применению мер безопасности. Данное

обстоятельство приводит к подмене понимания поводов их основаниями.

Кроме того, есть еще ряд проблемных аспектов в применении мер государственной защиты к участникам уголовного судопроизводства. Один из них — повышение эффективности обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства. Так, Т. Р. Мухаметшин указывает, что повышению эффективности обеспечения безопасности будет способствовать процессуальная возможность проводить опознание, исключаящее визуальное наблюдение. Кроме того, по мнению ученого, «расширение перечня мер безопасности в стадии возбуждения уголовного дела путем дополнения имеющейся части 9 статьи 166 УПК РФ опознанием вне визуального контроля повысит состояние безопасности сообщения о преступлении и создаст достаточные гарантии доказательственной деятельности в будущем» [6, с. 118]. Позиция автора представляется интересной в затронутом нами контексте, поскольку угроза безопасности потенциального участника уголовного судопроизводства может присутствовать как до возбуждения уголовного дела, так и после. В этой связи возникает необходимость обеспечения безопасности на всех стадиях уголовного судопроизводства, в том числе в ходе проверки сообщения о преступлении. Однако вопрос, каким путем пойти для решения этой задачи, предложенному автором, и разрешить применять уголовно-процессуальные средства обеспечения безопасности к участникам, не обладающим на момент возбуждения уголовного дела процессуальным статусом (таким как заявитель, очевидец), является весьма интересным и требует отдельного научного осмысления.

Представляется, что проведение следственных действий посредством ВКС способствует более эффективному обеспечению безопасности защищаемого лица. В этой связи является интересным рассмотрение роли ВКС при проведении следственных действий в соотношении с мерами государственной защиты при обеспечении безопасности участника уголовного судопроизводства. Так, статья 189.1 УПК РФ [1] позволяет удаленно проводить допрос, очную ставку и опознание лица, участие которого необходимо в данных следственных действиях при отсутствии реальной возможности его очного присутствия. Как видно, данная норма была введена законодателем не только в целях облегчения проведения следственных действий при возникновении описанной ситуации,

но и для обеспечения реализации принципа разумного срока уголовного судопроизводства и экономии служебного времени должностного лица, в производстве которого находится уголовное дело.

Полагаем, что проведение следственных действий посредством ВКС в отношении защищаемого лица также будет способствовать успешной реализации обеспечения мер его безопасности. Так, в федеральном законе от 20 августа 2004 года № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» перечислены виды государственной защиты, к которым относятся:

- личная охрана, охрана жилища и имущества;
- выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности;
- обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице;
- переселение на другое место жительства;
- замена документов;
- изменение внешности;
- изменение места работы (службы) или учебы;
- временное помещение в безопасном месте и т. д. [8]

Некоторые приведенные меры безопасности не связаны с конспирацией места нахождения или сведениями о защищаемом лице. Например, личная охрана, охрана жилища и имущества, выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности, замена документов, изменение внешности не предусматривают сохранение в тайне места работы, учебы и проживания защищаемого лица. Эта особенность указанных мер безопасности позволяет проводить с защищаемым лицом следственные действия (опознание, допрос, очную ставку) с помощью ВКС, поскольку участвующий в их проведении следователь должен находиться в одном месте с защищаемым лицом. Так, например, при реализации таких мер безопасности, как личная охрана, охрана жилища, имущества в отношении защищаемого лица эффективно проведение опознания с его участием с помощью ВКС. Это обеспечит удаленность нахождения защищаемого лица от потенциальной угрозы, которая может исходить от опознаваемого (если, опознаваемый подозреваемый (обвиняемый) или от опознающего (если, опознающий подозреваемый (обвиняемый)).

Особенно эффективно проведение опознания, исключая визуальное наблюдение с помощью ВКС, когда в отношении защищаемого лица применена мера безопасности в виде изменения внешности. В таких обстоятельствах проведение опознания, исключая визуальное наблюдение посредством ВКС, позволит дистанцировать защищаемое лицо от угрозы, исходящей от подозреваемого (обвиняемого). По аналогичной причине эффективно проводить очную ставку с помощью ВКС с защищаемым лицом (потерпевшим, свидетелем, подозреваемым (обвиняемым)), когда мера безопасности не связана с конспирацией внешности и места нахождения (например, личная охрана, охрана жилища, выдача средств индивидуальной защиты и т. д.). Но наибольшую эффективность ВКС демонстрирует, когда с помощью данной системы проводят очную ставку с защищаемым лицом (свидетелем, потерпевшим, подозреваемым (обвиняемым)), к которому применена мера безопасности в виде изменения внешности. Такой формат реализации очной ставки (через ВКС) позволит не только обеспечить безопасную удаленность защищаемого лица от подозреваемого (обвиняемого), но и изменить его голос, а также скрыть от подозреваемого (обвиняемого) его внешность.

Использование ВКС при проведении следственных действий с защищаемым лицом не эффективно, если к нему применены такие меры безопасности, как переселение на другое место жительства и временное помещение в безопасное место. Однако временное нахождение защищаемого лица в безопасном месте или на другом месте жительства предполагает, что «следователь, орган дознания, не осуществляющие меру безопасности, не должны знать местонахождение защищаемых лиц. При разглашении данных сведений теряет значение применение указанных мер безопасности, которые связаны со значительными материальными расходами» [9, с. 17].

Обобщая изложенное, полагаем, что дополнительным способом обеспечения безопасности участника уголовного судопроизводства, когда применяемые к нему меры безопасности не связаны с конфиденциальностью его места нахождения или сведений о нем, выступает проведение с ним следственных действий посредством ВКС в соответствии со статьей 189.1 УПК РФ.

Учитывая изложенное, в целях устранения противоречий и повышения эффективности мер безопасности участников уголовного судопроизводства предлагаем часть 8 статьи 189.1 УПК РФ изложить в следующей редакции:

Проведение допроса, очной ставки и опознания путем использования системы видеоконференцсвязи выступает мерой безопасности и допускается при необходимости обеспечения безопасности участвующего в следственных действиях лица, в случае, если это не способствует разглашению данных об этом лице и не препятствует осуществлению других мер безопасности.

Данное дополнение касается подозреваемого, обвиняемого, свидетеля и потерпевшего, поскольку полагаем, что под «лицом участие которого в следственном действии признано необходимым» в статье 189.1 УПК РФ законодатель имел в виду обозначенный выше круг лиц.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (ред. от 22 апреля 2024 года) (с изм. и доп., вступ. в силу с 15 мая 2024 года) // Доступ из СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 20.10.2024).
2. Зайцев О. А. Теоретические и правовые основы государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 1999. 446 с.
3. Брусницын Л. В. Теоретико-правовые основы и мировой опыт обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва. 2002. 520 с.
4. Епихин А. Ю. Концепция обеспечения безопасности личности в сфере уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород. 2005. 460 с.
5. Дмитриева А. А. Теоретическая модель безопасности участия личности в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва. 2017. 476 с.
6. Мухаметшин Т. Р. Правовое регулирование применения мер безопасности личности в стадии возбуждения уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск. 2022. 215 с.
7. Карягина О. В., Аваков Ю. С. Поводы и основания применения мер безопасности защищаемого лица в уголовном судопроизводстве: постановка проблемы // Вестник ТИУиЭ. 2021. № 2 (34). С. 52–55.
8. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: федеральный закон от 20 августа 2004 года № 119-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.10.2024).
9. Исмагилов Р. А. Процессуальные проблемы использования современных технологий при допросе защищаемых лиц на стадии предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел: учебное пособие. Уфа. 2015. 41 с.

References

1. Criminal Procedure Code of the Russian Federation no. 174-FZ of December 18, 2001 (as amended on April 22, 2024) (as amended and supplemented, entered into force on May 15, 2024). Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 20.10.2024). (In Russ.)
2. Zaitsev O. A. Theoretical and legal foundations of state protection of participants in criminal proceedings in the Russian Federation. Dissertation... doctor of legal sciences. Moscow, 1999. 446 p. (In Russ.)
3. Brusnitsyn L. V. Theoretical and legal foundations and world experience in ensuring the safety of persons assisting criminal justice. Dissertation... doctor of legal sciences. Moscow. 2002. 520 p. (In Russ.)
4. Epikhin A. Yu. The concept of ensuring personal security in the sphere of criminal proceedings. Dissertation... doctor of legal sciences. 2005. 460 p. (In Russ.)
5. Dmitrieva A. A. Theoretical model of security of personal participation in Russian criminal proceedings. Dissertation... doctor of legal sciences. 2017. 476 p. (In Russ.)
6. Mukhametshin T. R. Legal regulation of the application of personal security measures at the stage of initiation of a criminal case. Dissertation... candidate of legal sciences. Ulyanovsk. 2022. 215 p. (In Russ.)
7. Karyagina O. V., Avakov Yu. S. Reasons and grounds for applying security measures for a protected person in criminal proceedings: problem statement. *Bulletin of TIUE*, 2021, no. 2 (34), pp. 52–55. (In Russ.)
8. On state protection of victims, witnesses and other participants in criminal proceedings: federal law no. 119-FZ of August 20, 2004. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 20.10.2024). (In Russ.)
9. Ismagilov R. A. Procedural problems of using modern technologies during interrogation of protected persons at the stage of preliminary investigation and judicial consideration of criminal cases: a textbook. Ufa. 2015. 41 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Е. Л. Козлова — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России;

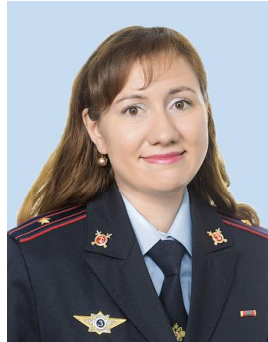
Е. Д. Барينو — адъюнкт Академии управления МВД России.

Information about the author

E. L. Kozlova — Candidate of sciences (Law), Associate professor of the department of criminal law, criminology and penal law of the Kaliningrad branch of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

E. D. Barinova — adjunct of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Научная статья
УДК: 343.13
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-139-145>

Турбулентные и ламинарные типы отечественного уголовного судопроизводства: гипотезы и концепции

Ламтева Анна Вячеславовна

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, oannes2007@mail.ru

Аннотация. В научной статье все отечественные типы уголовного судопроизводства поделены на турбулентные (состязательный и смешанный) и ламинарные (обвинительный и следственный). Выдвинута гипотеза о том, что есть определенная взаимосвязь между господствующим типом уголовного процесса и присущими ему видами уголовного преследования. В основании конструирования уголовно-процессуальной технологии лежит правовая семья анализируемой страны. Но, несмотря на единый базис, созданный на его основе, тип уголовного процесса всегда обладает национальными особенностями и только ему присущими концептами. У каждого типа есть свой уникальный порядок производства. Автор отстаивает концепцию эволюции типов из одного в другой с учетом научной парадигмы и мировоззрения общества конкретного исторического периода. Процессуальным ориентиром развития выступает идеальная модель уголовного судопроизводства, которая для каждой вехи процессуальной диалектики корректируется, дополняется и совершенствуется, выступая своего рода *de lege ferenda*. В научной статье высказана гипотеза о целесообразности конструирования конвергентного типа уголовного процесса, который позволит добиться оптимальной корреляции исковой и поисковой технологий, усовершенствует методологический и доктринальный фундамент уголовно-процессуальной деятельности. Ведущую роль в данном типологическом переходе должно сыграть увеличение количественного участия граждан в отправлении правосудия.

Ключевые слова: тип, порядок, модель, состязательность, взаимодействие, правовая семья, технология

Для цитирования: Ламтева А. В. Турбулентные и ламинарные типы отечественного уголовного судопроизводства: гипотезы и концепции // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 4 (68). С. 139–145. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-139-145>.

Original article

The turbulent and laminar types of domestic criminal procedure: hypotheses and concepts

Anna V. Lamteva

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, oannes2007@mail.ru

© Ламтева А. В., 2024

Abstract. All domestic types of criminal procedure are divided into turbulent (adversarial and mixed) and laminar (accusatory and investigative) in scientific article. The hypothesis that there is a certain relationship between the prevailing type of criminal procedure and its inherent types of criminal prosecution was made. The legal family of an analyzed country lies in the basis for the construction the technology of criminal procedure. But, despite the single basis, the type of criminal process created on its basis always has national characteristics and only its inherent concepts. Each type has its own unique production order. The author defends the concept of evolution types from one to another, taking into account the scientific paradigm and the worldview of society of a particular historical period. The procedural guideline for development is the ideal model of criminal procedure which is adjusted, supplemented and improved for each milestone of the procedural dialectic acting as a kind of *de lege ferenda*. The hypothesis about the expediency of designing a convergent type of criminal process which will allow for optimal correlation of claim and search technologies, will improve the methodological and theoretical foundation of criminal procedural activity was expressed in scientific article. The increasing the quantitative participation of citizens in the dispensation of justice should play the leading role in this typological transition.

Keywords: type, order, model, competitiveness, interaction, legal family, technology

For citation: Lamteva A. V. The turbulent and laminar types of domestic criminal procedure: hypotheses and concepts. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no 4 (68), pp. 139–145. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-139-145>.

Отечественное уголовное судопроизводство в своем развитии прошло несколько этапов: начиная от обвинительного, затем трансформируясь в следственный, который в 1864 году эволюционировал в состязательный. Сегодняшний тип уголовного процесса есть сумма технологий и концептов, сохранивших лучшие процессуальные черты уголовно-процессуальных порядков прошлых веков.

Современный уголовный процесс многогранен — есть состязательная грань (судебное заседание в общем порядке в суде первой инстанции, производство с участием присяжных заседателей), есть следственный срез (производство тайных следственных действий; проведение судебного заседания в особом порядке при согласии лица с предъявленным ему обвинением), есть обвинительная плоскость (когда производство по делу частного и частно-публичного уголовного преследования запускается только на основании заявления пострадавшего).

Предлагаем таким образом выстроить пропорции юридико-аксиологического инструментария, чтобы уголовный процесс мог именоваться конвергентным, то есть таким, в котором гармонично переплетаются различные технологии иска и поиска, где уважаются и соблюдаются права всех участников уголовного процесса, чтобы эта новая процессуальная комбинация достижений прошлого и настоящего вывела самую суровую отрасль права на новые уровни — методологический, технологический, легислативный и доктринальный.

Все исторические типы уголовного судопроизводства мы предлагаем подразделить

на ламинарные и турбулентные. В основании данной классификации будут лежать динамика и упорядоченность перехода к новому типу процесса. Обвинительный и следственный типы по сути являются ламинарными. Они были отражением мировоззрения и законодательства социума с IX по XVIII века, находились параллельно парадигме исторического развития — основному потоку прогресса. Главная их особенность состоит в том, что это две различные технологии расследования преступлений, у которых прослеживается процессуальная эволюция.

Состязательный тип уголовного процесса является в этой концепции турбулентным, своего рода реализацией социологической концепции под названием «Окно Овертона». Сама идея равенства состязания сторон суда присяжных зародилась в Англии и была воспринята всем миром. То есть такая трансформация уголовно-процессуального порядка явилась не только следствием закономерного развития, но и погружением в смежную технологию, разработанную странами англо-саксонской правовой семьи. Имело место массовое следование уголовно-процессуальной моде. Такой переход от следственного типа к состязательному есть иллюстрация принятия обществом новой концепции уголовного судопроизводства, получения и оценки доказательств. Данный турбулентный скачок произошел из процессуального «немыслимо» сразу в разряд «разумно-стандартно» и обрел свое законодательное закрепление на уровне Устава уголовного судопроизводства 1864 года.

Если обратиться к физике, то турбулентное течение характеризуется неупорядоченными

движениями по сложной траектории, что приводит к интенсивному перемешиванию слоев среды [1]. В этой связи выскажем сентенцию о том, что современный смешанный тип уголовного процесса сохраняет на себе эффект процессуальной турбуленции, смещения процессуальных технологий различных типов уголовного процесса ввиду кардинальной эволюции процессуальных идеалов, произошедших в 1864 году.

Полагаем, что есть определенная взаимосвязь между господствующим типом уголовного процесса и присущими ему видами уголовного преследования. Например, согласно статье 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) по трем составам преступлений гражданин имеет право подать заявление мировому судье. Такой формат уголовного судопроизводства имеет ряд общих черт с самым первым типом уголовного процесса — обвинительно-согласительным. Совершенное противоправное деяние является персональной проблемой пострадавшего, он сам собирает доказательства, сам поддерживает обвинение, обладает диспозитивным правом на подачу заявления в мировой суд. В этой связи возникает вопрос: «Кто из участников должен состязаться, чтобы уголовный процесс именовался согласительным в чистом виде?» Предполагается, что должно иметь место процессуальное равенство, баланс знаний, умений и навыков сторон. В этой связи формат наличествующего состязания дуалистичен: а) если речь о частном уголовном преследовании, то состязаются непрофессиональный частный обвинитель с подсудимым и его адвокатом; б) если речь о частно-публичном и публичном видах уголовного преследования, то в суде взаимодействуют профессиональный государственный обвинитель и потерпевший с подсудимым и квалифицированным адвокатом. Таким образом, можно сделать вывод о том, что частное начало суть непрофессиональное, отданное на опциональное усмотрение пострадавшей стороны. Здесь имеет место нарушение согласительного баланса. Предполагается, что честное состязание сторон возможно при наличии равных исходных данных.

Рассмотрим второй вид уголовного преследования — частно-публичный. Преступление *de lege lata* будет считаться таковым, если пострадавший гражданин воспользовался своим диспозитивным правом на подачу заявления в отдел полиции. Если преступление имело место и само причастное к нему лицу обратилось

в отдел полиции с явкой с повинной, такое уголовное дело не может быть возбуждено без заявления пострадавшего лица. Таким образом, изнасилование (ч. 1 ст. 131 УК РФ), нарушение неприкосновенности жилища (ч. 1 ст. 139 УК РФ) и другие составы в соответствии с частью 3 статьи 20 УПК РФ свидетельствуют о наличии события преступления, но легальное признание факта совершенного противоправного деяния будет иметь место только после подачи заявления пострадавшим. Как частный, так и частно-публичный вид уголовного преследования — это иллюстрация диспозитивного, опционального начала уголовного судопроизводства.

И только говоря о публичном виде уголовного преследования, можно с определенной аргументацией попытаться отнести его либо к согласительному, либо к следственному, либо к смешанному типу уголовного процесса. В этой связи сформулируем следующий вывод: содержание господствующего типа уголовного процесса образуют в том числе виды уголовного преследования. Частный и частно-публичный виды уголовного преследования есть процессуальное наследие обвинительно-согласительного типа уголовного процесса XI века. Публичный вид уголовного преследования есть процессуальное эхо имевшего место следственного (с XII века по 1864 год) и согласительного (с 1864 года) типов уголовного судопроизводства. Три базовых процессуальных порядка (обвинительный, следственный и согласительный) в своем переплетении образовали действующий смешанный тип уголовного процесса. Но смешение не означает гармонию и конвергенцию. Полагаем, что именно конвергентный тип уголовного процесса — это та процессуальная модель, на которую должен ориентироваться сегодняшний уголовный процесс.

В данной статье представляется необходимым сделать акцент на следующей фундаментальной проблеме, влияющей на содержание господствующего типа уголовного процесса: взаимодействие общества и сотрудников правоохранительных органов, а результат данной кооперации есть вектор дальнейшего развития отечественного типа уголовного процесса. Уголовный процесс создан для защиты отдельного гражданина и всего общества в целом. В этой связи именно вовлеченность социума, его потребности и общественное мнение — ключевой ориентир, вектор, лекало, на которое должен ориентироваться уголовный процесс в своем развитии.

Гипотеза № 1. Увеличение количественного участия граждан с активной правовой позицией в отправлении правосудия есть залог повышения качества расследования. Заинтересованность граждан в раскрытии преступлений — своеобразный процессуальный поворот на новый уголовно-процессуальный курс, где преобладают состязательные начала, объективная истина и справедливость при расследовании и разрешении по существу уголовных дел.

Только при непосредственном участии граждан на всех стадиях уголовного судопроизводства возможно установление объективной истины по уголовному делу, независимое удостоверение факта производства отдельных процессуальных действий, повышение уровня доверия населения к сотрудникам правоохранительных органов и эффективное участие граждан при отправлении правосудия в качестве присяжных заседателей.

Профессор В. Т. Томин выделял такой доктринальный принцип, как участие народного элемента в уголовном судопроизводстве и обеспечение социального контроля за ним. Валентин Тимофеевич отмечает следующую интересную закономерность: «умножение эффективности уголовного судопроизводства посредством сотрудничества участников уголовного процесса... с населением» [2, с. 61]. Чтобы имело место именно правосудие, а не только производство уголовных дел, необходимо вовлекать общество в общечеловеческие, общегосударственные проблемы, задачи и вопросы.

Сегодня известно несколько форм участия граждан на протяжении различных стадий уголовного процесса. **Первая** — в качестве понятых. В соответствии с частью 1 статьи 170 УПК РФ не менее двух понятых необходимо при производстве обыска, личного обыска и предъявления для опознания. **Вторая форма участия** — статисты (например, при предъявлении для опознания). **Третья форма** — институт присяжных заседателей. Уголовно-процессуальная политика сегодня ориентирована на уменьшение количества присяжных заседателей (с учетом того, что в России проживает более 145 миллионов человек).

Однако, например, в Древних Афинах (где население составляло около 220 000 человек) дела разрешались тремя судебными составами. Гелиэя — прообраз современного суда присяжных. Судебная палата состояла из 500 человек, но имели место дикастерии по 1 000 человек и для разрешения наиболее общественно опасных деяний — 1 500 человек.

Качественная и количественная стороны такого формата разрешения уголовно-правового спора обеспечивали общественное доверие к принятому итоговому решению. Возможно, сегодня проблема состоит в том, что нужно менять алгоритм составления списков в присяжные заседатели. Нужно формировать списки именно из тех, кто хочет быть присяжным заседателем. И именно по этим спискам проводить специальные проверки. Кроме того, полагаем, что по любому тяжкому и особо тяжкому преступлению гражданину должен иметь право заявить ходатайство о рассмотрении его дела судом с участием присяжных заседателей, а не только по тем статьям, которые отражены в части 2 статьи 30 УПК РФ.

Еще одна проблема, которая сегодня имеет место, — не до конца проработанная, — организация взаимодействия с населением уже на самой первой стадии возбуждения уголовного дела. Принцип «одного окна» приводит к тому, что отдельные пострадавшие проводят по несколько часов в отделе полиции в ожидании, когда должностное лицо правоохранительных органов составит протокол принятия устного заявления о преступлении либо когда у них возьмут объяснение по факту составленного ими письменного заявления о преступлении. Длительное ожидание возможности для сообщения о совершенном противоправном деянии также имеет влияние на общий имидж полиции.

Четвертый формат взаимодействия — когда граждане признаются очевидцами, а впоследствии и свидетелями по уголовному делу. Здесь также важно корректное, уважительное взаимодействие для получения доказательств, которые позволят установить все элементы предмета доказывания и качественно расследовать уголовное дело. Здесь возникает следующая проблемная ситуация. До возбуждения уголовного дела разрешено производить четыре следственных действия в соответствии с частью 1 статьи 144 УПК РФ. Однако в их числе не указан допрос, но допустимо получение объяснений, что относится к иным процессуальным действиям. Как только следователь возбуждает уголовное дело, он обязан допросить в качестве свидетелей всех очевидцев, у которых были ранее получены объяснения. Граждане дают те же показания, но при этом не понимают процессуальной необходимости в двойной даче одних и тех же показаний. В этой связи считаем целесообразным предусмотреть возможность допроса очевидцев и пострадавшего уже на этапе доследственной проверки.

Таких участников, как очевидец и пострадавший, в главах 6 и 8 УПК РФ соответственно не предусмотрено. Предлагаем дополнить часть 1 статьи 56 УПК РФ следующим тезисом: «До вынесения постановления о возбуждении уголовного дела данное лицо именуется очевидцем». По аналогии предлагаем дополнить часть 1 статьи 42: «До вынесения постановления о возбуждении уголовного дела и постановления о признании потерпевшим данное лицо именуется пострадавшим».

Продолжая размышления о типах уголовного процесса, отметим, что учение о типах уголовного процесса изначально представляется дискуссионным, поскольку априори спорным является утверждение о том, что уголовный процесс является особым типом юридической науки. Например, Н. Н. Розин полагает, что «современная наука не без основания указывает, что не только уголовный и гражданский процессы, но и административная юстиция является только видом общего родового понятия процесса» [3, с. 7]. Таким образом, уголовный процесс есть тип юридического процесса в целом.

Гипотеза № 2. Уголовный процесс дробится на свои внутренние типы, такие как обвинительный, следственный, состязательный, советский и смешанный.

Категория «тип» лаконична, удобна и позволяет качественно охарактеризовать каждую веху развития отечественного уголовного процесса.

Профессор А. В. Смирнов следующим образом рассуждает о соотношении типа и модели: «тип есть некое предельное логическое понятие, допускающее заведомое упрощение реальности» [4, с. 68]. Автор отмечает, что тип служит процессуальным мериллом, позволяющим исследовать причины и характер отклонения исторической действительности от ранее созданной совершенной модели. Типы делятся на виды. Например, по мнению ученого, имеется несколько видов трансформаций как состязательного, так и розыскного уголовного процесса. Эти два типа дробятся на виды, так как не являются статичными в своем развитии, на их содержание оказывает влияние географическое положение страны, культурные традиции, религиозные воззрения, уровень развития общества, форма правления в стране и др. Например, применительно к состязательному типу уголовного процесса А. В. Смирнов говорит о трех его видах: об обвинительном, о частно-исковом, о публично-исковом [4, с. 70]. Суть такого подхода в своем базисе близка к цивилизационному подходу к типологии государств. Данную доктринальную

концепцию, предложенную профессором А. В. Смирновым можно преподнести в форме следующей логической схемы: **модель — тип — вид** (от общего к частному).

Е. Г. Васильева высказывает следующий интересный тезис: «процессуальные конструкции следует обозначить словом «технология»... гораздо более привычными являются слова «форма», «тип», «вид», в последнее время — «модель»...все они означают статично-качественную оценку...» [5, с. 212]. Ученый отмечает, что эти категории дают общую характеристику уголовного процесса, в то время как **«технология»** раскрывает динамику процессуальных институтов, методы, последовательность операций, это не порядок, а метод получения знания. Елена Геннадьевна выделяет три центральных технологии: исковую, поисковую и смешанную (поисково-исковую).

Наша авторская концепция сводится к тому, что помимо состязательного и следственного типов уголовного процесса можно вести речь об обвинительном типе, о советском (народном). Проявление уголовно-процессуальной действительности, национальное законодательство в сфере уголовного судопроизводства гораздо шире и многограннее. Отечественные типы уголовного процесса в ходе своей юридической эволюции существовали не отдельно и обособленно, а посредством трансформации самого первого типа в его вариации в зависимости от уровня развития общества, мировоззрения, правосознания, политической ситуации в стране, курса внешней политики в рамках международной интеграции.

Первый тип уголовного процесса, он же обвинительный или обвинительно-состязательный, трансформировался в следственный (или розыскной). Временной промежуток с XII по XIX век потребовался для того, чтобы данный тип преобразовался в состязательный. Это обусловлено и потребностями общества, отменой крепостного права, правовым опытом европейских стран, и, как единогласно утверждают ученые-процессуалисты, положительным примером Соединенного королевства Великобритании и Северной Ирландии, которую считают колыбелью зарождения идеи состязательности, воспринятой Францией, а затем, по цепочке, и остальными прогрессивными странами.

Обратимся к Толковому словарю С. И. Ожегова, а именно к категории «тип» — «это форма, вид чего-нибудь, обладающие определенными признаками, а также образец, которому

соответствует известная группа... (например, типы автомобиля)» [6, с. 1189–1190]. Как существуют бензиновые и дизельные двигатели внутреннего сгорания, также существуют и различные типы уголовного процесса. Но вариаций и первых, и вторых гораздо больше двух.

Можно предположить, что тип — это господствующая форма установления истины по уголовному делу, порядок организации всего уголовного процесса в целом. Каждый тип обладает свойственными ему уникальными признаками, а также теми, которые он сохранил с предыдущей процессуальной эволюции. Предположим, что базисным ядром любого отечественного типа уголовного процесса является способ исследования и оценки уже имеющихся по уголовному делу доказательств (назовем их следственными доказательствами), а также технология получения новых доказательств (обозначим их как судебные доказательства) в суде.

Сделаем вывод о том, что развитие уголовно-процессуальной сферы не стоит на месте. В этой связи господствующий тип стремится к своей идеальной модели, эталону. Последний — это не что-то статичное, а подвижное, развивающееся, совершенствующееся. С прогрессом общественного развития меняется и идеальная модель уголовного судопроизводства, обеспечивающая наиболее эффективную борьбу с преступностью.

Таким образом, авторская схема соотношения понятий в контексте отечественной уголовно-процессуальной типологии будет выглядеть так:

Романо-германская технология (наличие досудебных и судебных стадий) — тип № 1 (порядок, технология) — тип № 2 (порядок, технология) — тип № 3 (порядок, технология) — Тип № X (порядок) — модель (актуальные процессуальные потребности)

Действующий тип уголовного судопроизводства в каждой стране, относимой к романо-германской правовой семье, имеет определенные отличия (например, во Франции сначала производится дознание, а затем прокурором принимается решение о целесообразности возбуждения уголовного дела, стадии предварительного следствия и дознания — это две не взаимосвязанные, самостоятельные части уголовного процесса).

Когда конструируется национальный тип уголовного процесса конкретной страны, он за основу берет технологию, например, романо-германскую, англо-саксонскую или религиозно-традиционную. Но даже с учетом этого методологического подхода разрабатываются существенно различающиеся типы уголовного

процесса даже в рамках одной правовой семьи. Например, общая для романо-германских стран идея о выделении досудебного и судебного производства «наполняется» различными по своему содержанию и иногда и наименованию стадиями и производимыми на них процессуальными действиями. Полагаем, что категория «тип» по своему объему шире категории «технология», но именно последняя образует его уникальное процессуальное ядро.

Каждый тип есть порядок производства по уголовному делу. Или можно выразиться точнее: **у каждого типа есть свой порядок производства или даже сумма этих порядков на каждой процессуальной стадии.** Можно утверждать, что тип всегда выступает в дуэте со своим порядком, правилами организации и построения уголовного судопроизводства (порядок собирания доказательств, порядок начала и окончания стадии предварительного расследования, особые порядки судебного заседания и др.).

Таким образом, отметим, что все уголовно-процессуальные типы можно подразделить на турбулентные и ламинарные. Авторский процессуальный прогноз сводится к целесообразности конструирования конвергентного типа уголовного процесса, в котором оптимальным образом переплетаются технологии иска и поиска для минимизации турбулентного эффекта, а также учтены национальные потребности и уникальные особенности юридической науки и практики.

Список источников

1. Тирский Г. А. Турбулентное течение. URL: <https://old.bigenc.ru/physics/text/4221562> (дата обращения: 15.07.2024).
2. Томин В. Т. Принципы отечественного уголовного процесса как отрасли государственной деятельности: понятие, значение и система; доктринальные подходы и законодательство: лекция-монография. Нижний Новгород. 2007.
3. Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство. 3 изд. Издательство юридического книжного склада «Право». Петроград, 1916.
4. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. А. В. Смирнова. 8-е изд., перераб. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2024.
5. Васильева Е. Г. Уголовный процесс: догматико-аксиологическое исследование: монография. Москва: Юрлитинформ, 2013.
6. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. Москва: Мир и Образование, 2016.

References

1. Tirsky G. A. The turbulent flow. URL: <https://old.bigenc.ru/physics/text/4221562> (accessed 15.07.2024). (In Russ.)
2. Tomin V. T. The principles of domestic criminal procedure as a branch of state activity: concept, meaning and system; doctrinal approaches and legislation: the lecture-monograph. Nizhny Novgorod. 2007. (In Russ.)
3. Rozin N. N. The criminal procedure. 3rd ed. The publishing house of the legal book warehouse "Pravo". Petrograd. 1916. (In Russ.)
4. Smirnov A. V. The criminal procedure: textbook / A. V. Smirnov, K. B. Kalinovsky; under general. red. A. V. Smirnov. 8th ed. revised. Moscow: Norma: INFRA-M Publ., 2024. (In Russ.)
5. Vasilyeva E. G. The criminal procedure: dogmatic and axiological research: monograph. Moscow: Yurlitinform Publ., 2013. (In Russ.)
6. Ozhegov S. I. The explanatory dictionary of the Russian language: about 100 000 words, terms and phraseological expressions / ed. by prof. L. I. Skvortsov. 28th ed., reprint. Moscow: World and Education. 2016. (In Russ.)

Информация об авторе

А. В. Ламтева — кандидат юридических наук, докторант научно-исследовательского отдела Нижегородской академии МВД России.

Information about the author

A. V. Lamteva — Candidate of Sciences (Law), PhD student of the Research Department Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-146-153>

Прикладные проблемы использования специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с незаконным производством и оборотом этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции

Поздышев Роман Сергеевич¹, Мельникова Екатерина Федоровна², Александров Александр Николаевич³

^{1,2}Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия

³Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, Белгород, Россия

¹rmanpzdyshv@rambler.ru

²efmelnikowa@yandex.ru

³alexander788@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы правоприменительной практики следственных подразделений органов внутренних дел, связанные с использованием специальных знаний при расследовании преступлений о незаконном производстве и обороте этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции. На основе анализа нормативных правовых актов, материалов научных исследований и уголовных дел даются рекомендации по отбору проб изъятых объектов для производства судебных экспертиз, говорится об особенностях оценки стоимости изъятых товаров и установления факта контрафактности продукции.

Ключевые слова: незаконное производство и оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, специальные знания, отбор проб, оценка стоимости этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции

Для цитирования: Поздышев Р. С., Мельникова Е. Ф., Александров А. Н. Прикладные проблемы использования специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с незаконным производством и оборотом этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 4 (68). С. 146–153. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-146-153>.

Original article

Applied problems of using special knowledge in the investigation of crimes related to the illegal production and trafficking of ethyl alcohol, alcoholic and alcohol-containing products

Roman S. Pozdyshev¹, Ekaterina F. Melnikova², Alexander N. Alexandrov³

^{1,2}Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation

© Поздышев Р. С., Мельникова Е. Ф., Александров А. Н., 2024

³ Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin, Belgorod, Russian Federation

¹rmanpzdyshev@rambler.ru

²efmelnikowa@yandex.ru

³alexander788@mail.ru

Abstract. The article examines the problems of law enforcement practice of investigative units of internal affairs bodies related to the use of special knowledge in the investigation of crimes on the illegal production and trafficking of ethyl alcohol, alcoholic and alcohol-containing products. Based on the analysis of normative legal acts, materials of scientific research and criminal cases, recommendations are made on sampling seized objects for forensic examinations, features of estimating the value of seized goods and establishing the fact of counterfeit products.

Keywords: illegal production and trafficking of ethyl alcohol, alcoholic and alcohol-containing products; special knowledge; sampling; valuation of ethyl alcohol, alcoholic and alcohol-containing products

For citation: Pozdyshev R. S., Melnikova E. F., Alexandrov A. N. Applied problems of using special knowledge in the investigation of crimes related to the illegal production and trafficking of ethyl alcohol, alcoholic and alcohol-containing products. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 4 (68), pp. 146–153. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-146-153>.

Одной из особенностей расследования преступлений, связанных с незаконным производством и оборотом этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, является необходимость использования специальных знаний. Это обусловлено тем, что обстоятельствами, подлежащими доказыванию при расследовании указанных преступлений, являются состав и вид алкогольной или спиртосодержащей продукции, их стоимость и в ряде случаев пригодность и безопасность для пищевого употребления.

Установление состава и вида алкогольной и спиртосодержащей продукции осуществляется путем производства судебной экспертизы пищевых продуктов или физико-химической судебной экспертизы. Согласно приказу МВД России от 29 июня 2005 года № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» физико-химическая экспертиза проводится в отношении спиртосодержащих жидкостей непищевого назначения и спиртосодержащих жидкостей, не имеющих сопроводительных документов и маркировки. Объектами экспертизы пищевых продуктов выступают алкогольная и спиртосодержащая продукция пищевого назначения [1].

С учетом того, что по данной категории уголовных дел зачастую изымаются значительные объемы этилового спирта, алкогольной или спиртосодержащей продукции, обычно на экспертизу направляется данная продукция не в полном объеме, а ее образцы. Юридической практикой самостоятельно выработан такой

подход, который не представляется бесспорным, поскольку сложно говорить об объективности и обоснованности определения состава и вида алкогольной или спиртосодержащей продукции, которая не подвергалась исследованию эксперта на основании исследованных нескольких образцов товаров. Использование такого подхода невозможно представить, например, при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств или психотропных веществ. Вместе с тем следует заметить, что в материалах судебной и следственной практики, изученных в ходе подготовки аналитического обзора, не встретились случаи обжалования подобных экспертиз. Какая-либо нормативно-правовая база, регламентирующая отбор образцов данной продукции в рамках уголовного судопроизводства, отсутствует. В распоряжение эксперта в качестве объектов для исследования предоставляют так называемый средний образец или среднюю пробу, то есть небольшое количество исследуемого продукта, отбираемое от каждой однородной партии [2, с. 199]. В некоторых случаях следователи руководствуются соответствующим ГОСТом алкогольной или спиртосодержащей продукции, в котором определены методы отбора образцов [3–4]. Кроме того, на основе данных ГОСТов Экспертно-криминалистическим центром МВД России разработаны практические рекомендации «Правила и методы отбора проб спиртосодержащих жидкостей» [5]. Основные положения данных рекомендаций приведены ниже.

Способ отбора образцов маркированных или немаркированных спиртосодержащих

жидкостей, не имеющих сопроводительных документов, зависит от типа емкостей, в которых находится жидкость.

Для емкостей вместимостью более 20 дм³ выработан следующий порядок отбора. Из каждого резервуара отбирают точечные пробы равными порциями из верхнего, среднего и нижнего слоев, которые в дальнейшем перемешивают и получают объединенную пробу объемом не менее 6 дм³. Далее объединенную пробу разливают в чистые стеклянные бутылки, которые герметично укупоривают и опечатывают. Часть данной пробы объемом не менее 2 дм³ направляется на экспертизу, оставшаяся часть может быть использована для производства дополнительных и повторных экспертиз.

Для емкостей вместимостью 20 дм³ и менее делается выборка 10 % от общего количества, но не менее трех единиц упаковки.

Для жидкостей, расфасованных в потребительскую тару (бутылки, флаконы и пр.), выработан следующий порядок отбора. На первом этапе проводят первичный осмотр изъятой продукции и ее группируют по внешним признакам: маркировке (вид, наименование продукции, этикетки, дата розлива и т. д.), форме, размеру и укупорке потребительской тары, схожему содержимому емкостей (по физическому состоянию, цвету, прозрачности, наличию/отсутствию осадка и т. п.). Каждая выделенная группа объектов рассматривается как отдельная условная партия. Дальнейший отбор образцов зависит от состояния упаковки объектов. Если упаковка не нарушена, применяется выборочный метод (отбор «вслепую», метод случайного отбора) отбора 10 % от общего количества объектов каждой условной партии минимум три упаковочные единицы вместимостью не менее 0,5 дм³ либо не менее десяти упаковочных единиц вместимостью менее 0,5 дм³. Часть отобранных образцов (общим объемом жидкости не менее 1,5 дм³) направляется для проведения экспертизы, оставшаяся часть может быть использована при назначении дополнительных или повторных экспертиз. В случаях, когда жидкости находятся в поврежденной упаковке, имеются признаки перекупорки, переклейки этикеток или, когда изъятые объекты не представляется возможным сгруппировать по внешним признакам, использование выборочного метода не допускается. При таких обстоятельствах вся изъятая продукция должна быть направлена на экспертизу.

Так же интересным фактом, выработанным юридической практикой, является

неоднозначный подход к установлению объема изъятой продукции. Распространены два варианта. Если изъятая жидкость находится в закупоренных емкостях с обозначенным номинальным объемом, эти данные берутся за основу без проверки фактического объема жидкости. В иных случаях следователи получают информацию об объеме жидкости из описательной части заключения эксперта, исследовавшего состав представленных на исследование образцов изъятой продукции. При этом в одинаковых по размеру емкостях может быть установлен разный объем жидкости. Например, в десяти канистрах со спиртосодержащей жидкостью, отобранных от партии в количестве 100 канистр для проведения исследования в соответствии с приведенными выше рекомендациями, может содержаться жидкость объемом от 9 до 10 литров в каждой канистре (1-я канистра — 9,2 л; 2-я канистра — 9,7 л; 3-я канистра — 9,1 л и т. д.). При таких обстоятельствах рассчитывается среднее значение, и оно берется за основу при определении объема жидкости в неисследованных 90 канистрах.

После установления состава и вида спиртосодержащей или алкогольной продукции производится оценка ее стоимости. Исходя из изученных материалов судебной и следственной практики, данный вопрос является наиболее дискуссионным.

Приказом Минфина России от 7 октября 2020 года № 235н «Об установлении цен, не ниже которых осуществляются закупка (за исключением импорта), поставки (за исключением экспорта) и розничная продажа алкогольной продукции крепостью свыше 28 процентов» [6] (далее — приказ Минфина России № 235н) установлены цены на водку, ликероводочную и другую алкогольную продукцию крепостью свыше 28 процентов, коньяк, бренди и другую алкогольную продукцию, произведенную из винного, виноградного, плодового, коньячного, кальвадосного, вискового дистиллятов за 0,5 литра готовой продукции, не ниже которых осуществляются закупка. Например, минимальная розничная цена водки крепостью от 37 до 38 % составляет 281 рубль.

Приказом Минфина России от 7 октября 2020 года № 233н «Об установлении цены, не ниже которой осуществляются закупка (за исключением импорта), поставки (за исключением экспорта) этилового спирта, произведенного из пищевого сырья» [7] (далее — приказ Минфина России № 233н) установлена цена (без учета акциза и налога на добавленную

стоимость) на этиловый спирт, произведенный из пищевого сырья, не ниже которой осуществляется его закупка (за исключением импорта), поставки (за исключением экспорта) в размере 63 рублей за 1 литр безводного спирта. Безводный (стопроцентный) спирт — это условное понятие, применяемое в расчетах. В зависимости от установленного процента содержания этилового спирта в спиртосодержащей продукции, на основании стоимости безводного спирта рассчитывается стоимость этой продукции.

Приказом Минфина России от 7 октября 2020 года № 234н «Об установлении цены, не ниже которой осуществляются закупка (за исключением импорта), поставки (за исключением экспорта) этилового спирта, произведенного из пищевого сырья, и денатурированного этилового спирта, произведенного из пищевого и непищевого сырья (за исключением биоэтанола)» [8] (далее — приказ Минфина России № 234н) установлена цена (без учета акциза и налога на добавленную стоимость) на этиловый спирт, произведенный из непищевого сырья, и на денатурированный этиловый спирт, произведенный из пищевого и непищевого сырья (за исключением биоэтанола), не ниже которой осуществляется его закупка (за исключением импорта), поставки (за исключением экспорта) в размере 51 рубля за 1 литр безводного спирта.

Следует обратить внимание, что вид сырья (пищевое или непищевое), из которого произведена спиртосодержащая продукция, устанавливается в ходе физико-химической судебной экспертизы или судебной экспертизы пищевых продуктов. От этого обстоятельства зависит применение для расчетов стоимости изъятой продукции приказа Минфина России № 233н или приказа Минфина России № 234н.

Выбор одного из приведенных выше нормативных правовых актов для определения стоимости изъятой продукции будет существенно влиять на результат исследования. Условно при оценке двух бутылок водки объемом 0,5 литра каждая крепостью 40 %, в соответствии с приказом Минфина России № 235н их стоимость составит 598 рублей, а при оценке в соответствии с приказом Минфина России № 233н — 29 рублей 20 копеек. Выбор, каким приказом руководствоваться, зависит от того, оценивается алкогольная продукция или спиртосодержащая продукция.

Как показывает практика, лица, совершающие преступления, связанные с незаконным производством и оборотом этилового спирта,

алкогольной и спиртосодержащей продукции, не придерживаются требований, установленных стандартами качества. Контрафактная продукция может представлять потенциальную опасность для жизни и здоровья потребителей, так как при ее производстве отсутствует лабораторный контроль, она может изготавливаться из спиртов неизвестного происхождения, в том числе денатуратов. При производстве контрафактной продукции преступники зачастую используют потребительскую тару, этикетку, указывают информацию на этикетках аналогично той, которая указывается на легальной продукции. При этом в незаконный оборот вводится контрафактная (нелегальная) спиртосодержащая продукция под видом алкогольной (т. е. под видом водки, коньяка, настоек, вина и прочее) и с точки зрения потребителя (его восприятия) такая продукция является конкретным видом алкогольной продукции.

Зачастую по результатам экспертиз изъятая контрафактная алкогольная продукция наименований водка, коньяк, виски и др., не соответствует установленным нормативным требованиям по крепости или по другим параметрам, и эксперт относит данную продукцию к спиртосодержащим жидкостям. Но при этом предварительное расследование показывает, что объективная сторона и умысел обвиняемых лиц направлен на незаконный оборот того или иного конкретного вида алкогольной продукции. С учетом принципа субъективного вменения в российском уголовном праве было бы логично в данных вопросах отталкиваться именно от умысла субъекта преступлений. В отсутствие разъяснений Верховного Суда Российской Федерации юридическая практика в данном вопросе противоречива.

В производстве следственных подразделений Республики Дагестан находилось уголовное дело по обвинению Г. в совершении преступлений, предусмотренных пунктом «б» части 6 статьи 171¹ и пунктом «б» части 2 статьи 171³ Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). В ходе предварительного расследования установлено, что одним из эпизодов преступной деятельности Г. явилось совершение им незаконной закупки, хранения, перевозки спиртосодержащей продукции без соответствующей лицензии в особо крупном размере в сумме 7 381 060 рублей.

Согласно заключению эксперта вышеуказанная продукция не соответствует ГОСТ 12712-2013 «Водки и водки особые. Общие технические условия» в связи с тем, что крепость

представленных на исследование жидкостей ниже нормативных требований. Однако расчеты стоимости данного товара были проведены в соответствии с приказом Минфина России № 235н как алкогольной продукции [9].

Противоположные судебные решения также нередко встречаются в юридической практике.

В производстве следственных подразделений Еврейской автономной области находилось уголовное дело по обвинению Ж. в совершении преступлений, предусмотренных частью 5 статьи 171¹, частью 1 статьи 171³ УК РФ. В ходе предварительного расследования установлено, что Ж. приобрел и хранил в целях сбыта немаркированную алкогольную продукцию — водку, подлежащую обязательной маркировке федеральными специальными марками в крупном размере, а также осуществил закупку и хранение спиртосодержащей продукции без соответствующей лицензии в крупном размере.

Судебным разбирательством установлено, что изъятая продукция, инкриминируемая подсудимому, согласно заключениям эксперта является спиртосодержащей жидкостью, а не водкой, так как не соответствует ГОСТ 12712-2013, что указывает на ее незаконное происхождение и исключает необходимость ее маркировки федеральными специальными марками. В связи с этим в действиях Ж. отсутствует состав преступления, предусмотренный частью 5 статьи 171¹ УК РФ. С учетом того, что указанная жидкость не является водкой, была проведена дополнительная судебная товароведческая экспертиза, согласно выводам которой стоимость вышеуказанной спиртосодержащей продукции составила 65 446 рублей, а не 115 769 рублей, как было установлено первичной экспертизой. В соответствии с примечанием к статье 171³ УК РФ крупным размером признается стоимость этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, превышающей 100 000 рублей. В связи с этим в действиях Ж. отсутствует состав преступления, предусмотренный частью 5 статьи 171¹ УК РФ. Судом прекращено уголовное дело ввиду отказа государственного обвинителя от обвинения [10].

Способ установления стоимости изъятых алкогольной или спиртосодержащей продукции также отличается в зависимости от региона. В одних субъектах Российской Федерации следственные органы привлекают для решения данной задачи специалистов-ревизоров подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России

путем направления поручения о производстве оперативно-розыскного мероприятия «исследование предметов и документов» или назначения исследования в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее — УПК РФ), в других — назначается судебная товароведческая экспертиза, в третьих — оценка проводится подразделением Федеральной службы по контролю за алкогольным и табачным рынками.

Еще одно обстоятельство, которое следует учитывать при оценке стоимости спиртосодержащей или алкогольной продукции, — это ее крепость, установленная в ходе проведения судебной экспертизы. Исходя из материалов уголовных дел, изученных в ходе настоящего исследования, измерения объемной доли этилового спирта в жидкости имеют погрешность, которая обычно составляет 0,5 процента. Это может повлиять на общую стоимость изъятых спиртосодержащей или алкогольной продукции. В силу части 3 статьи 14 УПК РФ такие сомнения должны быть истолкованы в пользу обвиняемого, то есть расчет стоимости необходимо производить, исходя из минимальной объемной доли этилового спирта в жидкости.

В тех случаях, когда установлено, что изъятая алкогольная или спиртосодержащая продукция не соответствует требованиям стандартов качества не только по крепости, но и по органолептическим и физико-химическим показателям, что выявляется в ходе производства судебной экспертизы пищевых продуктов, возникает необходимость установления соответствия данной спиртосодержащей продукции требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей. Данная задача решается судебной санитарно-эпидемиологической экспертизой. Как правило, данные экспертизы проводятся в региональных центрах гигиены и эпидемиологии. При наличии выводов эксперта о том, что употребление представленной на исследование спиртосодержащей продукции опасно для жизни и здоровья потребителей, необходимо рассматривать вопрос о возбуждении уголовного дела по статье 238 УК РФ, с учетом того, что предварительное следствие по данной категории дел производится следователями Следственного комитета Российской Федерации.

Кумторкалинским районным судом Республики Дагестан С. признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных пунктом «б» части 6 статьи 171¹, пунктом «б»

части 2 статьи 171³, частью 1 статьи 238 УК РФ. Судом установлено, что С. хранил и перевозил в целях сбыта спиртосодержащую продукцию, которая согласно заключениям эксперта по своим органолептическим и физико-химическим показателям не соответствует требованиям ГОСТ 12712-2013 «Водки и водки особые. Общие технические условия» и употребление которой опасно для жизни и здоровья потребителей [11].

Изъятая в ходе расследования преступлений алкогольная и спиртосодержащая продукция зачастую расфасована в бутылки под наименованиями известных производителей. В таких случаях следователям необходимо рассматривать вопрос о возбуждении уголовного дела о незаконном использовании средств индивидуализации товаров. Для установления факта контрафактности продукции используются специальные знания для решения двух задач. Во-первых, это выяснение, является ли изъятая алкогольная или спиртосодержащая продукция оригинальной продукцией производителя. Во-вторых, это установление размера ущерба, причиненного правообладателю товарного знака, знака обслуживания или наименования места происхождения товара. Необходимость решения указанных задач обусловлена тем, что вышеуказанные обстоятельства являются обязательными признаками объективной стороны преступления, предусмотренного статьей 180 УК РФ. При этом для квалификации по данной статье необходимо установление неоднократности незаконного использования средств индивидуализации товара или крупного ущерба, которым является сумма, превышающая 400 000 рублей. Как правило, для решения вышеуказанных задач органом следствия привлекаются производители соответствующей оригинальной алкогольной или спиртосодержащей продукции или представитель правообладателя соответствующего средства индивидуализации товара. Процессуальная форма использования таких специальных знаний вариативна. В одних случаях назначается исследование, в других проводятся осмотры изъятых изделий с участием специалиста с последующим их допросом. Размер ущерба, причиненного правообладателю, рассчитывается исходя из цен на оригинальную продукцию с учетом того, что один экземпляр контрафактной продукции вытесняет с рынка один экземпляр оригинальной продукции.

В производстве следственных подразделений Республики Карелия находилось уголовное

дело по обвинению К. в совершении преступлений, предусмотренных частью 3 статьи 30, пунктом «б» части 6 статьи 171¹, пунктом «б» части 6 статьи 171¹, частью 1 статьи 180, частью 1 статьи 171³ УК РФ. В ходе предварительного расследования установлено, что одним из эпизодов преступной деятельности К. является незаконное использование чужого товарного знака, связанного с незаконным оборотом алкогольной и табачной продукции, совершенное неоднократно, в крупном размере в сумме 778 336 рублей 4 копейки. Решением суда К. признан виновным по всем вмененным органом следствия преступлениям [12].

Не всегда судебные органы считают доказательства, представленные стороной обвинения, достаточными для вынесения обвинительного приговора по статье 180 УК РФ.

В производстве следственных подразделений Республики Башкортостан находилось уголовное дело по обвинению Ф. в совершении преступлений, предусмотренных пунктом «б» части 2 статьи 171³ УК РФ, пунктом «б» части 6 статьи 171¹ УК РФ, частью 1 статьи 180 УК РФ. В ходе предварительного расследования установлено, что одним из эпизодов преступной деятельности Ф. явилось незаконное использование чужого товарного знака, связанного с незаконным оборотом алкогольной и табачной продукции, совершенное неоднократно в крупном размере.

Несмотря на показания представителя правообладателя о том, что изъятая спиртосодержащая продукция не является продукцией ООО РТД «Боттлерс», но имеет этикетки с изображением их товарного знака с надписью «Царская охота», которые использовались несколько лет назад, суд пришел к выводу о том, что стороной обвинения не доказано, что этикетки на изъятых изделиях сходны до степени смешения с этикеткой правообладателя товарного знака. В уголовном деле отсутствовали показания свидетелей о том, что они отождествляли обозначения, указанные на этикетках изъятых спиртосодержащих изделий со средством индивидуализации товара правообладателя. Соответствующие экспертизы о том, является ли обозначение, нанесенное на продукцию, изъятую у подсудимого, тождественным или сходным до степени смешения с товарным знаком правообладателя, не проводились. В связи с данными обстоятельствами подсудимый был оправдан по эпизоду преступной деятельности о незаконном использовании средств индивидуализации товаров [13].

В ряде случаев органами предварительного следствия вовсе не дается юридическая оценка действиям лиц, совершившим преступления, связанные с незаконным производством и оборотом этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, в части незаконного использования средств индивидуализации товаров.

В производстве следственных подразделений Республики Дагестан находилось уголовное дело по обвинению Г. в совершении преступлений, предусмотренных пунктом «б» части 6 статьи 171.1 и пунктом «б» части 2 статьи 171.3 УК РФ. В ходе предварительного расследования установлено: Г. совершил незаконную закупку, хранение, перевозку спиртосодержащей продукции без соответствующей лицензии, а также приобретение, хранение и перевозку в целях сбыта алкогольной продукции без маркировки и нанесения информации, предусмотренной законодательством Российской Федерации в особо крупном размере в сумме 7 381 060 рублей.

В ходе предварительного расследования изъята в том числе следующая продукция: водка «с Серебром» в количестве 5 016 бутылок, водка «BELUGA» в количестве 4 728 бутылок, водка «Первак» в количестве 4 872 бутылок, водка «Домашний доктор» в количестве 4 764 бутылок. Однако вопросы контрафактности данной продукции не стали предметом рассмотрения в суде [14].

Резюмируя изложенное, следует заключить, что расследование преступлений, связанных с незаконным производством и оборотом этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, характеризуется рядом сложностей, обусловленных необходимостью использования специальных знаний. Юридическая практика в данной сфере не характеризуется единообразием, что не может положительно влиять на эффективность борьбы с данной преступностью и надлежащим образом обеспечивать безопасность жизни и здоровья граждан и благополучие нации, а также соблюдение экономических интересов государства.

Список источников

1. Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 29 июня 2005 года № 511 // Российская газета. 2005. № 191.

2. Экспертиза в судопроизводстве: учебник для бакалавров / под ред. Е. Р. Россинской. Москва: Проспект, 2020. 336 с.

3. ГОСТ 12712-2013. Водки и водки особые. Общие технические условия: приказ Росстандарта от 28 июня 2013 года № 340-ст. Москва: Стандартинформ, 2014.

4. ГОСТ 32036-2013. Спирт этиловый из пищевого сырья. Правила приемки и методы анализа: приказ Росстандарта от 27 июня 2013 года № 261-ст. Москва: Стандартинформ, 2014.

5. Правила и методы отбора проб спиртосодержащих жидкостей. Практические рекомендации. Москва: ЭКЦ МВД России, 2015. 25 с.

6. Об установлении цен, не ниже которых осуществляются закупка (за исключением импорта), поставки (за исключением экспорта) и розничная продажа алкогольной продукции крепостью свыше 28 процентов: приказ Минфина России от 7 октября 2020 года № 235н. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.10.2024).

7. Об установлении цены, не ниже которой осуществляются закупка (за исключением импорта), поставки (за исключением экспорта) этилового спирта, произведенного из пищевого сырья: приказ Минфина России от 7 октября 2020 года № 233н. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.10.2024).

8. Об установлении цены, не ниже которой осуществляются закупка (за исключением импорта), поставки (за исключением экспорта) этилового спирта, произведенного из непищевого сырья, и денатурированного этилового спирта, произведенного из пищевого и непищевого сырья (за исключением биоэтанола): приказ Минфина России от 7 октября 2020 года № 234н. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.10.2024).

9. Приговор Дербентского районного суда Республики Дагестан от 25 августа 2023 года по делу № 1-81/2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/oGVnV69L5QIC> (дата обращения 15.04.2024).

10. Постановление Биробиджанского районного суда Еврейской автономной области от 12 мая 2023 года по делу № 1-32/2023.

11. Приговор Кумторкалинского районного суда Республики Дагестан от 21 июня 2021 года по делу № 1-102/2021.

12. Приговор Кондопожского городского суда Республики Карелия от 4 октября 2023 года по делу № 1-145/2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/zVtkjoYCuzL1> (дата обращения: 15.04.2024).

13. Приговор Дюртюлинского районного суда Республики Башкортостан от 20 июля 2023 года по делу № 1-12/2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/FH9D2IHztRJR> (дата обращения: 15.04.2024).

14. Приговор Дербентского районного суда Республики Дагестан от 25 августа 2023 года по делу № 1-81/2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/oGVnV69L5QIC> (дата обращения: 15.04.2024).

References

1. Organization of production of forensic examinations in forensic units of the internal affairs bodies of the

Russian Federation: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia. no. 511 dated June 29, 2005 *Rossiyskaya Gazeta*, 2005, no. 191. (In Russ.)

2. Examination in legal proceedings: textbook for bachelors / ed. by E. R. Rossinskaya. Moscow: Prospect Publ., 2020. 336 p. (In Russ.)

3. GOST 12712-2013 Vodkas and special vodkas. General specifications: order of Rosstandart. no. 340-st dated June 28, 2013. Moscow: Standartinform Publ., 2014. (In Russ.)

4. GOST 32036-2013 Ethyl alcohol from food raw materials. Acceptance rules and analysis methods: order of Rosstandart no. 261-st dated June 27, 2013. Moscow: Standartinform, 2014. (In Russ.)

5. Rules and methods for sampling alcohol-containing liquids. Practical recommendations. Moscow: EKC MVD of Russia, 2015. 25 p. (In Russ.)

6. On establishing prices not lower than which the purchase (except for import), supply (except for export) and retail sale of alcoholic beverages with a strength of over 28 percent are carried out: order of the Ministry of Finance of Russia no. 235n dated October 7, 2020, URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed 20.10.2024). (In Russ.)

7. On establishing the price not lower than which the purchase (except for import), supply (except for export) of ethyl alcohol produced from food raw materials are carried out: order of the Ministry of Finance of Russia no. 233n dated October 7, 2020, URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed 20.10.2024). (In Russ.)

8. On establishing the price, not lower than which the purchase (except for import), supply (except for export) of ethyl alcohol produced from non-food raw materials, and denatured ethyl alcohol produced from food and non-food raw materials (except for bioethanol) are carried out: order of the Ministry of Finance of Russia no. 234n dated October 7, 2020. URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed 20.10.2024). (In Russ.)

9. Verdict of the Derbent District Court of the Republic of Dagestan dated August 25, 2023 in case no. 1-81. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/oGVnV69L5QIC>. (accessed 20.10.2024). (In Russ.)

10. Resolution of the Birobidzhan District Court of the Jewish Autonomous Region dated May 12, 2023 in case No. 1-32/2023. (accessed 20.10.2024). (In Russ.)

11. Verdict of the Kuntorkalinsky District Court of the Republic of Dagestan dated June 21, 2021 in case no. 1-102/2021. (accessed 20.10.2024). (In Russ.)

12. Verdict of the Kondopozhsky City Court of the Republic of Karelia dated October 4, 2023 in case no. 1-145/2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/zVtkjoY-CuzL1> (accessed 20.10.2024). (In Russ.)

13. Verdict of the Dyurtyulinsky District Court of the Republic of Bashkortostan dated July 20, 2023 in case no. 1-12/2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/FH9D2IHztRJR> (accessed 20.10.2024). (In Russ.)

14. Verdict of the Derbent District Court of the Republic of Dagestan dated August 25, 2023 in case no. 1-81/2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/oGVnV-69L5QIC> (accessed 20.10.2024). (In Russ.)

Информация об авторах

Р. С. Поздышев — кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры предварительного расследования Нижегородской академии МВД России;

Е. Ф. Мельникова — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры предварительного расследования Нижегородской академии МВД России;

А. Н. Александров — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина.

Information about the author

R. S. Pozdyshev — Candidate of Science (Law), Associate professor, Head of the Department of Preliminary Investigation of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

E. F. Melnikova — Candidate of Science (Law), Senior Lecturer, Department of Preliminary Investigation, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

A. N. Alexandrov — Candidate of Science (Law), Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin.

Научная статья
УДК 343
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-154-158>

Незаконный наем, экстремизм и терроризм как системообразующие феномены криминальной угрозы для мира и безопасности человечества

Пшеничнов Илья Михайлович^{1, 2}

¹Нижегородский филиал Санкт-Петербургской академии Следственного комитета, Нижний Новгород, Россия

²Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, pshenichnov.im@skspba.ru

Аннотация. В условиях глобализации и динамического развития информационно-коммуникационных технологий такие явления, как незаконный наем, экстремизм и терроризм, приобретают системообразующее значение, формируя комплексную угрозу для международного мира и безопасности. В статье проводится всесторонний анализ этих феноменов с позиции уголовного права, рассматриваются их правовая природа, криминологические характеристики и взаимосвязь. Исследование основывается на сравнительно-правовом анализе законодательства различных стран, международных норм, а также интернациональной юридической доктрины, определяя ключевые элементы, отличающие данные преступные деяния и подчеркивающие их общую угрозу для мирового сообщества. Кроме этого, в работе затрагиваются вопросы влияния обозначенных явлений на государственные институты, гражданские свободы и права человека, оценивается степень их воздействия на социальную стабильность и межгосударственные отношения.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, незаконный наем, преступление, противодействие, законодательство, уголовная ответственность, правоохранительная деятельность.

Для цитирования: Пшеничнов И. М. Незаконный наем, экстремизм и терроризм как системообразующие феномены криминальной угрозы для мира и безопасности человечества // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 4 (68). С. 154–158. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-154-158>.

Original article

Illegal hiring, extremism and terrorism as system-forming phenomena of criminal threat to the peace and security of mankind

Ilya M. Pshenichnov^{1, 2}

¹Nizhny Novgorod branch of the Saint Petersburg Academy of the Investigative Committee, Nizhny Novgorod, Russian Federation

²National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russian Federation, pshenichnov.im@skspba.ru

© Пшеничнов И. М., 2024

Abstract. In the context of globalization and the dynamic development of information and communication technologies, phenomena such as illegal hiring, extremism and terrorism are becoming systemically important, forming a complex threat to international peace and security. The article provides a comprehensive analysis of these phenomena from the perspective of criminal law, examines their legal nature, criminological characteristics and interrelation. The study is based on a comparative legal analysis of the legislation of various countries, international norms, as well as international legal doctrine, identifying the key elements that distinguish these criminal acts and emphasize their common threat to the world community. In addition, the work addresses the issues of the impact of these phenomena on state institutions, civil liberties and human rights, assessing the degree of their impact on social stability and interstate relations.

Keywords: extremism, terrorism, illegal hiring, crime, counteraction, legislation, criminal liability, law enforcement

For citation: Pshenichnov I. M. Illegal hiring, extremism and terrorism as system-forming phenomena of criminal threat to the peace and security of mankind. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 4 (68), pp. 154–158. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-154-158>.

В отечественной гуманитарной доктрине на протяжении последних десятилетий все чаще высказывается мысль о том, что культурно-цивилизационные процессы современности стали сопровождаться в качестве побочного эффекта ростом нетерпимости, терроризма, религиозного экстремизма, обострением межнациональных отношений и прочими негативными явлениями [1, с. 164]. При этом в условиях нарастающей глобализации и ускоренного развития цифровых технологий проблема консолидации незаконного найма, экстремизма и терроризма становится одним из важнейших вызовов для мирового сообщества. Эти феномены, хотя и имеют разную природу, объединяются общими чертами и механизмами воздействия на общество, становясь взаимосвязанными элементами криминальной угрозы, подрывающей международную и внутреннюю стабильность государств. Особую актуальность данной теме придает сложность идентификации и пресечения указанных явлений в условиях трансграничного характера их проявлений, усиления информационного воздействия и вовлеченности в соответствующую делинквентную деятельность новых слоев населения, включая молодежь. Так, например, в ходе конфликта в Йемене Саудовская Аравия и ОАЭ привлекали наемников из Латинской Америки, в частности из Колумбии, для участия в боевых действиях [2]. Этот контингент выполнял функции, обычно возлагаемые на регулярные войска, и усиливал военно-политическую напряженность в регионе, что привело к гуманитарному кризису. Присутствие подобных вооруженных формирований осложнило процесс мирных переговоров и способствовало росту «радикальных настроений» среди населения.

Расширение форм незаконного найма и нарастающая интенсивность экстремистской

и террористической активности затрудняют работу правоохранительных органов, в том числе и на интернациональном уровне. Сложность противодействия этим преступным деяниям требует разработки и внедрения новых юридических механизмов, усиления межгосударственного сотрудничества и формирования универсальных подходов к криминализации и пресечению подобных посягательств. Актуальность обозначенной тематики обусловлена также необходимостью анализа и совершенствования существующих правовых норм и методов борьбы с этими деструктивными феноменами. Научное исследование системообразующей роли незаконного найма, экстремизма и терроризма позволяет выявить их взаимосвязь и влияние на систему национальной и международной безопасности, а также сформировать эффективные правоприменительные и профилактические меры.

В рамках проведенного исследования освещаются криминологическая характеристика и классификация форм проявления незаконного найма, экстремизма и терроризма, с учетом их эволюции и приспособления к современным условиям. Выявлены ключевые отличительные черты каждого феномена, а также определены области их пересечения, что позволило структурировать систему криминальных угроз.

Наемническая деятельность сегодня выходит за рамки классических представлений о данном контингенте как об отдельных лицах, нанимаемых для участия в боевых действиях за границей. Современные формы незаконного найма включают частные военные компании, которые действуют в «серой зоне» между законной контрактной и криминальной деятельностью. Такие организации вовлекаются в вооруженные конфликты, обеспечивая прикрытия для незаконных операций и участия

в экстремистской и террористической деятельности, что затрудняет их юридическую оценку. Классификация форм подобного девиантного поведения включает в себя и иные виды, в том числе индивидуальный наем в вооруженные формирования, военная деятельность под прикрытием легальных контрактов. В результате этого последние десятилетия характеризуются множеством политических переворотов в различных мировых державах, которые продемонстрировали урок безответственной социальной и уголовной политики, когда на фоне массовой нищеты и безработицы процветают коррупция, nepotизм и протекционизм, наблюдается огромная пропасть между богатыми и бедными, где власть срывается с бизнесом и поощряется экономическая преступность, а интересы олигархии ставятся выше гражданского мира и согласия [3, с. 269].

Экстремизм представляет собой идеологическую и практическую основу для многих террористических и иных деструктивных действий, включая массовую пропаганду насильственных методов достижения политических целей. Нельзя не отметить, что действующее отечественное законодательство не располагает обстоятельным определением данного понятия, что справедливо позиционируется юридической наукой как правовой пробел [4, с. 297]. Вместе с тем, независимо от территориальной принадлежности источника толкования, представленный феномен, как правило, рассматривался в контексте определенных действий и взглядов, нацеленных на эскалацию вражды, ненависти, дискриминации или нарушения прав и свобод других людей, основанных на политической, религиозной, расовой или иной идеологии [5, с. 473]. Классификация представленной противоправной активности демонстрирует следующие формы: националистический, религиозный, политический и идеологический. Также нельзя не обратить внимание на изменения, связанные с цифровизацией, обуславливающие появление киберэкстремизма. Фигурирующий в этом контексте преступный контингент активно использует электронные платформы для координации действий и распространения деструктивных идеологий. Так, например, ИГИЛ (террористическая организация, запрещенная в России) активно использует социальные сети для пропаганды своего мировоззрения и вербовки новых участников. Исследование американского Центра по борьбе с терроризмом показывает, что указанная группировка применяет различные платформы, включая *YouTube*

и *Twitter*, для трансляции видео и иных материалов, которые побуждают к радикализации и преступной деятельности [6]. Эти усилия привели к созданию сети сторонников, не привязанных к конкретной территории, но участвующих в международных терактах. Подобные электронные площадки позволяют осуществлять коммуникацию на значительных расстояниях, согласовывать совместные усилия и быстро мобилизовать новых участников, что делает борьбу с цифровыми каналами данного рода криминальной активности крайне сложной задачей для правоохранительных органов.

Безусловная роль в данном контексте также принадлежит экономической подоплеке экстремизма как форме нелегитимной политической борьбы [7, с. 377], наиболее радикальным проявлением которой с учетом положений статьи 1 Федерального закона Российской Федерации от 25 июля 2002 года № 114 «О противодействии экстремистской деятельности» выступает терроризм [8]. Положения вышеназванного нормативного акта доказывают научную гипотезу о том, что признаки исследуемого явления обнаруживаются практически во всех источниках уголовного права, конечно же, не именуясь однокоренными дефинициями, но фактически демонстрируя его прямую угрозу для главных государственных основ [9, с. 111].

Анализ современного терроризма выявил его адаптацию к новым технологическим условиям и стратегическую направленность на дестабилизацию международной обстановки. Классификация форм данного деструктивного феномена охватывает национальный и международный терроризм, кибертерроризм, а также иные насильственные посягательства, связанные с использованием химического, биологического и иного оружия. Выделяется тенденция к частичному пересечению экстремистских и террористических методов: идеология радикализма зачастую служит основой для вербовки в соответствующие структуры, тогда как сами эти группы нередко используют аналогичные стратегии в информационной войне, включая запугивание населения, дезинформацию и манипуляцию общественным мнением. Эти события оказали негативное влияние на сознание граждан всех стран, поставили под угрозу отношения мира и безопасности человечества и в результате показали мировому сообществу, что в настоящее время на нашей планете нет такого государства, которое может в полной степени гарантировать защищенность своего населения от подобных посягательств [10, с. 95].

Незаконный наем, экстремизм и терроризм образуют взаимосвязанную и интегрированную криминальную систему, которая угрожает безопасности государств и международному правопорядку. Эти феномены действуют как взаимодополняющие элементы, усиливая дестабилизирующий эффект друг друга, что особенно заметно в зонах политических и экономических кризисов, а также в условиях ослабления государственных институтов. В частности, в Сахеле и Западной Африке деятельность таких криминальных формирований, как «Аль-Каида в исламском Магрибе» и «Исламское государство в Большой Сахаре» (террористические организации, запрещенные в России), обостряет социально-политическую ситуацию. Эти группы не только применяют насилие против мирного населения и местных властей, но и активно пытаются интегрироваться в правительственные структуры, предлагая защиту и отдельные базовые услуги, что увеличивает их поддержку среди отдельных граждан [11].

Региональные конфликты и слабость государств в этих областях также детерминировали привлечение различных международных наемнических структур, которые действуют параллельно или сотрудничают с экстремистами, поскольку последние предлагают привлекательные условия, связанные с вознаграждением, жильем, продовольствием и прочими благами, определяющими готовность подобного контингента участвовать в соответствующей противоправной деятельности [12, с. 41]. Например, данные вооруженные формирования играют важную роль в Ливии, где наряду с террористами поддерживают различные группы влияния, что способствует дальнейшему распространению радикализма на соседние страны, включая Сахель и Центральную Африку [13]. Этот комплексный эффект виден и на других примерах, таких как сотрудничество и конкуренция экстремистов в Сирии и Ираке, где группировки борются за международное признание и ресурсы. Как показывает исследование Центра стратегических и международных исследований (CSIS), террористические сети часто образуют сложные взаимосвязанные структуры, где экстремисты используют финансовые и организационные ресурсы других криминальных субъектов, включая транснациональные сети наемников, для укрепления своих позиций [14].

Эти примеры показывают, как интеграция угроз наемничества, экстремизма и терроризма приводит к повышению уровня риска и усложняет усилия по поддержанию стабильности

и безопасности в уязвимых регионах. На основании изложенного представляется возможным судить, что указанные феномены представляют собой взаимосвязанные и системообразующие элементы современной криминальной угрозы, усиливающие друг друга в глобальном масштабе. Их интеграция проявляется в создании транснациональных сетей, использующих слабость государственных институтов, геополитических конфликтов и инновационных технологий для реализации своих целей. Эти явления не только подрывают международную безопасность, но и препятствуют реализации долгосрочных стратегий по развитию и укреплению верховенства права как основы современного общества.

Список источников

1. Абдина А. К. О национальной и государственной идентичности Беларуси и Казахстана // Социологический альманах. 2012. Вып. 3. С. 163–173.
2. ОАЭ тайно поставляют в Йемен колумбийских наемников. URL: <https://www.vesti.ru/finance/article/4208863> (дата обращения: 28.09.2024).
3. Клейменов И. М. Цветные революции в контексте сравнительной криминологии // Вестник Омского университета. 2015. № 2 (43). С. 266–274.
4. Петрянин А. В. Теория и практика противодействия современным криминальным угрозам на примере экстремистских преступлений // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С. 296–298.
5. Изосимов В. С., Петрянина О. А., Пшеничнов И. М. Сущность экстремизма и его влияние на исправление осужденных // Уголовно-исполнительное право. 2023. Т. 18 (1–4). № 4. С. 471–479.
6. Berger J. M. Tailored Online Interventions: The Islamic State's Recruitment Strategy // CTC Sentinel. 2015. Vol. 8. No. 10. Pp. 19–23.
7. Петрянин А. В., Калинин А. В. Роль юридической науки в развитии антиэкстремистского уголовного права: частный взгляд на проблему // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2 (66). С. 376–378.
8. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30, ст. 3031.
9. Ахметшин А. С. Основы конституционно-го строя и безопасности государства как объекты уголовно-правовой охраны при противодействии экстремизму // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 4 (60). С. 110–116.
10. Пшеничнов И. М. «Незаконный наем» и терроризм – две грани одной преступности: проблемы

противодействия // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 3 (58). С. 94–99.

11. Raafat L. The Schism of Jihadism in the Sahel: How Al-Qaeda and the Islamic State are Battling for Legitimacy in the Sahelian Context. URL: <https://www.mei.edu/publications/schism-jihadism-sahel-how-al-qaeda-and-islamic-state-are-battling-legitimacy-sahelian> (дата обращения: 28.09.2024).

12. Пшеничнов И. М. Специфика общественной опасности взаимодействия феноменов «экстремизм» и «наемничество» в современных реалиях // Лоббирование в законодательстве. 2023. Т. 2. № 3. С. 38–43.

13. Borrell J. The terrorist threat is expanding in the Sahel. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/terrorist-threat-expanding-sahel_en (дата обращения: 28.09.2024).

14. Sanderson T. Violent Extremism in the Sahel. URL: <https://www.csis.org/programs/former-programs/transnational-threats-project-archive/militancy-and-arc-instability-2-0> (дата обращения: 28.09.2024).

References

1. Abdina A. K. On the national and state identity of Belarus and Kazakhstan. *Sociological almanac*, 2012, Issue 3, pp. 163–173. (In Russ.)

2. The UAE secretly supplies Colombian mercenaries to Yemen. URL: <https://www.vesti.ru/finance/article/4208863> (accessed 28.09.2024). (In Russ.)

3. Kleimenov I. M. Color revolutions in the context of comparative criminology. *Bulletin of Omsk University*, 2015, no. 2 (43), pp. 266–274. (In Russ.)

4. Petryanin A. V. Theory and practice of countering modern criminal threats on the example of extremist crimes. *Legal science and practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, № 1 (65), pp. 296–298. (In Russ.)

5. Izosimov V. S., Petryanina O. A., Pshenichnov I. M. The essence of extremism and its influence on the correction of convicts. *Penal enforcement law*, 2023, vol. 18 (1–4), no. 4, pp. 471–479. (In Russ.)

6. Berger J. M. Tailored Online Interventions: The Islamic State's Recruitment Strategy. *CTC Sentinel*, 2015, vol. 8, no. 10, pp. 19–23. (In Russ.)

7. Petryanin A. V., Kalinkin A. V. The role of legal science in the development of anti-extremist criminal law: a private view of the problem. *Legal science and practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 2 (66), pp. 376–378. (In Russ.)

8. On countering extremist activity: federal law no. 114-FZ of July 25, 2002. *Collection of Legislation of the RF*, 2002, no. 30, frt. 3031. (In Russ.)

9. Akhmetshin A. S. Fundamentals of the constitutional system and state security as objects of criminal law protection in countering extremism. *Legal science and practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 4 (60), pp. 110–116. (In Russ.)

10. Pshenichnov I. M. «Illegal hiring» and terrorism — two facets of one crime: problems of counteraction. *Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 3 (58), pp. 94–99. (In Russ.)

11. Raafat L. The Schism of Jihadism in the Sahel: How Al-Qaeda and the Islamic State are Battling for Legitimacy in the Sahelian Context. URL: <https://www.mei.edu/publications/schism-jihadism-sahel-how-al-qaeda-and-islamic-state-are-battling-legitimacy-sahelian> (accessed 28.09.2024). (In Russ.)

12. Pshenichnov I. M. The specifics of the social danger of the interaction of the phenomena “extremism” and “mercenary activity” in modern realities. *Lobbying in legislation*, 2023, vol. 2, no. 3, pp. 38–43. (In Russ.)

13. Borrell J. The terrorist threat is expanding in the Sahel. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/terrorist-threat-expanding-sahel_en (accessed 28.09.2024).

14. Sanderson T. Violent Extremism in the Sahel. URL: <https://www.csis.org/programs/former-programs/transnational-threats-project-archive/militancy-and-arc-instability-2-0> (accessed 28.09.2024).

Информация об авторе

И. М. Пшеничнов — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Нижегородского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета; доцент кафедры уголовного права и процесса Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского.

Information about the author

I. M. Pshenichnov — Candidate of Sciences (Law), Senior Lecturer at the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure, Nizhny Novgorod Branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee, Associate Professor at the Department of Criminal Law and Procedure of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky.

Научная статья
УДК 342.97
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-159-165>

Правовой статус национальных медицинских исследовательских центров

Романовский Георгий Борисович

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия, vlad93@sura.ru

Аннотация. В статье рассматривается возможность децентрализации государственного управления в сфере общественного здравоохранения путем придания особого статуса национальным медицинским исследовательским центрам. Указывается, что подобная практика присутствует во многих странах мира, нацеленных на ускоренное развитие инноваций в сфере биомедицины, снижение административных барьеров в процессе проведения научных исследований. Представлен зарубежный опыт, а именно Испании, США, Канады, в рамках которого происходит делегирование ряда административных полномочий институтам здравоохранения. Предлагается расширить компетенцию российских национальных медицинских исследовательских центров за счет возможности распределения ими грантовой помощи научным организациям, нормативного регулирования экспериментальных научных исследований, утверждения этических экспертиз, инноваций в области биомедицины.

Ключевые слова: биомедицина, инновация, национальный медицинский исследовательский центр, здравоохранение, методическое обеспечение, децентрализация

Для цитирования: Романовский Г. Б. Правовой статус национальных медицинских исследовательских центров // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 4 (68). С. 159–165. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-159-165>.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 24-28-00365, <https://rscf.ru/project/24-28-00365/>

Legal status of national medical research centers

Georgy B. Romanovsky

Penza State University, Penza, Russian Federation, vlad93@sura.ru

Abstract. The article considers the possibility of decentralization of state administration in the sphere of public health by giving a special status to national medical research centers. It is indicated that such practice is present in many countries of the world aimed at accelerated development of innovations in the sphere of biomedicine, reduction of administrative barriers in the process of conducting scientific

© Романовский Г. Б., 2024

research. Foreign experience is presented, namely Spain, USA, Canada, within the framework of which a number of administrative powers are delegated to health institutes. It is proposed to expand the competence of Russian national medical research centers due to the possibility of their distribution of grant assistance to scientific organizations, normative regulation of experimental scientific research, approval of ethical examinations of innovations in the field of biomedicine.

Keywords: biomedicine, innovation, national medical research center, health care, methodological support, decentralization

For citation: Romanovsky G. B. Legal status of national medical research centers. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 4 (68), pp. 159–165. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-159-165>.

Funding: The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of scientific project no. 24-28-00365, <https://rscf.ru/project/24-28-00365/>

На протяжении последних десятилетий можно констатировать факт о стремительном развитии биомедицинских технологий. Многие инновации предполагают не только прогресс в лечении заболеваний, но и революционные изменения в понимании человеческой природы, изучение причин различных болезненных состояний, а также последствий вмешательства в организм. Необходимость ускорения внедрения открытий в лечебную практику обуславливает поиск новых подходов к построению регуляторного механизма. В мировой гонке конкуренция выстраивается в целом между государствами, условием лидерства выступает предоставление наиболее благоприятных условий для различных стартапов в области биомедицины. Параметрами «выгодной» юрисдикции выступают децентрализация управления, которая позволяет минимизировать количество административных барьеров для перспективных научных исследований и внедрить результаты. При этом децентрализация должна сопровождаться ускоренной профессиональной оценкой рисков продвижения итогов научной деятельности.

Одним из положительных шагов в указанном направлении следует считать разработку проекта Федерального закона «О внесении изменений в статьи 14 и 16 и дополнение статьей 79.2 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»» (далее — ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»), подготовленного Минздравом России (ID проекта 01/05/07-24/00148980) и представленного на суд общественности в конце лета 2024 года. Статьи 14 и 16 в новой редакции распределяют полномочия между федеральными органами государственной власти и органами субъектов Российской Федерации в части организации

методического обеспечения современных способов диагностики, лечения, профилактики национальными медицинскими исследовательскими центрами (далее — НМИЦ) в зависимости от их подведомственности. Предлагаемая статья 79.2 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» как раз будет посвящена статусу НМИЦ. Ее ключевые положения:

— основная цель функционирования НМИЦ — реализация государственной политики в сфере здравоохранения путем достижения поставленных перед ним задач;

— основная задача создания НМИЦ — развитие медицинской науки;

— статус НМИЦ присваивается Правительством Российской Федерации;

— НМИЦ — это статус, поскольку он присваивается различным по виду организациям. В действующем перечне есть как организации, которые в своем названии содержат указание на НМИЦ, так и образовательные организации — медицинские университеты;

— в статусе указывается направление медицинской деятельности;

— присвоение статуса происходит на основании отбора, правила которого устанавливаются Правительством Российской Федерации;

— критерии отбора определяются Минздравом России;

— Минздрав России — главный координационный орган в деятельности НМИЦ;

— при наличии нескольких НМИЦ по одному направлению медицинской деятельности определяется головной НМИЦ.

Предполагается, что закон будет рассмотрен законодательным органом страны достаточно оперативно: вступление в силу прогнозируется на 1 июля 2025 года.

Идея создания подобных Центров официально прозвучала в Стратегии развития медицинской науки в Российской Федерации на период до 2025 года (далее — Стратегия), утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2012 года № 2580-р. Хотя указание на такую форму, как НМИЦ, в Стратегии отсутствовало: прозвучала необходимость формирования «системы центров лидерства по приоритетным направлениям». Однако уже тогда создание таких центров предполагалось с передачей функций по «методологическому сопровождению исследовательских проектов» [1]. В Стратегии также отмечалась необходимость проведения фундаментальных исследований, результаты которых могли бы быть востребованы врачебной практикой, что, в свою очередь, обуславливало ускорение внедрения полученных достижений. Несмотря на актуальность предложения, перечень НМИЦ появился только спустя пять лет, он утвержден приказом Минздрава России от 11 сентября 2017 года № 622 «О сети национальных медицинских исследовательских центров». Документ содержит некоторые изменения, на настоящий момент перечень включает сведения о 37 организациях.

Появился также НМИЦ, находящийся в ведении Федерального медико-биологического агентства (далее — ФМБА). Его статус определен приказом ФМБА России от 20 марта 2020 года № 58 «О сети национальных медицинских исследовательских центров, находящихся в ведении Федерального медико-биологического агентства», который по своему содержанию носит общий характер, в нем указано на формирование сети НМИЦ, но на настоящий момент в утвержденном перечне пока одна организация. Приказом Минздрава России от 20 января 2020 года № 30 «О внесении изменений в приложение к приказу Министерства здравоохранения Российской Федерации от 11 сентября 2017 года № 622» эта организация вошла в базовый перечень всех НМИЦ. Такое дублирование представляется излишним.

Особый статус НМИЦ учитывается и в судебной практике. Например, в постановлении Десятого арбитражного апелляционного суда от 15 декабря 2022 года № 10АП-23556/2022 по делу № А41-62657/2022 указано, что уменьшение штрафных санкций за нарушение сроков предоставления отчетности было обосновано социальной значимостью деятельности и наличием статуса НМИЦ.

Одновременно укажем, что инициатива о законодательном закреплении статуса НМИЦ

проявлялась еще в 2016 году. Разработчиком соответствующего проекта Федерального закона (тогда также предлагалось дополнить Закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ статьей 79.2) выступил Минздрав России. На тот момент проект не был внесен в Государственную Думу Российской Федерации. Отметим, что предлагаемое содержание статьи 79.2 было перегружено некоторой детализацией функционирования НМИЦ. При этом, такой статус мог присваиваться только научным организациям, что существенно ограничивало круг потенциальных субъектов, претендующих на новое положение. Кроме того, предлагалась конкретизация форм организационно-методического руководства НМИЦ, в основном они вбирали в себя возможные рекомендации, формулируемые органами государственной власти.

Подобный подход в наделении специализированных медицинских организаций, имеющих наработанный научный авторитет, особыми полномочиями имеет аналоги в зарубежном праве. В качестве примера можно привести опыт Испании, где базовым нормативным актом в области биомедицины выступает Закон от 3 июля 2007 года 14/2007 «О биомедицинских технологиях» [2], систематизировавший основные проблемы биомедицины. Действует также Закон от 26 мая 2006 года № 14/2006 «О вспомогательных репродуктивных технологиях» [3] (пришел на смену Закону от 22 ноября 1988 года № 35/1988 «О методах вспомогательной репродукции» [4] — первому закону, посвященному этому предмету регулирования на европейском пространстве).

Обращает внимание, что в преамбуле к Закону «О биомедицинских технологиях» констатируется необходимость новых принципов организации оказания медицинской помощи и научных исследований. В их основе должны быть междисциплинарный подход, координация исследований, обеспечение взаимодействия между различными субъектами. В Преамбуле также представлены ссылки на Конституцию Испании, благодаря которым обосновывается создание сетевой структуры биомедицинских исследований, делается акцент на автономии участников научной деятельности, синергии результатов различных исследовательских организаций. Таким образом, выполняется мандат, изложенный Конституцией Испании, элементом которого выступает ответственность государства за продвижение

науки на благо общих интересов. Одним из элементов институциональной основы новой модели регулирования, обеспечивающей оперативность, эффективность, профессионализм, является передача части регуляторных полномочий Институту здравоохранения Карлоса III. Более того, Закон (глава III) предусматривает создание при самом Институте некоторых специальных органов, осуществляющих руководство исследованиями с использованием клеток, включая эмбриональные (как например, Комиссия по гарантиям донорства и использования клеток и тканей человека).

Институт здравоохранения Карлоса III выполняет и иные функции в сфере биомедицины, а именно:

- продвижение и координация научных исследований в указанной сфере (ст. 40 Закона);
- ведение реестра исследовательских проектов в области биомедицины (ст. 41 Закона);
- координация деятельности Национального банка клеточных линий (ст. 42 Закона);
- осуществление надзора за Национальным реестром биобанков (ст. 67 Закона);
- содействие научно-исследовательской деятельности в сфере здравоохранения (ст. 83 Закона).

Институт здравоохранения Карлоса III осуществляет также функции распределения государственных финансовых средств для осуществления научных биомедицинских исследований, может создавать различные исследовательские центры.

Деконцентрация регуляторных полномочий органа управления в сфере здравоохранения характерна также для таких федеративных государств, как США и Канада. В этой части американское федеральное законодательство определяет многие аспекты оказания медицинской помощи как сферу административного регулирования, распределенную между различными органами государственной власти и советами (как консультативными, так и регулирующими), создаваемыми при них. Система несколько сложна, но старается максимально учитывать голос профессионального сообщества. Различными регуляторными функциями обладает Управление по гражданским правам Министерства здравоохранения и социальных служб США [5]. Особым статусом (на основании § 282 42 Кодекса США) обладает Национальный институт здоровья, который также входит в структуру Министерства здравоохранения и социальных служб США, является крупнейшим в мире исследовательским агентством в области

биомедицины [6], в нем ежегодно (более 40 миллиардов долларов США) распределяются гранты, направленные на медицинские исследования.

Национальный институт здоровья (далее — НИЗ) состоит из 27 различных институтов и центров, у каждого из которых своя конкретная программа исследований, часто фокусирующаяся на конкретных заболеваниях или системах организма. Среди них:

- Национальный институт рака (NCI);
- Национальный институт исследования генома человека (NHGRI);
- Национальный институт биомедицинской визуализации и биоинженерии (NIBIB);
- Национальный институт психического здоровья (NIMH);
- Национальный институт неврологических расстройств и инсульта (NINDS).

В НИЗ создан коллегиальный орган управления — Совет, в который входят представители от 27 институтов и центров, которые должны быть учеными в своей области исследований. Регенеративной медицине (как одному из передовых направлений) посвящены специальные положения, устанавливающие статус директора НИЗ. В них закрепляется необходимость проведения консультаций по дальнейшему исследованию и внедрению технологий и медикаментов, использующих стволовые клетки, включая аутологичные стволовые клетки, терапевтические продукты тканевой инженерии, человеческие клетки и тканевые продукты, генную терапию человека и генетически модифицированные клетки. Необходимость проведения консультаций предполагает установление постоянного междисциплинарного диалога, результатом которого могут стать руководящие разъяснения по тем или иным возможным исследованиям.

Аналогичная модель децентрации властных полномочий присутствует в Канаде. Там создан Канадский институт исследований в области здравоохранения (далее — CIHR) [7], который утверждает правила использования инновационных методов лечения, порядок проведения экспериментальных исследований. В качестве примера следует привести Правила обращения со стволовыми клетками человека [8]. Именно CIHR установил запреты, которые в других странах определяются на основании закона, в частности: на создание эмбриональных стволовых клеток только ради эксперимента; на создание химерных эмбрионов (включающих клетки человека и «нечеловека»);

на инъекции некоторых клеток человека в организм «нечеловека» (например: инъекции нейронов головного мозга человека в мозг млекопитающих) [9].

Таким образом, многие запреты, которые используются в законодательных актах различных стран, вводятся на уровне руководящих разъяснений, принимаемых институтами, ответственными за координацию биомедицинских исследований. Подобный подход позволяет оперативно реагировать на изменения в научном процессе. Многие технологии проходили поэтапно путь от полного отрицания и осуждения до частичного разрешения, а затем повсеместного внедрения (при котором первоначальный запрет в обществе даже не вспоминается). Если все подобные переходы будут регулировать с помощью законодательного процесса внесение изменений в отраслевое законодательство, максимально детализирующее все возможные запреты и ограничения, то научное познание, столкнувшись с административными барьерами, начнет развиваться по своим законам (где смена юрисдикции научной лаборатории часто практикуется в современном мире). К тому же юриспруденция — достаточно консервативная отрасль знаний, что отражается на некоторой инерции законодательного процесса. Это позволяет отсеивать различные непродуманные инициативы, которые могут иметь узкую конъюнктуру. Однако сейчас, в эпоху ускорения социальных процессов и технологического прогресса внедрение результатов инновационных исследований в повседневную медицинскую практику может затормозиться в силу медлительности принятия правового акта.

Нельзя не учитывать, что в реализации законодательской инициативы участвуют различные лоббисты, при которых научные интересы вряд ли будут в приоритете. В средствах массовой информации неоднократно озвучивались сомнительные истории продвижения интересов со стороны фармацевтических гигантов, преследующих свои коммерческие цели. Группы влияния имеют поддержку со стороны научных групп, которые зачастую и не скрывают своей заинтересованности. Преследование иных вне-научных или псевдонаучных интересов нивелирует само значение регулирования биомедицинской сферы.

В научной литературе высказывался тезис о «любительском подходе» законодателя при решении судьбы научных направлений. Немногие представители законодательного органа (это относится ко всем странам мира) имеют

значимую научную подготовку и опыт профессиональных исследований. Не следует воспринимать данный термин как некий упрек лиц, принимающих судьбоносные решения для сложных направлений науки. Подобные опасения в дилетантстве характерны для подавляющего большинства демократических стран. Они служат основой для острых общественных дискуссий о роли регулятора в чувствительных сферах [10].

Российская Федерация имеет уникальный опыт проведения разносторонних исследований по большинству современных биомедицинских направлений. По значительному числу есть передовые результаты. Благодаря такой основе право должно стимулировать развитие науки, минимизировать риски при соблюдении принципов биоэтики и ключевых положений здравоохранительного законодательства. Поиск оптимальной модели регулирования в России не останавливается. Одним из первых опытов стало создание инновационной площадки на основе Федерального закона от 28 сентября 2010 года № 244-ФЗ «Об инновационном центре “Сколково”», в рамках которой особое место уделено биомедицинским исследованиям. Несмотря на специфическую модель управления, основной акцент был сделан на создании инфраструктуры [11]. Аналогичный подход стал использоваться и в других законах. Приведем в качестве примера Федеральный закон от 29 июля 2017 года № 216-ФЗ «Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В его развитие были приняты постановления Правительства РФ, учреждающие Инновационный научно-технологический центр МГУ «Воробьевы горы» (от 28 марта 2019 года № 332), Долину Менделеева (от 24 декабря 2019 года № 1805); Композитную долину (от 21 января 2021 года № 26) и др. Таким образом, реализуется кластерная модель, которая используется многими странами мира [12], но имеет определенный недостаток: фрагментация права [13], специальное регулирование заменяет общий правовой режим [14]. Этот процесс можно наблюдать и в порядке принятия федеральных законов, как, например, Федеральный закон от 27 июля 2010 года № 220-ФЗ «О национальном исследовательском центре “Курчатовский институт”», Федеральный закон от 4 ноября 2014 года № 326-ФЗ «О Национальном исследовательском центре “Институт имени Н. Е. Жуковского”». В настоящее время действует Федеральный закон

от 29 июня 2015 года № 160-ФЗ «О международном медицинском кластере и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», предполагающий особенности оказания медицинской помощи в рамках определенной территории.

На основании вышеизложенного сделаем следующие выводы:

1. Создание национальных медицинских исследовательских центров как флагманов научного развития — положительное направление, которое нуждается в общественной поддержке и законодательном обеспечении. Появление нового статуса у организаций, зарекомендовавших себя в области продвижения инноваций в сфере здравоохранения, позволит ускорить процесс внедрения научных результатов, минимизировать административные барьеры, получить дополнительное финансирование и материальные ресурсы.

2. Предоставление таким НМИЦ права осуществлять методическое обеспечение медицинской деятельности по их профилю усилит возможности врачебной корпорации самостоятельно формировать юридическое поле своей профессии. Это обусловит децентрализацию государственного управления в сфере общественного здравоохранения, что само по себе является положительным фактором для развития медицинской науки.

3. Учитывая зарубежный опыт, следует предложить и дальше идти в направлении расширения полномочий НМИЦ. Представляется возможным предоставить НМИЦ функции по распределению грантовой помощи иным организациям, осуществляющим научные исследования (по профилю НМИЦ) по утверждению этических заключений по вопросам проведения научных исследований, разработке клинических рекомендаций, принятию правил экспериментальных биомедицинских исследований.

Список источников

1. Демина М. А. Правовое регулирование научной и инновационной деятельности медицинских организаций // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 11. С. 116–123.

2. Ley 14/2007 de 3 de julio de investigación biomédica noticias jurídicas // URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2007-12945> (дата обращения: 14.09.2024).

3. Ley 14/2006, de 26 de mayo, sobre técnicas de reproducción humana asistida // URL: https://noticias.juridicas.com/base_datos/Admin/l14-2006.html (дата обращения: 14.09.2024)

4. Ley 35/1988, de 22 de noviembre, sobre técnicas de reproducción asistida // URL: https://noticias.juridicas.com/base_datos/Admin/l35-1988.html (дата обращения: 14.09.2024)

5. Office for Civil Rights // URL: <https://www.hhs.gov/ocr/get-help-in-other-languages/russian.html> (дата обращения: 14.09.2024)

6. National Institutes of Health // URL: <https://www.nih.gov/> (дата обращения: 14.09.2024)

7. Canadian Institutes of Health Research // URL: <http://cihr-irsc.gc.ca/> (дата обращения: 14.09.2024)

8. Canadian Institutes of Health Research (CIHR), Updated Guidelines for Human Pluripotent Stem Cell Research, 2010 // URL: <http://www.cihr-irsc.gc.ca/e/42071.html> (дата обращения: 14.09.2024)

9. Overview of International Human Embryonic Stem Cell Laws // URL: <https://www.thenewatlantis.com/publications/appendix-e-overview-of-international-human-embryonic-stem-cell-laws> (дата обращения: 14.09.2024)

10. Marchant Gary E., Pope Lynda L. The Problems with Forbidding Science // *Sci Eng Ethics*. 2009. Vol. 15. № 3. Pp. 375–394.

11. Романовская О. В. Конституционные основы делегирования государственно-властных полномочий субъектам частного права (на примере управляющих компаний) // *Lex russica* (Русский закон). 2017. № 2 (123). С. 32–41.

12. Мохов А. А. Фармацевтические кластеры: теория, законодательство, практика // *Юрист*. 2017. № 10. С. 41–46.

13. Власенко Н. А. Индивидуализация как закономерность развития современного российского законодательства // *Журнал российского права*. 2015. № 12. С. 11–17.

14. Поморцев К. И. Кластер как правовая категория // *Российский юридический журнал*. 2021. № 6. С. 157–163.

References

1. Demina M. A. Legal regulation of scientific and innovative activities of medical organizations. *Actual problems of Russian law*, 2018, no. 11, pp. 116–123. (In Russ.)

2. Ley 14/2007 de 3 de julio de investigación biomédica noticias jurídicas. URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2007-12945> (accessed 14.09.2024). (In Engl.)

3. Ley 14/ 2006, de 26 de mayo, sobre técnicas de reproducción humana asistida. URL: https://noticias.juridicas.com/base_datos/Admin/l14-2006.html (accessed 14.09.2024). (In Engl.)

4. Ley 35/1988, de 22 de noviembre, sobre técnicas de reproducción asistida. URL: https://noticias.juridicas.com/base_datos/Admin/l35-1988.html (accessed 14.09.2024). (In Engl.)

5. Office for Civil Rights. URL: <https://www.hhs.gov/ocr/get-help-in-other-languages/russian.html> (accessed 14.09.2024). (In Engl.)
6. National Institutes of Health. URL: <https://www.nih.gov/> (accessed 14.09.2024). (In Engl.)
7. Canadian Institutes of Health Research. URL: <http://cihr-irsc.gc.ca/> (accessed 14.09.2024). (In Engl.)
8. Canadian Institutes of Health Research (CIHR), Updated Guidelines for Human Pluripotent Stem Cell Research, 2010. URL: <http://www.cihr-irsc.gc.ca/e/42071.html> (accessed 14.09.2024). (In Engl.)
9. Overview of International Human Embryonic Stem Cell Laws. URL: <https://www.thenewatlantis.com/publications/appendix-e-overview-of-international-human-embryonic-stem-cell-laws> (accessed 14.09.2024). (In Engl.)
10. Marchant Gary E., Pope Lynda L. The Problems with Forbidding Science. *Sci Eng Ethics*, 2009, 15 (3), pp. 375–394. (In Engl.)
11. Romanovskaya O. V. Constitutional Foundations of Delegation of State Powers to Entities of Private Law (on the Example of Management Companies). *Lex russica (Russian Law)*, 2017, no. 2 (123), pp. 32–41. (In Russ.)
12. Mokhov A. A. Pharmaceutical clusters: theory, legislation, practice. *Jurist*, 2017, no. 10, pp. 41–46. (In Russ.)
13. Vlasenko N. A. Individualization as a pattern of development of modern Russian legislation. *Journal of Russian Law*, 2015, no. 12, pp. 11–17. (In Russ.)
14. Pomortsev K. I. Cluster as a legal category. *Russian Law Journal*, 2021, no. 6, pp. 157–163. (In Russ.)

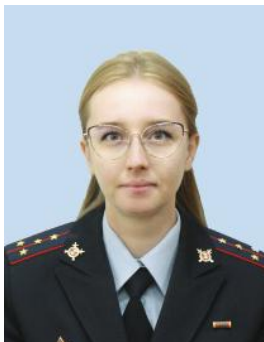
Информация об авторе

Г. Б. Романовский — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права Пензенского государственного университета.

Information about the author

G. B. Romanovsky — Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Law, Penza State University.

Научная статья
УДК 343.14
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-166-170>

Оценка достоверности заключения эксперта

Телевицкая Юлия Андреевна

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, miss.umniagina@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается один из элементов оценки доказательств в уголовном судопроизводстве — достоверность. Достоверность раскрывается на примере заключения эксперта как самостоятельного доказательства в уголовном процессе. Автором статьи были разработаны критерии оценки достоверности заключения эксперта, изучены основные подходы к понятию достоверности в теории уголовного процесса. Объектом проведенного исследования выступают общественные отношения, связанные с оценкой заключения эксперта на предмет его достоверности. Целью исследования является анализ подходов к понятию достоверности в уголовном процессе, а также разработка критериев достоверности заключения эксперта. Из методов, применяемых в исследовании, следует отдельно выделить диалектический метод, основанный на познании социальной и правовой действительности. Из числа общенаучных методов использовались следующие: анализ, синтез, индукция, дедукция. Из числа частнонаучных: социологический (при проведении анкетирования), математический (при обработке данных, полученных по результатам анкетирования), системный (при исследовании места и роли достоверности в системе элементов оценки доказательств), а также аксиологический метод научного исследования.

Ключевые слова: доказательства, процесс доказывания, оценка доказательств, достоверность, заключение эксперта

Для цитирования: Телевицкая Ю. А. Оценка достоверности заключения эксперта // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 4 (68). С. 166–170. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-166-170>.

Origin alarticle

Assessment of the reliability of the expert's opinion

Julia A. Televitskaya

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, miss.umniagina@yandex.ru

Abstract. The article considers one of the elements of evaluating evidence in criminal proceedings — reliability. The reliability is revealed by the example of an expert opinion as an independent evidence in a criminal trial. The author of the article has developed criteria for assessing the reliability of the expert's opinion, studied the main approaches to the concept of reliability in the theory of criminal procedure. The object of the conducted research is public

© Телевицкая Ю. А., 2024

relations related to the assessment of the expert's opinion for its reliability. The purpose of the study is to analyze approaches to the concept of reliability in criminal proceedings, as well as to develop criteria for the reliability of an expert's opinion. Of the methods used in the study, a dialectical method based on the knowledge of social and legal reality should be singled out separately. The following general scientific methods were used: analysis, synthesis, induction, deduction. Among the private scientific ones: sociological (when conducting a survey), mathematical (when processing data obtained from the results of the survey), systemic (when studying the place and role of reliability in the system of elements of evidence assessment), as well as the axiological method of scientific research.

Keywords: evidence, the process of proof, evaluation of evidence, reliability, expert opinion

For citation: Televitskaya J. A. Assessment of the reliability of the expert's opinion. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 4 (68), pp.166–170. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-166-170>.

Проблематика теории доказательств в уголовном процессе была и остается краеугольным камнем доктрины. Развитие современного общества и технического прогресса не обходит стороной уголовное судопроизводство. Наука и современные технологии пронизывают все сферы производства по уголовному делу, не исключая источники доказательств.

Заключение эксперта является одним из видов доказательств, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством. Технический прогресс влияет на развитие экспертной деятельности, появляются все новые методики и средства производства судебной экспертизы. Экспертное заключение представляет собой наиболее распространенную форму применения специальных познаний, получаемых специальным субъектом — экспертом, без навыков которого не было бы возможности установить то или иное обстоятельство по уголовному делу.

Необходимость в наличии специального познания и компетенция в той или иной области обуславливает специфику экспертного заключения как доказательства. Специфика заключения эксперта распространяется и на процесс доказывания. Оценка заключения эксперта представляет собой довольно сложный процесс, вызывающий многочисленные дискуссии. Прежде всего, это связано с тем, что субъектам процесса доказывания сложно оценить данный вид доказательств ввиду отсутствия у них определенных знаний в той или иной области, что существенно затрудняет процесс оценки заключения эксперта. При оценке экспертного заключения очень важно помнить о двух правилах, одно из которых исключает другое: «Не стоит слепо верить заключению эксперта, но и недооценивать его тоже не стоит» [1, с. 23].

Заключение эксперта является одним из видов доказательств, следовательно, на него распространяются все правила, которые

регламентируют работу с ним, оно должно пройти через все элементы процесса доказывания, в том числе через завершающий этап — оценку. В уголовном судопроизводстве доказательства оцениваются на предмет относимости, допустимости, достоверности и достаточности.

В отличие от относимости, допустимости и достаточности доказательств, такому элементу оценки, как достоверность доказательств, отечественными учеными уделяется меньше внимания. Уголовно-процессуальное законодательство также не отражает в своих нормах, что же понимается под данной правовой категорией.

Обратимся к этимологии слова «достоверный». Слово достоверный образовано путем соединения двух греческих слов: достойный и верный [2]. Толковые словари дают следующее определение понятия достоверный: «соответствующий действительности», «точный», «подлинный» [3].

Представители доктрины трактуют понятие достоверности через определение истины. Одни авторы приравнивают понятие истины и достоверности, утверждая, что достоверность и есть истина [4, с. 78]. Другие считают, что достоверность — это, прежде всего знание, которое соответствует действительности, то есть реально существующим обстоятельствам дела [5, с. 235].

Существует мнение, что достоверность — это выражение качества доказательств, которое связано с точным соответствием сведений с объективной реальностью [6, с. 147]. Процесс доказывания должен быть основан только на тех данных, которые полностью соответствуют фактическим обстоятельствам, то есть тем фактам, которые реально имели место быть и непосредственно связаны с уголовным делом.

Ближе всех нам определение Е. П. Гришиной, которая включает в понятие достоверности не только объективные, но и субъективные признаки, говоря о том, что под достоверностью

следует понимать истинное знание, которое подлежит проверке соответствующим субъектом процесса доказывания [1, с 175].

Следует отметить, что достоверность доказательств оценивается отдельно от других свойств оценки и производится в конце процесса доказывания. Доказательства могут быть относимыми, допустимыми, но по итогу признаны недостоверными, и наоборот.

Предлагаем рассмотреть сущность достоверности заключения эксперта через призму необходимых критериев.

1. Достаточность материалов, предоставляемых на исследование.

Для проведения полноценного исследования эксперту необходимо достаточное количество материалов, то есть объектов исследования. В том случае, если объектов недостаточно для ответа на поставленные перед экспертом вопросы, последнему необходимо поставить в известность следователя для того, чтобы он принял все необходимые меры для обнаружения дополнительных объектов.

Для признания результатов экспертизы достоверными необходимо не только определенное количество материалов, но и отсутствие сомнений в их качестве и происхождении. В случае сомнения в достоверности заключения эксперта, основанном на несоответствии предоставленных материалов, назначается повторная судебная экспертиза.

Приведем пример.

Суд пришел к выводу о необходимости назначения повторной судебно-психиатрической экспертизы по причине того, что на исследование были предоставлены не все медицинские документы подозреваемого, вследствие чего имеются сомнения в полноте и достоверности экспертного заключения [7].

2. Отсутствие сомнений в исходных данных, предоставляемых следователем, дознавателем и судом.

Предоставленные исходные данные воспринимаются экспертом как фактические обстоятельства, не подлежат его оценке и не входят в сферу исследования. Именно поэтому в том случае, если первоначальные данные о событии совершения противоправного деяния неверны, то заключение эксперта, основанное на ложной информации, будет признано недостоверным.

3. Применение методики, соответствующей компетентности эксперта и виду экспертизы.

В соответствии с федеральным законодательством эксперты имеют право производить

исследование исключительно по методикам, которые официально утверждены и разработаны для определенного вида производимой экспертизы. В исследовательской части заключения эксперта должны быть указаны методы, которые применялись в рамках производства экспертизы. Кроме этого, исследовательская часть экспертного заключения также должна содержать ссылки на справочную и научную литературу, которой пользовался эксперт. В противном случае достоверность заключения эксперта ставится под сомнение.

Приведем пример. По уголовному делу, возбужденному по факту убийства двух и более лиц, возникла необходимость в производстве судебной психолого-психиатрической экспертизы. По результатам проведенного исследования гражданина М*** признали невменяемым. Однако на стадии судебного разбирательства один из экспертов при допросе высказал свои сомнения относительно выводов эксперта-психолога, участвовавшего наряду с ним в исследовании. Сомнения выражались в том, что эксперт-психолог не использовал специальные методики, а в заключении не прописал, какие именно методы были им использованы для определения состояния подсудимого. Суд согласился с представленным мнением и принял решение о назначении повторной экспертизы ввиду сомнения в достоверности первой [8].

На основании проведенного нами анкетирования стало известно, что почти все эксперты из числа опрошенных (97 %) прописывают в исследовательской части заключения методы, применяемые при исследовании, 63 % указывают информацию о справочной и научной литературе, которую использовали при производстве экспертизы.

4. Полнота проведенного экспертом исследования.

Рассматриваемое положение само по себе требует уточнения по причине своего расширительного толкования.

Полнота достоверности экспертного заключения связана с применением всех необходимых для конкретного исследования методик, охватом предоставленных материалов и выявлением соответствующих признаков, на основе которых будут сделаны итоговые выводы. Также для определения полноты обращается внимание на то, насколько точно отражен ход и результаты исследования в заключении, присутствует ли иллюстрационный материал.

В том случае, если эксперт не имеет возможности дать ответ на один или несколько вопросов,

то ему необходимо аргументировать такой отказ, данный ответ будет также входить в категорию полноты достоверности заключения эксперта.

Приведем пример. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации признала заключение судебно-медицинского эксперта недостоверным по причине того, что эксперт ответил только на 3 из 5 поставленных вопросов. Эксперт дал ответ на вопросы: «Какие повреждения были обнаружены?» «Когда они образовались?» «Какой вред здоровью причинен?» Ответов же на вопросы про механизм образования и количество ударов получено не было. Аргументированного отказа приведено не было [9].

5. Отсутствие противоречия заключения эксперта с уже имеющимися доказательствами по уголовному делу.

Согласованность экспертного заключения является одним из основных критериев оценки его достоверности. К примеру, в случае противоречия одного экспертного заключения другому может быть назначена повторная экспертиза, о чем прямо указывает статья 87 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Приведем пример. В рамках уголовного дела, возбужденного по части 2 статьи 264 Уголовного кодекса Российской Федерации, было произведено 2 судебные экспертизы. Выводы экспертиз в части того, каким именно автомобилем был оставлен след на проезжей части, противоречат друг другу. В соответствии с результатами первой экспертизы отпечатки на дороге оставлены грузовиком, а по результатам второй — автобусом. Вызванные на допрос эксперты также дали противоречивые показания. В данном случае единственным выходом из сложившейся ситуации будет назначение повторной экспертизы [10].

Таким образом, нами были проанализированы основные критерии оценки достоверности заключения эксперта как доказательства по уголовному делу, изучены основные подходы к понятию достоверности в теории уголовного процесса.

В результате анализа критериев достоверности заключения эксперта мы пришли к следующим выводам:

1) для признания результатов экспертизы достоверными необходимо не только определенное количество материалов, но и отсутствие сомнений в их качестве и происхождении. В случае сомнения в достоверности заключения эксперта, основанном на несоответствии предоставленных материалов, назначается повторная судебная экспертиза;

2) исходные данные, предоставленные следователем, могут существенно повлиять на результаты проведенной экспертизы как в негативном, так и в позитивном ключе. Неверные исходные данные могут послужить поводом для признания заключения эксперта недостоверным доказательством;

3) в исследовательской части заключения эксперта должны быть указаны методы, которые применялись в рамках производства экспертизы. Кроме указания методов, исследовательская часть экспертного заключения также должна содержать ссылки на справочную и научную литературу, которой пользовался эксперт. В противном случае достоверность заключения эксперта ставится под сомнение;

4) полнота достоверности экспертного заключения связана с применением всех необходимых для конкретного исследования методик, охватом предоставленных материалов и выявлением соответствующих признаков, на основе которых будут сделаны итоговые выводы;

5) наличие противоречий в сведениях, содержащихся в экспертном заключении с другими доказательствами, служит поводом к дополнительной проверке достоверности экспертного заключения.

Список источников

1. Гришина Е. П. Достоверность доказательств и способы ее обеспечения в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1995. 211 с.
2. Этимологический словарь русского языка. URL: <https://lexicography.online/etymology/д/достоверный> (дата обращения: 15.09.2024).
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. URL: <https://ozhegov.slovaronline.com/> (дата обращения: 15.09.2024).
4. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Москва: Наука, 1970. 254 с.
5. Егорова А. М. К вопросу о понятии достоверности доказательств // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 4. С. 234–237.
6. Лебедев Н. Ю. Достоверность доказательств: понятие, значение и проблемы установления // Закон и право. 2022. № 4. С. 146–149.
7. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2003 года № 50-о02-33 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.09.2024).
8. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 25 сентября 2002 года № 53-о02-29 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.09.2024).
9. Обзор надзорной практики Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации за

2019 год // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. URL: <https://vsrf.ru/documents/practice/?year=2019> (дата обращения: 17.09.2024).

10. Обзор надзорной практики Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации за 2022 год. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2023. URL: <https://vsrf.ru/documents/practice/?year=2022> (дата обращения: 17.09.2024).

References

1. Grishina E.P. Reliability of evidence and ways to ensure it in criminal proceedings. Dissertation... candidate of legal sciences. Moscow, 1995. 211 p. (In Russ.)

2. Etymological dictionary of the Russian language. URL: <https://lexicography.online/etymology/д/достоверный> (accessed 15.09.2024). (In Russ.)

3. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of the Russian language. URL: <https://ozhegov.slovaronline.com/> (accessed 15.09.2024). (In Russ.)

4. Strogovich M. S. The course of the Soviet criminal process. Moscow: Nauka Publ., 1970. 254 p. (In Russ.)

5. Egorova A. M. On the question of the concept of reliability of evidence. *Actual problems of Russian law*, 2022, no. 4, 327 p. (In Russ.)

6. Lebedev N. Yu. Reliability of evidence: the concept, meaning and problems of establishment. *Law and law*, 2022, to. 4, pp. 146–149. (In Russ.)

7. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation no. 50-o02-33 of February 5, 2003. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 15.09.2024). (In Russ.)

8. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation no. 53-o02-29 of September 25, 2002. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 15.09.2024). (In Russ.)

9. Review of the supervisory practice of the Judicial Board of the Supreme Court of the Russian Federation for 2019. *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 2020. URL: <https://vsrf.ru/documents/practice/?year=2019> (accessed 15.09.2024). (In Russ.)

10. Review of the supervisory practice of the Judicial Board of the Supreme Court of the Russian Federation for 2022. *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 2023. URL: <https://vsrf.ru/documents/practice/?year=2022> (accessed 15.09.2024). (In Russ.)

Информация об авторе

Ю. А. Телевицкая — кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России.

Information about the author

J. A. Televitskaya — Candidate of Sciences (Law), lecturer at the Department Criminal Procedure of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Научная статья

УДК 343.97

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-171-179>

Роль подразделений информационных центров системы МВД России в предупреждении преступлений

Яковлев Денис Юрьевич¹, Бесчастнова Ольга Валерьевна²

¹Кировский районный суд Астрахани, Астрахань, Россия, deni-yakowlev@rambler.ru

²Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, Астрахань, Россия, beschastnova_ol@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются этапы развития информационных подразделений системы МВД России, начиная с начала XX века до настоящего времени. Дается описание ценности полученных и накапливаемых информационными подразделениями системы МВД России знаний с криминологической точки зрения. При этом авторы отмечают отсутствие в указанных подразделениях цели использования полученных данных (сведения о личности преступника, личности потерпевшего, следах преступления, похищенном имуществе и т. д.), предупреждение преступлений. Отмечается, что отсутствие единого подхода в разработке мер по предупреждению преступности как на территории страны, так и в отдельных ее субъектах не позволяет эффективно использовать полученные знания. В статье указывается, что на сегодня в Российской Федерации имеются различные базы данных, содержащих сведения о личностях преступников, личностях потерпевших, следах преступлений, похищенном имуществе, недвижимом имуществе, транспорте, мобильных номерах телефонов и другое, которые позволяют выявить причины и условия совершения преступлений однако их использование является неэффективным ввиду отсутствия конкретных подразделений, занимающихся разработкой мер по предупреждению преступности на территории Российской Федерации и отдельных ее субъектах. Авторы статьи говорят о том, что необходимо уделять внимание специфике преступности отдельно взятого региона, области, населенного пункта, на основе которой и разрабатывать единую программу предупреждения преступлений в данной местности. Особое внимание при разработке единой программы предупреждения преступности в регионе нужно уделять не только действиям специальных субъектов, направленных на борьбу с преступностью, но и предусматривать роль и задачи государственных органов, органов местного самоуправления, общественных объединений и граждан в реализации указанных мер. Таким образом, программа предупреждения преступности будет представлять собой «дорожную карту», разработанную информационными подразделениями системы МВД России при участии органов местного самоуправления, с учетом мнения жителей данного муниципального образования или субъекта Российской Федерации, на территории которого будет предусмотрена реализация указанной программы предупреждения преступности, что, безусловно, будет способствовать повышению эффективности предупреждения преступности и позволит гражданам Российской Федерации реализовать свое право, закрепленное в части 1 статьи 32 Конституции Российской Федерации, на свое непосредственное участие в управлении делами государства, защите общества от преступных посягательств.

Ключевые слова: преступность, личность преступника, причины преступности, предупреждение преступности, программы предупреждения преступности

© Яковлев Д. Ю., Бесчастнова О. В., 2024

Для цитирования: Яковлев Д. Ю., Бесчастнова О. В. Роль подразделений информационных центров системы МВД России в предупреждении преступлений // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 4 (68). С. 171–179. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-171-179>.

Original article

The role of divisions of information centers of the system of the MIA of Russia in crime prevention

Denis Y. Yakovlev¹, Olga V. Beschastnova²

¹ Kirovsky District Court of Astrakhan, Astrakhan, Russian Federation

² Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, Astrakhan, Russian Federation

Abstract. The article considers the development of information units of the Russian Ministry of Internal Affairs system from the beginning of the 20th century to the present day. It describes the value of knowledge obtained and accumulated by the information units of the Russian Ministry of Internal Affairs system from a criminological point of view. At the same time, the authors note the absence of a purpose for using the obtained data (information on the identity of the criminal; identity of the victim; traces of the crime; stolen property, etc.) and crime prevention in the said units. It is noted that the lack of a unified approach to developing crime prevention measures both in the country and in its individual entities does not allow for the effective use of the acquired knowledge. The article indicates that today in the Russian Federation there are various databases containing information on the identities of criminals, identities of victims, traces of crimes, stolen property, real estate, transport, mobile phone numbers, etc., which allow identifying the causes and conditions for committing crimes, however, their use is ineffective due to the lack of specific units engaged in developing crime prevention measures in the Russian Federation and its individual entities. The authors of the article say that it is necessary to pay attention to the specifics of crime in a particular region, area, or locality, on the basis of which a unified crime prevention program in a given area should be developed. When developing a unified crime prevention program in a region, special attention should be paid not only to the actions of special entities aimed at combating crime, but also to the role and tasks of state bodies, local governments, public associations and citizens in implementing these measures. Thus, the crime prevention program will be a “road map” developed by the information units of the Russian Ministry of Internal Affairs with the participation of local governments, taking into account the opinion of residents of a given municipality or subject of the Russian Federation, on the territory of which the implementation of this crime prevention program will be provided, which will certainly contribute to increasing the effectiveness of crime prevention and will allow citizens of the Russian Federation to exercise their right, enshrined in Part 1 of Article 32 of the Constitution of the Russian Federation, to their direct participation in managing state affairs - protecting society from criminal encroachments.

Keywords: crime, the identity of the criminal, causes of crime, crime prevention, crime prevention programs

For citation: Yakovlev D. Yu., Beschastnova O. V. The role of divisions of information centers of the system of the MIA of Russia in crime prevention. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 4 (68), pp. 171–179. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-171-179>.

Одно из положений римского права *Vim vi repellere licet* предусматривает, что человек вправе с помощью применения силы отражать нарушение своих прав. Очевидно, что преступность является негативной силой, влияющей на общественные отношения, которые охраняет закон и отражение этой силы путем выработки мер по ее предупреждению будет способствовать защите гражданских прав, укреплению законопослушного поведения, повышению экономического благосостояния граждан и общества и, как следствие, оздоровлению общества в целом. Изложенное актуализирует заявленную тематику исследования, которое ставит своей целью изучение роли подразделений информационных центров МВД России

в предупреждении преступности на территории России.

В целях объективного определения субъекта, занимающегося предупреждением преступности в России, в работе проведен исторический анализ законодательства и органов, на которые возложены сбор, обработка и хранение информации о преступлениях и преступниках, без учета которой невозможно выработать программу предупреждения преступности.

Опыт работы авторов более 25 лет в правоохранительных органах, судебной системе Российской Федерации, а также проведенные исследования в этой области позволяют прийти к выводу, что, несмотря на то обстоятельство, что законами различных ведомств

предусмотрено предупреждение преступлений в качестве одной из приоритетных задач этих ведомств (полиция, следственный комитет и др.), единого органа либо подразделения, отвечающего за разработку программ по предупреждению преступлений, не имеется. Интервьюирование 344 судей районного звена Российской Федерации, проведенное в период с 2011 по 2024 год, показало, что всем известно подразделение Информационного центра системы МВД России, в задачи которого входит сбор, хранение и обработка информации о преступлениях и лицах, их совершивших, однако ни одному из судей не было известно о наличии программ регионального уровня, направленных на предупреждение преступлений в их районах. Проведенное в этот же период анкетирование сотрудников органов внутренних дел и следственного комитета на территории Астраханской, Волгоградской, Липецкой и Саратовской областей (следователей, оперуполномоченных, участковых уполномоченных полиции и др.) показало, что утвержденные программы, содержащие меры по предупреждению преступности на территории их района, муниципального образования либо субъекта с указанием конкретного перечня мероприятий, которые необходимо выполнить теми либо иными правоохранительными службами, государственными или муниципальными органами, общественными организациями, отсутствуют.

При этом, опрошенные руководители структурных подразделений указали, что выработка мер по предупреждению преступлений осуществляется непосредственно подразделениями, на которые возложена обязанность по предотвращению, выявлению и раскрытию конкретных преступлений (например, сотрудники уголовного розыска занимаются выработкой мер по предупреждению общеуголовных преступлений, сотрудники службы по незаконному обороту наркотических средств — предупреждением преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, участковые уполномоченные — предупреждением всех видов преступлений, совершенных на территории их административного участка), а сами мероприятия, направленные на предупреждение преступлений, могут изменяться в зависимости от оперативной обстановки.

Указанное лишь подчеркивает, что отсутствует единая методика по разработке программ предупреждения преступности, а проводимая правоохранительными органами работа носит дискретный характер и не учитывает интересы как самого общества, так и иных органов

власти, которые также вправе и должны принимать участие в предупреждении преступности.

Все перечисленные обстоятельства указывают на необходимость криминологических исследований проблем предупреждения преступности.

Как общепринято считать, криминология как самостоятельная наука появилась в XIX веке, и первые ее представителями являются Р. Гарофало, Ч. Ломброзо, Ч. Беккариа, П. Н. Тарновская, Д. А. Дриль, которые пытались систематизировать знания о преступном поведении и борьбе с ним.

Однако мало кому известно, что задолго до указанных событий и исследований в Российской Империи в 1720 году Петром I принят «Генеральный регламент коллегиям» [1], который предписывал приступить к формированию центральных и местных губернских архивов на всей территории России.

Манифестом Александра I от 8 сентября 1802 года вместо государственных коллегий были учреждены министерства, в числе которых и Министерство внутренних дел [2, с. 196].

К деятельности указанного министерства на протяжении нескольких столетий относятся сбор, систематизация, хранение и анализ сведений, то есть тех сведений, которые необходимы для полноценных криминологических исследований в целях предотвращения и борьбы с преступностью.

23 сентября 1918 года решением коллегии Народного комиссариата внутренних дел РСФСР было утверждено «Положение о статистическом отделе Комиссариата внутренних дел». В положении было выделено: «статистический отдел сосредоточивает у себя разработку всех статистических материалов, находящихся в ведомстве Комиссариата внутренних дел, а именно: статистику преступных случаев по родам и видам, раскрытых и нераскрытых преступлений и т. п.» Таким образом, этим документом было положено начало создания информационных статистических подразделений органов внутренних дел. Отдел должен был обеспечивать сбор, обобщение и хранение информации о состоянии и динамике преступности в стране. Первые статистические сведения подсчитывались при помощи механических арифмометров «Феликс».

За несколько месяцев до этого по решению коллегии Народного комиссариата внутренних дел РСФСР в органах внутренних дел созданы архивные подразделения. Эти два решения положили начало созданию ныне существующей системы информационного обеспечения.

Невозможно представить проведение любого криминологического исследования без получения статистических показателей количественного и качественного состава преступлений, лиц, их совершивших, динамики преступности, которые аккумулируются именно в подразделениях информационного центра Министерства внутренних дел Российской Федерации [3–5].

История использования дактилоскопического и пофамильного оперативно-справочного учетов в деятельности правоохранительных органов по выявлению, предупреждению, раскрытию и расследованию преступлений берет свое начало во второй половине XIX века, когда еще очень скудные и разрозненные в то время сведения о преступниках и следы пальцев их рук начали систематизировать в зависимости от вида, места и способа совершения преступлений и собирать в единые информационные массивы в виде картотек. Дальнейшее увеличение объемов информации о лицах, с одной стороны, и разработка методики систематизации и классификации следов пальцев рук с использованием дактилоскопических формул, с другой — обусловили основные принципы формирования и ведения этих картотек, которые действуют и по сегодняшний день.

К концу 1906 года во всех российских тюрьмах оборудуют дактилоскопические кабинеты; в Министерстве внутренних дел создают дактилоскопическую картотеку.

В связи с событиями 1917 года, связанными с свержением монархии и установлением новой политической системы в стране, процесс дальнейшего становления аппаратов оперативно-розыскных и справочных учетов проходил сложно. О чем свидетельствует тот факт, что только к 1923 году Государственное политическое управление при НКВД РСФСР в своем приказе по вопросу дактилоскопирования лиц предлагало для централизации всего дактилоскопического материала организовать в уголовном розыске дактилоскопическое бюро.

Однако уже в 1935 году в связи с реорганизацией Объединенного государственного политического управления, приказом и объявленной им инструкцией предусматривалось, что Народный комиссариат внутренних дел (далее — НКВД) в целях учета преступников и их преступной деятельности ведет алфавитную и дактилоскопическую регистрацию. Таким образом, к середине 30-х годов фактически сформировались направления информационно-справочной работы.

Однако все эти направления не имели единого центра, руководящего этой работой.

В связи с этим в 1940 году было признано необходимым централизовать учеты в Первом спецотделе НКВД СССР. После разделения союзного НКВД в феврале 1941 года на два самостоятельных народных комиссариата: НКВД и Народный комиссариат государственной безопасности (далее — НКГБ), в состав которых были переданы централизованная оперативно-справочная картотека и архив, из Главного управления милиции — алфавитная и дактилоскопическая картотеки централизованного учета преступников, из ГУЛАГа — картотеки централизованного учета заключенных.

В дальнейшем, в связи с преобразованием и созданием министерств и поиском оптимальных оргштатных структур, функции и подчиненность первых спецотделов, а также аппаратов, ведавших статистической отчетностью и архивами, неоднократно менялись.

Так, в 1956 году в Первый спецотдел из Главного управления милиции передаются учетно-регистрационные подразделения, на основе которых учреждается отделение статистики.

В 1960 году функции первого спецотдела были переданы в Центральную оперативно-справочную картотеку.

В 1962 году Центральная оперативно-справочная картотека преобразовывается в Первый спецотдел МООП РСФСР.

В 1968 году при МВД организован Информационно-вычислительный центр для информационного обслуживания аппарата МВД СССР. На базе этого центра, 1-го спецотдела, отдела статистики оргинспекторского управления, бюро учета лиц, занимающихся бродяжничеством, приказом Министра МВД СССР 9 ноября 1970 года создан Главный информационный Центр, а в 1992 году, после упразднения МВД СССР и объединения с Российским информационным бюро МВД России — Главный информационный центр МВД России.

За долгие годы информационные подразделения прошли непростой путь своего становления и развития: от разрозненных по отдельным службам, основанных на ручном труде картотек, до информационных центров системы МВД России, оснащенных современной электронно-вычислительной техникой и средствами связи.

Поистине, революционные изменения в деятельности информационной службы внес научно-технический прогресс, резко повысивший материально-технический и научный потенциал органов внутренних дел и Информационных центров системы МВД России.

Работа информационных и вычислительных систем способствовала более оперативному составлению статистических отчетов, учету преступлений, лиц, совершивших преступления, и в конечном итоге раскрытию преступлений.

В настоящее время в России автоматизирован учет всех зарегистрированных уголовных дел, справочная картотека, организована автоматизация дактилоскопических учетов, автоматизирован розыск разыскиваемых лиц и похищенного имущества, в том числе транспорта, мобильных телефонов, оружия. Налажен процесс автоматизации информационных массивов архивного фонда.

На сегодняшний день, благодаря усилиям инженеров-программистов и электронщиков подразделений Информационных центров системы МВД России, эксплуатируется уже единый интегрированный банк данных регионального уровня, в котором размещены практически все виды учетов «федерального и регионального розыска» лиц, автотранспорта, оружия, номерных вещей, паспортов, адресов и многие другие учеты. Благодаря этой системе все практические сотрудники правоохранительных органов имеют возможность в режиме реального времени получать информацию по интересующим объектам учета непосредственно со своих рабочих мест.

Обработка статистических сведений является одним из основных направлений деятельности информационного центра системы МВД России, который занимается сбором, обработкой и выдачей информации о состоянии преступности на конкретной территории субъекта, города, района, поселения на основе единых статистических учетных документов, следит за движением уголовных дел, сроками их разрешения. Информация подразделения широко используется в работе аналитических подразделений, что позволяет принимать управленческие решения в области предупреждения отдельных преступлений и преступности в целом.

Неоспорим тот факт, что основная роль в раскрытии и профилактике преступлений, розыске преступников принадлежит оперативно-справочной и дактилоскопической информации.

Технологический прогресс с конца 90-х годов XX века позволил внедрить в подразделения информационных центров системы МВД России автоматизированные дактилоскопические идентификационные системы, в которые была введена вся информация из ручной дактилоскопической картотеки, а за время ее эксплуатации

в нее также внесены сведения о лицах, совершивших преступления, оставивших свои следы пальцев рук на местах совершения преступлений, неопознанных трупов, мигрантах; лицах, проходящих службу в государственных органах в соответствии с требованиями федеральных законов.

Использование указанной информации позволяет правоохранителям опознавать неустановленные трупы, устанавливать лиц, неспособных по состоянию здоровья сообщить о себе, либо лиц, срывающихся от правоохранительных органов, а также иных лиц, совершивших преступления, данные о которых неизвестны.

В настоящее время активно используется система распознавания лиц, позволяющая по имеющимся в базах данных МВД России фотографиям устанавливать лиц, совершивших противоправные деяния и (или) находящихся в розыске.

Сбор, обработка, хранение и своевременная передача заинтересованным лицам указанной информации является колоссальным трудом, для организации использования которой государству пришлось потратить ни одно столетие.

Более 100 лет назад было положено начало созданию статистических и архивных подразделений органов внутренних дел. В последующие годы система информационного обеспечения правоохранительных органов дополняется вновь создаваемыми подразделениями оперативно-справочных, розыскных и криминалистических учетов.

За указанный период своего существования информационные подразделения вместе с другими подразделениями правоохранительных органов прошли нелегкий путь, превратившись из малочисленных разрозненных отделений и отделов, преимущественно с ручной обработкой информации, в мощную информационную структуру.

Сегодня информационные центры системы МВД России представляют собой сложное многофункциональное подразделение.

Оснащенный современной электронно-вычислительной техникой и средствами связи, обрабатывающий большие объемы сведений, обеспечивает правоохранительные и иные органы государственной власти Российской Федерации оперативно-справочной, розыскной, криминалистической, статистической, архивной и иной информацией [6, с. 45].

Нет сомнения, что информационные подразделения системы МВД России будут и дальше наращивать свой потенциал, углубляя

и расширяя интеграционные процессы в информатике [7, с. 298].

Ценность полученных и накапливаемых информационными подразделениями системы МВД России знаний с криминологической точки зрения органами недооценена. На практике мы часто видим, как идет активное применение полученных данных для раскрытия отдельных преступлений, однако не стоит забывать, что, имея колоссальные информационные банки, позволяющие своевременно реагировать на состояние преступности в целом, их использование фактически ограничено уже совершенными преступлениями. В то время как подразделения, занимающиеся выработкой мер по предупреждению преступности на основе полученных данных, в систем МВД России отсутствуют. Об этом свидетельствует отсутствие единых подходов в борьбе с преступностью в регионах, единой программы противодействия преступности, а не отдельных преступлений в частности.

Следует отметить отсутствие в указанных подразделениях информационных центров системы МВД России основной цели использования полученных данных (сведения о личности преступника, личности потерпевшего, следах преступления, похищенном имуществе и т. д.) предупреждение преступлений.

В этой связи целесообразно возложить на информационные подразделения системы МВД России, расположенные в субъектах Российской Федерации, системную разработку программ по противодействию преступности в вверенном им субъекте Российской Федерации на основе проведенного анализа статистических данных, имеющихся в подразделениях информационных центров, с использованием знаний криминологов на основе, имеющихся криминологических школ.

Так, в настоящее время возможна разработка региональных программ по противодействию преступности на 1, 2 и 3 года. Поскольку единым центром, кооперирующим указанные учеты и массивы информации в правоохранительных органах, являются информационные центры системы МВД России, целесообразно возложить обязанность по разработке и согласованию указанных программ на аналитические подразделения информационных центров, расположенных в системе МВД России, которые должны согласовывать указанные программы противодействия преступности с соответствующими подразделениями правоохранительных органов (центров, управлений, служб) по борьбе с

терроризмом и экстремизмом, уголовным розыском, с управлением экономической безопасности и противодействию коррупции, по делам несовершеннолетних, осуществляющих охрану общественного порядка и т. д. [8].

Поскольку меры противодействия преступности могут быть как специально-криминологические, обязанность по обеспечению которых возложена прежде всего на правоохранительные органы, так и общесоциальные, в реализации которых могут быть задействованы государственные и муниципальные органы, общественные объединения, юридические лица и институты гражданского общества [9], видится правильным и объективным согласование указанных программ с представителями общественности, выдвижение которых может происходить от государственных и муниципальных органов из числа сознательных или почетных граждан, которые неравнодушны к судьбе своего региона. На необходимость изучения возможностей применения программно-целевого планирования предупреждения преступлений в отдельных субъектах Российской Федерации обращают внимание многие ученые, указывая на низкую эффективность программ борьбы с преступностью, реализуемых на местном уровне [10–13].

Указанное также позволит гражданам Российской Федерации реализовать свое право, закрепленное в части 1 статьи 32 Конституции Российской Федерации, на непосредственное участие в управлении делами государства, защите общества от преступных посягательств.

Участие в согласовании указанных программ позволит со стороны государственных структур субъекта и муниципалитетов не просто согласовывать меры противодействия преступности, которые будут принимать правоохранители, но и возлагать на них обязанность по принятию общесоциальных мер предупреждения. Например, в случае выявления преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения на одном участке местности, основной мерой предупреждения может служить установление естественной преграды для пешеходов (ограждения, высадка зеленых насаждений), устройств, ограничивающих скорость движения транспортных средств. В случае увеличения числа уличных преступлений основными мерами предупреждения может служить как повышение освещенности улиц, парков, скверов (общественных мест) [14], так и установление фото- и видеокamer, позволяющих не только фиксировать сами правонарушения. К общесоциальным

мерам по предупреждению преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, можно отнести меры, направленные на обеспечение занятости населения, поскольку, согласно официальной статистике, подавляющее большинство лиц, совершающих указанные преступления, да и преступления в целом официально не трудоустроены, а согласно проведенных многочисленных опросов на территории Астраханской и Саратовской областей более половины преступлений на территории указанных регионов совершено лицами, не имеющими постоянного источника дохода.

Безусловно, введение в Уголовный кодекс Российской Федерации ответственности за тунеядство не будет отвечать Основному закону страны — части 2 статьи 37 Конституции Российской Федерации, запрещающей принудительный труд. Однако, как показывает российская судебная практика, лица, имеющие постоянную занятость (трудоустроенные, осуществляющие предпринимательскую деятельность) гораздо реже выступают субъектами преступлений. Стоит вернуться к истории, согласно которой в XVIII–XIX веках основным доходом государства являлся подушевой доход населения. Представляется целесообразным и справедливым и для экономики страны в настоящее время использовать каждого трудоспособного члена общества для содержания государства. В этой связи на первом этапе развития стоит задуматься о материальной или иной финансовой поддержке лиц, не трудоустроенных официально и, соответственно, не выплачивающих налоги на содержание государства.

Кроме того, следует иметь в виду, что региональные программы по предупреждению конкретного вида преступности могут и должны различаться в зависимости от региона, области и даже населенного пункта и особенно структуры преступности в них [15]. Так, например, один из видов преступности, характерной для Астраханской области, — преступность, связанная с незаконной миграцией. Сотрудниками полиции Астраханской области за 2022 год выявлено 106 преступлений, связанных с фиктивной регистрацией и постановкой на учет иностранных граждан, 230 преступлений было совершено иностранными гражданами и лицами без гражданства. В этот же период в Чеченской Республике было выявлено всего 16 преступлений, совершенных иностранными гражданами, а в Республике Северная Осетия (Алания) выявлено 46 иностранных лиц, совершивших преступления. Объясняется это особым

географическим положением Астраханской области, близостью границ других государств, наличием транспортного узла и многонациональным составом региона. Как указывают И. О. Кравченко, С. А. Корягина, центрами миграционной привлекательности для иностранных граждан становятся не только экономически развитые регионы европейской части России, но и приграничные территории [16, с. 573].

Другим примером является преступность несовершеннолетних в различных субъектах России. В некоторых регионах меры профилактики и предупреждения преступности несовершеннолетних являются неэффективными, поэтому требуется принятие решений, способствующих ее минимизации. Данные статистики показали, что в 2022 году регионами, в которых произошел рост преступности среди несовершеннолетних являются: Новгородская область, Республика Тыва, Забайкальский край, Еврейская автономная область, Новосибирская и Иркутская области [17, с. 744]. Так, в Калининградской области за 2022 год выявлено 139 несовершеннолетних, совершивших преступления, в Астраханской области за указанный период выявлен 301 несовершеннолетний, а в Красноярском крае — 742 несовершеннолетних.

Кроме того, если сравнить статистику по районам Астраханской области, то данные значительно отличаются. Так, в Володарском районе выявлено всего 2 несовершеннолетних лица, совершивших преступления, в Приволжском районе — 10, непосредственно в городе Астрахани — 128 лиц. Следовательно, и общесоциальные, и специально-криминологические меры предупреждения подростковой преступности в этих районах будут отличаться. Нельзя использовать одни и те же рекомендации и меры во всех случаях и во все времена, так как меняется общество, а вместе с ним преступность. Разработка четких и эффективных предупредительных мер осуществляется на базе комплексного изучения преступности [18, с. 138]. Но в настоящее время разработчиками региональных программ предупреждения преступности фактически не учитывается ее специфика в городской и сельской местности, в программах отсутствуют реальные механизмы и средства [19, с. 27]. Важно отделить тенденции развития конкретного вида преступности от краткосрочных колебаний и найти причины устойчивых, длительных тенденций развития преступности [20].

Резюмируя изложенное, можно отметить, что, создавая систему предупреждения преступности, нужно учитывать специфику

преступности региона, области, населенного пункта. При разработке региональных программ предупреждения преступности следует основываться на проведенном анализе статистических данных, имеющихся в подразделениях информационных центров системы МВД России конкретного региона, с учетом массивов информации, содержащихся сведениях о личностях преступников, личностях потерпевших, следах преступлений, похищенном имуществе, недвижимом имуществе, транспорте, мобильных номерах телефонов и так далее, которые будут способствовать выявлению причин и условий совершения преступлений на отдельной территории или в отдельной сфере.

При этом особое внимание при разработке единой программы предупреждения преступности в регионе следует уделить не только действиям специальных субъектов борьбы с преступностью, но и предусмотреть роль и задачи государственных органов, органов местного самоуправления, общественных объединений и граждан в реализации указанных мер, чтобы программа предупреждения преступности представляла «дорожную карту», разработанную информационными подразделениями системы МВД России при участии органов местного самоуправления, с учетом мнения жителей данного муниципального образования или субъекта Российской Федерации на территории которого предусмотрена реализация программы предупреждения преступности, что, безусловно, будет способствовать повышению эффективности предупреждения преступности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- 1 Реформы Петра I: сборник документов / сост. В. И. Лебедев. Москва: Государственное социальное экономическое изд-во, 1937. 379 с.
2. Исаев М. А. История Российского государства и права: учебник. Москва: Статут, 2012. 838 с.
3. Щербакова Л. М. Женская насильственная преступность в современной России: криминологические проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2008. 59 с.
4. Лопашенко Н. А. Убийства: монография. Москва: Юрлитинформ, 2013. 540 с.
5. Яковлев Д. Ю. Преступления против жизни, совершаемые женщинами, и их предупреждение. Саратов, 2016. 213 с.
6. Вихляев А. А., Калинина С. В. Приоритетные направления деятельности и основные элементы информационно-аналитической работы подразделений ГИАЦ МВД России в условиях цифровизации органов внутренних дел // Научный портал МВД России. 2023. № 1 (61). С. 43–48.
7. Калашников О. Д., Шапошников Е. Л. Органы внутренних дел как один из основных субъектов исполнительной власти в области предупреждения преступности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1 (45). С. 298–299.
8. Shaw M. Handbook on the Crime Prevention Guidelines. New York, 2010. 124 p.
9. Pablo Madriaza, Ariane de Palacio. 6e Rapport international sur la prévention de la criminalité et la sécurité quotidienne. Québec, 2018. 174 p.
10. Ванчикин Д. Е. Криминологическая характеристика и предупреждение преступности в регионе (на материалах Ставропольского края): дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. 179 с.
11. Косарев В. Н., Косарева Л. В., Макогон И. В. Программно-целевой подход к предупреждению рецидивной преступности // Закон и право. 2009. № 10. С. 84–85.
12. Суслова Г. Н. Региональные комплексные программы по усилению борьбы с преступностью: теоретические аспекты разработки и механизм реализации (по материалам Центрального федерального округа): дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2004. 235 с.
13. Шериев А. М. Организация профилактики правонарушений в субъектах Российской Федерации // Юридический вестник ДГУ. Т. 13. 2015. № 1. С. 104–108.
14. Tompson, L., Steinbach, R., Johnson, S.D. *et al.* Absence of Street Lighting May Prevent Vehicle Crime, but Spatial and Temporal Displacement Remains a Concern. *J Quant Criminol* 39. P. 603–623 (2023).
15. Build-Gil D., Moretti A., Langton S. H. The accuracy of crime statistics: Assessing the impact of police data bias on geographic crime analysis // *Journal of Experimental Criminology*. 2021. P. 515–541.
16. Кравченко И. О., Корягина С. А. Уголовная политика в сфере обеспечения миграционной и экологической безопасности: постановка проблемы // *Всероссийский криминологический журнал*. 2022. Т. 16, № 5. С. 566–579.
17. Минстер М. В., Кузнецова М. В. Преступность несовершеннолетних: современные тенденции и меры ее предупреждения // *BaikalResearchJournal*. 2023. Т. 14. № 2. С. 743–752.
18. Ефремова О. С. Проблемы программно-целевого планирования предупреждения преступлений на уровне субъектов Российской Федерации и пути их решения // *Человек: преступление и наказание*. 2015. №3 (90). С. 135–140.
19. Евланова О. А., Коимшиди Г. Ф. Криминологические проблемы предупреждения преступности — некоторые результаты исследования // *Мониторинг правоприменения*. 2014. № 3. С. 25–29
20. Donohue J. J. Understanding the Time Path of Crime // *Journal of Criminal Law and Criminology*. 1998. Vol. 88, № 4. Pp. 1423–1451.

References

1. Reforms of Peter I: collection of documents / comp. by V. I. Lebedev. Moscow: State Social-Economic Publishing House, 1937. 379 p. (In Russ.)
2. Isaev M. A. History of the Russian State and Law: textbook. Moscow: Statut, 2012. 838 p. (In Russ.)
3. Shcherbakova L. M. Female violent crime in modern Russia: criminological problems. Dissertation... doctor of legal sciences, 2008. 59 p. (In Russ.)
4. Lopashenko N. A. Murders: monograph. Moscow: YurLitinform Publ., 2013. 540 p. (In Russ.)
5. Yakovlev D. Yu. Crimes against life committed by women and their prevention. Saratov, 2016. 213 p. (In Russ.)
6. Vikhlyayev A. A., Kalinina S. V. Priority areas of activity and main elements of information and analytical work of the units of the State Information and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the context of digitalization of internal affairs bodies. *Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 1 (61), pp. 43–48. (In Russ.)
7. Kalashnikov O. D., Shaposhnikov E. L. Internal affairs bodies as one of the main subjects of executive power in the field of crime prevention. *Legal science and practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 1 (45), pp. 298–299. (In Russ.)
8. Shaw M. Handbook on the Crime Prevention Guidelines. New York, 2010. 124 p. (In Russ.)
9. Pablo Madriaza, Ariane de Palacio. 6th International Report on the Prevention of Criminality in Security. Quebec, 2018. 174 p. (In Russ.)
10. Vanichkin D. E. Criminological Characteristics and Crime Prevention in the Region (Based on Materials from the Stavropol Territory). Dissertation... candidate of legal sciences. Stavropol, 2004. 179 p. (In Russ.)
11. Kosarev V. N., Kosareva L. V., Makogon I. V. Program-targeted Approach to the Prevention of Recidivism. *Law and Right*, 2009, no. 10, pp. 84–85. (In Russ.)
12. Suslova G. N. Regional Comprehensive Programs to Strengthen the Fight against Crime: Theoretical Aspects of Development and Implementation Mechanism (Based on Materials from the Central Federal District). Dissertation... candidate of legal sciences. Moscow, 2004. 235 p. (In Russ.)
13. Sheriev A. M. Organization of crime prevention in the constituent entities of the Russian Federation. *Legal Bulletin of DSU*, 2015, vol. 13, no. 1, pp. 104–108. (In Russ.)
14. Tompson L., Steinbach, R., Johnson, S. D. et al. Absence of Street Lighting May Prevent Vehicle Crime, but Spatial and Temporal Displacement Remains a Concern. *J Quant Criminol* 39.2023. P. 603–623 (In Engl.)
15. Build-Gil D., Moretti A., Langton S. H. The accuracy of crime statistics: Assessing the impact of police data bias on geographic crime analysis. *Journal of Experimental Criminology*, 2021, pp. 515–541. (In Russ.)
16. Kravchenko I. O., Koryagina S. A. Criminal policy in the field of ensuring migration and environmental security: problem statement. *All-Russian Criminological Journal*, 2022, vol. 16, no. 5, pp. 566–579. (In Russ.)
17. Minster M. V., Kuznetsova M. V. Juvenile delinquency: current trends and measures to prevent it. *Baikal Research Journal*, 2023, vol. 14, no. 2, pp. 743–752. (In Russ.)
18. Efremova O. S. Problems of program-targeted planning of crime prevention at the level of constituent entities of the Russian Federation and ways to solve them. *Man: crime and punishment*, 2015, no. 3 (90), pp. 135–140. (In Russ.)
19. Evlanova O. A., Koimshidi G. F. Criminological problems of crime prevention — some research results. *Monitoring of law enforcement*, 2014, no. 3, pp. 25–29/ (In Russ.)
20. Donohue J. J. Understanding the Time Path of Crime. *Journal of Criminal Law and Criminology*, 1998, vol. 88, no. 4, pp. 1423–1451. (In Russ.)

Информация об авторах

Д. Ю. Яковлев — кандидат юридических наук, доцент, заместитель председателя Кировского районного суда Астрахани;

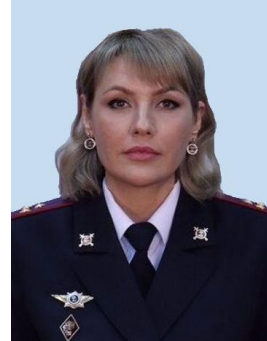
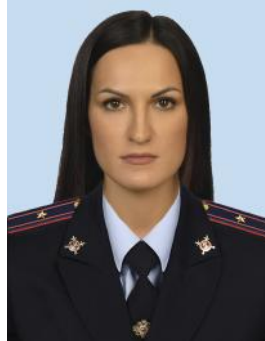
О. В. Бесчастнова — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и правоохранительной деятельности Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева.

Information about authors

D. Yu. Yakovlev — Candidate of sciences (Law), associate professor, Deputy chairman of the Kirov District Court of Astrakhan;

O. V. Beschatnova — Candidate of sciences (Law), Associate professor, head of the department of criminal law and law enforcement activities of the Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev.

Научная статья
УДК 343.98
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-180-185>

Актуальные способы неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации

Янгаева Марина Олеговна¹, Шепель Наталья Вячеславовна²

¹Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия,

²Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, Калининград, Россия,

¹marina-yo@mail.ru

²shepelnv@mail.ru

Аннотация. Авторы, опираясь на статистические данные, а также практический опыт, определяют неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации как активно развивающееся направление. В статье проиллюстрированы три наиболее часто встречающихся способа воздействия на объекты критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: DDOS-атака, заражение вредоносным программным обеспечением, использование уязвимостей программного обеспечения и оборудования субъекта критической информационной инфраструктуры Российской Федерации.

Ключевые слова: критическая информационная инфраструктура Российской Федерации, способ совершения преступления, вредоносное программное обеспечение, несанкционированный доступ, DDOS-атака, информационная безопасность

Для цитирования: Янгаева М. О., Шепель Н. В. Актуальные способы неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 4 (68). С. 180–185. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-180-185>.

Original article

Current methods of unlawful influence on the critical information infrastructure of the Russian Federation

Marina O. Yangaeva¹, Natalia V. Shepel²

¹Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russian Federation,

²Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kaliningrad, Russian Federation,

¹marina-yo@mail.ru

²shepelnv@mail.ru

Abstract. The authors, relying on statistical data and practical experience, define illegal impact on the critical information infrastructure of the Russian Federation as an actively developing area. The article illustrates three most common methods of impact on objects of the critical information infrastructure of the Russian Federation: DDOS

© Янгаева М. О., Шепель Н. В., 2024

attack, infection with malware, exploitation of vulnerabilities in software and equipment of a subject of the critical information infrastructure of the Russian Federation.

Keywords: critical information infrastructure of the Russian Federation, method of committing a crime, malicious software, unauthorized access, DDOS attack, information security

For citation: Yangaeva M. O., Shepel N. V. Current methods of unlawful influence on the critical information infrastructure of the Russian Federation. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 4 (68), pp. 180-185. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-180-185>.

В условиях складывающейся геополитической обстановки, усиления давления со стороны Запада, в том числе в информационном поле, особую актуальность приобретает вопрос обеспечения безопасности информационных систем, информационно-телекоммуникационных сетей, автоматизированных систем управления объектов, функционирующих в различных сферах жизнедеятельности: здравоохранения, науки, транспорта, связи, энергетики, банковской сфере и иных сферах финансового рынка, топливно-энергетического комплекса, в области атомной энергии, оборонной, ракетно-космической, горнодобывающей, металлургической и химической промышленности.

Основным методом противоправного воздействия по-прежнему остается проведение различных компьютерных атак в целях выведения из строя информационной инфраструктуры российских организаций независимо от форм собственности, нарушение государственного управления, нанесение ущерба российской экономике, подрыв авторитета власти и создание социальной напряженности. Наиболее атакуемыми в Российской Федерации являлись информационные ресурсы органов государственной власти, организаций сфер связи, науки и образования, промышленности и транспорта [1].

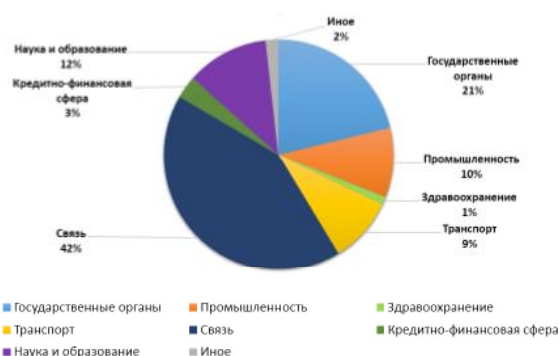

Рис. 1. Статистические данные атакуемых ресурсов Российской Федерации

По информации Лаборатории Касперского, основанной на данных статистики компьютерных

инцидентов, выявленных у пользователей *Kaspersky Managed Detection and Response*, за первые шесть месяцев 2024 года в России и СНГ количество киберинцидентов на объектах критической информационной инфраструктуры Российской Федерации (далее — КИИ РФ) выросло на 39 % по сравнению с аналогичным периодом 2023 года. С наибольшим числом таких инцидентов столкнулись организации в сферах телекоммуникаций (рост более чем в 10 раз), строительства (рост в 2 раза) и информационных технологий (незначительное падение на 10 %). По общему числу всех зафиксированных инцидентов в лидерах организации в сфере телекоммуникации (340), СМИ (250) и здравоохранения (175) [2].

Для обеспечения устойчивого функционирования КИИ РФ и противодействия компьютерным атакам в отношении нее 26 июля 2017 года был принят Федеральный закон № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» (далее — ФЗ от 26 июля 2017 года № 187-ФЗ). Закон раскрывает понятие КИИ и определяет ее как «объекты КИИ, а также сетей электросвязи, используемые для организации взаимодействия таких объектов» [3, с. 87]. К объектам КИИ РФ закон относит информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, автоматизированные системы управления субъектов КИИ РФ.

Для противодействия противоправным деяниям, направленным на объекты КИИ РФ, федеральным законом от 26 июля 2017 года № 194-ФЗ [4] в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) была добавлена статья 274.1 «Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации».

Ежегодно органами безопасности Российской Федерации фиксируется рост числа компьютерных инцидентов, в первую очередь перебор аутентификационной информации, попытки внедрения вредоносного программного обеспечения или эксплуатация уязвимостей, DDoS-атаки.

Проанализировав судебные статистические данные за 2020–2023 года (рис. 2) по вопросу осуждения лиц, совершивших преступление, предусмотренное статьей 274.1 УК РФ [5], пришли к выводу, что с 2022 года заметно увеличилось число осужденных по данной статье лиц, а значит и фактов неправомерного доступа на объекты критической информационной инфраструктуры Российской Федерации.

Год	ч. 1 274.1 УК РФ	ч. 2 274.1 УК РФ	ч. 3 274.1 УК РФ	ч. 4 274.1 УК РФ	ч. 5 274.1 УК РФ
2020	3	3	1	1	0
2021	2	1	2	10	0
2022	6	3	4	41	0
2023	10	4	4	61	0

Рис. 2. Статистические данные судов Российской Федерации по количеству осужденных по статье 274.1 УК РФ

Рост числа компьютерных инцидентов возник из ряда проблем обеспечения информационной безопасности, актуальность которой в условиях проведения специальной военной операции многократно возросла. Установлено, что данные проблемы формируются следующими основными факторами:

- пренебрежение руководителями организаций существующими требованиями и методическими рекомендациями в области информационной безопасности, отсутствие у данных должностных лиц, а также у сотрудников организаций понимания необходимости своевременного устранения обнаруживаемых угроз информационной безопасности;

- неконкурентоспособность отечественного аппаратного и программного обеспечения;

- внешнеполитическая обстановка;

- выполнение не в полном объеме и (или) с нарушением установленных сроков выданных органами безопасности России рекомендаций по нейтрализации актуальных угроз;

- нехватка специалистов в области информационной безопасности, следствием которой является возложение соответствующих обязанностей на непрофильных специалистов;

- отсутствие основополагающих документов в области обеспечения безопасности информации в организациях;

- недостаток знаний в области информационной безопасности у пользователей.

На регулярной основе органами безопасности России проводятся контрольно-технические мероприятия по оценке защищенности

информационных систем и сетей и мероприятия по оценке степени защищенности от компьютерных атак информационных ресурсов, находящихся в зонах ответственности организаций различных сфер КИИ РФ. В более чем половине проверенных систем и сетей выявлены уязвимости и недостатки настройки, позволяющие внешнему и внутреннему злоумышленнику нарушить их штатное функционирование и (или) получить несанкционированный доступ к обрабатываемой информации.

Стоит отметить, что получение несанкционированного доступа не всегда осуществляется посредством использования хакерских навыков. В ряде случаев свою роль играл человеческий фактор, позволявший условному взломщику физически проникнуть на охраняемый объект и подключиться к внутренним информационным ресурсам с дальнейшим взломом.

Важность обеспечения безопасности объектов КИИ РФ трудно переоценить, так как нарушение их функционирования либо вывод из строя может привести к серьезным последствиям для безопасности государства и общества.

В данной статье не будем останавливаться на рассмотрении действующего законодательства в сфере КИИ РФ, лишь отметим, что разработанная система мер по обеспечению безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации при должном подходе позволяет адекватно реагировать на возникающие угрозы. Также поясним, что сам факт прохождения в соответствии с ФЗ от 26 июля 2017 года № 187-ФЗ [6] процедуры категорирования и последующего внесения объекта в реестр значимых объектов КИИ РФ не является целью и не обеспечивает безопасность.

Практика работы органов безопасности России свидетельствует о том, что чем большей зрелостью в вопросах обеспечения информационной безопасности обладал субъект (выполнение требований и методических рекомендаций по информационной безопасности, наличие в штате квалифицированных специалистов по информационной безопасности, своевременное устранение выявляемых уязвимостей и недостатков и т. д.), тем выше была его готовность к резкому возрастанию напряженности в российском информационном пространстве. В отношении таких субъектов возможности злоумышленников ограничивались лишь распределенными компьютерными атаками типа отказ в обслуживании на внешние

информационные ресурсы, периодически приводившими к непродолжительным нарушениям доступности данных информационных ресурсов, но не оказавшими существенное влияние на основную деятельность организаций.

Вместе с тем совокупность выявленных проблем позволяет говорить о том, что защищенность информационных ресурсов субъектов КИИ РФ от компьютерных атак остается недостаточной.

В качестве основных целей злоумышленников следует выделить:

- остановку (нарушение) производств и технологических процессов;
- получение информации об оборонном потенциале государства, объемах и характеристиках производимого вооружения;
- получение несанкционированного доступа к информационным ресурсам;
- нарушение предоставления государственных услуг;
- оказание информационно-психологического воздействия на население, в том числе для создания социальной напряженности, снижения привлекательности Российской Федерации в качестве внешнеторгового партнера.

Далее приведем наиболее часто встречающиеся способы воздействия на информационные ресурсы субъектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации:

1. Проведение DDOS-атак

В отдельных случаях в целях обхода средств защиты и блокировок злоумышленниками использовались малораспространенные подходы к проведению DDoS-атак, например одновременное повышение нагрузки на целевой сайт с задействованием легитимных сервисов (перевода текстов, проверки доступности хостов, скорости работы сайтов и др.).

Так, в период проведения Петербургского международного экономического форума 2022 года наблюдались вызванные DDoS-атаками перебои функционирования информационных ресурсов организаций, задействованных в проведении мероприятия. В частности, был выведен из строя сегмент информационно-телекоммуникационной сети, отвечавший за аккредитацию участников мероприятия, что привело к задержке выступления Президента Российской Федерации примерно на 1 час.

2. Заражение вредоносным программным обеспечением (далее — ВПО)

Наибольшее число компьютерных инцидентов, связанных с внедрением ВПО, было выявлено на объектах государственных органов и оборонной промышленности. Основным способом доставки модулей ВПО являлись целевые рассылки фишинговых сообщений. Таким образом, можно выделить следующие виды:

— целевая рассылка фишинговых сообщений, содержащих ссылки для загрузки ВПО, на официальные адреса электронной почты организаций. В письмах использовалась тематика, связанная с СВО, в частности некоторые вредоносные файлы доставлялись под видом повесток в военкомат в рамках частичной мобилизации. Такие действия злоумышленников зафиксированы в 40 организациях в различных федеральных округах Российской Федерации. В ряде случаев подтверждены факты успешного внедрения модулей ВПО и несанкционированной передачи информации;

— в областной медицинский информационно-аналитический центр одного из субъектов Российской Федерации было удаленно установлено ВПО, осуществляющее компьютерную атаку на информационные ресурсы многофункционального центра предоставления государственных услуг. Кроме того, в результате несанкционированного доступа к почтовому серверу республиканского учреждения здравоохранения была произведена рассылка более 760 тысяч сообщений электронной почты мощеннического характера;

— зафиксированы утечки данных государственных органов, персональных данных клиентов крупных операторов связи, компаний, осуществляющих почтовую связь и курьерскую деятельность, сервисов доставки еды и товаров, медицинских организаций, транспорта, компаний сферы услуг, средств массовой информации и др.;

— некомпетентность системного администратора в совокупности с практически отсутствующей защитой корпоративной сети привела к заражению вирусом-шифровальщиком информационной сети муниципального предприятия и фактической блокировке финансовых потоков организации. Кроме того, возможности ВПО позволяли получить доступ к системе управления светофорным оборудованием крупного регионального центра, неправомерное использование которого могло привести к образованию транспортного коллапса и большим человеческим жертвам вследствие дорожно-транспортного происшествия;

— несоблюдение элементарных требований безопасности, касающихся регулярного обновления парольной именной группы и сохранения высокого уровня защиты от случайного подбора, приводило к получению несанкционированного доступа к системам видеонаблюдения предприятий и организаций.

3. Использование уязвимостей программного обеспечения и оборудования субъектов КИИ РФ:

— незадекларированные возможности оборудования автоматической пожарной сигнализации, систем оповещения и управления эвакуацией со встроенным GSM-модулем, технические характеристики которых позволяют определять местоположение по географическим координатам и принимать различные команды из центра управления за рубежом, что использовалось иностранной стороной для целеуказания;

— фиксировались факты использования заложенных производителями незадекларированных возможностей медицинского оборудования и информационных систем в одном из учреждений, подведомственных Федеральному медико-биологическому агентству России, вследствие чего получен несанкционированный доступ к программному обеспечению томографа производства компании *Siemens* с последующим выведением его из строя. Доступ к оборудованию осуществлялся из-за пределов России;

— в результате эксплуатации уязвимости с последующим получением несанкционированного доступа к информационным ресурсам АО «Сервис-ТВ» была произведена подмена содержимого таблиц с телевизионным контентом, в расписании телепрограмм ряда крупных российских операторов телевидения размещены сообщения, содержащие недостоверную информацию в отношении проведения СВО на территории Украины;

— массовые факты подмены контента и (или) нарушения функционирования информационных ресурсов государственных органов, организаций сфер связи, промышленности, науки и образования, здравоохранения, транспорта, кредитно-финансовой сферы и средств массовой информации, произошедшие в результате успешной эксплуатации критической уязвимости CVE-2022-27228 (CMS *Bitrix24*). Примечательно, что сведения об указанной уязвимости за несколько месяцев до возникновения указанных компьютерных инцидентов были размещены в Банке данных угроз безопасности информации Федеральной службы по техническому и экспортному контролю России

и распространены по каналам Национального координационного центра по компьютерным инцидентам.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что для осуществления качественного расследования неправомерного воздействия на КИИ РФ сотрудникам правоохранительных органов необходимо знать актуальные способы совершения данных преступлений, а субъектам КИИ РФ необходимо превентивно выстраивать все процессы, связанные с мониторингом и своевременным реагированием на компьютерный инцидент. При этом важно постоянно проводить проверку защищенности объектов КИИ РФ, а также регулярно осведомлять сотрудников организации о вопросах информационной безопасности и уголовной ответственности за неправомерное воздействие на КИИ РФ.

Список источников

1. TADVISER. Государство. Бизнес. Технологии. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%A7%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%BE_%D0%BA%D0%B8%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B0%D0%BA_%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8_%D0%B8_%D0%B2_%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%B5#.2A_2024:_D0.94.D0.BE.D0.BB.D1.8F_.D0.B7.D0.B0.D0.BA.D0.B0.D0.B7.D0.BD.D1.8B.D1.85_.D0.BA.D0.B8.D0.B1.D0.B5.D1.80.D0.B0.D1.82.D0.B0.D0.BA_.D0.BD.D0.B0_.D1.80.D0.BE.D1.81.D1.81.D0.B8.D0.B9.D1.81.D0.BA.D0.B8.D0.B5_.D0.BA.D0.BE.D0.BC.D0.BF.D0.B0.D0.BD.D0.B8.D0.B8_.D0.B7.D0.B0_.D0.B3.D0.BE.D0.B4_.D0.B2.D1.8B.D1.80.D0.BE.D1.81.D0.BB.D0.B0_.D1.81_10.25_.D0.B4.D0.BE_44.25 (дата обращения: 25.09.2024).

2. URL: <https://www.kaspersky.ru/about/press-releases/laboratoriya-kasperskogo-v-pervom-polugodii-2024-goda-zafiksirovan-kratnyj-rost-atak-na-sfery-telekoma-i-stroitelstva> (дата обращения: 25.09.2024).

3. Ефремова М. А. Уголовная ответственность за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13. № 4 (50). С. 86–92.

4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»: федеральный закон от 26 июля 2017 года № 194-ФЗ // Доступ из СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 20.09.2024).

5. Судебная статистика Российской Федерации за 2020–2023 годы. URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn-p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 25.09.2024).

6. О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: федеральный закон от 26 июля 2017 года № 187-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.09.2024).

References

1. TADVISER. State. Business. Technologies. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%A7%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%BE_%D0%BA%D0%B8%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B0%D0%BA_%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8_%D0%B8_%D0%B2_%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%B5#_2A_2024:_D0.94.D0.BE.D0.BB.D1.8F_.D0.B7.D0.B0.D0.BA.D0.B0.D0.B7.D0.BD.D1.8B.D1.85_.D0.BA.D0.B8.D0.B1.D0.B5.D1.80.D0.B0.D1.82.D0.B0.D0.BA_.D0.BD.D0.B0_.D1.80.D0.BE.D1.81.D1.81.D0.B8.D0.B9.D1.81.D0.BA.D0.B8.D0.B5_.D0.BA.D0.BE.D0.BC.D0.BF.D0.B0.D0.BD.D0.B8.D0.B8_.D0.B7.D0.B0_.D0.B3.D0.BE.D0.B4_.D0.B2.D1.8B.D1.80.D0.BE.D1.81.D0.BB.D0.B0_.D1.81_10.25_.D0.B4.D0.BE_44.25 (accessed 25.09.2024). (In Russ.)
2. URL <https://www.kaspersky.ru/about/press-releases/laboratoriya-kasperskogo-v-pervom-polugodii-2024-goda-zafiksirovan-kratnyj-rost-atak-na-sfery-telekoma-i-stroitelstva> (accessed 25.09.2024). (In Russ.)

2024-goda-zafiksirovan-kratnyj-rost-atak-na-sfery-telekoma-i-stroitelstva (accessed 25.09.2024). (In Russ.)

3. Efremova M. A. Criminal liability for unlawful impact on the critical information infrastructure of the Russian Federation. *Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, vol. 13, no. 4 (50), pp. 86–92. (In Russ.)

4. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in Connection with the Adoption of the Federal Law “On the Security of the Critical Information Infrastructure of the Russian Federation”: federal law no. 194-FZ of July 26, 2017. Access from the reference legal system «ConsultantPlus» (accessed 25.09.2024). (In Russ.)

5. Judicial Statistics of the Russian Federation for 2020–2023. URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (accessed 25.09.2024). (In Russ.)

6. On the security of the critical information infrastructure of the Russian Federation: federal law no. 187-FZ of July 26, 2017. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 25.09.2024). (In Russ.)

Информация об авторе

М. О. Янгаева — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России;

Н. В. Шепель — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России.

Information about the author

M. O. Yangaeva — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor of the criminalistics department of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

N. V. Shepel — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor of the criminal procedure department of the Kaliningrad branch of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Научная статья

УДК 343.98

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-186-192>

**Актуальные вопросы противодействия преступлениям,
совершаемым в сфере химической промышленности: цифры, факты,
правоприменительные проблемы**

Абдулкеримов Гайдар Магомедшерифович

ГУ МВД России по Нижегородской области, Нижний Новгород, Россия, gaidarnnov@gmail.com

Аннотация. В данной статье исследуется современное состояние химической промышленности как востребованной и динамично развивающейся отрасли российской экономики, требующей особого внимания со стороны правоохранительных органов. Анализируются актуальные показатели выявленных в данном секторе экономики преступлений, причины неравномерного распределения данных показателей по регионам Российской Федерации. Раскрываются особенности данной отрасли, включая ее многоотраслевой состав, сложность технологичного процесса, наличие множественных стандартов и правил, связанных с оборотом многообразной химической продукции. Определяется перечень объектов химической промышленности, субъекты, участвующие в ее производстве и обороте.

При рассмотрении вопросов оперативно-розыскного противодействия преступлениям, совершаемым в сфере химической промышленности, автором раскрываются способы совершения данных преступлений, приводятся примеры конкретных уголовных дел, анализируются проблемные аспекты противодействия преступлениям в химической отрасли на примере незаконного предпринимательства.

Формулируются выводы о ключевых факторах успеха противодействия преступлениям, совершаемым в сфере химической промышленности, к которым автор, в частности, относит наличие четкой и понятной правоприменителю правовой базы по вопросам правового регулирования оборота продукции, объектов химической промышленности, наличие специфичных знаний у специализирующегося по данной линии работы сотрудника МВД России, взаимодействие сотрудников ЭБиПК в процессе работы с различными правоохранительными органами, службами и ведомствами.

Ключевые слова: химическая промышленность, противодействие преступлениям в сфере химической промышленности, преступления экономической направленности, оперативно-розыскная деятельность

Для цитирования: Абдулкеримов Г. М. Актуальные вопросы противодействия преступлениям, совершаемым в сфере химической промышленности: цифры, факты, правоприменительные проблемы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 4 (68). С. 186–192. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-186-192>.

Original article

© Абдулкеримов Г. М., 2024

Current issues of combating crimes committed in the chemical industry: figures, facts, law enforcement problems

Gaidar M. Abdulkerimov

State Directorate of the Ministry of Internal Affairs, Nizhny Novgorod, Russian Federation, gaidarnov@gmail.com

Abstract. This article examines the current state of the chemical industry as a popular and dynamically developing sector of the Russian economy, requiring special attention from law enforcement agencies. The current indicators of crimes detected in this sector of the economy, the reasons for the uneven distribution of these indicators across the regions of the Russian Federation are analyzed. The features of this industry are revealed, including its multi-industry composition, the complexity of the technological process, the presence of multiple standards and rules related to the circulation of various chemical products. The list of chemical industry facilities, entities involved in its production and circulation is determined.

When considering issues of operational-search counteraction to crimes committed in the chemical industry, the author reveals the methods of committing these crimes, provides examples of specific criminal cases, analyzes problematic aspects of counteraction to crimes in the chemical industry using the example of illegal entrepreneurship.

Conclusions are formulated about the key factors for the success of combating crimes committed in the chemical industry, to which the author, in particular, includes the presence of a clear and understandable legal framework for law enforcement on issues of legal regulation of the turnover of products of chemical industry facilities, the presence of specific knowledge of a law enforcement officer specializing in this line of work, the interaction of employees of the Economic Security and Anti-Corruption Department in the process of working with various law enforcement agencies, services and departments.

Keywords: chemical industry, combating crimes in the chemical industry, economic crimes, operational investigative activities

For citation: Abdulkerimov G. M. Current issues of combating crimes committed in the chemical industry: figures, facts, law enforcement problems. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 4 (68), pp. 186–192. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-186-192>.

Химический комплекс Российской Федерации является базовым сегментом отечественной экономики. По данным Министерства экономического развития Российской Федерации, по итогам 2023 года отмечился рост производства химической промышленности (+ 5,0 % г/г), причем в плюсе остались все подотрасли комплекса, среди которых наибольший вклад в положительную динамику было внесено за счет наращенных темпов производства химических веществ и продуктов (+4,6 % г/г.) [1].

Вместе с тем отметилась отрицательная динамика количества выявленных в данном секторе экономики преступлений (по сравнению с 2022 годом). Так, по данным Главного информационного аналитического центра МВД России, за 12 месяцев 2023 года на территории Российской Федерации подразделениями экономической безопасности и противодействия коррупции (далее — ЭБиПК) территориальных органов МВД России выявлено 88 преступлений в сфере химической промышленности, в то время как только за 6 месяцев 2022 года было выявлено 112 преступлений. Лидером по количеству выявленных в 2023 году преступлений стал

Приволжский федеральный округ (выявлено 29 преступлений), в Центральном федеральном округе — 24 преступления (15 из которых в Москве и Московской области), в Северо-Западном федеральном округе — 19 преступлений (9 из которых — в Санкт-Петербурге и Ленинградской области), Уральском федеральном округе — 8, Сибирском — 4, Южном — 2, Северо-Кавказском и Дальневосточном — по 1. Такую разницу в показателях по регионам можно объяснить неравномерным распределением химических производств по территории России: наибольшая их концентрация находится на территории Приволжского федерального округа (36 %), в Центральном федеральном округе функционирует 27 % производств, в Северо-Западном — 16 % [2]. Поэтому для регионов с развитой химической отраслью в подразделениях ЭБиПК востребовано выделение самостоятельной линии работы, специализирующейся на противодействии преступлениям в сфере химической промышленности.

Критерии отнесения видов экономической деятельности к химической отрасли содержатся в общероссийском классификаторе видов

экономической деятельности [3]. Так, в данном классификаторе химическая промышленность является самостоятельной разновидностью (классом) экономической деятельности (находится в разделе «обрабатывающее производство»), включающей такие подклассы, как производство основных химических веществ, удобрений и азотных соединений, пластмасс и синтетического каучука в первичных формах (20.1); производство пестицидов и прочих агрохимических продуктов (20.2); производство красок, лаков и аналогичных материалов для нанесения покрытий, полиграфических красок и мастик (20.3) и др. Всего в данном классе экономической деятельности представлено шесть подклассов, для каждого из которых классификатором определены группы (подгруппы, виды) производимых химических веществ и их соединений. К отдельным классам отнесены: производство кокса и нефтепродуктов (19), производство лекарственных средств (21), производство резиновых и пластмассовых изделий (22) и т. д.

Таким образом, химическая промышленность имеет сложный многоотраслевой состав. Продуктами ее производства являются лакокрасочные материалы, резинотехнические изделия, неорганические вещества (неорганические кислоты, щелочи, ядохимикаты и т. д.), химические нити и волокна, синтетические каучуки (бутадиен, изопрен) и другое. Отдельно к продукции химического производства следует отнести медикаменты и химико-фармацевтическую продукцию.

Объектами химической промышленности являются:

1) специализированные предприятия, ориентированные исключительно на производство отраслевой продукции, например, химические заводы; завод по производству сложных минеральных удобрений; завод лаков и красок; завод по производству шин; электролизный химический комбинат; завод химконцентратов;

2) объекты химической инфраструктуры, связанные с хранением, отпуском и транспортировкой отраслевой продукции: наземные склады жидкого аммиака, склады легковоспламеняющихся жидкостей под давлением; и другое.

К субъектам химической промышленности следует отнести производителей продукции химической промышленности (они же основные поставщики); потребителей продукции, производимой предприятиями химпрома; организации и предприятия смежных отраслей (поставщики сырья и материалов для химической и нефтехимической промышленности).

Как показывает практика, большая часть преступлений в сфере химической промышленности совершается по статьям 199, 235.1, 180, 160, 171, 158 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). Так, хищения на объектах химической промышленности совершаются путем использования поддельных документов с целью хищения имущества (денежных средств) предприятий химической промышленности; завладения денежными средствами, выделенными на строительные, ремонтные работы химического предприятия; заключения договоров на поставку сырья и материалов без цели их поставки; завладения денежными средствами, выделенными на уничтожение опасных отходов, путем предоставления подложного отчета о выполненных работах.

Легализация денежных средств, иного имущества, полученных лицом в результате совершения им преступления, реализуется с помощью похищенных товарно-материальных ценностей материально ответственными или должностными лицами по фиктивным (подложным) документам, путем оформления фиктивных договоров на поставку сырья и материалов для химического производства, легализации денежных средств, полученных в результате совершения преступления в предпринимательской деятельности в сфере химического производства или применения продукции химического производства.

Отдельно следует выделить экологические преступления, связанные с нарушением правил охраны окружающей среды при проектировании, размещении, строительстве, вводе в эксплуатацию и эксплуатации объектов химической промышленности (ст. 246 УК РФ), производстве запрещенных видов опасных отходов, обращением химическими веществами и отходами с нарушением установленных правил (ст. 247 УК РФ), порчей земли вследствие нарушения правил обращения с опасными химическими веществами (ч. 2 и 3 ст. 254 УК РФ) и др.

Проблемы, связанные с выявлением и документированием преступлений в сфере химической промышленности, обусловлены сложным процессом в технологии производства химической продукции, поэтому сотрудникам, специализирующимся на противодействии преступлениям в данной сфере, необходимы знания, касающиеся не только правового регулирования оборота химической продукции, но и знания особенностей технологического процесса, порядка ведения документации на предприятиях химпрома, способов совершения преступлений,

организационных и тактических особенностей проведения оперативно-розыскных мероприятий на данных объектах. Рассмотрим примеры возбужденных уголовных дел как пример положительного опыта работы по данному направлению:

— сотрудниками ГУЭБиПК МВД России совместно с сотрудниками УЭБиПК УМВД России по Пензенской области задокументирована противоправная деятельность гр. С., который совместно с неустановленными лицами организовал реализацию контрафактной бытовой химии, правообладателем которой является компания «Зе Проктер энд Гэмбл Компани» с причинением крупного ущерба. По данному факту 18 мая 2023 года СЧ СУ УМВД России по Пензенской области возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного частью 4 статьи 180 УК РФ, в отношении гр. С. и неустановленных лиц;

— 16 января 2023 года СЧ ГСУ ГУ МВД России по Пермскому краю возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного частью 4 статьи 160 УК РФ, в отношении генерального директора ООО «Соликамский магниевый завод» гр. У. и акционера ООО «Соликамский магниевый завод» гр. П. по факту покушения на растрату вверенных гр. У. денежных средств предприятия в сумме 2,5 млрд рублей, совершенное путем оплаты фиктивно приобретаемой доли гр. П. в уставном капитале ООО «Фин Проект»;

— 28 апреля 2023 года СЧ СУ УМВД России по Рязанской области возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного частью 2 статьи 234 УК РФ, в отношении гр. Б. и неустановленных лиц. Сотрудниками ГУЭБиПК МВД России совместно с сотрудниками УЭБиПК УМВД России по Рязанской области задокументирована противоправная деятельность лиц, которые, действуя в составе группы по предварительному сговору, совершили незаконное приобретение, переработку, хранение, перевозку в целях сбыта метилового спирта, тем самым осуществили незаконный оборот ядовитых веществ и нарушили общественные отношения, обеспечивающие здоровье населения.

Обстоятельства данного дела напомнили о недавних изменениях уголовного законодательства: в апреле 2023 года в уголовный закон была введена статья 234.2 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность за незаконный оборот метилового спирта (метанола), метанолсодержащих жидкостей. Причем в первоначальной редакции текста законопроекта

предлагалось признать уголовно наказуемыми действия, связанные с незаконным производством, приобретением, хранением, перевозкой или пересылкой в целях сбыта, а равно незаконный сбыт метилового спирта (метанола), которые заведомо создали условия для его потребления другим лицом. В принятой редакции условием наступления уголовной ответственности является совершение указанных действий под видом алкогольной продукции. Однако появление специальной статьи не предотвратило появление массовых отравлений в июне 2023 года суррогатным алкогольным напитком, содержащим по результатам проведенной экспертизы наличие примесей метанола (уголовное дело было возбуждено по ст. 238 УК РФ) [4].

На фоне этих событий законодатель принял попытку урегулировать оборот метанола, в результате чего в апреле 2024 года в Государственную Думу Российской Федерации был внесен законопроект № 610892-8 «О государственном регулировании оборота метанола и метанолсодержащих жидкостей» [5]. Как поясняют инициаторы законопроекта, причинами его разработки стало отсутствие комплексного правового регулирования оборота метанола, что формально служит предпосылкой для осуществления бесконтрольной деятельности в этой сфере, в том числе по его реализации гражданам, жизнь и здоровье которых ставятся под угрозу. В частности, законопроектом предлагается узаконить ряд понятий, таких как «метанол», «метанолсодержащая жидкость», «оборот метанола и метанолсодержащих жидкостей», «использование метанола и метанолсодержащих жидкостей». Также предлагается создать реестр организаций и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих оборот метанола и метанолсодержащих жидкостей в государственной информационной системе промышленности, определить требования, предъявляемые к обороту названных веществ (перечень участников, порядок заключения сделок, перевозки, хранения, утилизации, пресечения неправомерного оборота). Учитывая нарастающие объемы производства метанола в России [2], принятие федерального закона, регламентирующего его оборот, на наш взгляд, крайне актуально.

Одним из проблемных аспектов в противодействии преступлениям в химической отрасли является выявление и раскрытие фактов незаконного предпринимательства. Это обусловлено отсутствием профильных знаний о химической промышленности у сотрудников полиции,

сложными технологическими циклами, задействованными в синтезе веществ, специфичностью оборудования, используемого на предприятиях химии, и т. д. В этой связи рассмотрим некоторые особенности документирования данного преступления.

Необходимо отметить, что эффективными и выверенными будут действия сотрудников полиции при документировании незаконной предпринимательской деятельности в сфере химической промышленности оперативно-розыскным путем.

В процессе документирования противоправных действий подлежат установлению документы, отражающие сведения о регистрации лица (организации), об эксплуатируемом производственном объекте (документы о собственности, аренде), используемом оборудовании, их технических характеристиках; сведения об используемом сырье, а также получаемой (производимой) продукции; документы, отражающие сведения о ранее направленных в адрес предприятия уведомлениях, требованиях, предостережениях о прекращении эксплуатации оборудования и т. д.

Особенностью незаконного предпринимательства в сфере химической промышленности является то, что данная деятельность осуществляется скрытно от официальных органов исполнительной власти, без регистрации юридического лица или индивидуального предпринимателя либо без специального разрешения (лицензии), если это является обязательным. В связи с этим в деяниях потенциального субъекта преступления часто могут усматриваться и иные «сопутствующие» составы преступлений, предусмотренных следующими статьями УК РФ: 171.1, 174.2, 187, 180 и другие.

В силу наукоемкости химической промышленности в целях успешного документирования преступлений необходимо привлекать лиц, обладающих специальными познаниями в различных отраслях (в качестве специалистов). Эти обстоятельства диктуют необходимость налаживания взаимодействия с подразделениями Ростехнадзора, Росприроднадзора, ФНС России, специалистами в области стандартизации и метрологии, химическими лабораториями, экспертными центрами, ревизорами и т. д., которые осуществляют контрольные функции, в том числе и в сфере химической промышленности.

Наиболее важные по своей доказательственной значимости сведения можно получить при проведении гласного ОРМ «Обследование помещений, зданий, сооружений, участков

местности и транспортных средств» [7] (далее — обследование). Весь процесс документирования в ходе проведения данного мероприятия можно разделить на следующие этапы:

- сбор интересующей информации и подготовка к проведению обследования;
- проведение обследования;
- обработка сведений, полученных после проведения обследования;
- проведение дополнительных мероприятий по документированию.

На этапе процесса сбора интересующей информации и подготовки к проведению обследования необходимо установить базовые сведения: местонахождение предприятия, наличие филиалов, складов, логистических узлов, учредителей, руководителей, круг заинтересованных и причастных к совершению преступления лиц, а также получить сведения о наличии признаков сопутствующих составов преступлений. Для получения всех необходимых данных целесообразно осуществлять наведение справок путем направления запросов в государственные контролирующие органы, а также подразделения органов внутренних дел, правомочных осуществлять оперативно-розыскную деятельность и т. д. [6].

На этапе сбора интересующей информации и подготовки к проведению обследования необходимо исключить утечку информации в сторону представителей проверяемого объекта, так как от этого зависит успешность дальнейшей проверки.

В случае эксплуатации больших площадей на проверяемом объекте необходимо предусмотреть оказание силовой поддержки со стороны СОБРа, ОМОНа, Росгвардии Российской Федерации. При возникновении подозрений о возможной причастности объекта проверки к преступлениям, предусмотренным статьями 189 и 226.1 УК РФ, целесообразнее будет налаживание взаимодействия с подразделениями ФСБ России. Привлечение штатных ведомственных ревизоров на указанной стадии в дальнейшем облегчит проведение документального исследования.

При проведении обследования должны быть четко распределены обязанности участников данного мероприятия. Сотрудники, оказывающие силовую поддержку, должны своевременно заблокировать входы/выходы и обеспечить сохранность документов и носителей, представляющих доказательственную ценность. Ревизоры должны быть задействованы на этапе поиска и обнаружения документов и носителей,

содержащих сведения о финансовых операциях. Профильные специалисты Ростехнадзора, Росприроднадзора, метрологии, стандартизации, эксперты в области химии и промышленной безопасности должны участвовать при гласном обследовании производственных мощностей, а также при отборе проб для дальнейшего исследования. Пробы должны быть получены как исходного сырья, так и готовой продукции.

Должны быть отдельно выделены сотрудники полиции для опроса работников всего технологического цикла на проверяемом объекте. Целесообразнее будет данные опросы провести непосредственно во время обследования. Все комментарии участвующих лиц должны быть занесены в документ о проведении ОРМ. Фото- видеозапись процесса данного гласного ОРМ в соответствии с приказом МВД России от 1 апреля 2014 года № 199 «Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и Перечня должностных лиц органов внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных издавать распоряжения о проведении гласного оперативно-розыскного мероприятия обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» может в дальнейшем иметь дополнительное доказательственное значение.

На этапе обработки сведений, полученных после проведения обследования, необходимо систематизировать все сведения, полученные в результате данного ОРМ, выделить материалы и назначить документальное исследование для установления размера причиненного ущерба в связи с осуществлением незаконной предпринимательской деятельности, направить образцы химического сырья и продукции на экспертизу для определения веществ и их составов, получить заключения, комментарии, справки от представителей Ростехнадзора, Росприроднадзора со ссылками на ГОСТы и иные нормативные акты. На данной стадии глубокому изучению и анализу должны быть подвергнуты все полученные сведения. В случае изъятия материалов (документов и носителей) об уклонении от уплаты налогов необходимо привлечь к взаимодействию специалистов органов ФНС России. Именно тщательный анализ всех полученных сведений на данном этапе может сформировать у инициатора объективную картину обо всех сопутствующих составах и эпизодах преступлений.

После этого возникает необходимость в дополнительных мероприятиях по документированию: дополнительные опросы по уточнению некоторых ключевых обстоятельств, опросы поставщиков химического сырья и покупателей готовой продукции и т. д.

Подводя итог вопросам противодействия преступлениям, совершаемым в сфере химической промышленности, выделим ключевые факторы, которые, на наш взгляд, обеспечивают успех в данном направлении работы:

— наличие четкой и понятной правоприменителю правовой базы по вопросам правового регулирования оборота продукции, объектов химической промышленности (в частности, настоящее исследование показало, что на сегодняшний день порядок оборота метанола и метанолсодержащих жидкостей законодательно не урегулированы должным образом);

— наличие специфических знаний у специализирующегося по данной линии работы правоприменителя: знания технологического процесса производства химической продукции, правил, регулирующих их законный оборот (производство, хранение, перевозку, утилизацию и т. д.);

— взаимодействие в процессе работы с различными правоохранительными органами, службами и ведомствами (Ростехнадзором, Росприроднадзором, метрологией, стандартизацией, экспертами в области химии и промышленной безопасности) и привлечение к деятельности соответствующих специалистов.

Знание тактических особенностей проведения отдельных мероприятий с учетом специфики совершаемых в данной отрасли преступлений приведет к большей раскрываемости данной категории дел.

Список источников

1. О динамике промышленного производства. Итоги 2023 года. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/fb0c841a059708b397b444a18ee41ffb/o_dinamike_promyshlennogo_proizvodstva_itogi_2023_goda.pdf (дата обращения: 20.09.2024).

2. Итоги развития химической отрасли в 2023 году. Аналитические материалы. URL: https://delprof.ru/upload/iblock/61b/cwdb1gjr09euptimzldvj0akrx2mnqv/ANALITIKA_Itogi-razvitiya-khimicheskoy-otrasli-2023.pdf (дата обращения: 20.09.2024).

3. ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2). Общероссийский классификатор видов экономической деятельности. Москва: Стандартинформ, 2014 год // Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 20.09.2024).

4. Следствие ходатайствует об аресте лиц, причастных к хищению метилового спирта в Самарской

области. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1800114/> (дата обращения: 20.09.2024).

5. О государственном регулировании оборота метанола и метанолсодержащих жидкостей (о правовом регулировании оборота метанола и метанолсодержащих жидкостей в Российской Федерации): законопроект № 610892-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/610892-8> (дата обращения: 20.05.2024).

6. Об утверждении перечня оперативных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации, правомочных осуществлять оперативно-розыскную деятельность: приказ МВД России от 31 марта 2023 года № 199. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 20.09.2024)

7. Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и Перечня должностных лиц органов внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных издавать распоряжения о проведении гласного оперативно-розыскного мероприятия обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств: приказ МВД России от 1 апреля 2014 года № 199 // Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 20.09.2024).

References

1. On the dynamics of industrial production. Results of 2023. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/fb0c841a059708b397b444a18ee41ffb/o_dinamike_promyshlennogo_proizvodstva_itogi_2023_goda.pdf (accessed 20.09.2024). (In Russ.)

2. The results of the development of the chemical industry in 2023. Analytical materials. URL:

https://delprof.ru/upload/iblock/61b/cwdb1gjr09euptimzldvj0akrx2mnqvn/ANALITIKA_Itogi-razvitiya-khimicheskoy-otrasli-2023.pdf (accessed 20.09.2024). (In Russ.)

3. ОК 029-2014 (KDES Ed. 2). The All-Russian classifier of types of economic activity. Moscow: Standartinform, 2014. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 20.09.2024). (In Russ.)

4. The investigation petitions for the arrest of persons involved in the theft of methyl alcohol in the Samara region. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1800114/> (accessed 20.09.2024). (In Russ.)

5. On State regulation of the turnover of methanol and methanol-containing liquids (on legal regulation of the turnover of methanol and methanol-containing liquids in the Russian Federation): draft law no. 610892-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/610892-8> (accessed 20.09.2024). (In Russ.)

6. On approval of the list of operational units of the internal affairs bodies of the Russian Federation authorized to carry out operational investigative activities: Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia no. 199 dated March 31, 2023. URL: www.pravo.gov.ru (accessed 20.09.2024). (In Russ.)

7. On approval of the Instruction on the procedure for conducting a public operational-search measure by employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation to inspect premises, buildings, structures, areas of terrain and vehicles and the List of officials of the internal affairs bodies of the Russian Federation authorized to issue orders to conduct a public operational-search measure to inspect premises, buildings, structures, areas of terrain and vehicles: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia no 199 dated April 1, 2014. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 20.09.2024). (In Russ.)

Научная статья
УДК 343.1:341
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-193-198>

Сравнительный анализ понятий «доказательство» и «доказывание» в уголовно-процессуальных кодексах Российской Федерации и Республики Таджикистан: отдельные источники доказательств

Джалилов Фаридун Музафарович

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, jalilov.f.m@bk.ru

Аннотация. Данная научная статья посвящена сравнительному анализу отличительных черт в понятиях «доказательство», «доказывание» и отдельных доказательств в уголовно-процессуальных кодексах Российской Федерации и Республики Таджикистан. На основе материалов судебной практики выявлены особенности закрепления некоторых видов доказательств и представлены выводы, имеющие значение для научного сообщества. Целью данного исследования является выявление основных различий в определениях и понимании данных понятий в уголовно-процессуальном законодательстве указанных стран, а также анализ их влияния на процесс доказывания в уголовных делах. В частности, мы критически оцениваем широту установленного в российском законодательстве понятия «доказательства», имеющего существенное значение для определения точного перечня источников доказательств, что делает его универсальным, но отличающимся от нормы, установленной в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Таджикистан.

Результаты, полученные в ходе исследования, могут быть полезны для дальнейшей оптимизации уголовно-процессуального законодательства и повышения эффективности правосудия как в зарубежном, так и в российском законодательстве с точки зрения соблюдения баланса частных и публичных правоотношений. Например, анализ зарубежного опыта позволяет выявить наиболее эффективные механизмы защиты прав подозреваемых и обвиняемых, а также оптимизировать процессуальные сроки и процедуру доказывания. Кроме того, полученные данные могут быть использованы для разработки новых мер, направленных на повышение доступности правосудия и обеспечения справедливого правоприменения.

Ключевые слова: уголовный процесс, доказательства, процесс доказывания, признаки доказательств, источники доказательств

Для цитирования: Джалилов Ф. М. Сравнительный анализ понятий «доказательство» и «доказывание» в уголовно-процессуальных кодексах Российской Федерации и Республики Таджикистан: отдельные источники доказательств // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 4 (68). С. 193–198. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-193-198>.

Original article

© Джалилов Ф. М., 2024

Comparative analysis of the concepts of “proof” and “proving” in the criminal procedure codes of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan: individual sources of evidence

Faridun M. Jalilov

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, jalilov.f.m@bk.ru

Abstract. This scientific article is devoted to the comparative analysis of the distinctive features in the concepts of “evidence”, “proving” and individual evidence in the Criminal Procedure Code of the Republic of Tajikistan and the Russian Federation. Based on the materials of judicial practice, the features of securing certain types of evidence are identified and conclusions are presented that are important for the scientific community. The purpose of this study is to identify the main differences in the definitions and understanding of these concepts in the criminal procedure legislation of these countries, as well as to analyze their impact on the process of proof in criminal cases. In particular, the researcher critically evaluates the breadth of the concept of “evidence” established in Russian legislation, which is essential for determining the exact list of sources of evidence, which makes it universal, but different from the norm established in the Criminal Procedure Code of the Republic of Tajikistan.

The results obtained in the course of the study can be useful for further optimization of criminal procedure legislation and increasing the effectiveness of justice both in foreign legislation and in Russia in terms of maintaining a balance of private and public legal relations. For example, analysis of foreign experience allows us to identify the most effective mechanisms for protecting the rights of suspects and accused persons, as well as to optimize procedural deadlines and the procedure for proving. In addition, the data obtained can be used to develop new measures aimed at increasing access to justice and ensuring fair law enforcement.

Keywords: criminal procedure, evidence, process of proof, features of evidence, sources of evidence

For citation: Jalilov F. M. Comparative analysis of the concepts of “proof” and “proving” in the criminal procedure codes of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan: individual sources of evidence. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 4 (68), pp. 193–198. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-193-198>.

Уголовно-процессуальное доказывание является областью непрерывающегося интереса со стороны законодателя, доктрины и правоприменительной практики. Без доказательственной деятельности как основного уголовно-процессуального института уголовный процесс не имеет смысла, потому как процесс доказывания играет ключевую роль в уголовном судопроизводстве. Это связано в первую очередь с тем, что вся процессуальная и практическая деятельность участников уголовного процесса направлена на собирание и представление доказательств по уголовному делу, которые могут свидетельствовать о виновности или невиновности лица, обвиняемого в совершении преступления.

Доказательства. В законодательстве Российской Федерации доказательствам посвящен раздел III (глава 10) Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ). В статье 74 УК РФ под доказательствами понимаются *любые сведения*, на основе которых уполномоченный орган или должностные лица в порядке, определенным УПК РФ, устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств,

подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела [1].

Стоит отметить, что в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Таджикистан (далее — УПК РТ) в разделе III (глава 9) в статье 72 раскрывается понятие «доказательства» несколько под иным углом. Под доказательствами понимаются *фактические сведения*, на основе которых в порядке, определенном УПК РФ, суд, прокурор, следователь, дознаватель устанавливают наличие или отсутствие общественно опасного деяния, доказанности или недоказанности совершения этого деяния и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела [2].

Проблему неопределенности терминологической конструкции дефиниции «доказательства» в российском уголовно-процессуальном законе отметила С. В. Корнакова, которая подчеркнула: «глаголы «принимаются» «допускаются» и «могут считаться» имеют несколько иное значение, нежели глагол «являются» [3, с. 151]. Разделяя данную точку зрения с автором, мы полагаем,

что основное отличие заключается в смысловой нагрузке дефиниций.

В отличие от фактических сведений, закрепленных в УПК РТ, любые сведения шире по своему значению и включают в себя не только фактические данные, но и любую другую информацию, прямо или косвенно имеющую значение для расследования уголовного дела. В то время как фактические сведения, по нашему мнению, уже несут в себе конкретные (доказанные) факты о событиях, которые уже проверены и достоверность которых не вызывает сомнений и их можно использовать для получения итоговых знаний об обстоятельствах, которые входят в предмет доказывания.

В этой связи, солидаризируясь со С. В. Корнаковой, следует отметить необоснованную широту термина в российском уголовном процессе, который, казалось бы, должен быть универсален и «проигрывает строгости и четкости формулировок анализируемых норм закона». Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что понятие «доказательство» в уголовном процессе России и Таджикистана имеет определенные различия, выражающиеся в широте представленных сведений в виде любых сведений и фактических данных. При этом их роль и значимость в уголовном судопроизводстве равнозначна и каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости и достоверности.

Следующий отличительный элемент доказательств в законодательстве Республики Таджикистан, рассмотренный в части 2 статьи 72 УПК РТ, перечень доказательств, несущественно, но отличающийся от российского, закрепленного в части 2 статьи 74 УПК РФ. Наиболее интересными источниками доказательств являются скрытые записи, прослушанные и зафиксированные телефонные разговоры, а также электронные видео- и аудиозаписи наблюдения [2].

Скрытые записи в УПК РТ упоминаются лишь в анализируемой нами статье, и отдельных требований в уголовно-процессуальном законодательстве такого же вида доказательств не представлено. С другой стороны, мы полагаем, что под скрытыми записями следует понимать звуко- или видеозапись, сделанную без ведома лиц, с которыми проводится диалог, и без их предварительного согласия. Соглашаясь с В. А. Семеновым, следует отметить, что особенности процессуальной формы данных доказательств не предусмотрены в УПК РТ. Кроме того, их определение также отсутствует в Законе об оперативно-розыскной деятельности [4, с. 79]. Поэтому

актуализируется вопрос о том, насколько правомерно и эффективно на практике используется данный вид доказательств.

Проводя аналогию с гражданским судопроизводством, следует отметить, что в процессе доказывания скрытая запись является допустимым доказательством в тех случаях, когда о ней было сделано предупреждение. Однако в таком случае фактор «скрытности» ставится нами под сомнение. Так, например, абзац 2 статьи 14 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) трактует: «способы самозащиты должны быть соразмерны нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения» [5]. То есть видеосъемка или аудиозапись могут быть использованы в качестве самозащиты лишь в том случае, если есть факт или угроза нарушения частных прав лица. Например, в уголовном деле № 1-355/2019 гражданин А совершил деяние, предусмотренное пунктом «б» части 2 статьи 158 УПК РФ, что подпадает в зону видимости скрытых камер видеонаблюдения, установленных на территории склада. Суд признал данные записи допустимыми и приобщил их к материалам уголовного дела.

В российском уголовном судопроизводстве рассматриваемая правоприменительная практика неоднозначна. Но зачастую доказательство признается допустимым в тех случаях, когда преступления носят латентный характер, поскольку тогда умысел видеосъемки направлен на обеспечение личных нужд по охране принадлежащего лицу имущества или охраны других (частных) правоотношений. Скрытые записи используются при проведении оперативно-розыскных мероприятий, которые впоследствии надлежащим образом приобщаются к материалам уголовного дела и используются в качестве доказательств. Однако в данной ситуации результаты оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) приобщаются надлежащим образом и производятся до возбуждения уголовного дела.

В качестве примера следует выделить уголовное дело № 1-9/2023 в отношении гражданина N и гражданина M, которым инкриминируется деяние, предусмотренное пунктами «а» «б» части 6 статьи 171.1 УК РФ. В процессе поступления оперативной информации сотрудниками полиции было проведено оперативно-розыскное мероприятие «Проверочная закупка», результаты его надлежащим образом были признаны в качестве доказательств по делу: аудиофайл с фонограммой разговора и видеофайл с мероприятия [6]. Отметим, что надлежащий

механизм приобщения материалов видеосъемки играет ключевую роль в признании данного доказательства допустимым.

Полагаем, чтобы скрытые записи были признаны судом как законные и допустимые, необходимо учитывать следующие аспекты: 1) сбор информации должен быть осуществлен в рамках установленных законом полномочий и процедур; 2) уважение и соблюдение прав и свобод человека, включая право на неприкосновенность частной жизни; 3) целостность доказательств, которые подразумевают надлежащее сохранение в целостности и надлежащее приобщение к материалам уголовного дела с целью обеспечения их достоверности и неподдельности; 4) надлежащая форма: скрытые записи должны быть представлены в удобочитаемой и понятной форме, чтобы суд мог оценить их содержание и достоверность.

Прослушанные и зафиксированные телефонные разговоры, закрепленные в части 2 статьи 72 УПК РФ, напоминают больше следственное действие «контроль и запись телефонных переговоров», закрепленное в статье 186 УПК РФ, поскольку даже в отдельных статьях законодательства Республики Таджикистан упоминание данного доказательства также используется лишь раз, в то время как аналогичное следственное действие охраняется уголовно-процессуальным законодательством и возможно лишь с санкции суда или прокурора (в ст. 35, 81, 168 УПК РФ). С целью осуществления прослушивания телефонных разговоров в рамках возбужденного уголовного дела необходимо получить соответствующее судебное разрешение и следовать определенным процедурам, чтобы обеспечить соблюдение законов о праве на конфиденциальность и частную жизнь граждан (ст. 35 УПК РФ).

По справедливому замечанию П. С. Абдуллова, указанные виды доказательств могут послужить стиранию грани между доказательствами и результатами ОРД, поскольку результаты ОРД могут служить лишь основой формирования доказательств [7, с. 107]. Полагаем, что данный вид доказательств нельзя полноценно считать доказательствами в связи с особенностями его процессуальной формы и дальнейшими процедурами их приобщения. В связи с этим целесообразно их считать «иными процессуальными действиями», по результатам которых в уголовное дело приобщаются материальные носители информации, имеющие значение для уголовного дела (например, фонограмма).

Иначе на данную проблему обращают внимание А. М. Новиков и С. Н. Хорьянов, поскольку считают, что результаты ОРД служат направляющими сведениями для производства следственных и иных процессуальных действий уполномоченным должностным лицом и могут свидетельствовать о наличии фактических данных, которые подтверждают обстоятельства, указанные в статье 73 УПК РФ [8, с. 435]. Тем не менее немаловажным фактором в признании вещественного доказательства как допустимого и достоверного следует назвать объективизацию доказательств на материальный носитель, потому как именно его будут приобщать к уголовному делу в качестве вещественного доказательства по пункту 3 части 1 статьи 81 УПК РФ.

В Российской Федерации нет выработанной и единой позиции в правоприменительной практике относительно допустимости такого доказательства, как прослушивание и фиксация телефонных разговоров, поскольку согласно статье 84 УПК РФ их можно приобщить к материалам уголовного дела в качестве иных доказательств. А также согласно пункту 14.1 статьи 5 УПК РФ контроль телефонных и иных переговоров состоит из четырех комплексных действий: прослушивание, запись, осмотр и прослушивание [1].

Электронные видео- и аудиозаписи наблюдения представляют собой записи, осуществляющиеся с использованием специальных технических устройств и средств: видеокamеры, аудио- и звукозаписывающее оборудование и другие аналогичные средства. Полагаем, примером использования в доказывании таких технических устройств может послужить запись или фиксация следственного действия с помощью технических средств (ч. 2 ст. 172 УПК РФ, ч. 2 ст. 166 УПК РФ) или фиксация деталей совершения деяния посредством видеорегистратора или камер видеонаблюдения, которые надлежащим образом изъяты и приобщены к материалам уголовного дела. В качестве примера следует рассмотреть уголовное дело № 77-832/2020 в отношении гражданки С обвиняемой по части 3 статьи 264 УК РФ. В настоящем случае суд признал видео с камер наблюдения допустимым доказательством, где запечатлено, что обвиняемая виновна в смерти пешехода [9].

Результаты проведенного нами анализа позволяют сделать некоторые частные выводы, представляющие интерес для нашего исследования:

1) существенные отличия в видах доказательств Российской Федерации и Республики

Таджикистан заключаются в различных подходах к их закреплению и отражению;

2) вышеизложенное не исключает возможности их приобщения к материалам уголовного дела, поскольку рассмотренные источники вполне подпадают в качестве доказательств, закрепленных в рамках «иных документов» или «протоколов следственных и судебных действий», предусмотренных частью 2 статьи 4 УПК РФ.

Доказывание. Статья 85 УПК РФ регламентирует, что процесс доказывания состоит в системной совокупности трех основных действий: собирания, проверки и оценки доказательств в целях установления обстоятельств, указанных в статье 73 УПК РФ [1]. При этом механизм приобщения некоторых данных все еще остается под вопросом, потому как в российском законодательстве частью 2 статьи 84 УПК РФ регламентировано, что в качестве материального носителя информации представляется документ (в письменном или в ином виде), приобщающийся к уголовному делу.

С технологическим развитием и распространением электронных и цифровых средств коммуникации возникают новые типы доказательств, такие как аудио- и видеозаписи, электронные сообщения и другие электронные документы. В связи с этим возникает необходимость адаптации законодательства к новым реалиям. Например, рассматриваемые нами источники доказательств Республики Таджикистан в виде скрытой записи, прослушанных и зафиксированных телефонных переговоров, а также электронных видео- и аудиозаписей наблюдения представляют интерес, поскольку данные доказательства не нашли регламентации. В настоящее время в правоприменительной практике полученные материалы видеокино-фотосъемок отправляют на экспертизу с целью проверки достоверности и неподдельности, а впоследствии признают их в качестве доказательств по делу в связи с полученным заключением специалиста или эксперта.

В 2021 году в УПК РТ была введена часть 1 статьи 85, где указаны аналогичный российской системе процесс доказывания, а также перечень обстоятельств, который подлежит доказыванию при производстве по уголовному делу. Стоит оговориться, что в случае с некоторыми доказательствами в законодательстве Республики Таджикистан, которые мы рассматривали выше, необходимо предоставить органам суда убедительные данные о законности, их надлежащей форме и релевантности для

данного уголовного дела. По нашему мнению, намеченные нами проблемы требуют дальнейшего детального рассмотрения и осмысления, поскольку данные источники доказательств не регламентированы и могут представлять наибольший интерес для теории доказывания.

Таким образом, анализируя процессуальные аспекты теории доказательств Российской Федерации и Республики Таджикистан, стоит отметить следующее:

1. Процесс доказывания имеет ключевое значение в производстве по уголовному делу, поскольку позволяет выявить истину в уголовном деле, что является основополагающим звеном для вынесения обоснованного и законного судебного решения с целью защиты участников уголовного процесса.

2. Единый подход к пониманию сути доказательств и процесса доказывания в уголовном процессе позволит избежать ошибочных судебных решений и неправомерного осуждения невиновных лиц. Поэтому считаем целесообразным уточнить особенности механизма приобщения видео- и аудиозаписей в качестве доказательств по уголовному делу по аналогии со статьей 84 УПК РФ, поскольку в законодательстве Республики Таджикистан выявлено отсутствие нормы, отражающей механизм такого приобщения.

3. Полагаем, что доказательства, закрепленные в части 2 статьи 72 УПК РТ, а именно: «скрытые записи», «прослушанные и зафиксированные телефонные переговоры», а также «электронные видео- и аудиозаписи наблюдения» следует признать в качестве «иных процессуальных действий», так как их правовая природа больше схожа со следственными действиями или с оперативно-розыскными мероприятиями и они могут послужить основой формирования доказательств в уголовном процессе. И, как следствие, полученные в ходе данных процессуальных действий фактические данные, имеющие релевантное значение для расследуемого дела, следует признавать доказательствами, полученными из «иных документов».

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (в ред. от 28 июня 2023 года) // Российская газета. 2023. 20 июня.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 года (в ред. закон Республики Таджикистан от 22 июля 2013 года № 982, 983) // АМОПТ. 2009. № 12, ст. 816.

3. Корнакова С. В. Нормы о доказательствах и доказывании в уголовном процессе стран СНГ: сравнительно-правовой анализ // *Lex russica*. 2020. Т. 73. № 11. С. 148–156.
4. Семенов В. А. Процессуальные способы и формы собирания доказательств по Уголовно-процессуальному кодексу Республики Таджикистан // *Труды Академии МВД Республики Таджикистан*. 2018. № 1. С. 75–82.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ // *Российская газета*. 1994. 8 декабря.
6. Приговор Заднепровского районного суда г. Смоленска № 1-460/2021 1-84/2022 1-9/2023 от 28 сентября 2023 г. по делу № 1-460/2021. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/e0itVGyCDTVr/?regular-txt> (дата обращения: 12.06.2024).
7. Абдуллоев П. С. Понятие доказательства в уголовно-процессуальном праве России (актуальные вопросы) // *Вестник Московского университета*. Серия 11. Право. 2012. № 2. С. 99–109.
8. Новиков А. М., Хорьянов С. Н. Проблемы оценки и использования результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания // *Актуальные проблемы государства и права*. 2022. № 6. С. 429–436.
9. Адвокатская газета: Верховный Суд Российской Федерации напомнил, что суд не вправе ссылаться на имеющиеся в уголовном деле доказательства без их исследования. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/vs-napomnil-chto-sud-ne-vprave-ssylatsya-na-imeyushchiesya-v-ugolovnom-dele-dokazatelstva-bez-ikh-issledovaniya/> (дата обращения: 12.06.2024).
2. Criminal Procedure Code of the Republic of Tajikistan dated December 3, 2009 (as amended by the Laws of the Republic of Tajikistan. no. 982, 983 dated July 22, 2013.) AMORT. 2009. No. 12. Art. 816. (In Russ.)
3. Kornakova S. V. Norms on evidence and proof in criminal proceedings of the CIS countries: a comparative legal analysis. *Lex russica*, 2020, vol. 73, no. 11, pp. 148–156. (In Russ.)
4. Semenov V. A. Procedural methods and forms of collecting evidence under the Criminal Procedure Code of the Republic of Tajikistan. *Proceedings of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan*. 2018. No. 1. Pp. 75–82. (In Russ.)
5. Civil Code of the Russian Federation (part one) no. 51-FZ of November 30, 1994. *Rossiyskaya Gazeta*, 1994, December 8. (In Russ.)
6. Sentence of the Zadnepetrovsky District Court of Smolensk no. 1-460/2021 1-84/2022 1-9/2023 of September 28, 2023 in case no. 1-460/2021. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/e0itVGyCDTVr/?regular-txt> (accessed 12.06.2024). (In Russ.)
7. Abdulloev P. S. The Concept of Evidence in the Criminal Procedure Law of Russia (Topical Issues) *Journal of Moscow University*. Series 11. *Law*, 2012, no. 2, pp. 99–109. (In Russ.)
8. Novikov A. M., Khoryanov S. N. Problems of Assessing and Using the Results of Operational-Investigative Activities in the Process of Proving. *Current Problems of the State and Law*, 2022, no. 6, pp. 429–436. (In Russ.)
9. Advocate Newspaper: The Supreme Court of the Russian Federation Reminded That the Court Has No Right to Refer to the Evidence Available in a Criminal Case Without Examining It. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/vs-napomnil-chto-sud-ne-vprave-ssylatsya-na-imeyushchiesya-v-ugolovnom-dele-dokazatelstva-bez-ikh-issledovaniya/> (accessed 12.06.2024). (In Russ.)

References

1. Criminal Procedure Code of the Russian Federation no. 174-FZ of December 18, 2001. *Rossiyskaya Gazeta*, 2023, June 20. (In Russ.)

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-199-204>

Возраст юридической ответственности по действующему российскому законодательству

Елыжев Андрей Евгеньевич

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, andrei_elyzhev@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрен один из актуальных вопросов, связанных с юридической ответственностью, ее возрастными характеристиками. В действующем российском законодательстве использованы различные подходы к определению возраста наступления различных видов юридической ответственности. Предлагаются меры, направленные на оптимизацию установления и закрепления указанной характеристики юридической ответственности.

Ключевые слова: юридическая ответственность, правонарушение, общественная опасность, возраст, законодательство

Для цитирования: Елыжев А. Е. Возраст юридической ответственности по действующему российскому законодательству // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 4 (68). С. 199-204. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-199-204>.

Original article

Age of legal responsibility under current Russian legislation

Andrey E. Elyzhev

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, andrei_elyzhev@mail.ru

Abstract. The age of legal liability under the existing Russian legislation. The article considers one of the topical issues of legal liability, its age-related characteristics. The current Russian legislation uses different approaches to determine the age of onset of various types of legal liability. Measures aimed at optimizing the establishment and consolidation of the specified characteristic of legal liability are proposed.

Keywords: legal liability, offense, public danger, age, legislation

For citation: Elyzhev A. E. Age of legal responsibility under current Russian legislation. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 4 (68), pp. 199-204. (In Russ.) <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-199-204>.

© Елыжев А. Е., 2024

Среди мер государственного принуждения доминирующая роль принадлежит юридической ответственности. Такое положение имеет под собой вполне логическое обоснование. Прежде всего, это обусловлено тем обстоятельством, что она выступает средством незамедлительного реагирования, то есть применяется в связи с совершением правонарушений. Необходимость противодействия противоправным деяниям различной степени общественной опасности предопределила правовое закрепление различных видов юридической ответственности.

Вопрос дифференциации юридической ответственности имеет самое непосредственное значение для освещения заявленной темы. Необходимо присоединиться к мнению В. А. Кислухина, который считает, что классификация данной формы государственного принуждения позволяет законодателю закрепить основания возникновения соответствующих правоохранительных отношений, установить определенные правовые последствия, которые наступают в связи с совершением правонарушений [1, с. 9–12]. Не вдаваясь в детали научной дискуссии о делении юридической ответственности на виды, мы присоединяемся к авторитетному мнению Н. В. Витрука, который отмечал, что «традиционным является различие гражданско-правовой, материальной, дисциплинарной, административной и уголовной ответственности...» [2, с. 93]. При формировании указанной классификационной модели был задействован комплексный подход, при котором была учтена отраслевая идентичность, то есть приняты во внимание нормы отраслей, выступающих объектом правоохраны, а также фактические основания возникновения отношений юридической ответственности.

Очевидно, что каждый вид юридической ответственности обладает определенными особенностями. Наряду с этим имеются ряд характеристик, являющихся важными для их идентификации. К их числу относится возраст наступления юридической ответственности. Его значимость обусловлена тем, что вне определенных временных рамок не могут возникнуть отношения юридической ответственности.

Возраст наступления административной ответственности определен частью 1 статьи 2.3 Кодекса административных правонарушений Российской Федерации (далее — КоАП РФ) [3] и наступает с 16 лет. Частью 2 вышеуказанной статьи установлено, что субъекты в возрасте от 16 до 18 лет в случае совершения ими административного правонарушения могут быть

освобождены от административной ответственности комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав. В такой ситуации к лицу применяются меры воздействия, предусмотренные федеральным законодательством о защите прав несовершеннолетних.

В КоАП РСФСР [4] возраст административной ответственности был определен с 14 лет. Частью 1 статьи 14 КоАП РСФСР было закреплено применение к физическим лицам в возрасте от 16 до 18 лет, совершившим административные правонарушения, мер, установленных положением о комиссии по делам несовершеннолетних. Частью 2 статьи 14 КоАП РСФСР было определено, что в случае совершения административных правонарушений, предусмотренных статьями 114–122, 148, 158, 159, 165, 165.8, 172–175, 183, 183.1, 183.2, 183.3 КоАП РСФСР, несовершеннолетние подлежали привлечению к административной ответственности на общих основаниях.

В этой связи использование метода сравнительного правоведения позволило И. А. Склярору сделать вывод, что «сам принцип привлечения несовершеннолетних лиц к административной ответственности стал диаметрально противоположным» [5, с. 10].

Не следует сбрасывать со счетов ответственность родителей и иных законных представителей за противоправное поведение несовершеннолетних. «Если же лицо не достигло на момент совершения правонарушения 16 лет, ответственность несут его родители или лица, их заменяющие». [6, с. 69]. Так, если несовершеннолетнее лицо, не достигшее 16 лет, находится в состоянии опьянения или потребляет алкогольную продукцию, на родителей или законных представителей данного лица составляется административный протокол.

Действующим законодательством об административных правонарушениях, как и ранее, не предусмотрена возможность снижения возраста административной ответственности за отдельные административные правонарушения. Вместе с тем, рассматривая такой критерий как противоправная активность несовершеннолетних, возникает вопрос о необходимости снижения возраста наступления административной ответственности.

Обращение к зарубежному опыту позволяет заключить, что в ряде государств такая возможность закреплена законодательно. «Вместе с тем в административном законодательстве ряда стран СНГ (например, Республики Беларусь) такая возможность предусматривается.

Причем административное законодательство Республики Беларусь определяет круг нарушений, за совершение которых административная ответственность наступает с 14 лет» [7, с. 43].

Таким образом, в ходе проведения кодификации законодательства об административных правонарушениях требуется предусмотреть возможность снижения возраста административной ответственности до 14 лет за такие административные правонарушения, как умышленное уничтожение, повреждение чужого имущества, мелкое хулиганство, неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции, нарушение установленного порядка проведения массовых мероприятий и т. д.

Кроме этого, в соответствии с нормами действующего законодательства, мы можем говорить о том, что существует ряд составов административных правонарушений, в которых субъектом административного правонарушения является лицо, достигшее на момент совершения правонарушения 18 лет. Такая ситуация возможна, когда правонарушения совершаются в отношении несовершеннолетних или с их участием, например, вовлечение несовершеннолетнего в употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ (ст. 6.10 КоАП РФ), вовлечение несовершеннолетнего в процесс потребления табака (ст. 6.23 КоАП РФ), вовлечение несовершеннолетнего в участие в несанкционированных собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях или пикетировании, если это действие не содержит уголовно наказуемого деяния (ч. 1.1 ст. 20.2 КоАП РФ).

В специальной литературе отмечается повышенный интерес к категории возраст в уголовном праве [8]. Такое положение вполне закономерно и обусловлено тем обстоятельством, что уголовная ответственность является центральной проблемой уголовного права, а возраст уголовной ответственности выступает одной из важнейших ее характеристик, так как в силу статьи 19 УК РФ [9] наряду с вменяемостью является общим условием уголовной ответственности.

Статьей 20 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) определено, что уголовной ответственности подлежит физическое лицо, которому на момент совершения преступления исполнилось 16 лет. Наряду с этим предусмотрено снижение возраста уголовной ответственности до 14 лет за совершение преступлений, предусмотренных

статьями 105, 111, 112, 126, 131, 132, 158, 161, 162, 163, 166, частью 2 статьи 167, статьей 205, частью 2 статьи 205⁴, частью 2 статьи 205⁵, статьями 205⁶, 206, 207, частью 2 статьи 208 УК РФ, статьей 211, частью 2 статьи 212, частями 2 и 3 статьи 213, статьями 214, 221¹, 223¹, 226, 229, 267, 277, 360, 361. Данный перечень является исчерпывающим и не подлежит расширительному толкованию. Снижение возраста уголовной ответственности предусмотрено высокой степенью опасности перечисленных преступлений. Исключение составляет совершение вандализма, ответственность за которое установлена статьей 214 УК РФ. Включение соответствующих составов преступления предусмотрено широкой распространенностью данных преступлений среди несовершеннолетних.

Проявлением принципа гуманизма (ст. 7 УК РФ) следует рассматривать исключение уголовной ответственности в случае, когда несовершеннолетний при достижении возраста, предусмотренного частями 1 и 2 статьи 20 УК РФ, «вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не мог в полной мере осознать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, он не подлежит уголовной ответственности». Указанное состояние несовершеннолетнего в литературе получило название «возрастной незрелости» [10, с. 157], «возрастной невменяемости» [11, с. 41]. Невзирая на терминологические различия, более важным является отсутствие точных критериев определения законом установленного состояния, что требует обращения к потенциалу экспертов.

Необходимо отметить, что на определенных этапах общественного развития была предусмотрена уголовная ответственность за совершение преступлений несовершеннолетним при достижении им возраста 12 лет [12], что было связано с противодействием детской безнадзорности [13]. Снижение возраста уголовной ответственности было предусмотрено за совершение кражи, насилия, убийства, телесных повреждений, крушения поездов. В дальнейшем в статью 10 УК РСФСР были внесены изменения, и минимальный возраст был повышен до 14 лет [14].

Возраст дисциплинарной ответственности обусловлен возрастом вступления в трудовые и, соответственно, служебные отношения. При этом следует учитывать, что дисциплинарная ответственность является универсальным средством обеспечения трудовой и служебной дисциплины.

В силу статьи 63 Трудового кодекса Российской Федерации (далее — ТК РФ) [15] заключенные трудового договора допустимо только при условии достижения лицом шестнадцатилетнего возраста. Наряду с этим допускается снижение возраста вступления в трудовые отношения с 15 лет. При этом речь идет о выполнении легкого труда, который не причиняет вреда здоровью несовершеннолетних. Вместе с тем указанные лица должны продолжать получение общего образования в заочной форме в случае его отсутствия.

С четырнадцатилетнего возраста может быть заключен трудовой договор только с согласия одного из родителей (попечителя), органа опеки и попечительства, но при условии выполнения легкого труда, который не причиняет вреда здоровью несовершеннолетнему, а также продолжение получения общего образования без ущерба для освоения соответствующей образовательной программы. Трудовое законодательство допускает заключение трудового договора лицами, не достигшими четырнадцатилетнего возраста, при соблюдении ряда условий. К их числу относятся: деятельность, осуществляемая в творческих организациях (кинематографии, театрах, театральных и концертных организациях, цирках); участие в создании, исполнении, экспонировании произведений. При заключении трудового договора работодатель в обязательном порядке принимает во внимание возрастные характеристики потенциального работника [16]. В дальнейшем возраст учитывается при определении режима рабочего времени (ст. 92 ТК РФ) при расторжении трудового договора (ст. 269 ТК РФ) и т. д.

Важно учитывать, что возраст наступления дисциплинарной ответственности государственных служащих увеличен до 18 лет. В соответствии со статьей 21 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» № 79-ФЗ от 27 июля 2004 года, наряду с гражданством Российской Федерации, владением государственным языком Российской Федерации, наличием соответствующих квалификационных требований установлен возрастной ценз в 18 лет [17].

Вместе с минимальным возрастом дисциплинарной ответственности следует учитывать законодательное установление предельного возраста пребывания на службе, а также замещение отдельных должностей на основании трудового договора. Однако в таких случаях прекращаются соответствующие служебные и трудовые

отношения и, соответственно, не может наступить дисциплинарная ответственность.

Возраст материальной ответственности напрямую зависит от возраста вступления в трудовые (служебные) отношения. В этой связи можно провести параллель в данном вопросе с возрастом дисциплинарной ответственности. Необходимо принимать во внимание, что нормы главы 39 ТК РФ, которые регламентируют материальную ответственность участников трудовых отношений, принимаются не только в отношении работников, но и государственных и муниципальных служащих. Исключение составляют военнослужащие. Ответственность указанных субъектов регламентируется в особом порядке [18].

Значительным потенциалом по обеспечению правопорядка и безопасности обладает гражданско-правовая ответственность. Одной из особенностей указанного вида юридической ответственности является то, что к ней могут быть привлечены как физические, так и юридические лица. Законодатель подошел дифференцированно к установлению возраста гражданско-правовой ответственности. В соответствии со статьей 1074 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) полная гражданско-правовая ответственность наступает с 14 лет. При отсутствии у несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет доходов или иного имущества, которое могло быть использовано для возмещения вреда, данная обязанность полностью или же в недостающей части возлагается на его родителей, усыновителей, попечителей. При помещении несовершеннолетнего в возрасте от 14 до 18 лет, который остался без попечения родителей, под надзор в специализированное учреждение для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на указанное учреждение возлагаются обязанности возместить ущерб, причиненный несовершеннолетним в полном объеме или недостающей части. Обязанности родителей или лиц, их замещающих прекращаются в следующих случаях: достижение причинителем вреда совершеннолетия; появление у несовершеннолетнего доходов, имущества, достаточного для возмещения вреда; досрочное приобретение несовершеннолетним дееспособности.

В свою очередь, гражданско-правовая ответственность в случае причинения вреда несовершеннолетним, который не достиг 14 лет (малолетний), возлагается на его родителей, усыновителей или опекунов при условии, что они не смогут доказать отсутствия их вины при

причинении вреда. При нахождении малолетнего гражданина, который остался без попечения родителей, в специальном учреждении, ответственность будет возложена на указанный субъект.

Невзирая на детальное определение условий гражданско-правовой ответственности родителей или лиц, их замещающих, в случае причинения вреда несовершеннолетними, отмечается, что родители могут не проживать совместно, могут проживать в незарегистрированном браке, уклоняться от исполнения родительских обязанностей, что требует учета в законодательстве. В этой связи Е. В. Рузанова отмечает: «...мы являемся сторонниками солидарной ответственности родителей и предлагаем внести соответствующие уточнения в статьи 1073, 1074 ГК РФ. Отличие же нашей позиции от приведенных выше состоит в системе аргументов, положенных в ее основание, базирующихся на четком разграничении гражданско-правового и семейно-правового аспектов» [19, с. 55].

Изложенное позволяет заключить, что возраст является важным фактором при реализации юридической ответственности. При этом существуют различные варианты закрепления вышеуказанной характеристики, что требует дополнительного доктринального осмысления и дальнейшего внесения изменений и дополнений в действующее законодательство.

Список источников

1. Кислухин В. А. Виды юридической ответственности: автореф. дис... канд. юрид. наук. Москва, 2002. 26 с.
2. Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности: монография. Москва, 2008. 324 с.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1, (ч. 1). ст. 1.
4. Кодекс РСФСР об административных правонарушениях: утв. ВС РСФСР 20 июня 1984 года // Ведомости ВС РСФСР. 1984. № 27, ст. 909.
5. Складов И. А. Институт административной ответственности и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: проблемы и перспективы // Административное право и процесс. 2018. № 4. С. 5–12.
6. Загоруйко И. Ю. К вопросу о привлечении к административной ответственности несовершеннолетних / под ред. О. А. Кузнецовой, В. Г. Голубцова, Г. Я. Борисевич [и др.] // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. 2018. № 1. С. 66–69.

7. Строева О. А., Бондаренко М. В. Отдельные аспекты вовлечения несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий // Российский судья. 2019. № 7. С. 40–44.

8. Жалсанов Б. Ц. Возраст как элемент правосубъектности в административном праве // Административное право и процесс. 2019. № 6. С. 59–62.

9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25, ст. 2954.

10. Пашенко Е. А. Общественно опасное поведение несовершеннолетних, отстающих в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 203 с.

11. Душкина Е. О. Исключение уголовной ответственности несовершеннолетних вследствие отставания в психическом развитии: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2005. 200 с.

12. О мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних: постановление ЦИК и СНК РСФСР от 7 апреля 1935 года // Собрание законодательства СССР. 1935. № 19, ст. 129.

13. О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности: постановление СНК СССР и ЦК ВКПБ от 31 мая 1935 года // Собрание законодательства СССР. 1935. № 32, ст. 252.

14. Уголовный кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 года // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40, ст. 591.

15. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1), ст. 3.

16. Буянова А. В. Возникновение и изменение трудовых правоотношений с несовершеннолетним // Современный юрист. 2013. № 2 (3). С. 114–127.

17. О государственной гражданской службе Российской Федерации; федеральный закон от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31, ст. 3215.

18. О материальной ответственности военнослужащих: федеральный закон от 12 июля 1999 г. № 161-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1999. № 29, ст. 3682.

19. Рузанова Е. В. Особенности ответственности родителей, являющихся супругами, за причинение вреда их детьми: гражданско-правовой и семейно-правовой аспекты // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 1. С. 52–55.

References

1. Kisluhin V. A. Types of legal liability. Dissertation... candidate of legal sciences Moscow, 2002. 26 p. (In Russ.)
2. Vitruk N. V. General theory of legal responsibility: monograph. Moscow, 2008. 324 p. (In Russ.)

3. The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses no. 195-FZ of December 30, 2001. *Collection of Legislation of the RF*, 2002, no. 1 (part 1), art. 1. (In Russ.)
4. The Code of the RSFSR on Administrative Offenses: approved. VS RSFSR June 20, 1984. *Vedomosti VS RSFSR*, 1984, no. 27, art. 909. (In Russ.)
5. Sklyarov I. A. Institute of Administrative Responsibility and the Code of Administrative Offences of the Russian Federation: problems and prospects. *Administrative law and Process*, 2018, no. 4, pp. 5–12. (In Russ.)
6. Zagoruiko I. Yu. On the issue of bringing minors to administrative responsibility / ed. by O. A. Kuznetsova, V. G. Golubtsov, G. Ya. Borisevich [and other]. *Perm Legal Almanac. An annual scientific journal*, 2018, no. 1, pp. 66–69. (In Russ.)
7. Stroeva O. A., Bondarenko M. V. Certain aspects of involving minors in committing antisocial acts. *Russian judge*, 2019, no. 7, pp. 40–44. (In Russ.)
8. Zhalsanov B.Ts. Age as an element of legal personality in administrative law. *Administrative law and process*, 2019, no. 6, pp. 59–62. (In Russ.)
9. Criminal Code of the Russian Federation no. 63-FZ on June 13, 1996. *Collection of legislation of the RF*, 1996, no. 25, vol. 2954. (In Russ.)
10. Pashchenko E. A. Socially dangerous behavior of minors who lag behind in mental development unrelated to a mental disorder: criminal law and criminological aspects. Dissertation... candidate of legal sciences. Rostov-na-Don, 2009. 203 p. (In Russ.)
11. Dushkina E. O. Exclusion of criminal liability of minors due to mental retardation. Dissertation... candidate of legal sciences. Moscow, 2005. 200 p. (In Russ.)
12. On measures to combat juvenile delinquency: resolution of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR of April 7, 1935. *Collection of Legislation of the USSR*, 1935, no. 19, art. 129. (In Russ.)
13. On the elimination of child homelessness and neglect: resolution of the Council of People's Commissars of the USSR and the Central Committee of the CPSU of May 31, 1935. *Collection of Legislation of the USSR*, 1935, no. 32, art. 252. (In Russ.)
14. The Criminal Code of the RSFSR: approved VS RSFSR October 27, 1960. *Vedomosti VS RSFSR*, 1960, no. 40, art. 591. (In Russ.)
15. Labor Code of the Russian Federation no. 197-FZ dated December 30, 2001. *Collection of legislation of the RF*, 2002, no. 1 (part 1), art. 3. (In Russ.)
16. Buyanova A. V. The emergence and change of labor relations with a minor. *Modern Lawyer*, 2013, n. 2(3), pp. 114–127. (In Russ.)
17. On the State Civil service of the Russian Federation; federal Law no. 79-FZ of July 27, 2004. *Collection of Legislation of the RF*, 2004, no. 31, art. 3215. (In Russ.)
18. On the material liability of military personnel: federal law no. 161-FZ of July 12 1999. *Collection of legislation of the RF*, 1999, no. 29, art. 3682. (In Russ.)
19. Ruzanova E. V. Features of the responsibility of parents who are spouses for harming their children: civil and family legal aspects. *Laws of Russia: experience, analysis, practice*, 2019, no. 1, pp. 52–55. (In Russ.)

Научная статья
УДК 343.2/7
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-205-211>

Проблема соотношения понятий «общественный порядок» и «общественная безопасность» в современной правовой науке

Коробова Анна Сергеевна

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, korobova07@list.ru

Аннотация. Обеспечение общественного порядка и безопасности является одной из основных государственных задач, одним из приоритетных направлений государственной политики в сфере национальной безопасности Российской Федерации. В настоящее время уровень общественной безопасности не высок, продолжает оставаться нестабильным, что осложняется усугубившимися внешнеполитическими отношениями, угрозами целостности государству со стороны внешних агрессоров, ухудшением криминогенной обстановки в стране, террористической активностью, деятельностью экстремистских группировок, злоупотреблением алкогольной продукцией, наркотическими и психотропными веществами, а также угрозами техногенного и природного характера, противостояние которым возможно только при постоянном совершенствовании систем обеспечения общественной безопасности.

Являясь объектом уголовно-правовой охраны, преступления против общественной безопасности и общественного порядка выделены в отдельный раздел Уголовного кодекса Российской Федерации, а охрана общественного порядка и общественной безопасности определены среди задач в статье 2 Уголовного кодекса Российской Федерации. Юрико-техническое оформление раздела IX Уголовного кодекса Российской Федерации, использование законодателем понятий «общественная безопасность» и «общественный порядок» вызывают вопросы в ходе правоприменения и дискуссии в научной среде.

В связи с чем, реализуя государственную политику по обеспечению общественного порядка и безопасности, необходимо познать сущностную природу явлений общественной жизни, в том числе путем сопоставления таких смежных понятий, как «общественный порядок» и «общественная безопасность». В ходе исследования приходим к выводу, что данные понятия взаимосвязаны между собой, их семантические поля пересекаются, тем самым одно обеспечивает реализацию другого, однако каждое из них имеет свое содержание, отличаясь по своему характеру, сфере регулирования. Вопрос соотношения указанных категорий в научной среде остается одним из дискуссионных, что требует отдельного освещения.

Ключевые слова: общественный порядок, общественная безопасность, общественное место, преступления против общественной безопасности, преступления против общественного порядка

Для цитирования: Коробова А. С. Проблема соотношения понятий «общественный порядок» и «общественная безопасность» в современной правовой науке // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 4 (68). С. 205–211. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-205-211>.

Original article

© Коробова А. С., 2024

The problem of the relationship between the concepts of “public order” and “public safety” in modern legal science

Anna S. Korobova

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, korobova07@list.ru

Abstract. Ensuring public order and safety is one of the main state tasks, one of the priority areas of state policy in the sphere of national security of the Russian Federation. Currently, the level of public safety is low, the situation continues to be unstable, which is complicated by the aggravated foreign policy relations, threats to the integrity of the state from external aggressors, worsening crime situation in the country, terrorist activity, activities of extremist groups, abuse of alcohol products, narcotic and psychotropic substances, as well as threats of man-made and natural origin, which can be countered only with the constant improvement of public safety systems.

Being an object of criminal law protection, crimes against public safety and public order are singled out in a separate section of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Criminal Code of the Russian Federation), and the protection of public order and public safety are defined in Article 2 among the tasks of the code. The legal and technical design of Section IX of the Criminal Code of the Russian Federation, the use by the legislator of the concepts of “public safety” and “public order” raise questions in the course of law enforcement and discussion in the scientific community.

In this regard, implementing state policy to ensure public order and security, it is necessary to understand the essential nature of social phenomena, including by comparing such related concepts as “public order” and “public safety”. In the course of the study, we come to the conclusion that these concepts are interconnected, their semantic fields intersect, thereby one ensures the implementation of the other, but each of them has its own content. In this regard, the concepts differ in their nature, scope of regulation. The issue of the relationship of these categories in the scientific community remains one of the debatable, which requires separate coverage.

Keywords: public order, public safety, public place, crimes against public safety, crimes against public order

For citation: Korobova A. S. The problem of the relationship between the concepts of “public order” and “public safety” in modern legal science. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 4 (68), pp. 205–211. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-205-211>.

Сегодня доктринальное исследование понятия «общественный порядок» и смежных правовых категорий представляет особую актуальность ввиду нестабильной геополитической обстановки, мирового экономического кризиса, возросшей социальной напряженности.

Конфликты между государствами провоцируют динамику преступлений против общественной безопасности и общественного порядка, ответственность за которые предусмотрена разделом IX Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), что детерминирует необходимость всестороннего исследования природы понятия «общественный порядок», его генезис и эволюцию, а также сопоставление со смежными категориями, в частности с явлением «общественная безопасность».

Действительно, для современного правового государства обеспечение общественного порядка представляет собой одну из фундаментальных задач, нормативно закрепленных в основных государственных законах, УК РФ и других нормативных правовых актах. Вопросы, связанные с обеспечением общественного порядка,

ежедневно остро стоят на обсуждении органов власти, приобретая особую остроту в связи с нестабильностью внешнеполитической ситуации и посягательствами внешних агрессоров на безопасность и установленный порядок на территории Российской Федерации.

В разделе IX УК РФ «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» общественная безопасность и общественный порядок выступают объектами уголовно-правовой охраны. Давая название данному разделу, законодатель в первую очередь указывает на общественную безопасность, а потом уже на общественный порядок. Классифицируя преступления данного раздела, законодатель выделяет отдельную главу «Преступления против общественной безопасности» (глава 24), при этом преступления против общественного порядка структурно в разделе не обозначены. Подобное юридико-техническое оформление вызывает много вопросов относительно детерминирования общественной безопасности и общественного порядка как у правоприменителей, так и ученых, порождая доктринальные дискуссии.

Соответственно, исследование категории общественного порядка и общественной безопасности, а также смежных понятий обладает как теоретической, так и практической значимостью. Полагаем, представляется целесообразным комплексное исследование этих категорий с учетом действующих реалий и на конкретных исторических срезах.

Так, например, И. В. Демин отмечает, что в «современной науке идет интенсивный поиск оптимально обоснованной модели обеспечения общественной безопасности в условиях отсутствия достаточно разработанной теории и методологии общественной безопасности» [1, с. 29].

Соотнося категории между собой, обратимся к дефинициям вышеуказанных понятий ввиду того, что они системны, состоят из относительно самостоятельных элементов, в совокупности образующих сложный правовой механизм.

Разберем, какова же сущностная природа родового понятия «безопасность» и как она раскрывается с законодательной позиции в нормативных правовых актах.

Так, в действовавшем до конца 2010 года Законе Российской Федерации от 5 марта 1992 года № 2446-1 «О безопасности» под безопасностью понималось состояние защищенности личности, общества и государства от разного рода угроз [2].

Однако в Федеральном законе от 28 декабря 2010 года № 390-ФЗ «О безопасности» исключено понятие безопасности, но оно нашло свое отражение в Указе Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (далее — Стратегия), где под национальной безопасностью законодатель понимает состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, тем самым реализуя конституционные права и свободы граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрану суверенитета государства, независимость и государственную целостность, социально-экономическое развитие страны [3].

Полагаем, что данная дефиниция раскрывает наиболее признанную позицию во взглядах на сущность безопасности. Вышеуказанное положение согласуется с доктринальным суждением В. И. Ярочкина, Я. В. Бузановой: «безопасность — это, скорее, не отсутствие опасности, а защита от нее» [4, с. 15].

В Концепции общественной безопасности в Российской Федерации (далее — Концепция)

от 20 ноября 2013 года содержится следующее определение: «состояние защищенности человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [5]. Из статьи 1 Концепции следует, что *общественная безопасность* есть часть национальной безопасности.

Следовательно, можно сделать вывод, что в данном значении общественная безопасность представляет собой вид безопасности от разного рода угроз, в том числе природного и техногенного характера.

В Стратегии и в Концепции к источникам угроз общественной безопасности отнесены не только преступления против общественной безопасности, но и преступления, имеющие иные объекты посягательств.

Таким образом, как объект преступления общественная безопасность обладает более узким содержанием, по сравнению с тем, когда речь идет об ее обеспечении.

Вышеуказанные определения раскрывают общественную безопасность как одно из приоритетных направлений государственной политики в сфере национальной безопасности Российской Федерации [6].

Изучение научных воззрений по данному вопросу показало, что под общественной безопасностью одними понимается состояние защищенности личности и общества от самых разнообразных угроз [7, с. 9] и состояние защищенности урегулированных нормами права и морали общественных отношений другими [8, с. 53].

Отличается, на наш взгляд, полнотой дефиниция, предложенная Б. П. Кондрашовым, который определяет рассматриваемую категорию как систему общественных отношений, урегулированных правовыми нормами в целях обеспечения безопасности личности, общественного спокойствия, благоприятных условий для труда и отдыха граждан, нормальной деятельностью государственных органов, общественных объединений, предприятий, учреждений и организаций от угрозы, исходящей от преступных и иных противоправных деяний, нарушения порядка пользования источниками повышенной опасности, предметами и веществами, изъятыми из гражданского оборота, явлений негативного техногенного и природного характера, а также других особых обстоятельств [9, с. 18].

Однако полагаем, что в представленном в Стратегии определении в полной мере

отражены основные признаки, в связи с чем позволим не согласиться с мнением о том, что безопасность предполагает защищенность только общественных отношений, так как это в полной мере не отражает сущность рассматриваемого понятия.

Что касается категории общественного порядка, то в доктринальных источниках советского и современного периодов имеются трактовки как узкого, так и широкого понимания.

Ученые-административисты советского периода М. И. Еропкин, Л. Л. Попов, А. В. Серегин, А. В. Ключниченко, а также в сфере уголовно-правовой науки И. Н. Даньшин, В. С. Комиссаров характеризуют общественный порядок в первую очередь как систему отношений, урегулированную нормативными или социальными нормами в целях обеспечения общественного спокойствия и конституционных гарантий граждан, правила поведения в тех или иных ситуациях в общественных местах.

Так, ученый-современник уголовного права А. П. Кузнецов дефинирует общественный порядок как «регламентированный в государстве социально-правовыми нормами порядок, обеспечивающий защиту личности, общества и государства от противоправных посягательств» [10, с. 9].

В это время А. П. Солдатов в ходе исследования приходит к выводу о том, что в сфере административно-правовых отношений наступила «эпоха консерватизма», которая является гарантией стабильности общественных отношений. В свою очередь, охарактеризуем данный период как эпоху «научного забвения» во время быстроменяющихся реалий, что, на наш взгляд, точно отражает состояние существующей действительности.

Обратим внимание, что в правовой науке существует позиция, основанная на включении в объем понятий «общественный порядок», «общественная безопасность» такого признака, как «общественное место». При этом в доктрине отсутствует единообразное толкование этого понятия, как правило, к нему относятся места, где граждане удовлетворяют свои жизненные потребности [11, с. 97].

Что касается законодательства Российской Федерации, то те или иные признаки общественного места, в зависимости от сферы регулирования закона, содержатся в отдельных нормативных правовых актах, так как отсутствует унифицированный подход к пониманию.

Так, в статьях 20.20, 20.21, 20.22 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в качестве общественных мест

указаны улицы, стадионы, скверы, парки, транспортные средства общего пользования и др.

В Федеральном законе от 22 ноября 1995 года № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта и алкогольной продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» представлен широкий перечень общественных мест, среди которых указаны детские, образовательные, медицинские организации, объекты спорта и прилегающие к ним территории; организации культуры, все виды общественного транспорта и другие места нахождения людей [12].

Согласно статье 3 Закона Нижегородской области от 9 марта 2010 года № 23-З «Об ограничении пребывания детей в общественных местах на территории Нижегородской области» к общественным местам, помимо улиц, стадионов, парков, скверов, транспортных средств общего пользования, также относятся объекты реализации товаров сексуального характера, алкогольной продукции, заведения игорного бизнеса, компьютерные клубы, помещения общего пользования в многоквартирных жилых домах и иное [13].

Так, А. Г. Коротких рассматривает понятие «общественный порядок» в качестве комплекса правил поведения в соответствии с социальными установками общества, а также требованиями законности и правопорядка с целью достижения общественного спокойствия и нормального функционирования всех сфер жизнедеятельности. Общественное место, с его точки зрения, — это любое место свободного посещения, доступ к которому не ограничен, а также общественный транспорт, иные места, независимо от форм собственности, в период проведения в них публичных мероприятий или мероприятий для развлечения и досуга [14], когда общественный порядок и безопасность наиболее уязвимы от каких-либо угроз и требуется особое внимание со стороны органов власти в ходе их обеспечения [15, с. 4].

Многие ученые-административисты составной частью общественного порядка считают общественную безопасность [16], четко не разграничивая эти сферы правового регулирования. В частности, И. И. Веремеенко относит общественную безопасность к общественному порядку [17].

Аналогичной позиции придерживается О. Н. Горбунова, которая общественный порядок представляет как систему общественных отношений, обеспечивающих в государстве состояние безопасности и спокойствия [18, с. 118].

Существуют и диаметрально противоположные точки зрения. Например, А. В. Готовцев утверждает, что «если общественный порядок — это обеспечение безопасности людей, то общественная безопасность — это и сохранность имущества, и нормальная работа источников повышенной опасности, представляющих угрозу для человека и общества».

Из этого следует, что понятие «общественная безопасность» обладает более широким спектром признаков, чем общественный порядок [19].

Так, Б. Т. Хамхоев представляет общественную безопасность как стабильное состояние общества и человека, устойчиво развивающееся, обеспечивающее права и свободы человека, создающее условия для реализации жизненных потребностей [20].

В то время как А. В. Жаглин под общественной безопасностью понимает систему общественных отношений, связанных с защитой личности, общества и государства от угроз, исходящих от противоправных посягательств на общественный порядок, а также в ситуациях, возникающих вследствие социального, природного и техногенного характера [21].

При этом С. А. Сидорова, резонируя с суждением А. В. Жаглина, отмечает: «Включив в определение общественной безопасности категории «личность», «общество», «государство», автор фактически свел его к более широкому понятию «национальная безопасность» [21], как отмечает И. Б. Кардашова, таким образом, отождествляя видовое и родовое значение [22].

В последние годы наблюдается включение в доктринальное понимание безопасности как состояния защищенности элемента развития объекта, что, по мнению сторонников данного подхода, является необходимым условием обеспечения безопасности.

Как справедливо отмечает О. Н. Климов, «все, что тормозит развитие, следует рассматривать как опасность» [23, с. 25]. По мнению А. А. Прохожева, «развитие является основной, первичной функцией общественного бытия. Безопасность — вторична и призвана обеспечить развитие, защитить его от различного вида угроз» [24, с. 11]. Применительно к общественной безопасности В. С. Хомякова отмечает: «безопасность является одним из факторов, необходимых для устойчивого развития общества, поскольку охватывает все сферы человеческой деятельности» [24, с. 126].

Следует согласиться с мнением Д. В. Ирошникова, в соответствии с которым состояние защищенности, безусловно, необходимо для

устойчивого развития объекта, однако это не говорит о том, что безопасность можно понимать как устойчивое развитие [25, с. 34.].

Компаративный подход в рассмотрении таких объемных понятий, как «общественная безопасность» и «общественный порядок» позволяет сделать вывод о том, что основные признаки категорий пересекаются, делая их взаимосвязанными. Общественный порядок как совокупность общественных отношений, урегулированных различными видами социальных норм (обычай и традиции, моральные, религиозные, эстетические, корпоративные, правовые нормы), направлен на обеспечение общественной безопасности, представляющей собой состояние защищенности общества от различного рода угроз, выступет гарантом конституционных прав и свобод граждан, способствующей развитию всех сфер жизнедеятельности, экономическому росту, приводящей к благополучию и стабильности как граждан, так и государства в целом.

На основании дефиниций, представленных научным сообществом и определенных законодателем в нормативных актах, приходим к выводу, что понятие «общественная безопасность» является более широким по своей природе, содержанием признакам и характеристикам по отношению к категории общественного порядка.

Синтезируя отличительные признаки дефиниций, сформулируем следующие определения:

— общественная безопасность — *состояние защищенности общества в соответствии с законодательством от различных нарушений, посягательств, угроз в целях соблюдения прав и интересов участников отношений, способствующее его развитию во всех сферах жизнедеятельности;*

— общественный порядок — *организованные в соответствии с правовыми нормами, моралью, обычаями отношения членов общества, складывающиеся в системе государственного устройства согласно установленной законодателем, обществом последовательности в целях соблюдения прав и интересов всех участников отношений, поддержания благоприятного состояния в обществе, требующего, в свою очередь, обеспечения, охраны от нарушений, посягательств и различного рода угроз.*

Данные определения наиболее полно раскрывают содержание рассматриваемых категорий, в связи с чем могут быть использованы в научных современных изысканиях исследователями права, а также в правотворчестве в целях унификации и единообразного применения субъектами права.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Демин И. В. Сущность и содержание понятий «безопасность», «общественная безопасность» и «национальная безопасность» // Вестник Екатеринбургского института. 2009. № 1.
2. О безопасности: федеральный закон от 28 декабря 2010 года № 390-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1, ст. 2.
3. О Стратегии национальной безопасности: указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 // Собрание законодательства РФ. 2021. Вып. № 27. Ч. II, ст. 5351.
4. Ярочкин В. И., Бузанова Я. В. Теория безопасности. Москва, 2005.
5. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации: утв. Президентом Российской Федерации 14 ноября 2013 года № Пр-2685. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70425172/?ysclid=lywxp2ayd1994153890> (дата обращения: 08.08.2024).
6. Дрожжина Е. А. Общественная безопасность как объект преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2015. С. 19–21.
7. Варгузова А. А. Административно-правовое регулирование деятельности органов внутренних дел в сфере обеспечения общественной безопасности в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2004.
8. Воронов А. М. Общественная безопасность: административные и информационно-правовые проблемы обеспечения: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2005.
9. Кондрашов Б. П. Общественная безопасность и административно-правовые средства ее обеспечения: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 1998.
10. Кузнецов А. П. Общественный порядок как социально-правовая категория: теоретическое исследование // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2022. № 2.
11. Еропкин М. И., Ключниченко А. П. К вопросу о характере противоправных действий, влекущих ответственность по ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 года // О мерах по усилению борьбы с нарушениями общественного порядка. Москва, 1967.
12. О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта и алкогольной продукции: федеральный закон от 22 ноября 1995 года № 171-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 48, ст. 4553.
13. Об ограничении пребывания детей в общественных местах на территории Нижегородской области: закон Нижегородской области от 9 марта 2010 года № 23-3. URL: <https://base.garant.ru/8537496/?ysclid=m23vzx1adv794375102> (дата обращения: 08.08.2024).

14. Коротких А. Г. К дискуссии о понятии «общественный порядок»: проблемы применения в административном законодательстве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2016. С. 170–171.

15. Коротченков Д. А. Организация административно-правовой охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности при проведении массовых мероприятий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2006. 22 с.

16. Теория государства и права: учебник / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. Москва: Дело, 2009. 525 с.

17. Веремеенко И. И. Сущность и понятие общественного порядка // Советское государство и право. 1982. № 3. С. 26–27.

18. Горбунова О. Н. К вопросу об определении понятия «общественный порядок» в советской науке административного права // Труды Иркутского государственного университета. 1967. Т. XIX. Вып. 8. Ч. 2.

19. Готовцев А. В. Организационно-правовые вопросы взаимодействия милиции и внутренних войск в охране общественного порядка: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2000. 162 с.

20. Хамхоев Б. Т. Генезис формирования понимания сущности общественной безопасности // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 8. С. 178–179.

21. Сидорова С. А. К вопросу о понятии «общественная безопасность» // Право и политика: теоретические и практические проблемы: сборник материалов 1 Международной научно-практической конференции, 2 ноября 2012 года / отв. ред. А. В. Малько. Рязань, 2012. С. 127–128.

22. Бондаревский И. И. О понятии и содержании общественной безопасности // Философия социальных коммуникаций. 2006. № 1.

23. Климов О. Н. Национальная безопасность России в условиях глобализации (политологический аспект): автореф. дис. ... канд. полит. наук. Москва, 2003.

24. Хомякова В. С. Диалектика безопасности и устойчивого развития общества // Информация и безопасность. 2007. Т. 10. № 1.

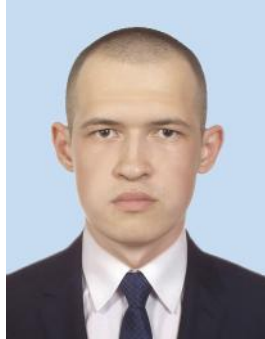
25. Ирошников Д. В. Правовая политика Российской Федерации в сфере государственной безопасности (теоретический аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2011.

References

1. Demin I. V. The essence and content of the concepts of “security”, “public security” and “national security”. *Bulletin of the Catherine Institute*, 2009, no. 1. (In Russ.)
2. On security: federal law no. 390-FZ of December 28, 2010. *Collection of legislative acts of the RF*, 2011, no. 1, art. 2. (In Russ.)

3. On the national security strategy: decree of the President of the Russian Federation no. 400 of July 2, 2021. *Collection of legislative acts of the RF*, 2021, no. 27, part II, art. 5351. (In Russ.)
4. Yarochkin V. I., Buzanova Ya. V. *Security Theory*. Moscow, 2005. (In Russ.)
5. The concept of public security in the Russian Federation: approved by the President of the Russian Federation no. Pr-2685 of November 14, 2013. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70425172/?ysclid=lywpx2ayd1994153890> (accessed 08.08.2024). (In Russ.)
6. Drozhzhina E. A. Public safety as an object of crime. Author's abstract... candidate of legal sciences. Moscow, 2015. Pp. 19–21. (In Russ.)
7. Varguzova A. A. Administrative and legal regulation of the activities of internal affairs bodies in the sphere of ensuring public safety in the Russian Federation. Dissertation... candidate of legal sciences. Moscow, 2004. (In Russ.)
8. Voronov A. M. Public safety: administrative and information-legal problems of ensuring. Dissertation... doctor of legal sciences. Moscow, 2005. (In Russ.)
9. Kondrashov B. P. Public safety and administrative-legal means of ensuring it. Dissertation... doctor of legal sciences. Moscow, 1998. (In Russ.)
10. Kuznetsov A. P. Public order as a socio-legal category: theoretical study. *Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin*, 2022, no. 2. (In Russ.)
11. Eropkin M. I., Klyushnichenko A. P. On the issue of the nature of illegal actions entailing liability under art. 1 of the decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of July 26, 1966. On measures to strengthen the fight against violations of public order. Moscow, 1967. (In Russ.)
12. On state regulation of production and circulation of ethyl alcohol and alcoholic beverages: federal law no. 171-FZ of November 22, 1995. *Collection of legislative acts of the RF*, 1995, no. 48, art. 4553. (In Russ.)
13. On restricting the presence of children in public places on the territory of the Nizhny Novgorod Region: law of the Nizhny Novgorod Region no. 23-Z of March 9, 2010. URL: <https://base.garant.ru/8537496/?ysclid=m23vzx1adv794375102> (accessed 08.08.2024). (In Russ.)
14. Korotkikh A.G. On the discussion of the concept of “public order”: problems of application in administrative legislation. *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law*, 2016, pp. 170–171. (In Russ.)
15. Korotchenkov D. A. Organization of administrative and legal protection of public order and public safety during mass events. Author's abstract... candidate of legal sciences. Khabarovsk, 2006. 22 p. (In Russ.)
16. Theory of state and law: textbook / ed. by N. I. Matuzov, A. V. Malko. Moscow: Delo Publ., 2009. 525 p. (In Russ.)
17. Veremeyenko I. I. The essence and concept of public order. *Soviet state and law*, 1982, no. 3, pp. 26–27. (In Russ.)
18. Gorbunova O. N. On the issue of defining the concept of “public order” in the Soviet science of administrative law. *Works of the Irkutsk State University*, 1967, vol. XIX, issue 8, part 2. (In Russ.)
19. Gotovtsev A. V. Organizational and legal issues of interaction between the police and internal troops in maintaining public order. Dissertation... candidate of legal sciences. Moscow, 2000. 162 p. (In Russ.)
20. Khamkhoev BT Genesis of the formation of an understanding of the essence of public security. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2010, no. 8, pp. 178–179. (In Russ.)
21. Sidorova S. A. On the issue of the concept of “public security”. Law and Politics: Theoretical and Practical Problems: collection of materials of the 1st International Scientific and Practical Conference, November 2, 2012 / ed. by A. V. Malko. Ryazan, 2012. Pp. 127–128. (In Russ.)
22. Bondarevsky I. I. On the concept and content of public security. *Philosophy of social communications*, 2006, no. 1. (In Russ.)
23. Klimov O. N. National security of Russia in the context of globalization (political science aspect). Author's abstract... candidate of political sciences. Moscow, 2003. (In Russ.)
24. Khomyakova V. S. Dialectics of security and sustainable development of society. *Information and security*, 2007, vol. 10, no. 1. (In Russ.)
25. Iroshnikov D. V. Legal policy of the Russian Federation in the sphere of state security (theoretical aspect). Author's abstract... candidate of legal sciences. Tambov, 2011. (In Russ.)

Научная статья
УДК 343.3
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-212-217>

Сведения о приготовлении к преступлению как основание для проведения оперативно-розыскных мероприятий

Куклин Дмитрий Викторович

Академия права и управления ФСИН России, Рязань, Россия, dk.ord@mail.ru

Аннотация. С учетом учения о неоконченном преступлении определяются пределы законности проведения оперативно-розыскных мероприятий на основании ставших известными органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, сведений о признаках подготавливаемого противоправного деяния при условии отсутствия достаточных данных для возбуждения уголовного дела. Установлено, что, подтвердив информацию о приготовлении лица к совершению преступления небольшой или средней тяжести, дальнейшее проведение оперативно-розыскных мероприятий является незаконным, так как данные действия не признаны уголовно наказуемыми, а следовательно, не создают нужды в решении задач оперативно-розыскной деятельности. Автором выявлено, что одной из законодательно предусмотренных форм предотвращения оперативниками возможного наступления общественно опасного вреда лицами, создающими условия для совершения преступлений небольшой или средней тяжести, выступает объявление официального предостережения о недопустимости таких действий.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, основания для проведения оперативно-розыскных мероприятий, приготовление к преступлению, неоконченное преступление, категории преступления, официальное предостережение

Для цитирования: Куклин Д. В. Сведения о приготовлении к преступлению как основание для проведения оперативно-розыскных мероприятий // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 4 (68). С. 212–217. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-212-217>.

Original article

Information on preparation for a crime as a basis for conducting operational investigative activities

Dmitry V. Kuklin

Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russian Federation, dk.ord@mail.ru

Abstract. Taking into account the doctrine of an unfinished crime, the limits of legality of conducting operational-search activities are determined on the basis of information about the signs of an unlawful act being prepared that has become known to the bodies carrying out operational-search activities, provided that there is insufficient data to initiate a criminal case. It has been established that, having confirmed the information about a person preparing to

© Куклин Д. В., 2024

commit a crime of minor or medium gravity, further operational-search activities are illegal, since these actions are not recognized as criminally punishable, and therefore do not create the need to solve the tasks of operational-search activities. The author has found that one of the legislatively provided forms of prevention by operatives of a possible occurrence of socially dangerous harm, by persons creating conditions for committing crimes of minor or medium gravity, is the announcement of an official warning about the inadmissibility of such actions.

Keywords: operational investigative activities, grounds for conducting operational investigative activities, preparation for a crime, unfinished crime, categories of crime, official warning

For citation: Kuklin D. V. Information on preparation for a crime as a basis for conducting operational investigative activities. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 4 (68), pp. 212–217. (In Russ). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-212-217>.

В настоящее время продолжают представлять теоретическую и практическую значимость вопросы определения пределов законности в осуществлении оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ). Это напрямую зависит от сформированности единого варианта понимания и применения положений статьи 7 Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Федеральный закон «Об ОРД»), в ней закреплены основания для проведения ОРМ, выступающие в качестве отправной точки оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) в направлении решения поставленных задач.

Одним из оснований ОРМ являются сведения, ставшие известными органам, осуществляющим ОРД. Так, изучение оперативно-служебных документов позволяет сделать вывод, что наиболее часто оперативники проводят ОРМ, применяя подпункт 1 пункта 2 части 1 статьи 7 Федерального закона «Об ОРД»: «сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, их подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела». В оперативно-розыском законе не содержится норм, позволяющих дать однозначный ответ на вопросы: «Какие это деяния? Как определить их общественную опасность? Какими признаками они характеризуются?» Видится, что представители научного сообщества должны дать исчерпывающий ответ, однако наблюдается недостаточно глубокий подход в определении сущности, не учитываются положения уголовного закона. В данном вопросе всех ученых можно разделить на две категории, одни раскрывают это основание через учение о неоконченном преступлении, что является наиболее предпочтительным [1, с. 52–53], другие и вовсе понимают шире, считая, что для оперативно-розыскной работы

сведения о подготовке к противоправному деянию охватывают и лиц, только лишь обнаруживших «голый» умысел на совершение преступного акта [2, с. 220–221].

Отсутствует упорядоченность, создаваемая многообразием интерпретаций субъектами правоприменения. В частности, в силу субъективных и объективных факторов оперативный сотрудник может неверно определить момент начала преступления, границы между обнаружением умысла и приготовлением к конкретному преступлению. Спорным также является правомерность проведения ОРМ в отношении лиц, создающих условия для совершения преступлений небольшой или средней тяжести, так как такие действия не являются уголовно наказуемыми. Перечисленные проблемы требуют выработки научно обоснованных решений.

Комментируя в рамках настоящего исследования подпункт 1 пункта 2 части 1 статьи 7 Федерального закона «Об ОРД» необходимо отметить следующее.

Во-первых, согласно определению Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 1998 года № 86-О «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона “Об оперативно-розыскной деятельности” по жалобе гражданки И. Г. Черновой» под противоправным деянием в оперативно-розыском законе понимается только лишь преступление [3]. Такое толкование диктует органам, осуществляющим ОРД, принимать во внимание нормы Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), в котором расшифровывается термин «преступление», содержатся общие положения и перечислен перечень деяний, признаваемых таковыми.

Во-вторых, основание возможно рассматривать с учетом положений о стадиях совершения преступления, то есть в нем перечислены определенные самостоятельные этапы осуществления умышленной преступной деятельности,

различающиеся между собой по степени реализации объективной и субъективной сторон преступления.

Так, подготавливаемое противоправное деяние соответствует приготовлению к преступлению, совершаемое — покушению на преступление, а совершенное — оконченному преступлению [4, с. 16]. В норме оперативно-розыскного закона стадии расположены в иерархическом порядке, в зависимости от потенциальной общественной опасности и представляемой угрозы правоохраняемым интересам.

В-третьих, при ее формулировании законодатель производит синтез, то есть объединяет в одно целое отдельные и самостоятельные основания, но являющиеся по своей сущности видовыми. Например, для инициирования проведения ОРМ является достаточным наличие у оперативных сотрудников сведений о признаках подготавливаемого противоправного деяния при условии отсутствия достаточных данных для возбуждения уголовного дела. Именно эта составная часть подпункта 1 пункта 2 части 1 статьи 7 Федерального закона «Об ОРД» является предметом настоящего исследования.

Обращение к нормам УК РФ и имеющимся научным разработкам в области уголовного права и теории ОРД позволит нам определить, что представляет собой приготовление к преступлению, а следовательно, и подготавливаемое противоправное деяние, о котором сказано в Федеральном законе «Об ОРД». В частности, первоначальное внимание требуют отдельные положения главы 6 уголовного закона, именуемые как «неоконченное преступление», в ней находятся нормы дефинитивного и устанавливающего характера.

Согласно части 1 статьи 30 УК РФ приготовлением к преступлению признаются приискание, изготовление или приспособление лицом средств или орудий совершения преступления, приискание соучастников преступления, сговор на совершение преступления либо иное умышленное создание условий для совершения преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам. Другими словами, лицо, желающее наступления конкретного преступного результата, осознает, что для его достижения необходимо создать благоприятные условия, так как без них затруднительна или невозможна реализация намеченных планов. Но, несмотря на это, по причинам, не зависящим от лица, преступление не получает своей завершенности.

На этапе приготовления, в отличие от первичного обнаружения умысла, лицо переходит от слов и выражения своих мыслей вовне к определенным действиям. Эти действия предшествуют исполнению преступления и не входят в объективную сторону оконченного преступления [5]. Следовательно, нет посягательства на объект, а только лишь формирование условий для такого посягательства.

Условия создаются исключительно умышленно, на этом делает акцент законодатель. При косвенном умысле и неосторожной формах вины действия субъекта не охвачены желанием достичь определенного итога преступного акта. Действительно, нельзя готовиться к чему-то, не имея цели достичь конкретного результата. Сложным является вопрос о возможности неоконченной преступной деятельности в преступлениях с двумя формами вины. Такая возможность категорически отрицается рядом авторов [6, с. 428]. Вместе с тем в литературе высказано и иное мнение по этому вопросу [7, с. 215–217]. Считаем, что возможности приготовления не имеется, так как, реализовав объективную сторону, наступают последствия, которые лицо не предвидело или предвидело их наступление, но относилось безразлично. При таких обстоятельствах приготовительные действия не имеют место быть, поскольку не могут послужить причиной квалифицирующих последствий [8, с. 81].

В настоящем исследовании мы придерживаемся общепринятого мнения, что действия лица на стадии приготовления могут быть охвачены только лишь прямым умыслом. Конкретные разъяснения по поводу формы вины органы судебной власти не предоставляют, однако возможно пойти по пути применения аналогии с уже имеющимися судебными толкованиями в отношении стадии покушения, которое наравне с приготовлением относится к неоконченной преступной деятельности. Так, постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 года № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» гласит, что покушение на убийство возможно только лишь с прямым умыслом [9]. Следовательно, при приготовлении к преступлению лицо осознает общественную опасность деяния, создает условия, предвидит возможность и неизбежность наступления конкретных общественно опасных последствий и желает их.

В статье 29 УК РФ закреплено положение о наказуемости приготовления только лишь

к тяжким и особо тяжким преступлениям. Как итог, умышленное создание условий для совершения преступления небольшой и средней тяжести не криминализовано. По мнению ученых, это обусловлено тем, что przygotowительные действия к ним не представляют существенной общественной опасности и угрозы, в связи с чем перечень преступлений, информация о подготовке которых создает законное право проведения ОРМ, существенно сужается.

В раскрытии этого вопроса требуется обратиться к целям и задачам, закрепленным в Федеральном законе «Об ОРД». Цель ОРД — защита трехзвенной системы: личности, общества и государства от преступных посягательств. Задачей, решаемой посредством проведения ОРМ при наличии изучаемого нами основания, является выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих и совершивших. Подчеркнем, что именно на преступления и преступников должны быть нацелены силы и средства ОРД. Оперативно-розыскной закон ставит запрет на их применение для достижения целей и задач, не предусмотренных его нормами. Одновременно обязывая органы, осуществляющие ОРД, принимать в пределах своих полномочий все необходимые меры по защите конституционных прав и свобод человека и гражданина, собственности, а также по обеспечению безопасности общества и государства.

Однако УК РФ прямо определяет, что преступление — это виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное УК РФ под угрозой наказания. Исходя из буквального толкования следует, что если нет угрозы наказания за действие или бездействие, запрещенное нормами УК РФ, то в принципе, это не является преступлением. Из этого следует, что при наличии у оперативных сотрудников сведений о признаках приготовления преступления небольшой или средней тяжести проводить ОРД посредством ОРМ запрещено, так как не возникает необходимости решать задачи и достигать цели, поставленные перед ней.

Налицо двоякая ситуация: с одной стороны, законодатель ставит запрет на проведение ОРМ, с другой — отсутствие должной реакции на действия по созданию условий к совершению преступного акта, что скорее всего, приведет к деянию, содержащему все признаки состава преступления. Но допустить наступление общественного вреда оперативники ни в коем

случае не могут, следовательно, нужна своевременная реакция, но не за счет проведения ОРМ. Например, в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы одним из приоритетных направлений является недопущение дезорганизаций деятельности мест лишения свободы и совершения побегов спецконтингентом. Уголовным законом определен криминальный характер данных деяний в статьях 313, 321 УК РФ. Примечательно, что части 1, 2 статьи 313 и части 1, 2 статьи 321 УК РФ относятся к категории преступлений средней тяжести. Следовательно, отсутствуют правовые основания для проведения ОРМ в случае получения оперативниками сведений о признаках подготовки к их совершению.

Отличительной характеристикой ОРД является ее осуществление в условиях ограниченности и неочевидности информации. Поэтому дать однозначную правовую оценку, сопоставив содержание оперативно значимых сведений с конкретным составом преступления, в частности с квалифицированными признаками, не представляется возможным.

По этому поводу, позиция Конституционного Суда Российской Федерации сводится к тому, что полученные первичные сведения о признаках преступления требуют своего подтверждения или опровержения в ходе проведения ОРМ, по результатам которых и будет решаться вопрос о возбуждении уголовного дела [10].

Если же предположение о наличии первоначальной стадии совершения преступления не подтвердилось, то ОРМ следует прекратить. Данный вывод согласуется с мнением Конституционного Суда Российской Федерации, который считает, что если в ходе осуществления ОРД обнаруживается, что речь идет не об уголовно наказуемом деянии, то есть преступлении, то ОРМ подлежит прекращению [3]. Следует особо подчеркнуть, что сотрудники органов, осуществляющих ОРД, не имеют права бездействовать или специально выжидать, чтобы то или иное лицо, совершающее приготовление к преступлению небольшой или средней тяжести, приступило к выполнению объективной стороны конкретного состава преступления и успешно добилось его окончания. Подобное поведение оперативника является нарушением законности и пункта 1 части 1 статьи 14 Федерального закона «Об ОРД».

Сотрудники, осуществляющие ОРД, должны принять все необходимые меры для предотвращения совершения преступления, в том числе и без привлечения лица к ответственности.

Законодатель предусматривает форму реагирования в отношении лиц, представляющих потенциальную опасность обществу, при отсутствии оснований их привлечения к административной или уголовной ответственности. Эта форма определена в статье 20 Федерального закона от 23 июня 2016 года № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», она предусматривает, что лицам, создающим условия для совершения административного правонарушения или преступления, а также допускающим антиобщественное поведение, объявляется официальное предостережение о недопустимости таких действий.

Отдельные вопросы применения официального предостережения дополнительно урегулированы на ведомственных уровнях, например в приказе МВД России от 4 марта 2020 года № 199 «О некоторых вопросах объявления органами внутренних дел Российской Федерации официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, административных правонарушений, разрешение которых отнесено к компетенции полиции, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения». Подзаконные правовые акты определяют порядок, форму объявления официального предостережения и перечень должностных лиц, уполномоченных на это.

К сожалению, институт объявления официального предостережения сформирован не на достаточном уровне, как минимум, не определены правовые последствия для лица в случае неисполнения требований. Эта проблема подтверждается позицией Верховного Суда Российской Федерации, изложенной в соответствующем определении от 18 июня 2014 года № 82-КГПР14-2, согласно которому «предостережение о недопустимости нарушения закона никаких юридических последствий для лица, которому оно объявлено, не влечет. Если лицо, которому ранее было объявлено предостережение, все же совершит в дальнейшем правонарушение, о недопустимости которого оно предостерегалось, то правовые последствия для него породят иные меры реагирования, принятые в связи с последним нарушением законности, а не это предостережение» [11]. Однако эти вопросы необходимо рассматривать в рамках отдельного исследования.

Таким образом, при поступлении к сотрудникам органов, осуществляющим ОРД, сведений о признаках подготавливаемого противоправного

действия, если нет достаточных данных для возбуждения уголовного дела, необходимо проводить ОРМ с целью подтверждения или опровержения полученной информации. Если будет достоверно установлено, что осуществляется приготовление к преступлению небольшой и средней тяжести, то проведение ОРМ следует прекратить ввиду их не криминализованный характер. В качестве меры предотвращения реализации такими лицами умысла на совершение преступления и доведения его до логического конца вариантом реагирования является объявление официального предостережения о недопустимости действий по созданию условий к совершению преступления.

Список источников

1. Горяинов К. К., Епифанов С. С., Кошелюк Б. Е. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» (постатейный). Москва: Проспект, 2023. 128 с.
2. Захарцев С. И., Игнащенко Ю. Ю., Сальников В. П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке. Москва: Норма, 2015. С. 400.
3. По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И. Г. Черновой» от 14 июля 1998 года № 86-О // Собрание законодательства РФ. 1998, № 34, ст. 4368.
4. Шкабин Г. С. Уголовно-правовое обеспечение оперативно-розыскной деятельности: теоретико-прикладные и законодательные аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2018. 409 с.
5. Приговор Яковлевского районного суда Белгородской области № 1-104/2022 1-2/2023 от 13 декабря 2023 года по делу №1-104/2022. URL: sudact.ru/regular/doc/4iHsGaUfryLQ/ (дата обращения: 10.09.2024).
6. Российское уголовное право: курс лекций / Т. А. Бушуева, Ю. В. Голик, А. И. Долгова [и др.]. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 1999. 602 с.
7. Рарог А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. Санкт-Петербург, 2003. 279 с.
8. Корнеева А. В. Теоретические основы квалификации преступлений: учебное пособие. Москва: Проспект, 2023. 144 с.
9. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27 января 1999 № 1 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.09.2024).
10. По делу о проверке конституционности положений пункта 7 статьи 16 Закона Российской Фе-

дерации «О статусе судей в Российской Федерации» и части первой статьи 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» в связи с жалобой гражданина И. В. Аносова»: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июня 2011 года № 12-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.09.2024).

11. Определение Верховного суда Российской Федерации от 18 июня 2014 года по делу № 82-КГПР14-2 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.09.2024).

References

1. Goryainov K. K., Epifanov S. S., Koshelyuk B. E. et al. Scientific and practical commentary to the Federal Law "On operational-search activity" (by article). Moscow: Prospect Publ., 2023. 128 p. (In Russ.)

2. Zakhartsev S. I., Ignashchenkov Yu. Yu., Salnikov V. P. Operational search activities in the 21st century. Moscow: Norma Publ., 2015. 400 p. (In Russ.)

3. In the case of verifying the constitutionality of certain provisions of the federal law "On operational-search activities" based on the complaint of citizen I.G. Chernova: ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 86-О of July 14., 1998. *Collection of legislative acts of the RF, 1998, no. 34, art. 4368.* (In Russ.)

4. Shkabin G. S. Criminal-legal support of operational-search activity: theoretical-applied and legislative aspects. Dissertation... candidate of legal sciences. Moscow, 2018. 409 p. (In Russ.)

5. Judgment Yakovlevsky District Court of Belgorod Region no. 1-104/2022 1- 2/2023 of the dated Decem-

ber 13, 2023 in case no. 1-104/2022. *Official website of judicial and regulatory acts of the Russian Federation.* URL: //sudact.ru/regular/doc/4kKz0uySSPP/ (accessed 10.09.2024). (In Russ.)

6. Russian criminal law: Course of lectures / vol. A. Bushueva, Yu. V. Golik, A. I. Dolgova [and other]. Vladivostok: Far Eastern University Publishing House, 1999. 602 p. (In Russ.)

7. Rarog A. I. Qualification of crimes by subjective features. Saint Petersburg, 2003. 279 p. (In Russ.)

8. Korneeva A. V. Theoretical foundations of crime qualification: a tutorial. Moscow: Prospect Publ., 2023. 144 p. (In Russ.)

9. On judicial practice in murder cases (Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation): Resolution Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation no. 1 of January, 1999. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 05.09.2024). (In Russ.)

10. In the case of verifying the constitutionality of the provisions of paragraph 7 of Article 16 of the Law of the Russian Federation "On the Status of Judges in the Russian Federation" and part one of Article 9 of the Federal Law "On Operational Investigative Activities" in connection with the complaint of citizen I.V. Anosov»: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no.12-P of June, 2011. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 15.09.2024). (In Russ.)

11. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation on the case no. 82-KGPR14-2 oh June, 2014. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 15.09.2024). (In Russ.)

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-218-221>

Право на образование — конституционная ценность

Серегина Екатерина Сергеевна

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия, katushellaa@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-1747-8286>

Аннотация. В статье рассматривается право на образование, являющееся одной из ключевых конституционных ценностей Российской Федерации. Автор выделяет критерии, по которым права могут быть отнесены к конституционным ценностям, и анализирует соответствие права на образование указанным критериям. Особое внимание уделяется контексту российского общества, где право на образование должно гармонично сочетаться с традиционными российскими духовно-нравственными ценностями. Автор также освещает проблемные аспекты в процессе реализации права на образование и предлагает возможные пути их решения.

Ключевые слова: конституционные ценности, образование, право на образование, традиционные российские духовно-нравственные ценности

Для цитирования: Серегина Е. С. Право на образование — конституционная ценность // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 4 (68). С. 218–221. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-218-221>.

Original article

The right to education is a constitutional value

Ekaterina S. Seregina

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation, katushellaa@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-1747-8286>

Abstract. The article considers the right to education as one of the key constitutional values of the Russian Federation. The author identifies the key criteria by which the norms of law can be attributed to constitutional values, and analyzes the compliance of the right to education with these criteria. Special attention is paid to the context of Russian society, where the right to education should be harmoniously combined with traditional Russian spiritual and moral values. The author also highlights problematic aspects in the process of realizing the right to education and suggests possible ways to solve them.

Keywords: constitutional values, education, the right to education, traditional Russian spiritual and moral values

© Серегина Е. С., 2024

For citation: Seregina E. S. The right to education is a constitutional value. *Legal science and practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 4 (68), pp. 218–221. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-218-221>.

Конституционные ценности представляют собой «блага, конституционно признанные в качестве таковых» [1]. Конституция Российской Федерации в статье 2 устанавливает, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Данное основополагающее положение Конституции Российской Федерации определяет другие конституционные ценности, среди которых: равенство, справедливость, социальная государственность, светский характер государства, идеологическое многообразие, демократия, федерализм, государственное единство, равноправие народов и др. [2].

Эти ценности формируют основу для функционирования системы права, служат ориентиром для законодателей и правоприменителей. В условиях динамично изменяющегося общества, когда новые вызовы и угрозы требуют адекватных ответов со стороны государства, вопросы сохранения и укрепления конституционных ценностей становятся особенно актуальными.

Конституционные ценности находятся в определенном иерархическом соподчинении и образуют системное единство. Особое значение в системе конституционных ценностей придается праву на образование, которое закреплено в статье 43 Конституции Российской Федерации и обеспечено государственными гарантиями реализации данного права [2].

В соответствии с данной статьей Конституции Российской Федерации каждый имеет право на образование; каждому гарантируется общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях; каждый вправе на конкурсной основе бесплатно получить высшее образование в государственном или муниципальном образовательном учреждении и на предприятии. Право на образование является основой развития человека как личности, тесно связано с другими правами человека. Не реализовав право на образование, человек не может в полной мере воспользоваться правом на труд, участия в управлении делами государства и др. В то же время реализация самого права на образование зависит от целого ряда прав и свобод, например, свободы мысли, слова и совести, которые являются гарантией

для соответствующего качества образования. Образование является важнейшим условием устойчивого социально-экономического и духовного развития всего Российского государства.

В отличие от зарубежных государств, Россия имеет более давнюю историю конституционно-правового регулирования права на образование. В первой Конституции РСФСР 1918 года говорилось, что «обеспечение доступа к знаниям и полному, бесплатному и всестороннему образованию» для российского народа является целью государства [3].

Конституционное право на образование также было закреплено в Конституции СССР 1936 года. В ней провозглашалось, что «советские граждане имеют право на образование, которое, согласно Конституции, будет обеспечиваться путем гарантирования обязательного начального образования; бесплатного образования, включая высшее образование; системы государственных стипендий для учащихся; возможность учиться на родном языке и бесплатное профессиональное обучение рабочих» [4].

Обновление Конституции Российской Федерации в 2020 году вызвало в том числе необходимость уточнения идейно-мировоззренческих основ системы образования.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента России в 2021 году, определено, что основными направлениями государственной национальной политики Российской Федерации являются: «совершенствование образовательных программ на различных уровнях образования, а также учебно-методических комплексов по изучению исторического опыта взаимодействия народов Российской Федерации и значимых событий, повлиявших на формирование общероссийского единства и солидарности; совершенствование системы обучения в образовательных организациях в целях сохранения и развития этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации наряду с воспитанием уважения к российской истории и культуре, мировым культурным ценностям...» [5].

Из Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации”» от 14 июля 2022 года № 295-ФЗ было исключено понятие «услуга» применительно к труду педагога, однако в 2023 году уточнен принцип гуманистического

характера образования [6]. «Гуманизм не может трактоваться как нечто внеисторическое и надцивилизационное, а должен раскрываться в конкретном социокультурном контексте, подобно с нашими традиционными российскими духовно-нравственными идеалами» [7, с. 87].

Необходима дальнейшая последовательная актуализация конституционных ценностей на всех уровнях системы российского образования. Государственная политика в сфере образования должна обеспечить развитие системы образования в целях формирования российской идентичности гражданина. Это требует комплексного подхода, состоящего в изменении содержания образовательных программ и методов преподавания.

В 2023 году в учебные планы всех направлений подготовки и специальностей высших учебных заведений была введена новая дисциплина — «Основы российской государственности». Целью ее преподавания является укрепление гражданского самосознания и патриотизма, осознания гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, чувства ответственности за судьбу страны, приверженности традиционным духовно-нравственным ценностям российского общества [8, с. 5].

Только через гармоничное сочетание передачи знаний, навыков и воспитания можно обеспечить успешное развитие человека и подготовить новое поколение, готовое к вызовам современного мира. Воспитательная, ценностно-мировоззренческая сторона образования должна выйти на первый план [9, с. 114].

Особое внимание необходимо уделить работе в сфере патриотического воспитания. Патриотическое воспитание способствует формированию чувства гордости за свою страну, ее достижения и традиции. При этом следует учитывать, что патриотическое воспитание не должно ограничиваться только позитивным представлением о своей стране. Важно формировать критическое мышление, которое позволит молодым людям осознавать и обсуждать сложные и порой противоречивые аспекты истории и современности.

Важно повысить статус и роль педагога. Педагог — это не просто профессия, это призвание, которое наполнено глубоким духовным содержанием. Качественное образование невозможно без квалифицированных и мотивированных специалистов. Для достижения этой цели необходимо внедрение профессиональных стандартов, которые бы учитывали новые требования

и ожидания общества к выпускникам образовательных учреждений. Это, в свою очередь, требует от педагогов постоянного саморазвития и повышения квалификации. Развитие системы наставничества в образовании может стать одним из эффективных способов повышения статуса педагога. Наставничество позволяет более опытным педагогам делиться своими знаниями и навыками с молодыми специалистами, способствовать их профессиональному росту, оказывать поддержку в вопросах педагогического мастерства, психологии общения с учениками, делиться эффективными методами обучения.

Анализируя термин «конституционные ценности» в научной литературе выделяют критерии, с помощью которых ту или иную норму можно охарактеризовать как конституционную ценность. Так, среди подобных критериев выделяются следующие: 1) критерий наибольшей пользы; 2) содержание нормы должно фиксировать ценностные ориентиры для личностного самоопределения и публичной властной деятельности; 3) абсолютный характер нормы [10, с. 20; 11, с. 46].

Конституционное право на образование можно проанализировать с точки зрения указанных критериев следующим образом: 1) критерий наибольшей пользы: право на образование является фундаментальным благом для человека, общества и государства. Оно позволяет человеку развиваться, приобретать знания и навыки, способствует социальной мобильности и экономическому росту; 2) ценностные ориентиры для личностного самоопределения и публично-властной деятельности: право на образование создает условия для личностного самоопределения и позволяет развивать свои таланты, способности и навыки. Одним из основных принципов государственной политики в сфере образования является гуманистический характер образования в соответствии с традиционными российскими духовно-нравственными ценностями, приоритет жизни и здоровья человека, прав и свобод личности, свободного развития личности, воспитание взаимоуважения, трудолюбия, гражданственности, патриотизма, ответственности, правовой культуры, бережного отношения к природе и окружающей среде, рационального природопользования, то есть образование способствует формированию убеждений, нравственных, духовных и культурных ценностей, которые важны для полноценного участия человека в жизни государства и общества; 3) абсолютный характер нормы: право на образование как конституционное

право должно гарантироваться всем гражданам без исключения, оно не может быть ограничено на основе социального статуса, пола, расы или других признаков. Дискриминация в сфере образования является недопустимой.

Таким образом, право на образование активно отвечает всем критериям отнесения к категории конституционной ценности.

Право на образование является неотъемлемой частью системы конституционных ценностей, а также основным конституционным правом, которое не только открывает перед каждым человеком двери к знаниям и самореализации, но и формирует основы для построения справедливого и процветающего общества. Образование, основанное на принципах уважения к Родине, любви к семье, сохранении культурного наследия, является основой для формирования гражданской идентичности и развития патриотизма.

Список источников

1. Информация Конституционного Суда Российской Федерации «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)» (одобрено решением Конституционного Суда Российской Федерации от 19 октября 2021 года). URL: <http://www.ksrf.ru> (дата обращения: 18.11.2024).
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // Российская газета. 2020. № 144.
3. Чистяков О. И. Конституция РСФСР 1918 года. Серия «Памятники советского законодательства». Москва, 2003. С. 209.
4. Конституция Союза Советских Социалистических Республик (утв. постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 5 декабря 1936 года) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. № 283.
5. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 18.11.2024).
6. Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174 (дата обращения: 18.11.2024).
7. Кабышев С. В. Конституция России: традиции прогресса (к 30-летию). Москва: Изд. центр университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2024. 87 с.
8. Харичев А. Д. Основы российской государственности: учебное пособие. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2024. 448 с.
9. Кабышев С. В. Формула российского юридического образования // Юридическая наука и практика:

Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 3. С. 112–121.

10. Зорькин В. Д. Аксиологические аспекты Конституции России // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 4. С. 20.

11. Бондарь Н. С. Конституционные ценности – категория действующего права (в контексте практики Конституционного Суда России) // Журнал конституционного правосудия. 2009. № 6 (12). С. 46.

References

1. Information of the Constitutional Court of the Russian Federation «Methodological aspects of constitutional control (to the 30th anniversary of the Constitutional Court of the Russian Federation)» (approved by the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation dated October 19, 2021). As of November 18, 2024. URL: <http://www.ksrf.ru> (accessed 18.11.2024) (In Russ.).
2. Constitution of the Russian Federation (adopted by nationwide voting on December 12, 1993, with amendments approved during the nationwide voting on July 1, 2020). *Russian Gazette*, no. 144, 2020. (In Russ.).
3. Chistyakov O. I. The 1918 Constitution of the RSFSR. Series “Monuments of Soviet Legislation.” Moscow, 2003, p. 209. (In Russ.).
4. Constitution of the Union of Soviet Socialist Republics (approved by the resolution of the Extraordinary VIII Congress of Soviets of the USSR on December 5, 1936). *Izvestia of the Central Executive Committee of the USSR and the All-Russian Central Executive Committee*, no. 283, December 6, 1936. (In Russ.).
5. On the National Security Strategy of the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation no. 400 of July 2, 2021. URL: <http://pravo.gov.ru>. (In Russ.).
6. On Education in the Russian Federation: federal law no. 273-FZ of December 29, 2012. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174. (In Russ.).
7. Kabyshev S. V. The Constitution of Russia: traditions of progress (by the 30th anniversary. Moscow: Publishing house of the O. E. Kutafin University Center (MGUA), 2024. 87 p. (In Russ.).
8. Fundamentals of Russian statehood: a textbook / A. D. Kharichev, A. V. Polosin, A. V. Selezneva. Moscow: Publishing house “Delo” RANEPА, 2024. 448 p. (In Russ.).
9. Kabyshev S. V. Formula of Russian legal education. *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 3, pp. 112–121. (In Russ.).
10. Zorkin V. D. Axiological Aspects of the Constitution of Russia. *Comparative Constitutional Review*, 2008, no. 4, p. 20. (In Russ.).
11. Bondar N. S. Constitutional Values as a Category of Current Law (in the Context of the Practice of the Constitutional Court of Russia). *Journal of Constitutional Justice*, Moscow: Yuridist Publ., 2009, no. 6 (12), p. 46. (In Russ.).

Научная статья
УДК: 343.135:341
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-222-228>

Институт примирения с потерпевшим по делам частного и частно-публичного обвинения в уголовно-процессуальном праве Республики Таджикистан и Российской Федерации: историко-правовой анализ (дореволюционный, советский и постсоветский периоды)

Сохибназар Махмуд Сафарали

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, E-nazarovm205@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена историко-правовому анализу уголовно-процессуального института освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим по делам публичного обвинения в России и Республике Таджикистан. Автор анализирует исторические истоки указанного института, приходя к выводу, что он представляет собой качественно новый правовой феномен.

Ключевые слова: примирение, потерпевший, освобождение от уголовной ответственности

Для цитирования: Сохибназар М. С. Институт примирения с потерпевшим по делам частного и частно-публичного обвинения в уголовно-процессуальном праве Республики Таджикистан и Российской Федерации: историко-правовой анализ (дореволюционный, советский и постсоветский периоды) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 4 (68). С. 222–228. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-222-228>.

Original article

Institute of reconciliation with the victim in cases of private and private-public prosecution in the criminal procedural law of the Republic of Tajikistan and the Russian Federation: historical and legal analysis (pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet periods)

Mahmud S. Sohibnazar

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, E-nazarovm205@gmail.com

Abstract. The article is devoted to a historical and legal analysis of the criminal procedural institution of exemption from criminal liability in connection with reconciliation with the victim in cases of public prosecution in Russia and the Republic of Tajikistan. The author analyzes the historical origins of this institution, coming to the conclusion that it represents a qualitatively new legal phenomenon.

© Сохибназар М. С., 2024

Keywords: reconciliation, victim; exemption from criminal liability

For citation: Sohbnazar M. S. Institute of reconciliation with the victim in cases of private and private-public prosecution in the criminal procedural law of the Republic of Tajikistan and the Russian Federation: historical and legal analysis (pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet periods). *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 4 (68), pp. 222–228. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-222-228>.

Данная статья посвящена анализу исторических основ института прекращения уголовного преследования в связи с примирением с потерпевшим по делам публичного обвинения. В ней мы проанализируем историческую преемственность между формами прекращения уголовного преследования на различных этапах развития уголовного процесса Российской Федерации и Таджикистана. Для этого необходимо обратиться к периоду начиная с древних времен, а также к советскому этапу развития нашего общества. Кроме того, затронем и часть постсоветского периода, вплоть до принятия действующего Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан 2009 года.

В уголовном процессе Российской Федерации и Республики Таджикистан, как и на всем постсоветском пространстве, уголовно-процессуальный институт примирения является достаточно новым. Действовавший ранее Уголовно-процессуальный кодекс Таджикской ССР 1961 года предусматривал статью 5.3 «Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим» [1]. Данная норма давала право уполномоченным органам государства прекратить уголовное дело либо отказать в его возбуждении, если привлекаемое лицо совершило преступление небольшой тяжести впервые и возместило ущерб. В этом смысле действующий институт примирения является преемником ранее действующего аналогичного правового феномена. С другой стороны, в Российской Федерации институт освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим появился исключительно в связи с принятием и введением в действие действующего Уголовного кодекса Российской Федерации, то есть в 1996 году.

Идея отказа или прекращения уголовно-процессуальной деятельности в связи с тем, что потерпевший и обвиняемый примирились, то есть в связи с волеизъявлением частных лиц, обрела нормативное воплощение только в постсоветский период, что обуславливается идеологическими установками марксизма-ленинизма и тотальным доминированием публичного начала

в тот период. Дело в том, что в советскую эпоху уголовное судопроизводство на уровне идеологии рассматривалось как одно из средств перевоспитания преступника, так как позиционировалось, что по мере продвижения к коммунизму преступность как общественное явление будет отмирать, а люди, совершающие преступления, делают это в основном по причине незнательности и прошлого влияния буржуазного общества. Соответственно, перевоспитанием лиц, совершивших незначительные преступления, или несовершеннолетних преступников может заниматься не исправительная система, а само общество в лице своих общественных и партийных институтов.

Так, Основы уголовного судопроизводства СССР и союзных республик 1958 года [2] в статье, посвященной обстоятельствам, исключаящим производство по уголовному делу, содержали положение о том, что уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное дело подлежит прекращению за примирением потерпевшего с обвиняемым в случаях, предусмотренных законодательством союзных республик (ст. 5). Однако это не означало, что законодатель признавал за государством возможность не осуществлять уголовное преследование в случае примирения сторон. Обращение к Уголовному кодексу и Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР 1960 года, а также к Уголовно-процессуальному кодексу Таджикской ССР 1961 года показало, что эти нормативные акты указанный возможность не предусматривали. В указанных актах были закреплены следующие основания прекращения уголовного дела по незначительным преступлениям: в связи с передачей в товарищеский суд, с передачей лица на поруки, с привлечением лица к административной ответственности и др. Надо признать, что советский законодатель разработал достаточно разнообразный перечень альтернатив привлечению лица к уголовной ответственности, что, конечно, обеспечивало гибкость уголовно-процессуального механизма.

С другой стороны, исходя из превалирования публичных интересов, советские законы

в принципе не предусматривали возможность окончания уголовно-процессуальной деятельности в связи с волеизъявлением частных лиц, тем самым на нормативном уровне ограничивая, если не сказать, игнорируя, интересы потерпевших, зачастую не заинтересованных в уголовном преследовании виновного лица либо готовых примириться со своим обидчиком.

Даже в указанных выше случаях прекращения уголовного дела согласие потерпевшего на прекращение уголовного дела в этих случаях не предусматривалось. В его отношении действовал уведомительный порядок с предоставлением возможности в достаточно ограниченный срок (5 суток) обжаловать решение о прекращении дела в вышестоящий суд или вышестоящему прокурору.

Неудивительно, поскольку советская идеология исходила из абсолютного превосходства публичного интереса над частным, а уголовное судопроизводство, как известно, является правом публичным. Ставя в приоритет общественные интересы в ущерб интересам частным, советский законодатель на всем протяжении существования советского государства отказывался признавать примирение потерпевшего по делам частно-публичного и публичного обвинения как юридический факт, влекущий даже потенциальную возможность прекращения уголовно-процессуальной деятельности.

Единственное, где советский законодатель формально допускал возможность прекращения уголовного дела в связи с примирением, — это дела частного обвинения, составлявшие незначительную часть от общего массива уголовных дел. В целом основной посыл, который вкладывался советским законодателем при установлении возможности быть освобожденным от уголовной ответственности при наличии доказательств его виновности, следующий: лицо, привлеченное к ответственности впервые по подозрению (обвинению) в совершении незначительного преступления, могло быть освобождено в зависимости от усмотрения органов следствия, прокуратуры и суда с передачей его на перевоспитание в коллективные общественные органы (товарищеские суды, трудовые коллективы и т. д.) либо в связи с изменением обстановки, если лицо или деяние перестало быть общественно опасным. В результате, как подчеркивается в научных источниках, «...основания и процессуальный порядок прекращения уголовного дела в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым в советский период нашего уголовного

и уголовно-процессуального законодательства не претерпевали существенных изменений. Законодатели не уделяли этому основанию особого пристального внимания» [3, с. 52].

В то же время нельзя однозначно утверждать, что советское право вообще игнорировало потенциал компромиссных форм прекращения уголовно-правового спора. Некоторые советские основания прекращения уголовного дела действительно имели компромиссный характер, хотя последний и был подчинен публичному интересу. Но даже если взять те основания, где задействовались общественные организации, ни одно из них не может квалифицироваться как предтеча современного института примирения с потерпевшим.

Мы делаем такой вывод на основании следующих аргументов: а) волеизъявление потерпевшего в принципе не являлось обязательным условием для принятия решения о прекращении; б) аналогичная ситуация и с возмещением ущерба потерпевшему; в) основным участником указанных институтов, помимо органов предварительного расследования и суда, были не потерпевший, а различные общественные объединения и организации.

Таким образом, мы не можем утверждать историческую преемственность между современным уголовно-процессуальным институтом примирения с потерпевшим и советскими правовыми формами прекращения уголовного дела.

Но а как же с дореволюционным законодательством?! Для ответа на этот вопрос обратимся к соответствующему историческому периоду.

В России с древних времен, когда господствовал обвинительный процесс, примирение сторон в судебном процессе предопределяло итоговое решение суда. Поскольку обвинительный процесс характеризовался активными сторонами и пассивным судом, действия сторон в принципе имели решающее процессуальное значение. Уголовное производство начиналось только по жалобе потерпевшего и оканчивалось, если стороны пришли к какому-либо соглашению. В качестве законодательных актов, закрепляющих возможность примирения до обращения в суд, называют Двинскую уставную грамоту (1397–1398) (ст. 3) и Псковскую судную грамоту (1397). В целом, как отмечается в литературе, «...об урегулировании споров путем примирения упомянуто практически во всех крупных памятниках русского права» [4, с. 26]. При этом, немаловажно то, что в качестве обязательного условия примирения выступало исполнение требования об испрошении прощения

и возмещении причиненного вреда. Кроме того, уже тогда были определены те деяния, процесс по которым не мог быть окончен в связи с примирением.

В дальнейшем происходит усиление розыскных начал уголовного процесса, выразившееся в том числе и в том, что теперь примирение должно утверждаться судом (Великокняжеский Судебник 1497 г.), а также в расширении списка деяний, по которым запрещалось примирение сторон. Судебник 1550 года еще более расширил указанный перечень. Речь идет в основном о «лихих делах» и о преступлениях, совершенных так называемыми «лихими людьми», то есть о деяниях, посягавших на государственный порядок (разбой, душегубство) либо совершенных повторно.

В последующую эпоху тенденция к расширению и усилению розыскных начал в русском уголовном процессе только усиливается. В период правления Петра I примирение как основание освобождения от уголовного преследования перешло из разряда правил в исключения и фактически распространялось только на дела частного обвинения. По так называемым публичным составам примирение могло выступать как обстоятельство, смягчающее ответственность, но не определяющее судьбу уголовного преследования. В целом эпоха от царствования Петра I до реформ 1864 года характеризовалась доминированием розыска. И хотя определяющая роль примирения по делам частного обвинения пересмотру не подвергалась, но в сфере публичного обвинения господствовало усмотрение государственных органов. В том же Артикуле Воинском, утвержденном 26 апреля 1715 года, закреплялся перечень преступлений, прекращение производства по которым запрещалось ввиду примирения сторон, и в дальнейшем этот перечень только возрастал.

Первый период правления Екатерины II характеризовался определенным влиянием идей Просвещения, проявлением чего стало в том числе введение примирительного порядка прекращения судопроизводства по делам о незначительных преступлениях и гражданских деликтах. Одной из задач, образованных под влиянием известного французского просветителя Ш. Л. Монтескье совестных судах, виделось способствование примирению сторон. Сам Совестный суд образовывался при губерниях и рассматривал в основном дела о незначительных деяниях.

Однако, как мы указали выше, общая тенденция определялась устоявшимся взглядом

на преступление как дело общественное, государственное, что в принципе ограничивало потенциал примирения. С другой стороны, следует понимать, что вплоть до революции 1917 года перечень деяний, возбуждение дела по которым зависело от воли потерпевшего, был более обширен, по сравнению с советским и современным периодами. Так, согласно Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года наказание могло быть отменено, если обвиняемый примирился с потерпевшим по таким преступлениям, как письменная клевета, нанесение легких ран, обольщение незамужней женщины торжественным обещанием на ней жениться, прелюбодеяние, упорное неповиновение детей родителям и др. [5].

Реформы Александра II в области уголовного права и процесса ознаменовали поворот в сторону расширения состязательных начал. Устав уголовного судопроизводства 1864 года в пункте 3 статьи 16 предусматривал, что судебное преследование не возбуждается, а если и возбуждено, то подлежит прекращению в том числе и в связи с примирением обвиняемого с обиженным в указанных законом случаях [6]. Однако и здесь речь шла только о делах частного обвинения, которое тогда охватывало более 20 составов. С другой стороны, примирение сторон выступало не только как обстоятельство, освобождающее от ответственности, но и как устраняющее наказание.

Достаточно обстоятельно и всесторонне в сфере дореволюционного института примирения сторон подвела итоги Н. Г. Ефремова, сформулировавшая его следующие ключевые характеристики:

- 1) под примирением в тот период понималось основание освобождения от наказания либо для смягчения его;
- 2) примирение было направлено преимущественно на удовлетворение частного интереса, но вместе с тем обеспечивало и общественный интерес;
- 3) в целом примирение с потерпевшим — это исторически сложившееся частное начало в публичном праве, известное не только российской правовой системе [7, с. 90].

Необходимо иметь в виду, что многонациональный характер Российского государства обуславливал тот факт, что во многих его регионах действовали местные нормы, обычаи и обычное право. Не являлся исключением и Таджикистан, где вплоть до 1917 года действовали социальные нормы в виде обычаев, традиций и обычное право. При этом одним из последствий

присоединения к России во второй половине XIX века было то, что на территории современного Таджикистана действовали три нормативные системы: российская, система обычного права и права исламского.

Поскольку советский период уже рассмотрен нами выше, перейдем к постсоветскому этапу развития института примирения сторон. Распад Советского Союза и обретение Таджикистаном в 1991 году независимости обусловили развитие общественно-политического кризиса, проявлением которого явилась гражданская война в Таджикистане в первой половине 90-х годов XX века. Однако, несмотря на эти трагические события и многие другие трудности молодой республики, процесс активного становления правовой системы Таджикистана не останавливался. В 1994 году принята Конституция независимого Таджикистана [8], объявившая его суверенным демократическим правовым светским унитарным государством (ст. 1). В области уголовного процесса вплоть до 2010 года действовал Уголовно-процессуальный кодекс Таджикской ССР 1961 года с многочисленными изменениями. Однако, несмотря на то, что этот акт действовал еще с советского времени, вносимые в него с 1991 года изменения и дополнения определялись новой эпохой, характеризующейся отказом от марксистско-ленинской идеологии и переходом к рыночной экономике, установлением частной собственности и обращением к правам и свободам человека и гражданина как к новым ценностям нового государства. В этой связи было очевидно, что многие положения ранее действовавшего законодательства уже не соответствовали ни экономическим, ни социальным, ни политическим потребностям современного таджикского общества.

Все это предопределило и масштабные изменения в уголовном процессе почти всех постсоветских стран, в том числе и Таджикистана. Среди этих изменений были и те, которые напрямую касались института примирения. Связано это было с введением с силу в 1998 году нового Уголовного кодекса Республики Таджикистан (далее — УК РТ) [9]. Последний упразднил ряд вышеупомянутых оснований освобождения от уголовной ответственности, связанных с участием общественных организаций, и ввел новые, среди которых было и такое, как «Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим» (ст. 73 УК РТ). Данные новеллы обусловили и соответствующие изменения и в уголовно-процессуальном законе. Согласно Закону Республики Таджикистан

«О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан» от 21 мая 1998 года [10], статья 5.3 была изложена в новой редакции с одноименным названием со статьей 73 УК РТ. Тем самым ушли в прошлое и так не действовавшие на тот момент основания, связанные с возможностью прекратить дело в связи с задействованием общественных организаций, и появились новые, в гораздо большей мере учитывающие частные интересы. Среди последних значимой новеллой стало образование нового комплексного межотраслевого института освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим по делам частного-публичного и публичного обвинения.

Произошедшее мы расцениваем как своего рода локальную уголовно-правовую революцию, так как впервые таджикский законодатель на нормативном уровне признал волеизъявление потерпевшего и обвиняемого как условие возможного прекращения уголовно-процессуальной деятельности по делам частного-публичного и публичного обвинения, тем самым несколько ограничив тотальное доминирование принципа публичности интересами частных лиц.

Обращение к новым нормам уголовного и уголовно-процессуального законодательства позволяет выделить следующие ключевые характеристики нового института:

- а) прекращение уголовного дела в связи с примирением — это право, а не обязанность органов предварительного расследования и суда;
- б) решение об освобождении от уголовной ответственности может быть принято как на стадии возбуждения уголовного дела, то есть как решение об отказе в возбуждении уголовного дела, так и по возбужденному уголовному делу, то есть как решение о прекращении производства по делу;
- в) сфера уголовно-правового примирения сторон ограничивается преступлениями небольшой тяжести;
- г) решение может быть принято как на досудебном производстве, так и в суде;
- д) лицо, освобождаемое от ответственности, должно совершить преступление впервые;
- е) субъектами принятия решения выступают суд, прокурор, а также следователь или орган дознания с согласия прокурора.

В первую очередь бросается в глаза то, что, конструируя уголовно-процессуальную процедуру принятия решения в связи с освобождением

от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, законодатель опирается преимущественно на уголовно-правовую терминологию, что, с одной стороны, объясняется тем, что оно имеет уголовно-правовые корни, а с другой — как представляется, избыточной материально-правовой центричностью таджикского права.

Нельзя не отметить определенную «робость» законодателя, предусмотревшего возможность примирения только по преступлениям небольшой тяжести. Как покажет дальнейшая практика, этого явно было недостаточно, так как на тот момент отсутствовали препятствия для того, чтобы включить в сферу данного института и преступления средней тяжести. Впрочем, следует заметить, что указанная «робость» была присуща и российскому законодателю в первоначальной редакции Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года, связавшего возможность освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением только с преступлениями небольшой тяжести.

Законодатель явно опасался доверить органам дознания право непосредственного освобождения от ответственности без какого-либо формального согласования данного решения, предоставив подобное право только прокурору и следователю. Дознаватель, в отличие от следователя, обязан в этом случае согласовывать свое решение с прокурором.

Необходимо указать и на такое большое преимущество анализируемого института, в особенности по сравнению с его российским аналогом, как возможность его применения до принятия решения о возбуждении уголовного дела. Считаем это очень серьезным и значимым плюсом, так как позволяет решить уголовно-правовой конфликт еще до полноценного официального запуска уголовного преследования и, соответственно, более оптимально использовать потенциал института примирения сторон в целях процессуальной экономии и гибкости уголовной репрессии.

В целом можно сказать, что новый межотраслевой институт освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением по делам частного-публичного и публичного обвинения явился, что называется, «новым словом» в уголовном и уголовно-процессуальном праве Республики Таджикистан, учитывая, что до этого, следуя советскому фарватеру, законодатель такую возможность отвергал.

Вышеизложенное позволило прийти к следующим выводам: и в дореволюционный, и

в советский периоды примирение с потерпевшим как основание для освобождения от уголовной ответственности рассматривалось применительно к делам частного уголовного преследования (обвинения). Доминирование розыскных начал такую возможность исключало. Обретение Республикой Таджикистан независимости в 1991 году ознаменовало качественно новый этап развития страны, что, естественно, обусловило масштабные изменения в законодательстве, одним из которых явилось расширение частных начал в уголовном и уголовно-процессуальном праве. Проявлением указанной тенденции стало введение в 1998 году нового межотраслевого института освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим. При этом нельзя не отметить определенную нерешительность законодателя, ограничившего сферу применения нового института исключительно преступлениями небольшой тяжести. С другой стороны, его конструкция позволяет задействовать потенциал еще до принятия решения о возбуждении уголовного дела, что является его несомненным преимуществом.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Таджикской ССР // Свод законов Таджикской ССР. Душанбе: Ирфон, 1987. С. 410–561.
2. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9006425?ysclid=lvnueoy0dn446613097> (дата обращения: 21.04.2024).
3. Меркулова Н. С. Исторические аспекты освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим в советский период // Евразийский научный журнал. 2023. № 5.
4. Попаденко Е. В. Институт примирения в истории российской уголовной юстиции (дореволюционный период) // Право: история и современность. 2021. № 3 (16).
5. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ulonakaz1845?ysclid=lvnv4v0f3k860835135> (дата обращения: 21.04.2024).
6. Устав уголовного судопроизводства. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/?ysclid=lvnv7r2gnt539335606> (дата обращения: 21.04.2024).
7. Ефремова Н. Г. Традиция примирения в истории обычного права и законодательства России: (дореволюционный период) // Государство и право. 2011. № 7.
8. Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 года. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30391383 (дата обращения: 21.04.2024).

9. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года № 574. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325 (дата обращения: 21.04.2024).

10. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан: закон Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года № 576. URL: http://adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=4352 (дата обращения: 21.04.2024).

References

1. Criminal Procedure Code of the Tajik SSR. Code of Laws of the Tajik SSR. Dushanbe: Irfon, 1987. Pp. 410–561. (In Russ.)

2. Fundamentals of criminal proceedings of the USSR and union republics. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9006425?ysclid=lvnueoy0dn446613097> (accessed 21.04.2024). (In Russ.)

3. Merkulova N. S. Historical aspects of exemption from criminal liability in connection with reconciliation with the victim in the Soviet period. *Eurasian scientific journal*, 2023, no. 5. (In Russ.)

4. Popadenko E. V. Institute of reconciliation in the history of Russian criminal justice (pre-revolutionary period). *Law: history and modernity*, 2021, no. 3 (16). (In Russ.)

5. Code on criminal and correctional punishments of 1845. URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ulonakaz1845?ysclid=lvnv4v0f3k860835135> (accessed 21.04.2024). (In Russ.)

6. Charter of criminal proceedings. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/?ysclid=lvnv7r2gnt539335606> (accessed 21.04.2024). (In Russ.)

7. Efremova N. G. Tradition of reconciliation in the history of customary law and legislation of Russia: (pre-revolutionary period). *State and law*, 2011, no. 7. (In Russ.)

8. Constitution of the Republic of Tajikistan of November 6, 1994. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30391383. (accessed 21.04.2024). (In Russ.)

9. Criminal Code of the Republic of Tajikistan no. 574 of dated May 21, 1998. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325. (accessed 21.04.2024). (In Russ.)

10. On introducing amendments and additions to the Criminal Procedure Code of the Republic of Tajikistan: law of the Republic of Tajikistan no. 576 of dated May 21, 1998. URL: http://adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=4352. (accessed 21.04.2024). (In Russ.)

Научная статья
УДК 34.01
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-229-232>

Дефекты реализации согласия в современном российском праве (общеправовой аспект)

Судденок Кристина Васильевна

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, k.suddenok@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению дефектов реализации согласия как уникального правового феномена современного российского права. В статье определены основные причины возникновения дефектов реализации согласия, а также ключевые виды дефектов согласия. Подробно рассмотрены дефекты согласия, связанные с содержательной и формальной стороной согласия. Обоснована перспективная необходимость технико-юридической модернизации правового регулирования формы и содержания согласия с целью минимизации дефектов их реализации.

Ключевые слова: согласие, право, технико-юридический дефект, дефекты реализации согласия, дефекты содержания и формы

Для цитирования: Судденок К. В. Дефекты реализации согласия в современном российском праве (общеправовой аспект) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 4 (68). С. 229–232. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-229-232>.

Original article

Defects in the implementation of consent in modern Russian law (general legal aspect)

Kristina V. Suddenok

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation, k.suddenok@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the consideration of defects in the implementation of consent as a unique legal phenomenon of modern Russian law. The article identifies the main causes of defects in the implementation of consent, as well as identifies the key types of defects in consent. The defects of consent related to the substantive and formal side of consent are considered in detail. The prospective necessity of technical and legal modernization of the legal regulation of the form and content of consent in order to minimize defects in their implementation is substantiated.

© Судденок К. В., 2024

Keywords: consent, law, technical and legal defect, defects in the implementation of consent, defects in content, defects in form

For citation: Suddenok K. V. Defects in the implementation of consent in modern Russian law (general legal aspect). *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no 4 (68), pp. 229–232. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-229-232>.

Согласие — это неповторимый правовой феномен, играющий ключевую роль в функционировании современного российского права. Широкий спектр подходов к определению природы, сущности, вариаций согласия требует глубокого, многоуровневого и комплексного осмысления.

Согласие применяется во всех отраслях права. Несмотря на особенности, присущие согласию, в каждой отрасли права согласие обладает своими специфическими чертами. В зависимости от области исследуемых отношений согласие имеет различные формы реализации, в связи с чем сформировано множество доктринальных и практических подходов к пониманию согласия. Так, М. Ю. Зиминой предлагается следующее определение согласия: «правомерное волевое действие или бездействие (самостоятельный юридический акт, не входящий в какую-либо группу юридических актов, известных науке гражданского права), выраженное государственным органом, органом местного самоуправления, физическим или юридическим лицом, органом юридического лица и состоящее в одобрении сделки или иного юридического действия субъекта гражданского права» [1, с. 8]. С. Н. Касаткин считает, что «согласие — это особая разновидность юридического акта, который основывается на законе или договоре и выражается в одностороннем одобрении действий третьих лиц» [2, с. 19].

Таким образом, можно говорить о согласии как о сложном феномене, который может быть направлен на различные объекты, а также выражаться различными субъектами, что предопределяет особенности согласия в разных областях. Многогранность форм реализации согласия в различных отношениях обуславливает значительное количество трудностей, связанных с выражением согласия.

О. И. Ожегов определяет дефект как «изъян, недостаток, недочет» [3].

А. В. Блещик полагает, что «под дефектом законодательства в самом общем виде следует понимать такие искажения в текстуальном выражении права, которые препятствуют корректному отражению правового, коммуникативно-деятельностного содержания в правовой норме» [4, с. 103].

Таким образом, дефект согласия — это отклонение, нарушение установленных требований к порядку выражения или к содержанию согласия, отдельное несоответствие какому-либо базовому признаку или требованию.

Широкий спектр дефектов согласия, их яркая специфика позволяют сделать заключение об их неоднородности, что обуславливает необходимость видового деления. Применительно к дефектам согласия, во-первых, можно выделить виды дефектов, присущие отраслям материального и процессуального права.

Во-вторых, значимыми представляются дефекты порядка выражения (формы) или содержания согласия.

В-третьих, учитывая особенности последствий дефекта согласия, можно выявить дефекты, влекущие недействительность сделки или акта, для совершения которых было выдано согласие, и дефекты, которые не приводят к недействительности.

В-четвертых, обособляются дефекты согласия, нарушающие права лица, выдавшего такое согласие, или дефекты согласия, нарушающие права третьих лиц.

В-пятых, в зависимости от причин, по которым возник дефект самого согласия, проявляются пробел или коллизия в законодательстве, субъективные причины, воздействие третьих лиц (угрозы, обман и т. д.).

В-шестых, в зависимости от значимости имеющегося дефекта согласия можно выделить явный дефект, бесспорный дефект согласия (содержательный) и незначительный, «технический» дефект согласия (формальный).

Проблемы, возникающие при реализации согласия, также разнообразны. Особенно актуальными представляются:

— субъективность принятия решения о выдаче согласия / о выражении несогласия;

— отсутствие конкретных условий для выдачи согласия;

— отсутствие конкретных критериев юридического отказа в выдаче согласия;

— отсутствие в ряде случаев законодательно установленных технико-юридических требований к согласию, в том числе к форме выдачи согласия, к содержанию согласия, времени действия согласия;

— умышленное влияние на волю лица, выдающего согласие, а также искажение содержания согласия самим лицом, его выдающим;

— большая степень усмотрения при выдаче или отказе в выдаче согласия;

— недостаточное качество правореализации;

— злоупотребление правом и коррупционная составляющая при выдаче согласия или отказе в выдаче согласия;

— общие социокультурные, экономические, правовые условия.

Представляется, что вышеуказанные причины возникают из-за недостаточного правового регулирования, в связи с чем затрудняется применение правовых норм, касающихся согласия. Несмотря на широкий спектр возможных причин дефектов согласия, нельзя не учитывать естественное наличие неких недостатков в любом виде человеческой деятельности, в том числе правовой. Как отмечает И. П. Кожокар, «дефект – это во многом неизбежный момент системы правового регулирования» [5, с. 55].

Наибольшее практическое значение имеет изучение дефекта формы и содержания согласия, а также последствия таких дефектов. Согласие совершено с дефектами содержания в следующих случаях:

— субъекта, выражающего согласие;

— субъективной стороны (в том числе воли).

Примером согласия с дефектом субъекта является полученное от недееспособного пациента согласие на медицинское вмешательство. Дефект субъекта, выражающего согласие, зачастую связан с дефектом воли на выражение согласия. Также если информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство получено в результате заблуждения, насилия, обмана, угрозы пациента, указанное согласие является согласием с дефектом воли пациента, что влечет недействительность указанного согласия.

Пунктом 57 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее — Постановление) предусмотрено, что «согласие, данное третьим лицом под влиянием существенного заблуждения, обмана, насилия, угрозы или неблагоприятных обстоятельств, может быть оспорено в соответствии со статьями 178 и 179 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ). При признании согласия на совершение сделки недействительным сделка может быть оспорена по мотиву отсутствия

необходимого в силу закона согласия по правилам статьи 173.1 ГК РФ» [6]. Указанная трактовка согласуется с той позицией, которую высказал Верховный Суд Российской Федерации в пункте 50 вышеуказанного Постановления относительно правовой природы согласия.

Единый подход к оспариванию сделок, совершенных на основе недействительного согласия, не сформирован судебной практикой, в связи с чем имеются случаи, когда требования о признании недействительным согласия на совершение сделки и признания недействительной последующей сделки соединены в одном исковом заявлении. С другой стороны, практикой также выработана двухступенчатая модель оспаривания сделок, осуществленных на основе недействительного согласия. В данном случае необходимо оспорить само согласие как отдельную одностороннюю сделку, а затем оспаривать и саму сделку.

Подобная модель приводит к логическим вопросам относительно того, как правильно определить срок исковой давности для оспаривания как согласия, так и сделок, которые были совершены на его основе. Также возникает неопределенность в том, кто именно имеет право подавать иски о признании недействительным как самого согласия, так и сделок, последующих за ним.

Отдельное внимание хотелось бы обратить на согласие, выдаваемое не единоличным субъектом (например физическим лицом), а коллективным субъектом, например юридическим лицом. В случае, когда согласие выдается единоличным субъектом, исключается различная трактовка выражения воли указанного субъекта. Споры возможны при выражении воли коллективного субъекта. Органы управления, выражая согласие в форме коллективного решения юридического лица, участвуют в процессе формирования воли такого юридического лица. При этом, исходя из существа принимаемого решения, данная воля формируется либо путем поддержки решения большинством голосов или иным количеством голосов, предусмотренным законом, уставом юридического лица, либо путем абсолютной поддержки принимаемого решения всеми участвующими в принятии решения. В последнем случае несогласие хотя бы одного из принимающих решение влечет невозможность сформировать и выразить согласие юридическим лицом.

Представляется, что в данной связи возможно говорить о степени согласия, выражаемого юридическим лицом: при выражении согласия

органом управления, принятым единогласно всеми членами данного органа управления, можно говорить об абсолютном согласии, при котором воля каждого из участвующих в принятии решения совпадает с конечным выражением воли юридического лица и свидетельствует о достижении консенсуса, и об общем согласии, при котором воля отдельных лиц, участвующих в принятии решения, не совпадает с волей, которая в конечном счете выражена юридическим лицом, что свидетельствует о достижении правового компромисса.

В данном случае, если воля, выраженная юридическим лицом как коллективным субъектом, не совпадает с волей отдельных лиц, принимавших решение, указанное решение может быть оспорено при определенных обстоятельствах.

Если говорить о дефекте формы согласия, то следует отметить, что зачастую форма выражения согласия не закреплена либо не имеет четких технико-юридических требований к оформлению. Когда определенная форма согласия установлена, зачастую вопрос о юридических последствиях ее нарушения остается неясным или неразрешенным.

Подводя итог в рассмотрении дефектов реализации согласия, необходимо констатировать, что детальное изучение дефектов реализации согласия имеет важное практическое значение. Дефекты формы и содержания согласия, которые в определенных случаях являются необходимым условием осуществления права, могут оказать негативное влияние на дальнейшие возникающие правоотношения, в связи с чем представляется необходимым четкое правовое регулирование формы и содержания согласия.

Список источников

1. Зими́на М. Ю. Институт согласия в гражданском праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2019. 209 с.
2. Касаткин С. Н. Согласие в гражданском праве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2014. 26 с.
3. Толковый словарь Ожегова / под ред. С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/47514> (дата обращения: 15.06.2024).

4. Блещик А. В. Выявление искажений в законодательстве и коммуникативный подход к праву: опыты правовой экспертизы нормативных актов // Российский юридический журнал. 2021. № 2. С. 101–114.

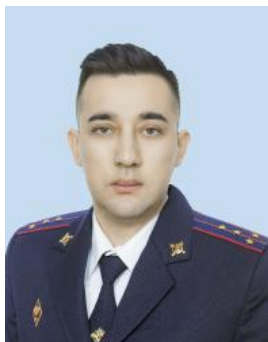
5. Кожокар И. П. К вопросу об отдельных способах устранения дефектов механизма гражданско-правового регулирования обязательственных отношений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 2. С. 55–60.

6. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 года. URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?BASENODE=1-1&req=doc&cacheid=A09F64D3BABBEDBC2720EBB75596023C&mode=searchcard&rnd=maisCA&base=LAW&n=181602#vmlNdRUmXE2cJmwk> (дата обращения: 19.10.2024).

References

1. Zimina M. Yu. Institute of Consent in Civil Law of Russia. Author's abstract ... candidate of legal sciences. Moscow, 2019. 209 p. (In Russ.)
2. Kasatkin S. N. Consent in Civil Law of the Russian Federation. Author's abstract... doctor of legal sciences. Nizhny Novgorod, 2014. 26 p. (In Russ.)
3. Ozhegov's Explanatory Dictionary / ed. by S. I. Ozhegov, N. Yu. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/47514> (accessed 15.06.2024). (In Russ.)
4. Bleshchik A. V. Identification of Distortions in Legislation and a Communicative Approach to Law: Experiences in Legal Expertise of Regulatory Acts. *Russian Law Journal*, 2021, no. 2, pp. 101–114. (In Russ.)
5. Kozhokar I. P. On the Issue of Certain Methods of Eliminating Defects in the Mechanism of Civil-Law Regulation of Obligatory Relations. *Bulletin of Perm University, Legal Sciences*, 2015, no. 2, pp. 55–60. (In Russ.)
6. On the Application by Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 23, 2015. URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?BASENODE=1-1&req=doc&cacheid=A09F64D3BABBEDBC2720EBB75596023C&mode=searchcard&rnd=maisCA&base=LAW&n=181602#vmlNdRUmXE2cJmwk> (accessed 19.10.2024). (In Russ.)

Научная статья
УДК 343.98
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-233-238>

Криминологический элемент оперативно-розыскной характеристики преступлений, связанных с распространением порнографических материалов с участием несовершеннолетних

Сулейманов Сулейман Тимурович

Нижегородская академия МВД России, Новгород, Россия,
suleymanov-namvd@yandex.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается криминологический элемент оперативно-розыскной характеристики преступлений, связанных с распространением порнографических материалов с участием несовершеннолетних, который, несмотря на его включение в общеюридический блок оперативно-розыскной характеристики, необходим оперативному работнику не ради теоретического любопытства и повышения общей эрудиции. Этот элемент имеет важнейшее прикладное значение, поскольку создает определенный криминально-экзистенциальный контекст, в котором актуализируются направления выявления и раскрытия конкретных преступлений, связанных с распространением порнографических материалов с участием несовершеннолетних. Кроме того, криминологический элемент оперативно-розыскной характеристики значим и в идеологическом ключе. Он позволяет эмпирически замерить «уровень распространения зла», что помогает создать необходимый оперативно-розыскной настрой на выявление и раскрытие этих преступлений. Цифры сухой статистики в лучах оперативно-розыскной интерпретации криминологической обстановки обретают особое значение. Исходя из того, что количество преступлений, предусмотренных статьей 242.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, невелико, они все же вызывают серьезное беспокойство, поскольку крайне негативно влияют на уровень нравственности в обществе, а также влекут за собой отрицательные последствия для тех несовершеннолетних, изображения которых изготавливаются. Ведь в любом случае такая категория несовершеннолетних терпит дискомфорт, поскольку обнажаются перед посторонними людьми, а если вовлекаются в различные сексуальные контакты, которые запечатлеваются с помощью фото- и видеосъемки, то в этом случае страдает их психика.

Ключевые слова: криминологическая характеристика, детская порнография, порнографические материалы, оперативно-розыскная характеристика, выявление преступлений, киберпреступления, нравственность

Для цитирования: Сулейманов С. Т. Криминологический элемент оперативно-розыскной характеристики преступлений, связанных с распространением порнографических материалов с участием несовершеннолетних // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 4 (68). С. 233–238. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-233-238>.

Original article

© Сулейманов С. Т., 2024

Criminological element of operational-search characteristics of crimes related to the distribution of pornographic materials involving minors

Suleyman T. Suleymanov

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Novgorod, Russian Federation, suleymanov-namvd@yandex.ru

Abstract. On the pages of this scientific research we will consider the criminological element of the operational-search characteristic of the RPMN crimes, which, despite its inclusion in the general legal block of the operational-search characteristic, is necessary for the operative worker not for the sake of theoretical curiosity and increasing general erudition. This element has the most important applied significance, since it creates a certain criminal-existential context in which the directions of identifying and solving specific RPMN crimes are updated. In addition, the criminological element of the operational-search characteristic is also significant in an ideological key. It allows us to empirically measure the “level of spread of evil”, which helps to create the necessary operational-search mood for identifying and solving these crimes. The figures of dry statistics in the rays of the operational-search interpretation of the criminological situation acquire special significance. Despite the fact that the number of crimes provided for by art. 242.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, are small, but they still cause serious concern, since they have an extremely negative impact on the level of morality in society, and also entail negative consequences for those minors whose images are made. After all, in any case, such minors suffer discomfort, since they are forced to expose themselves to strangers, and if they are involved in various sexual contacts that are captured using photography and video, then in this case their psyche suffers even more. Moral and ethical attitudes are distorted in childhood or adolescence.

Keywords: criminological characteristics, child pornography, pornographic materials, operational-search characteristics, detection of crimes, cybercrimes, morality

For citation: Suleimanov S. T. Criminological element of operational-search characteristics of crimes related to the distribution of pornographic materials involving minors. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 4 (68), pp. 233–238. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-233-238>.

Первое общее представление о состоянии преступности, связанной с изготовлением, распространением, демонстрацией порнографических предметов и материалов с изображением несовершеннолетних, можно получить на основе анализа динамики преступлений, связанных с распространением порнографических материалов с участием несовершеннолетних (далее — РПМН).

Посмотрим на статистику последних пяти лет: в 2018 году по части 1 статьи 242.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) осуждено 11 лиц, по части 2 статьи 242.1 УК РФ — 198; 2019 году по части 1 статьи 242.1 УК РФ осуждено 13 лиц, по части 2 статьи 242.1 УК РФ — 171; 2020 году по части 1 статьи 242.1 УК РФ осуждено 13 лиц, по части 2 статьи 242.1 УК РФ осуждено 98 лиц; 2021 году по части 1 статьи 242.1 УК РФ осуждено 14 лиц, по части 2 статьи 242.1 УК РФ — 164; 2022 по части 1 статьи 242.1 УК РФ осуждено 15 лиц, по части 2 статьи 242.1 УК РФ — 171 лицо [1].

Анализируя динамику рассматриваемого вида преступлений, можно сделать ряд очевидных и косвенных выводов. К числу очевидных можно отнести заключение о том, что в целом

статистика отражает достаточно стабильное состояние этой преступности. Хотя более правильным будет говорить не столько о состоянии самой преступности, сколько об уровне государственного реагирования на нее в различных правоохранительных формах, включающих оперативно-розыскную деятельность (далее — ОРД) и уголовный процесс.

Статистика с ее небольшими натуральными показателями в рамках той же оперативно-розыскной логики говорит, как ни парадоксально, об огромном масштабе этой преступности и ее невероятной латентности. Впрочем, необходимо принимать во внимание, что понятие латентности здесь двоякое. В части сетевого распространения детской порнографии понятие латентности можно отнести по большей части к преступникам, а не к преступлениям, поскольку сеть «Интернет» скрывает исполнителей, но не преступления (их визуализированные последствия на поверхности). Однако списывать все на анонимность сети «Интернет» неоправданно. Именно поэтому прямую связь малого количества состоявшихся судебных решений и снижения выявляемости преступлений РПМН оперативными аппаратами отрицать неправильно.

И оперативно-розыскная характеристика (далее — ОРХ), помимо создания общей криминологической картины, предполагает выяснение причин подобного явления.

Причины низкой выявляемости, на наш взгляд, могут быть различными. Конечно, можно предположить, что снижение числа зарегистрированных преступлений, предусмотренных статьей 242.1 УК РФ, обусловлено снижением числа таких преступлений в целом, в том числе в силу эффективной профилактической работы оперативных аппаратов. Однако вряд ли это единственная и главная причина. Да и причина ли? Для того чтобы усомниться в этой гипотезе, достаточно открыть сеть «Интернет» и без особого труда отыскать путь на порнографические сайты.

Не особо уязвленными детской порнографией считают себя и обычные граждане, по разным причинам сталкивающиеся с изображениями сомнительного характера. Даже без особых социологических опросов можно констатировать терпимое отношение населения к порнографии. В рамках общей гражданской терпимости к порнографии вполне резонно допустить и толерантность к порнографическим изображениям несовершеннолетних, тем более, что речь идет лишь об изображениях. Это не означает, что народ поголовно потребляет этот преступный продукт. Дело в другом: при обнаружении подобного явления (например, если искусственный интеллект (далее — ИИ) предлагает сомнительную ссылку) никто не спешит уведомить об этом правоохранительные органы.

Думается, что за подобное терпимое отношение не стоит безапелляционно упрекать граждан. Специфика преступлений РПМН обусловлена целым букетом пикантной специфики. Не каждый гражданин готов искренне поведать правоохранительным органам о том, какие пути завели его на запрещенные ресурсы, дабы ненароком не угодить в число возможных педофилов. Подобного рода вещи попадают в раздел тщательно хранимых интимных тайн.

Вполне очевидно, что несовершеннолетние, оказавшиеся в центре неприглядных (порнографических) сюжетов, целенаправленно скрывают факт того, что принимали участие в изготовлении порнографических фото- и видеоматериалов, что отправляли свои обнаженные изображения известным и неизвестным злоумышленникам и т. д. Это, к слову, нередко становится поводом для шантажа со стороны потенциальных изготовителей порнографической продукции. Совсем не заинтересованы

в том, чтобы о данных преступлениях стало известно правоохранительным органам, и потребители порнографических предметов и материалов. Подобный интерес в обществе совсем не приветствуется и расценивается не иначе как педофильские наклонности, что совершенно справедливо. Ну и априори известно, что сами изготовители и распространители продукции не просто пассивно скрывают свое участие в этом преступном промысле, но и предпринимают активные действия, чтобы остаться неизвестными и не оказаться в руках правосудия.

Подобный вывод, естественно, не является нашим открытием. Юридическая наука давно и твердо стоит на эмпирически доказанной позиции, что обнаружить факты совершения таких преступлений и тем более задокументировать их средствами уголовного процесса и ОРД достаточно сложно [2, с. 15].

Увы, развитие информационных технологий делает более успешными преступников, а не тех, кто их выявляет и обезвреживает. Преступники, как правило, работают с опережением. Примечательно, что антикриминальные битвы между преступниками и правоохранителями в области противодействия преступлениям РПМН уже переместились на уровень ИИ, но и там расклад сил не всегда в пользу правоохранительной системы. Это следует из следующей цитаты: «Ожидается, что полицейская служба и организации, обеспечивающие безопасность, будут все больше полагаться на сортировку и автоматизацию на основе ИИ для работы с постоянно растущими объемами данных, собираемых в ходе расследований. Атаки, которые подрывают эти процессы, чтобы стереть доказательства или иным образом помешать обнаружению, вероятно, станут все более привлекательными для преступников. Состязательность возмущения (например, используемые для сокрытия порнографических материалов от автоматического обнаружения) предлагает один возможный путь к этому, хотя требования к знаниям системы могут быть непомерно высокими» [3, с. 121].

Таким образом, при криминологической оценке преступлений РПМН (подчеркнем это еще раз) следует учитывать высокую степень латентности рассматриваемых деяний и малую долю случайных (непрофессиональных) обнаружений, что, в свою очередь, значительно повышает роль ОРД в их выявлении и раскрытии. И не только роль, но и прямую ответственность перед государством и обществом за количество выявленных преступлений РПМН.

Преступления, которые могут быть квалифицированы по статье 242.1 УК РФ, совершаются на порядок больше, чем это отражают сведения официальной статистики. Сказанное, однако, не принижает научного значения статистики. Представленные статистические сведения интересны исследованию еще с одной, эволюционной стороны. Они явно свидетельствуют о том, что по части 1 статьи 242.1 УК РФ квалифицируется небольшое количество выявляемых деяний. По сути, это единичные факты. Для сравнения, по части 2 статьи 242.1 УК РФ квалифицируется в десять раз больше преступлений.

Еще два десятка лет назад преступления РПМН совершались преимущественно путем непосредственной передачи фотоснимков, кассет, дискет с фото- и видеоизображениями несовершеннолетних различным лицам, как правило, из корыстных побуждений. Кроме того, могли организовываться просмотры видеозаписей компаниями лиц и т. д. Сейчас же подобного рода взаимодействие между изготовителями и потребителями порнографической продукции считается архаикой. Информационные технологии существенно облегчают криминальные возможности отправки различных материалов в виде фото- и видеофайлов, удобства обмена ими, а также размещения их таким образом, чтобы просмотреть, сохранить себе данные материалы могли все желающие. Данные деяния сегодня совершаются высокотехнологичным способом. Именно поэтому часть 1 статьи 242.1 УК РФ ввиду объективных жизненных обстоятельств фактически является нерабочей, точнее нежизненной. Это своеобразный криминальный эксклюзив.

Данное обстоятельство объясняет низкую выявляемость этих злодеяний. Выявить преступления, предусмотренные частью 1 статьи 242.1 УК РФ, крайне сложно, поскольку они единичны и, как правило, бессистемны. К непосредственным контактам с распространителями склонен весьма незначительный круг лиц, заинтересованных в приобретении порнографических изображений. Применительно к данным преступлениям вполне обоснованно можно говорить о том, что низкая выявляемость свидетельствует не о высокой латентности «аналоговых» способов совершения преступлений, а о весьма незначительной криминальной практике. Сама жизнь почти полностью аннулировала эти преступления.

Но тем не менее такие дела все еще встречаются. По данным ученых, исследующих указанную проблему, большинство уголовных дел,

возбужденных по статье 242.1 УК РФ, направляются в суд (это примерно 70 %). Данный показатель предлагается оценить как свидетельство высокого качества расследования, таких преступлений [4, с. 276]. Здесь спорить достаточно сложно, однако представляется, что не менее важно анализировать количество зарегистрированных сообщений по данным фактам и сопоставлять данные об оконченных уголовных делах именно с этим первоначальным показателем эффективности деятельности правоохранительных органов. Нередко уже в ходе доследственной проверки становится очевидным, что нет оснований для принятия решения о возбуждении уголовного дела, то есть нет данных, свидетельствующих о наличии доказательств совершения данного преступления.

Как еще одну из значимых криминологических проблем можно назвать проблему, связанную со сбором доказательств по данному факту. Несмотря на общую высокую латентность преступлений РПМН, условно неуловимы и те сюжеты, что попадают во внимание правоохранительных органов. Прежде всего проблемным является установление факта того, что определенный предмет либо материал выступает в качестве порнографического [5, с. 52]. Но даже если и эту проблему удастся преодолеть, все равно органы расследования сталкиваются со сложностями установления мотива преступления, который является решающим фактором в определении криминальности действий субъекта. В случае, если у определенного лица находятся порнографические материалы либо в том случае, когда выявлен факт изготовления порнографических материалов, достаточно сложно доказать цель изготовления и хранения данных материалов.

К примеру, заподозренный может выдвинуть версию о том, что он изготовил данные материалы и хранил их исключительно для собственного пользования. Все это предопределяет специфику документирования и доказывания. Рассматриваемые преступления удаётся успешно доказать только в том случае, когда виновный уже распространил либо предпринял попытки к распространению, к демонстрации порнографических материалов, так как в таком случае на сайте публикуются данные материалы, которые и обнаруживаются. Аналогичным образом возможно обнаружение следов преступных намерений в социальных сетях или в переписке в электронной почте, где обсуждается вопрос о продаже порнографических материалов, или при обнаружении

порнографических материалов, которые были распространены конкретным адресатам. Вот здесь и нужны особые методы и способы ОРД.

Теперь несколько слов о сети «Интернет». Мы уже отмечали, что значительная часть преступлений РПМН маркируется как разновидность киберпреступлений. Делается это не только в юридической литературе, но и на уровне официальной отчетности.

Так в отчете, подготовленном ФКУ МВД России «Информационно-аналитический центр» — «Состояние преступности в России январь – декабрь 2023 года», указано, что «преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации выявлено (зарегистрировано) — 676 951 (рост составил на 29,7 % по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года), в том числе изготовление порнографических материалов, предусмотренных статьями 242, 242.1, 242.2 УК РФ — 3 127 (рост — 20,8 %) [6, с. 28].

Несмотря на значительный рост выявляемости этих преступлений (хотя в статистическом отчете речь идет фактически о возбужденных уголовных делах, а эта цифра всегда ниже), успехи в этом направлении нельзя признать ошеломительными. Тому есть и объективное объяснение. Когда порнографические материалы и предметы распространяются в сети «Интернет», имеют место сложности иного рода — преступления обнаруживаются легко, а преступники — сложно. Отсюда и низкий процент раскрываемости. Несмотря на то, что виртуальные следы остаются в любом случае, и производимый мониторинг в целях выявления фактов распространения порнографических материалов позволяет обнаружить следы данного преступления, но раскрыть их достаточно сложно, так как преступники действуют под чужим именем, анонимно. Необходимо прикладывать значительные усилия, чтобы установить виновное лицо и привлечь его к ответственности.

Привычным становится дистанционное обучение, общение с помощью различных мессенджеров с родственниками, друзьями, одноклассниками, учителями и т. д. В сети «Интернет» дети и подростки находят необходимую полезную информацию. Однако запретные темы интересуют их в большей степени. Поскольку в целом сексуальная тема для несовершеннолетних находится фактически под запретом, они проявляют интерес ко всему, что с ней связано, а в сети «Интернет» можно

найти различную информацию по данной теме как в свободном доступе, так и при целенаправленном поиске [7].

Подобный интерес несовершеннолетних активно используют злоумышленники, которые изготавливают и распространяют порнографические материалы с изображением детей и подростков. Преступникам достаточно легко удается вступить в переписку с несовершеннолетними, в особенности с малолетними, обсуждать с ними сексуальную тематику. Заинтересовав и обещав удовлетворение различных интересов, преступники достаточно легко получают от таких детей требуемое фото или видеоизображение и даже согласие на участие в сексуальных развлечениях, которые также фиксируются посредством фото- либо видеосъемки. В дальнейшем, даже когда несовершеннолетние уже не желают продолжать общение в подобном формате, позировать обнаженными и т. д., преступники могут пускать в действие шантаж, настаивают на продолжении удовлетворения их требований, обещая в ином случае распространить порнографические материалы среди родственников, знакомых несовершеннолетнего.

Эффективность противодействия рассматриваемым преступлениям во многом зависит от того, насколько совершенны уголовно-правовые нормы, устанавливающие запрет на определенные действия, и наказание в случае нарушения данного запрета. Поэтому одним из направлений правоохранительной деятельности должно стать участие в совершенствовании уголовного законодательства. И здесь речь не идет о лоббировании идей ужесточения уголовной ответственности. Наибольшее значение должно отводиться именно предупредительной деятельности. Учитывая, что запрет детям использовать сеть «Интернет» вряд ли достигнет своей цели, необходима целенаправленная борьба именно с распространением порнографических материалов в сети «Интернет», а она должна быть комплексной, включающей в себя следующие меры:

— активный мониторинг сети «Интернет» с целью выявления порнографических материалов с изображениями несовершеннолетних, а также тех сайтов, социальных сетей, где предположительно они могут быть размещены;

— работа непосредственно с самими несовершеннолетними, в особенности теми, кто подвержен риску стать жертвой лиц, изготавливающих и распространяющих порнографические

материалы, преимущественно с подростками из неблагополучных семей;

— работа с родителями несовершеннолетних, в ходе которой они должны осознать необходимость контроля за ребенком, отслеживание посещаемых ими сайтов, социальных сетей, отслеживание контактов, с которыми общается ребенок;

— любое сообщение от граждан либо обнаружение любого подозрительного интернет-ресурса должно влечь тщательную проверку;

— необходимость контроля за своевременной блокировкой сайтов, содержащих любую вредоносную информацию, не только сами порнографические материалы, но также и сведения о том, каким образом обойти блокировку и получить доступ к запрещенной информации.

При реализации указанного комплекса мер количество преступлений РПМН будет минимизироваться, возможна и проработка изменений в уголовно-правовые нормы, которые бы сделали их гораздо более эффективными.

В литературе обращается внимание на то, что эти особые *криминогенные зоны* киберпространства должны подлежать особому оперативному обслуживанию [8, с. 240]. Получается такое своеобразное «кибер оперативное обслуживание». От себя добавим, что это обслуживание должно быть не просто активным, оно должно быть наступательным. Исходя из необходимости негласного получения информации о пользователях сайтов, которые расположены в *darknet*-сетях и содержат порнографические материалы с изображением несовершеннолетних, а также получения иной информации о различных видах преступной деятельности, связанной с преступлениями сексуальной направленности в киберпространстве в отношении несовершеннолетних, целесообразно нормативно закрепить возможность создания легендированных (зашифрованных) сайтов в сети «Интернет» под контролем сотрудников оперативных подразделений.

Список источников

1. Судебная статистика Российской Федерации. URL: <http://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 20.10.2024).
2. Польшиков А. В. Об основных проблемах предупреждения преступлений, связанных с изготовлением и оборотом порнографических изображений несовершеннолетних в сети Интернет // Вопросы ювенальной юстиции. 2013. № 3 (47). 381 с.

3. Оперативно-розыскная деятельность в цифровом мире: сборник научных трудов / под ред. В. С. Овчинского. Москва: ИНФРА-М, 2021. 460 с.

4. Корнилова И. Г. Актуальное состояние противодействия незаконному обороту порнографических материалов или предметов // Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8. 985 с.

5. Степуренко М. А., Белоус В. Г. Противодействие преступлениям против общественной нравственности как необходимое условие развития современного общества // Актуальные вопросы образования и науки. 2015. № 5–6. 566 с.

6. Состояние преступности в России январь – декабрь 2023 года. Москва: ФКУ МВД России «Информационно-аналитический центр», 2023. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/47055751/> (дата обращения: 20.10.2024).

7. Чем интересуются дети в Сети. Отчет «Лаборатории Касперского». 2016–2017. URL: <https://securelist.ru/what-are-children-doing-online/30779/> (дата обращения: 20.10.2024).

8. Овчинский В. С. Преступность и борьба с ней в цифровом мире // Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности. 2018. № 1.

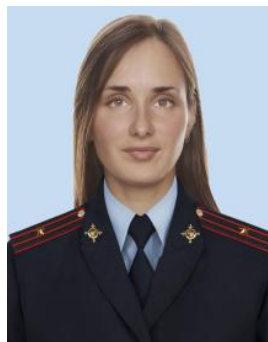
Reference

1. Judicial statistics of the Russian Federation. URL: <http://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (accessed 20.10.2024) (In Russ.)
2. Polishikov A. V. On the main problems of preventing crimes related to the production and circulation of pornographic images of minors on the Internet. *Issues of juvenile justice*, 2013, no. 3 (47), 381 p. (In Russ.)
3. Operational-search activity in the digital world: a collection of scientific papers / ed. by V. S. Ovchinsky. Moscow: INFRA-M Publ., 2021. 460 p. (In Russ.)
4. Kornilova I. G. Current state of counteracting the illegal circulation of pornographic materials or objects. *Issues of Russian and international law*, 2018, vol. 8, 985 p. (In Russ.)
5. Stepurenko M. A., Belous V. G. Counteracting crimes against public morality as a necessary condition for the development of modern society. *Current issues of education and science*, 2015, no. 5–6, 566 p. (In Russ.)
6. The state of crime in Russia January-December 2023. Moscow: Federal State Institution of the Ministry of Internal Affairs of Russia "Information and Analytical Center", 2023. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/47055751/> (accessed 20.10.2024) (In Russ.)
7. What are children interested in on the Internet. Kaspersky Lab report. 2016–2017. URL: <https://securelist.ru/what-are-children-doing-online/30779/> (accessed 20.10.2024) (In Russ.)
8. Ovchinsky V. S. Crime and the fight against it in the digital world. *Designing the future. Problems of digital reality*, 2018, no. 1. (In Russ.)

Научная статья

УДК 343.1

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-239-245>

**Анализ отдельных положений проекта
Федерального закона «О внесении изменений
в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»,
разработанного МВД России (ID ПРОЕКТА 01/05/04-24/00147276)**

Тетеркина Оксана Игоревна

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, Flarton54@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу отдельных положений проекта Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», разработанного МВД России. В статье представлена проблема раскрытия и расследования дистанционных хищений денежных средств с банковских счетов граждан, анализируется актуальность вносимых МВД России предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в части дополнения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации новым следственным действием «приостановление операций с денежными средствами, электронными денежными средствами, авансовыми платежами», а также внесению изменений в часть 5 статьи 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части возможности получения информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами без вынесения предварительного судебного решения. С учетом анализа сложившейся правоприменительной практики предлагаем дополнить проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» рядом процессуальных действий как на стадии возбуждения уголовного дела, так и на стадии предварительного расследования.

Ключевые слова: доказывание, дистанционные хищения, приостановление операций с денежными средствами, электронными денежными средствами, авансовыми платежами, получение информации о вкладах и счетах граждан, юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в банках и иных кредитных организациях

Для цитирования: Тетеркина О. И. Анализ отдельных положений проекта Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», разработанного МВД России (ID проекта 01/05/04-24/00147276). Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 4 (68). С. 239–245. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-239-245>.

Original article

© Тетеркина О. И., 2024

**Analysis of individual provisions of the draft Federal Law
“On Amendments to the Criminal Procedure Code
of the Russian Federation”, developed by the Ministry
of Internal Affairs of Russia (project ID 01/05/04-24/00147276)**

Oksana I. Teterkina

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, Flarton54@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of individual provisions of the Draft Federal Law “On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation” (hereinafter referred to as the Draft), developed by the Ministry of Internal Affairs of Russia. The article describes the problem of disclosing and investigating remote thefts of funds from citizens’ bank accounts. Next, the author analyzes the relevance of proposals made by the Ministry of Internal Affairs of Russia to improve criminal procedural legislation in terms of supplementing the Criminal Procedure Code of the Russian Federation with a new investigative action “suspension of transactions with funds, electronic funds, advance payments”, as well as introducing changes to Part 5 of Article 165 of the Code in terms of the possibility of obtaining information about connections between subscribers and subscriber devices without issuing a preliminary court decision. Taking into account the analysis of existing law enforcement practice, the author proposes to supplement the Draft with a number of procedural actions, both at the stage of initiating a criminal case and at the stage of preliminary investigation.

Keywords: proof, remote theft, suspension of transactions with funds, electronic funds, advance payments, obtaining information about deposits and accounts of citizens, legal entities and individual entrepreneurs in banks and other credit institutions

For citation: Teterkina O. I. Analysis of individual provisions of the draft Federal Law “On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation”, developed by the Ministry of Internal Affairs of Russia (project ID 01/05/04-24/00147276). *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 4 (68), pp. 239–245. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-239-245>.

Мировая цифровизация влечет упрощение социальных процессов, что позволяет сделать повседневную жизнь комфортнее. Быстрая бесконтактная оплата товаров и услуг вошла в оборот практически каждого гражданина, но в то же время повлекла модернизацию способов совершения преступлений.

29 сентября 2011 года вступил в силу Федеральный закон от 27 июня 2011 года № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» [1], который урегулировал и сделал процесс расчета электронными деньгами совершенно законным. Но чем чаще происходит использование безналичных расчетов, тем изощреннее и изобретательнее становятся преступления с их использованием. Таким образом, электронная преступность является достаточно серьезной темой для обсуждения среди деятелей науки и практических сотрудников.

Привлечение к уголовной ответственности за совершение дистанционных хищений денежных средств граждан предусмотрено следующими

статьями Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ): пункт «г» части 3 статьи 158 УК РФ, статьями 159.3 и 159.6 УК РФ [2]. Кроме этого, в случаях, определенных уголовным законом, возможна квалификация деяния по совокупности преступлений, предусмотренных статьями 272–274 УК РФ.

Как следует из отчетности Центрального банка Российской Федерации, в первом квартале 2024 года злоумышленники похитили у клиентов банков Российской Федерации 4,3 млрд рублей. В 2023 году было похищено всего 15,8 млрд рублей, что на 11,5 % больше, чем в 2022 году (14,2 млрд рублей за 2022 год) [3]. Одна из возможных причин — более адресные и подготовленные атаки телефонных мошенников. Кроме этого, большое количество преступлений совершено с использованием сети «Интернет», так в 2023 году зарегистрировано 304 037 преступлений, 171 107 с использованием сотовой связи. Из них раскрыто 95 267 преступлений, направлено в суд 90 889. Нераскрытыми

остаются 247 104 преступления (67 % от числа зарегистрированных) [4]. Стоит проследить статистику совершения именно хищений денежных

средств с банковских счетов граждан (кража или мошенничество) от всего массива IT-преступлений.

Таблица 1

Сведения о хищении денежных средств с банковских счетов граждан за 1 квартал 2024 год (январь – июль)

Table 1

Information on theft of funds from citizens' bank accounts for the 1st quarter of 2024 (January – July)

Статья УК РФ	Зарегистрировано всего (в отчетном периоде)	Зарегистрировано ОВД	Раскрыто всего	Раскрыто ОВД	Направлено в суд
158	59 148	58 804	24 234	22 346	23 996
159	217 552	21 6973	23 731	21 862	21 309
159.3	691	682	43	33	29
159.6	125	119	315	307	49
Всего	27 7516	276 578	48 323	44 548	45 383

Таблица 2

Сведения о хищении денежных средств с банковских счетов граждан за 2023 год (январь – декабрь)

Table 2

Information on theft of funds from citizens' bank accounts for 2023 (January – December)

Статья УК РФ	Зарегистрировано всего (в отчетном периоде)	Зарегистрировано ОВД	Раскрыто всего	Раскрыто ОВД	Направлено в суд
158	119 212	118 725	42 255	38 912	41 683
159	353 201	352 283	37 128	34 284	31 841
159.3	2 461	2 456	201	191	138
159.6	417	409	305	296	305
Всего	475 291	473 873	79 889	73 683	73 967

Таблица 3

Сведения о хищении денежных средств с банковских счетов граждан за 2022 год (январь – декабрь)

Table 3

Information on theft of funds from citizens' bank accounts for 2022 (January – December)

Статья УК РФ	Зарегистрировано всего (в отчетном периоде)	Зарегистрировано ОВД	Раскрыто всего	Раскрыто ОВД	Направлено в суд
158	113 565	112 964	42 706	39 182	42 096
159	249 984	249 315	29 751	27 984	25 975
159.3	7 288	7 274	406	316	244
159.6	334	328	75	69	72
Всего	371 171	369 881	72 938	67 551	68 387

Как видно из представленных статистических данных, раскрываемость указанного вида преступлений находится на достаточно низком уровне. Это связано с рядом проблем как организационного, технологического, так и уголовно-

процессуального характера. Но, по нашему мнению, наиболее значимыми критериями, влияющими на раскрытие указанного вида преступлений, являются своевременность реагирования и пресечения преступных действий.

На стадии возбуждения уголовного дела в порядке статьи 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) законно проведение далеко не всех следственных и процессуальных действий [5]. Наиболее частыми из них является:

— проведение осмотра места происшествия, в ходе которого может быть осмотрено место перевода денежных средств злоумышленнику, установлен IP-адрес компьютерной сети устройства, с помощью которого проведена транзакция;

— получение объяснения от заявителя, в котором подробно указываются все обстоятельства, предшествующие несанкционированному переводу денежных средств. Подробное объяснение с приобщением детализации движения денежных средств по банковскому счету и детализации телефонных соединений абонента подтвердит показания заявителя, а также поможет с первоначальной квалификацией содеянного и принятием решения о возбуждении уголовного дела;

— запрос в компанию сотовой связи на блокировку абонентского номера, участвовавшего в совершении дистанционного хищения;

— принятие решения о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела.

После принятия решения о возбуждении уголовного дела органу расследования открывается весь комплекс следственных и процессуальных действий, таких как допрос, выемка, обыск, наложение ареста на имущество, получение информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами и другое. Особое внимание требует к себе получение информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами. В рамках указанного следственного действия от организаций, оказывающих услуги связи, следователь или дознаватель получает информацию о детализации телефонных соединений между абонентами, радиус нахождения аппарата связи, информацию об абонентах (данные владельцев абонентских номеров). Указанная информация позволяет органам расследования как минимум отыскать владельцев абонентских номеров, причастных к совершению преступления. Следственное действие проводится с санкции суда, так как предоставляемая информация содержит охраняемую законом тайну.

Однако получение информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами невозможно в рамках части 5

статьи 165 УПК РФ (без предварительного судебного санкционирования). Получение судебного решения и в последующем получение информации от организации, оказывающей услуги связи, занимает в среднем около двух недель. Как уже было отмечено ранее, на результативность раскрытия и расследования дистанционных хищений прямо влияет время реагирования и оперативный сбор сведений о совершенном преступлении. Выполнить весь спектр процессуальных действий в первые сутки с момента совершения преступления в современных реалиях не представляется возможным. Кроме того, в рамках расследования преступления возникает необходимость неоднократного проведения следственного действия (получение информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами), что оттягивает результат расследования на еще более долгий срок. В процессе совершения большинства дистанционных хищений используются средства связи, поэтому получение информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами так актуально.

Кроме того, в УПК РФ отсутствует процессуальная возможность проведения оперативной блокировки банковских счетов с целью сохранения на них похищенных денежных средств и предотвращения дальнейших транзакций. В рамках наложения ареста на имущество предусмотрено наложение ареста и на банковские счета, но указанное действие также возможно только по судебному решению и по этой причине достаточно растянуто по времени. За время получения органом расследования разрешения суда на наложение ареста на имущество злоумышленников последним удается несколько раз произвести транзакции на разные банковские счета и обналечить денежные средства. Орган расследования после этого только лишь восстанавливает «картину» произошедшего, а вернуть денежные средства или приостановить их движение на время расследования невозможно.

Можно сделать вывод, что существующая процессуальная форма при проведении некоторых процессуальных и следственных действий значительно уступает по времени проведения способам совершения дистанционных преступлений.

На указанном этапе цифровизации деятельности органов расследования пока рано говорить о полном переходе на онлайн-запросы от органов внутренних дел (далее — ОВД) в банки, провайдерам, компаниям, оказывающим услуги связи.

В будущем можно рассматривать мгновенное получение информации о движении денежных средств на банковских счетах, о соединениях между абонентами и владельцах абонентских номеров по электронному запросу официального канала связи ОВД.

Проблема раскрытия и расследования хищений денежных средств с банковских счетов граждан с использованием средств связи, сети «Интернет» (далее — дистанционные хищения) существует довольно давно, запрос на совершенствование правовой базы взаимодействия органов расследования и банков, организаций, оказывающих услуги связи, складывался на протяжении нескольких лет. С целью оптимизации доказывания хищений с банковских счетов граждан МВД России подготовлен проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (ID проекта 01/05/04-24/00147276) [6] (далее — Проект). Исследования, анализ и статистика дистанционных хищений прошлых лет подтвердили несовершенство организационных, уголовно-правовых форм расследования указанного вида преступлений.

МВД России предлагает новое процессуальное действие — приостановление операций с денежными средствами, электронными денежными средствами, авансовыми платежами, дополняя УПК РФ статьей 115.2. Указанное процессуальное действие не предусматривает изъятие денежных средств с банковского счета и их хранение, но приостанавливает движение денежных средств на 10 суток в целях последующего наложения ареста на них. В обосновании изменений УПК РФ указано, что «возможность приостанавливать операции с денежными средствами предоставлена целому ряду российских ведомств (ФНС, ФССП России). Росфинмониторинг уполномочен вынести постановление о приостановлении операций с денежными средствами или иным имуществом на срок до 30 суток. Для реализации представленного права приостановления операций с денежными средствами и электронными денежными средствами для указанных органов государственной власти не предусмотрена обязанность получения судебного решения. У органов предварительного расследования отсутствует возможность осуществить временное приостановление операций с активами без обращения в суд за соответствующей санкцией, что значительно увеличивает временной промежуток между совершаемым преступлением и его фактическим пресечением...» [6].

Однако Проект не предусматривает проведение указанного процессуального действия до возбуждения уголовного дела, что, на наш взгляд, является существенным упущением. Казалось бы, логичным предусмотреть возможность приостановления операций с денежными средствами, электронными денежными средствами, авансовыми платежами до возбуждения уголовного дела на срок не более 3 суток для реализации процессуального правомочия возбудить уголовное дело, а после этого принять законное и обоснованное решение о наложении ареста на денежные средства, электронные денежные средства, авансовые платежи в порядке, предусмотренном частью первой статьи 115 УПК РФ. По нашему мнению, статью 115.2 УПК РФ в Проекте необходимо дополнить: «приостановление операций с денежными средствами, электронными денежными средствами, авансовыми платежами может быть произведено до возбуждения уголовного дела».

Кроме того, Проект предусматривает получение информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами в рамках части 5 статьи 165 УПК РФ как безотлагательное следственное действие.

Ранее в своих исследованиях нами уже была указана необходимость упрощения процессуальной формы истребования судебного решения при получении информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами. Таким образом, полагаем, что потребность в совершенствовании процессуальной формы собирания доказательств дистанционных хищений вполне оправдана.

Несомненно, указанные изменения в УПК РФ, если будут действительно реализованы законодателем, благотворно повлияют на статистику возмещения ущерба, причиненного преступлением, установление виновных лиц.

По нашему мнению, внесение изменений в УПК РФ, согласно предлагаемому МВД России Проекту, не позволит решить все процессуальные проблемы в расследовании дистанционных хищений денежных средств с банковских счетов граждан.

Большой объем первичной информации органы расследования получают посредством получения информации из банков и иных банковских организаций о движении денежных средств по счетам. Указанная информация способствует не только грамотному планированию проведения процессуальных и следственных действий на стадии предварительного расследования, но и необходима для законного

принятия решения о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела. На данный момент УПК РФ поверхностно предусматривает возможности получения указанной информации от банков. В части 4 статьи 21 УПК РФ регламентирована обязательность исполнения запросов руководителя следственного органа, следователя, органа дознания и дознавателя. Однако направление запросов о предоставлении информации и получении ответов возможно лишь при определенных условиях. Статья 24 Федерального закона от 2 декабря 1990 года № 395-1 «О банках и банковской деятельности» [7] предусматривает предоставление информации по счетам и вкладам физических лиц, юридических лиц и индивидуальных предпринимателей органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, на основании судебного решения при наличии согласия руководителя следственного органа, органам предварительного следствия по делам, находящимся в их производстве. У дознавателя такая возможность отсутствует. Можно сделать вывод, что на стадии возбуждения уголовного дела существует лишь возможность получения сведений по счетам и вкладам физических лиц в рамках проведения оперативно-розыскной деятельности по судебному решению. Таким образом, говорить о быстром получении указанной информации не может быть и речи.

С целью оптимизации расследования хищений с банковских счетов граждан предлагаем дополнить УПК РФ следующим процессуальным действием: статья 183.1 «Получение информации о вкладах и счетах граждан, юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в банках и иных кредитных организациях».

1. При наличии достаточных данных полагать, что информации о вкладах и счетах граждан, юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в банках и иных кредитных организациях имеет значение для уголовного дела, следователь с согласия руководителя следственного органа, орган дознания, дознаватель с согласия начальника органа дознания направляет запрос в банк и иную кредитную организацию.

2. Запрос следователя, органа дознания, дознавателя подлежит исполнению не позднее трех рабочих дней с момента его поступления или в указанный в запросе срок. Запрос, направленный в форме электронного документа посредством автоматизированных информационных систем (при наличии технической возможности), подлежит исполнению в течение 24 часов с момента их поступления.

3. Следователь, орган дознания, дознаватель осматривает представленные предметы и документы, содержащие информацию о вкладах и счетах граждан, юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в банках и иных кредитных организациях с участием специалиста (при необходимости), о чем составляет протокол, в котором должна быть указана та часть информации, которая имеет отношение к уголовному делу (дата, время проведения банковских операций, суммах денежных средств на счетах, вкладах и другие данные).

4. Представленные документы, содержащие информацию о вкладах и счетах граждан, юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в банках и иных кредитных организациях, приобщаются к материалам уголовного дела в полном объеме. На основании постановления следователя (или дознавателя) могут быть признаны вещественным доказательством и храниться в печатанном виде в условиях, исключающих возможность ознакомления с ними посторонних лиц и обеспечивающих их сохранность.

5. Получение информации о вкладах и счетах граждан, юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в банках и иных кредитных организациях может быть произведено до возбуждения уголовного дела.

Внесение изменений в часть 1 статьи 144 УПК РФ с учетом предложения Проекта МВД России не требуется, так как она и так содержит возможность истребования необходимой информации органами расследования. Однако если представить возможность приостановления операций с денежными средствами, электронными денежными средствами, авансовыми платежами по постановлению следователя с согласия руководителя следственного органа, дознавателя с согласия органа дознания, тогда имеет место дополнить часть 1 статьи 144 УПК РФ текстом следующего содержания: «...при проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе <...> приостанавливать операции с денежными средствами, электронными денежными средствами, авансовыми платежами в порядке, установленном статьей 115.2 настоящего Кодекса».

Кроме того, в связи со сложившейся практикой считаем возможным внести изменения в статью 64 Федерального закона «О связи» от 7 июля 2003 года № 126-ФЗ [8], в статью 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» от 2 декабря 1990 года № 395-1 и обязать банки, провайдеров, компании, оказывающие услуги связи,

готовить ответ органам расследования в кратчайшие сроки. Ответ в электронной форме направлять в орган расследования в течение 24 часов, а после отправлять в бумажном варианте в трехдневный срок. Указанное нововведение позволит оптимизировать и ускорить процесс раскрытия и расследования дистанционных хищений.

По нашему мнению, внесение изменений в УПК РФ способствует оптимизации доказывания дистанционных хищений денежных средств граждан, наиболее быстрому принятию законных решений органами расследования. А в случаях нарушения конституционных прав граждан при проведении следственных действий и процессуальных действий предусмотрена процедура действующего последующего судебного контроля. В будущем полагаем необходимым упростить формальные процедуры посредством цифровизации деятельности органов расследования и получения наиболее быстрого доступа к необходимой в расследовании информации.

Список источников

1. О национальной платежной системе: федеральный закон от 27 июня 2011 года № 161-ФЗ // Доступ из СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 20.08.2024).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ // Доступ из СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 15.08.2024).
3. Обзор отчетности об инцидентах информационной безопасности при переводе денежных средств. Центрального банка Российской Федерации. URL: https://www.cbr.ru/statistics/ib/review_1q_2024/ (дата обращения: 05.08.2024).
4. Состояние преступности в Российской Федерации за январь—июнь 2024 года. URL: <file:///C:/Users/o.buckova/Downloads/Sbornik.pdf> (дата обращения 10.08.2024).
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ // Доступ из СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 16.08.2024).

6. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: проект Федерального закона (ID проекта 01/05/04-24/00147276) // Доступ из СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 22.08.2024).

7. О банках и банковской деятельности: федеральный закон от 2 декабря 1990 года № 395-1 // Доступ из СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 10.08.2024).

8. О связи: федеральный закон от 7 июля 2003 года № 126-ФЗ // Доступ из СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 25.08.2024).

References

1. On the national payment system: federal law no. 161-FZ of June 27, 2011. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 20.08.2024). (In Russ.)
2. Criminal Procedure Code of the Russian Federation no. 174-FZ of December 18, 2001. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 15.08.2024). (In Russ.)
3. Review of reporting on information security incidents during funds transfers. Central Bank of the Russian Federation. URL: https://www.cbr.ru/statistics/ib/review_1q_2024/ (accessed 05.08.2024).
4. The state of crime in the Russian Federation for January — June 2024. URL: <file:///C:/Users/o.buckova/Downloads/Sbornik.pdf> (accessed 10.08.2024).
5. Criminal Code of the Russian Federation no. 63-FZ of June 13, 1996. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (date of access: 16.08.2024).
6. On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: draft Federal Law (ID of the project 01/05/04-24/00147276). Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 22.08.2024). (In Russ.)
7. On banks and banking activities: federal law no. 395-1 of December 2, 1990. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 10.08.2024). (In Russ.)
8. On communications: federal law no. 126-FZ of July 7, 2003. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 25.08.2024). (In Russ.)

Отзыв на автореферат докторской диссертации
УДК 34
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-246-248>

**Публично-правовые режимы в ракурсе инноваций
(доктрина, практика, техника).**

**Отзыв на автореферат диссертации Дегтярева Михаила Владимировича
на тему «Инновационные публично-правовые режимы»
(Москва, 2024. 48 с.), представленной на соискание ученой степени
доктора юридических наук по специальности 5.1.2.
(публично-правовые (государственно-правовые) науки)**

Баранов Владимир Михайлович

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия

Review of the abstract of the dissertation

**Public law regimes from the perspective of innovation
(doctrine, practice, technique). Review of the abstract
of Degtyarev Mikhail Vladimirovich's dissertation on the topic
“Innovative public law regimes” (Moscow, 2024. 48 p.),
submitted for the degree of Doctor of Law in the specialty 5.1.2.
(public law (public law) sciences)**

Vladimir M. Baranov

Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Диссертация М. В. Дегтярева посвящена актуальной и недостаточно изученной теме инноватики в публично-правовом регулировании, кристаллизованной в фокусе на инновационные публично-правовые режимы и на их исполнительные ресурсы, инновационные регуляторные технологии и инструменты (регуляторные эксперименты, песочницы, гильотины, градиентные — (автор называет их «самозавершающиеся») и итеративно-адаптивные акты.

Автореферат диссертации М. В. Дегтярева отражает логические интегральные результаты его многолетних исследований, обобщенных в его диссертационной работе.

Я давно слежу за неординарным научным творчеством М. В. Дегтярева (признаю, весьма продуктивным). Мне уже приходилось представлять обширный отклик (Баранов В. М. Оригинальное аналитическое исследование инновационных правовых технологий // Труды Института государства и права РАН. 2022.

© Баранов В. М., 2024

Т. 17. № 3. С. 168–181) на раннюю монографию соискателя по заявленной теме диссертации. Считаю важным подчеркнуть, что М. В. Дегтярев значительно продвинулся в своих научных поисках, учтя замечания многих критиков-авторов журнальных рецензий. Включая и мои замечания.

Насколько возможно сформировать полноценное мнение по автореферату, предложенный автором в диссертации М. В. Дегтярева комплексный исследовательский подход актуализирует не просто теоретический срез исследуемой интегральной проблемы в соответствии с практическими запросами совершенствования отечественной публично-правовой системы, но репрезентует на выходе полновесную авторскую научную теорию, дающую возможность фундаментально осмыслить, понять и глубоко теоретизировать указанную сферу, ставшую предметно-объектной областью этой веховой диссертации.

К заслугам (реальным научным достижениям) диссертанта можно отнести:

— концептуализацию шкалы связанных понятий: «правовой режим», «публично-правовой режим» (с. 31–32, 19);

— теоретизацию сферы инноваций в публичном праве; теоретизацию сферы сложностей, неопределенностей и дезорганизованности в праве (с. 33–34, 16, 21);

— разработку авторской теории инновационных публично-правовых режимов и их исполнительных ресурсов (инновационные регуляторные технологии и инструменты (регуляторные эксперименты, песочницы, гильотины, градиентные (“самозавершающиеся”) и итеративно-адаптивные акты) (их уникальное описание — на с. 14–15, 17–19).

При этом в диссертации научно обобщены и объяснены понятия, природа, значение и функционально-целевая нагрузка, механизмы задействия, видовое многообразие, признаки и особенности, достоинства и недостатки правовых инноваций, инновационных публично-правовых режимов и воплощающих их инновационных регуляторных технологий и инструментариев, показаны причины и предпосылки их необходимости и оправданности, сферы, условия и пределы их релевантной применимости, существенные проблемы, с ними связанные (с. 15 и др.);

— авторский рабочий тезаурус по теме диссертации, состоящий из десятков авторских определений и объяснений (приложение № 1 диссертации; упомянуто на с. 15, 18 и 30),

а также средства визуализации авторской теории (приложение № 2 диссертации; обозначены на с. 14 и 30);

— авторскую классификацию признаков правовой инновации (с. 21–22);

— авторскую классификацию причин и предпосылок создания и задействия инновационных публично-правовых режимов (с. 21);

— авторскую классификацию инновационных инструментов и технологий под цели публично-правового регулирования (с. 23–24);

— авторскую классификацию целей задействия правового моделирования (с. 26–27);

— авторскую классификацию условий уместного и эффективного применения итеративно-адаптируемого регулирования (с. 25);

— концептуализацию темы интеллектуализированного регулирования как условия публично-правовой инноватики (с. 38);

— теоретизацию и инструментализацию тематики научного прогнозирования и моделирования в праве (с. 26–27), вскрытие соискателем тенденций инновационализации публичного права: 1) прогрессирующего повышения технологичности профессиональной юридической деятельности;

2) усложнения права и уравновешивающая ее тенденция упрощения права; 3) расширения и интенсификации задействия высоко децентрализованного (с высокой степенью автономности регуляторов нижних уровней в структуре государственного регулирования), распределенного (автономные регуляторы распределены по всей системе при отсутствии центрального диспетчерского управления и контроля) и гибридизированного (смешанного) регулирования; 4) расширения и интенсификации задействия итеративно-адаптируемого и иного активного (в том числе прогнозически-активного) моделирования в праве — в создании регуляторных инструментов «тонкой» настройки; 5) расширения и интенсификации задействия регуляторного эксперимента; 6) расширения и интенсификации задействия регуляторных песочниц и в целом метарегулирования (с. 16–17, 41–42);

— масштабное обобщение зарубежного опыта экспериментальных законов и экспериментальных публично-правовых режимов (с. 41);

— концептуализацию резонансов и мотивов разработки и внедрения инновационных публично-правовых режимов или, напротив, воздержания от обращения к ним (с. 17, 42–43);

— концептуализацию и инструментализацию методов и средств оценивания

инновационных подходов в публично-правовом регулировании (с. 17, 43–44).

Не подлежат сомнению весомость и ценность научного вклада М. В. Дегтярева в публично-правовые науки и в целом в юридическую науку и практику, равно как не подлежат сомнению научная новизна всех позиций, вынесенных им на защиту, и в целом научная новизна и научная ценность этой работы.

Оформленные соискателем предложения по совершенствованию российского законодательства и правоприменительной практики (с. 27–28) придают диссертации дополнительную актуальность, практическую и дидактическую значимость.

Вместе с тем некоторые положения диссертации, судя по автореферату, нуждаются в некоторых уточнениях и пояснениях.

Первое. Соискатель, принципиально сводя причинно-следственные обусловленности взаимодействия инновационных публично-правовых режимов и их исполнительных ресурсов — инновационных (нетипичных) регуляторных технологий и инструментов — к сложности и неопределенностям в праве (с. 3, 5, 14, 16, 21, 33–34), сильно обедняет многообразие причин обращения к правовой инноватике.

Второе. Представляющий значительный научный интерес авторский концепт о сложном онтологическом единстве сложности и простоты в праве (с. 13, 16, 21, 33) остался не раскрытым, а только лишь намеченным.

Выведенные замечания не снижают научной ценности представленного диссертационного

исследования инновационных публично-правовых режимов, отличающихся высокой степенью научной новизны и аргументированностью положений и выводов.

Работа М. В. Дегтярева объективно имеет фундаментальный научный характер и вносит весьма ощутимый вклад в юридическую науку посредством разработки, обоснования, тестирования и представления авторской научно-юридической теории (в рамках публично-правовых наук), а также направленных на совершенствование законодательства и правоприменительной практики рекомендаций, предлагающих и подтверждающих решения значимых для юридической науки проблем. В силу этих обстоятельств диссертация заслуживает высокой положительной оценки.

Из вышеизложенного следует, что, судя по автореферату, диссертационное исследование Дегтярева Михаила Владимировича на тему «Инновационные публично-правовые режимы» соответствует всем предъявляемым к докторским диссертациям требованиям, закрепленным в Положении о присуждении ученых степеней, утвержденном постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842 (в ред. от 25 января 2024 года) «О порядке присуждения ученых степеней», а ее автор вполне заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.2. (публично-правовые(государственно-правовые) науки).

Информация об авторе

В. М. Баранов — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника».

Information about the author

V. M. Baranov — Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Assistant to the Head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia for innovative development of scientific activity, President of the Nizhny Novgorod Research Scientific and Applied Center “Legal Technology”.

Рецензия на монографию

УДК 34

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-249-264>

**Нетипичность актов процессуального права
(доктрина, практика, техника).
Рецензия на монографию Самсонова Н. В.
Нетипичные источники российского гражданского
процессуального права. Москва: ИНФРА-М, 2024. 228 с.**

Лазорин Кирилл Борисович

Нижегородская областная нотариальная палата, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, kirill.lazorin@gmail.com

Для цитирования: Лазорин К. Б. Нетипичность актов процессуального права (доктрина, практика, техника). Рецензия на монографию Самсонова Н. В. Нетипичные источники российского гражданского процессуального права. Москва: ИНФРА-М, 2024. 228 с. // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 4 (68). С. 249–264. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-249-264>.

Review of the monograph

**Atypical nature acts of procedural law
(doctrine, practice, technique).
Review of the monograph by Samsonov N. V.
Atypical sources of Russian civil procedural law.
Moscow: INFRA-M, 2024. 228 p.**

Kirill B. Lazorin

Nizhny Novgorod Regional Notary Chamber, N. I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russian Federation, kirill.lazorin@gmail.com

For citation: Lazorin K. B. Atypicality acts of procedural law (doctrine, practice, technique). Review of the monograph by Samsonov N. V. Atypical sources of Russian civil procedural law. Moscow: INFRA-M, 2024. 228 p. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 4 (68). pp. 249–264. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-249-264>.

© Лазорин К. Б., 2024

Проблема нетипичности в правовом регулировании давно привлекает доктринальное внимание исследователей, специализирующихся как в теории государства и права, так и в различных отраслях действующего российского законодательства¹.

Массив такого рода публикаций не очень велик (тема относится к разряду малоисследованных и дискуссионных), но в нем отчетливо проявляются две негативные тенденции, два существенных пробела.

Первая тенденция заключается в том, что до сих пор не создана общетеоретическая концепция нетипичного в праве, отсутствует цельная теория нетипичных форм права, в том числе и нормативных правовых актов. Как известно,

¹ Горшенев В. М. Нетипичные нормативные предписания в праве // Советское государство и право. 1978. № 3. С. 113–118; Блохин Ю. В. Критерии ограничения нормативно-правовых предписаний от ненормативных в советском законодательстве (на примере нетипичных предписаний): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1991. 25 с.; Бошно С. В. Доктринальные и другие нетрадиционные формы права // Журнал российского права. 2003. № 1 (73). С. 82–91; Источники права: проблемы теории и практики: материалы конференции / отв. ред. В. М. Сырых. Москва, 2008; Петров К. В., Салун В. А., Смирнова М. Г. Нетипичные источники российского права // Российский юридический журнал. 2009. № 1 (64). С. 7–16; Храмов Д. В. Нетрадиционные источники российского частного права: общетеоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010. 26 с.; Довгань К. Е., Коваленко Н. Е. Рамочные правовые акты и нестандартность правовых предписаний // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2023. Т. 23, № 4. С. 99–103. Ойгензихт В. А. Нетипичные договорные отношения в гражданском праве. Душанбе, 1984; Писчиков В. А. Смешанные и нетипичные договоры в гражданском праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2004; Чуфаров В. Ю. Нетипичные нормативные предписания в трудовом праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. 26 с.; Шабанова М. А. Особенности правового регулирования нетипичных трудовых договоров: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2008. 28 с.; Андропова Т. В. Нетипичные формы завещания: сравнительно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2019. 30 с.; Демиденко Т. П. Нетипичные источники российского трудового права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 23 с.; Минникес И. В. Нетипичные источники в конституционном праве (часть 1) // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 9. С. 3–7; Егзю же Нетипичные источники в конституционном праве (часть II) // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 1. С. 16–21; Егзю же Нетипичные источники в конституционном праве (часть III) // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 3. С. 3–6.

без предварительного решения общих, принципиальных, фундаментальных вопросов той или иной юридической проблемы выяснение и объективный анализ ее частных аспектов невозможен.

Вторая тенденция — крайне редки работы о нетипичном в процессуальном праве. И в этом ракурсе монографию Н. В. Самсонова о нетипичном в гражданском процессуальном праве можно только приветствовать. Однако видов юридических процессов и процедур значительно больше, и пока нет крупных монографических разработок о нетипичном в уголовно-процессуальном законодательстве, административном процессе, нотариальных, налоговых и многих других юридических процедурах.

Иными словами, пока не сложится картина нетипичного в процессуальном праве в целом, об общей концепции нетипичных нормативных правовых актов вести речь преждевременно.

Оценивая рецензируемую монографию, мы исходим из того, что «однопорядковым материальным отраслям права и не выступая по отношению к ним своего рода вторичным образованием, процессуальное право наряду с публичным и частным правом занимает особый «структурный ряд»². Названная доктринально-практическая установка обуславливает «планку» (может быть, излишне завышенную в силу нашей увлеченности темой) требований к содержанию и форме монографии Н. В. Самсонова применительно к общетеоретической проблеме нетипичного в праве.

Прежде всего, отметим в методологическом ключе, что нетипичные правовые акты можно и теоретически, и практически «вычленить» лишь тогда, когда мы имеем четкое представление о **типичном** в регламентируемой сфере деятельности.

Как не без оснований отмечается в социологической литературе, наш выбор социального действия «будет **типичным** именно потому, что **и цели, и средства**, которые мы **индивидуально** выбираем, являются **типичными** для той социокультурной среды, в которой мы **находимся**»³.

² Червонюк В. И. Структура права: теория, методология и практика формирования: монография. Москва: Юстицинформ, 2024. С. 645. На с. 670 автор констатирует: «Принципиально значимым является также то обстоятельство, что процедурно-процессуальные средства представляют своего рода юридический механизм перевода материальных норм в фактическое поведение».

³ Захаров Н. Л. Теория социальных регуляторов: монография / под науч. ред. М. Б. Перфильевой. Москва: ИНФРА-М, 2024. С. 10.

Нетипичные нормативные и иные правовые акты в некоторых ситуациях и при определенных обстоятельствах принимаются в силу необходимости государства реагировать на экономические, социально-политические, культурно-национальные аномалии, природные и техногенные катастрофы, аварии, вооруженные конфликты.

По замечанию известного отечественного процессуалиста В. М. Савицкого, «всякий новый термин — в известной мере событие, потому что его появление, как правило, свидетельствует о таком приросте знаний о предмете и методе правового регулирования, который уже не укладывается в рамки прежних обозначений»¹.

Динамизм развития современных государств, правовых систем мира, институтов и движений гражданского общества делает объективно невозможной законодательную регламентацию многообразия существующих и вновь складывающихся отношений.

В этих условиях неизбежны (в большей или меньшей степени) нетипичные форматы правового регулирования. Именно они позволяют сократить баланс между традиционными и инновационными формами (источниками) права в любом государстве на любой стадии его развития.

Например, в сфере уголовного процесса на стадии предварительного следствия возникает множество сложных, нестандартных ситуаций, заставляющих следственный орган продлевать сроки содержания обвиняемых под стражей. Необычность и нестандартность многих, особенно групповых, уголовных деяний с неизбежностью влечет необходимость принятия в этих случаях нетипичных процессуальных решений. Некоторые представители адвокатского сообщества считают возможным отрицать это обстоятельство и настаивают на «слепо» следовании формальным требованиям закона. Так, С. В. Колосовский утверждает, что существование в процессуальной среде понятий «злоупотребление правом на защиту», «разумные сроки», «несущественность нарушения» означают предоставление органам предварительного следствия лазеек для обхода закона (ст. 109 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ)). Принципы разумности и справедливости он именует некими и квалифицирует их весьма аморфными².

¹ Савицкий В. М. Язык процессуального закона (вопросы терминологии). Москва, 1987. С. 65.

² Колосовский С. В. «Крокодил следствия» перерос размеры «бассейна правосудия» // Независимая газета. 2024. 12 сентября.

Думается, здесь налицо упрощение имеющейся в практике проблемы превышения срока содержания обвиняемых под стражей за счет ликвидации любой нетипичности, только ухудшающей качество применения уголовно-процессуального закона. Такого же рода дефект присутствует при критике практики рассмотрения жалоб на организацию работы судов³.

Если политико-правовая среда слишком динамична, чрезмерно изменчива, то поле для появления нетипичных юридических регуляторов, нетипичных законодательных актов непременно расширяется, а количество такого рода актов увеличивается.

В предисловии к своей монографии Н. В. Самсонов подчеркивает, что без верных знаний об указанном феномене эффективная правоприменительная деятельность и в первую очередь деятельность по отправлению правосудия представляется в принципе невозможной. Только правильное понимание того, относится ли тот или иной феномен общественного бытия к формам выражения права, выявление его места в системе источников позволяют определить уровень его обязательности и степень воздействия на регулирование судопроизводства в судах общей юрисдикции⁴.

Спорить с такой доктринальной позицией нет оснований. Как следствие, с учетом известной максимы «*lex superior derogat legi inferiori*»⁵ и в контексте научных дискуссий, и в плане законодательной деятельности, и с позиций правоприменительной практики следует прежде всего определиться в сути того или иного явления как формы права, его роли в системе источников, места в иерархической вертикали. Именно эти акценты, по идее, изначально расставлены в монографии, а в качестве инновационных моментов предлагается обсудить понятие и виды нетипичных форм российского гражданского процессуального права, выявить их признаки, сущность и место в правовом регулировании, соотношение в целом с легальной системой источников данной отрасли права. В качестве собственно «нетипичных» явлений автор указывает такие правовые феномены: судебный

³ См.: Трифонова Е. Суды нарушают процессуальные права граждан системно // Независимая газета. 2024. 16 сентября.

⁴ См.: Самсонов Н. В. Нетипичные источники российского гражданского процессуального права. Москва: ИНФРА-М, 2024. С. 4–5.

⁵ «*Lex superior derogat legi inferiori*» — иерархически вышестоящая правовая норма отменяет действие нижестоящей нормы.

прецедент, судебная практика, иные акты судебного правотворчества, акты международно-правового характера, юридический обычай и правовая доктрина.

К основным **заслугам** автора рецензируемой монографии можно отнести следующее.

В качестве методологических предпосылок анализа выбранного предмета автор (с привлечением солидного историко-правового материала) удачно провел различие между понятием «источник права» и «форма права» (с. 6–14). После четкого определения предмета гражданского процессуального права Н. В. Самсонов на с. 29 предложил следующую авторскую дефиницию: «Источники (формы) гражданского процессуального права — это внешние формы проявления, выражения правовых норм как первичного, так и вторичного характера, которые придают нормам, регулирующим общественные отношения, возникающие в процессе рассмотрения и разрешения гражданских дел судами общей юрисдикции, общеобязательность, сообщают им юридическую силу, обеспечивают возможность длительного, неоднократного применения в отношении неопределенного круга лиц». В заключении монографии на с. 191 содержится несколько иная дефиниция: «под источниками (формами) гражданского процессуального права Российской Федерации предлагается понимать как имеющие легальное закрепление соответствующего статуса, так и не имеющие его, но фактически используемые в соответствующем качестве правовые акты, после фиксации в одном из которых правила, определяющие порядок рассмотрения и разрешения российскими судами общей юрисдикции гражданских дел и осуществления отдельных процессуальных действий в ходе гражданского производства в российских судах общей юрисдикции, приобретают свойства гражданских процессуальных норм».

На с. 25 автор предлагает краткое, но содержательное определение предмета гражданского процессуального права «как совокупность общественных отношений, возникающих в процессе рассмотрения и разрешения гражданских дел судами общей юрисдикции».

Никак не подвергая сомнению актуальность, теоретическую и практическую составляющие такого исследования, его востребованность для законодательной деятельности и доктрины, сразу констатируем: что монография подготовлена на достаточно высоком теоретическом, методологическом и эмпирическом уровне. Все основные суждения и выводы автора представлены на анализе максимально широкого среза

солидных доктринальных источников, актуальных апелляций к действующему законодательству с эмпирически выверенной верификацией актов и закономерностей отраслевой судебной практики. Все это есть в монографии и должно быть отмечено в комплиментарной части объективной рецензии. Несомненны творческие способности автора: он пишет ясно, емко, совершает умелые переходы из одного проблемного «поля» в другое, с микроуровня текста на макроуровень — от тонкого юридического анализа базовых понятий к широкому рассуждению теоретико-правового плана.

Монография содержит немало верных с общеправовой точки зрения выводов о некоторых нетипичных источниках права. Они касаются разности понятий «судебная практика» и «судебный прецедент», отличия значений судебных актов, вынесенных судами в процессуальном порядке, и разного рода обзоров судебной практики и разъяснений. Автор упоминает интересные правовые явления, например, отсутствие территориального единообразия судебной практики и ее «разворотов».

Как и всякое творческое доктринальное исследование, монография Н. В. Самсонова не свободна от спорных суждений, дефектов содержания и формы изложения материала.

Работе Н. В. Самсонова, на наш взгляд, не хватает гражданского процессуального своеобразия. Почти все предложенные им суждения, тезисы, выводы применимы и к арбитражному, и к административному, и к уголовному судопроизводству, а не специфичны для гражданского процессуального права. То же касается и подробного обсуждения «судеб» решений Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ) и того влияния, которые они успели оказать на российское право.

При высокой насыщенности текста монографии теоретическими выкладками об «источниковости» чего-то из «нетипичных» источников, в нем отсутствуют конкретные их примеры.

Скажем, каким конкретно образом дискуссия о судебном прецеденте касается гражданского процессуального права? В каких судебных решениях есть что-то, хоть отдаленно напоминающее норму гражданского процессуального права? Рискнем предположить, что в каких-то решениях что-то подобное есть, но это настолько неочевидно, что совершенно точно нуждается в доказывании. Во всей главе, посвященной судебной практике и судебному прецеденту, упомянуто всего два конкретных судебных акта по одному-единственному вопросу

гражданского процесса. Если судебная практика и не пытается создавать нормы гражданского процессуального права, нет нужды доказывать, что она не вправе на это претендовать.

В то же время главы, посвященные актам конституционного правосудия, постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации, решениям ЕСПЧ, содержат четкие, убедительные примеры соответствующего нормотворчества.

Недостатком монографии Н. В. Самсонова является и то, что он вообще не использовал метод классификации, а просто очертил круг нетипичных источников российского гражданского процессуального права. Конечно, такой доктринальный подход — неотъемлемое право автора. Остается сожалеть, что исследователь не пояснил, почему он обошел молчанием проблему классификации рассматриваемого им феномена.

В этой связи считаем уместным высказать некоторые соображения о сущности права и познавательной ценности классификаций юридических явлений. Как известно, не существует универсальных методов и алгоритмов, гарантирующих высокое качество классификации тех или иных правовых объектов (в нашем случае — нетипичных источников гражданского процессуального права). Но обеспечить повышение точности принимаемых классификационных решений в данной предметной области можно только путем правильного выбора оснований градации именно этого конкретного объекта научного анализа. Речь идет о том, что посредством гибкой и развернутой классификации источников российского гражданского процессуального права можно глубже проникнуть в сущность механизмов их функционирования.

В юриспруденции до сих пор не учитывается либо учитывается недостаточно опыт классификаций в других и не только гуманитарных науках. Так, в технических науках «при решении многих практических задач классификации используются в построении ансамблей (композиций) классификаторов. Процесс ансамблирования основывается на различных способах компенсации ошибок классификаторов, входящих в ансамбль. Востребованность ансамблей связана с их высокой способностью к обобщению»¹.

Не исключено, что при поиске неординарных оснований классификации нетипичных источников российского гражданского процессуального

¹ Подробнее см.: *Клюева И. А.* Методы и алгоритмы ансамблирования и поиска значений параметров классификаторов: автореф. дис. ... канд. техн. наук. Пенза, 2021. С. 4.

права могли бы появиться новые методы и алгоритмы, обладающие высокой обобщающей способностью. В итоге была бы внесена посильная лепта в общую теорию классификации, которая продолжает развиваться².

Автор обратил внимание на нетипичные источники международного происхождения (с. 101–161). Несколько смущает название этого рода документов «источники международного происхождения». Но не только в этом дело. Слишком узок круг «обрисованных» международных правовых актов. Процессуальная составляющая нетипичных правовых актов может быть обогащена посредством анализа различных многосторонних и двусторонних международных договоров. В этой связи одна конкретная иллюстрация. Обратимся к Протоколу о внесении изменений в Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года в части определения порядка взимания косвенных налогов при оказании услуг в электронной форме (далее — Договор) (вступил в силу для Российской Федерации 25 апреля 2024 года).

Протокол на с. 6 дополняет Договор новой правовой дефиницией: «экстренная фитосанитарная мера» — обязательные для исполнения требования, правила и процедуры, применяемые в экстренном порядке в случаях, предусмотренных Договором о Евразийском экономическом союзе, в целях обеспечения охраны таможенной территории Союза от завоза и распространения вредного организма, не включенного в единый перечень карантинных объектов Союза и представляющего фитосанитарный риск, и направленные на снижение такого риска».

Протокол дополнил Договор статьей 59¹ «Экстренные фитосанитарные меры» следующего содержания: «1. Экстренные фитосанитарные меры применяются в отношении вредных организмов, не включенных в единый перечень карантинных объектов Союза и представляющих фитосанитарный риск, на период до включения соответствующих вредных организмов в указанный перечень либо до получения результата анализа фитосанитарного риска в отношении вредных организмов, подтверждающего отсутствие такого риска.

2. Государство-член вправе вводить экстренные фитосанитарные меры в следующих случаях:

² См.; *Омельченко В. В.* Общая Теория классификации. Часть I. Основы системологии познания действительности. Москва: ООО «ИПЦ «Маскл», 2008. 436 с.; *Новиков А. С.* Классификации типов ученых. Концепции и модели гениальности. Типология геоэвристики. Москва: ЛЕНАНД, 2024. 248 с.

1) отсутствие соответствующего и достаточного научного обоснования применения фитосанитарных мер или невозможность представления такого обоснования в необходимые сроки при получении официальной информации от соответствующих международных организаций, государств-членов, а также от третьих стран о принимаемых фитосанитарных мерах;

2) получение результата анализа фитосанитарного риска в отношении вредных организмов, подтверждающего наличие такого риска»¹.

Мы полагаем, что перед нами нетипичный международный правовой акт, акцентирующий «регулятивное внимание» на многих процессуальных элементах экстраординарной реализации фитосанитарных мер.

В четвертом подпункте авторской иерархии в качестве форм-источников выражения права приведены следующие международно-правовые феномены: общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, акты международных организаций и международных судов, в первую очередь решения ЕСПЧ. И здесь в который раз возникают вопросы как о правомерности приведения столь различных форм бытия права в одном ряду, так и об «истинном» месте указанных форм в управленческой вертикали. Рассмотрим, к примеру, такую форму права, как: «общепризнанные принципы и нормы международного права». Правовая доктрина, как известно, весьма различно определяет ее «место» в системе источников права: от выделения в самостоятельную и доминирующую над национальной системой подгруппу² до включения в группу «законы Российской Федерации». В последнем случае искомый уровень в иерархической вертикали также явно различен и отстает либо на одной горизонтали с международными договорами Российской Федерации межгосударственного характера³,

либо на уровне федеральных законов⁴. Не менее известно и отрицание этой формы явления права для системы национальных источников⁵. У автора, напомним, эта форма (по иерархии) явно ниже не только кодифицированных и федеральных законов, но и актов национальных судов или судебной практики.

На этом же иерархическом уровне «расположены» международные договоры Российской Федерации. При этом насколько этот подход согласуется с предписаниями части 2 статьи 1 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ), согласно которым: «если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, <...> чем те, которые предусмотрены законом, применяются правила международного договора», автор раз за разом поясняет суждением о том, что указанные нормативные предписания относятся к сфере законодательства, мы же судим о праве. Кроме того, ранее мы приводили суждения доктрины о безусловном приоритете норм международного договора над нормами национальной конституции и статусе указанных норм как непосредственно конституционных, что также меняет представление о месте указанных форм в системе российского права. Наконец, широко известны суждения, что надлежащее «место» этой формы выражения права на одной ступени с таким источником, как федеральные законы. Теоретическое обоснование указанного в том, что эта форма выражения права ратифицируется Российской Федерацией посредством принятия федерального закона. Отсюда юридическая сила международного договора межгосударственного характера равна юридической силе акта, его ратифицирующего⁶.

⁴ См.: Уголовный процесс Российской Федерации: учебник / отв. ред. проф. А. П. Круликов. Москва: Проспект, 2009. 736 с.; Уголовно-процессуальное право: учебник / под общ. ред. В. М. Лебедева. Москва: Издательство Юрайт, 2012. 1016 с.

⁵ См.: Даниленко Г. М. Применение международного права во внутренней правовой системе России: практика Конституционного Суда // Государство и право. 1995. № 11. С. 119; Томин В. Т. «Права и свободы человека» — большой блеф XX века. (Уголовный процесс России: аспекты взаимодействия с международным правом). Омск, 2004. 148 с.

⁶ См.: Барциц И. Н. Международное право и правовая система России // Журнал российского права. 2001. № 2. С. 62–63; Пшеничных М. А. Юридико-технические средства обеспечения соответствия российского законодательства международному праву. Проблемы юридической техники: сборник научных статей / под ред. В. М. Баранова. Нижний Новгород, 2000. С. 189.

¹ Бюллетень международных договоров. 2024. № 9. С. 3.

² Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / отв. ред. Ю. К. Якимович. Санкт-Петербург: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. 890 с.; Гриненко А. В. Уголовный процесс: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Изд-во Юрайт, 2013. 334 с.

³ См.: Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. Москва: Юрист, 2003. 797 с.; Уголовный процесс: учебник для бакалавров / под ред. А. И. Бастрыкина, А. А. Усачева. Москва: Издательство Юрайт, 2013. 511 с.

Интересные суждения Н. В. Самсонов высказывает и по поводу такой формы, как общепризнанные принципы и нормы международного права (параграф 3.1 работы). В качестве исходного посыла анализа автор приводит нормы национальной конституции, где «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы» (ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации). Далее оговаривается, что поскольку правовой статус общепризнанных принципов и норм международного права (*jus cogens*) в настоящее время не установлен достаточно четко (в правовой системе Российской Федерации или в целом в мировой системе права автор, отметим, не уточняет), то эти формы явления права следует характеризовать как источники нетипичные (с. 100).

Суждения Т. Н. Нешатаевой о максимально возможной юридической силе указанных форм и их безусловном приоритете над нормами национального права¹ Н. В. Самсонова, по всей видимости, не убеждают. Наверное, в силу того, что, во-первых, категория общепризнанности является крайне неопределенной и, как следствие, неприемлемой в целях регламентации гражданского судопроизводства. Во-вторых, «общепризнанность» в целом странами (или большинством стран) мирового сообщества вовсе не означает того, что эти нормы *jus cogens* и принципы являются сверхимперативными собственно для России, так как она не выражала своего согласия с ними (с. 102–104).

Отсюда вполне закономерна и система итоговых выводов. Признание обязательного характера указанных норм возможно лишь в том случае, если государство четко и однозначно выразило свое согласие на признание данной нормы или данного принципа как общепризнанного, как акта *jus cogens* (с. 105). Каким же именно образом государство должно «оформить» такое согласие? Автор определился и в этом: в форме международного договора, посредством положений которого государство согласует взаимоприемлемые для себя условия (с. 106, 115 и др.). Таким образом, все становится более или менее ясным: с «большими» государствами надо договариваться отдельно (договорами, тайными протоколами к ним).

Подчеркивает автор и то обстоятельство, что сущность и содержание указанных

¹ См.: Нешатаева Т. Н. Суд и общепризнанные принципы и нормы международного права // Вестник ВАС РФ. 2004. № 3. С. 125–127.

«общепризнанных» форм-предписаний не должны противоречить Конституции Российской Федерации (с. 106). Насколько они противоречат или не противоречат, естественно, должен решать национальный высший орган конституционного правосудия (помнится, к какой-то из форм эти посылы аналогично уже приводились). Неведь можно и «проще». Профессор Ю. К. Якимович, к примеру, предлагал: чтобы суть каждого подобного принципа как общепризнанного и их оптимальный (согласованный?) перечень должны быть определены исключительно актами Конституционного Суда Российской Федерации². Чем не решение проблемы? Мировое сообщество, полагаем, скорее всего, с таким подходом согласится.

Удивляет и авторский тезис о том, что теоретически более верно рассматривать в качестве источника (формы) права не сами общепризнанные принципы и нормы международного права, а те внешние формы, в которых они зафиксированы, а именно: международные договоры, обычаи и акты международных организаций (с. 108). Все правильно: нормативное предписание, суть нормы для права ничто; «приличная» форма императивна. Несколько, правда, упущено, что акты международных организаций, к которым апеллирует автор, — это и акты ООН, включая ее Устав. Или согласие на скрупулезное и точное его соблюдение отдельными государствами также надо отдельно и точечно оговаривать?

В силу тех же констант и подходов конвенционально оставим без комментария суждения и итоговые выводы автора по поводу такой нетипичной формы права, как решения ЕСПЧ (параграф 3.1). С учетом известных причин этот момент исследования также во многом взаимосвязан с нынешними идеологическими и политическими факторами, которые мы не готовы обсуждать и оставляем для обсуждения специалистам совсем иных отраслей знания (политологии, конституционного и международного права).

Считаем нужным отметить лишь один нюанс. В отношении деликатной темы правового значения решений ЕСПЧ для российского правосудия автор, на наш взгляд, чрезмерно увлекся политическим вопросом о правомерности либо неправомочности исключения России из Совета Европы, а следом и из-под юрисдикции ЕСПЧ. Сейчас этот вопрос не очень актуален: Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод Россией денонсирована,

² См.: Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / отв. ред. Ю. К. Якимович. С. 39.

однако международные стандарты прав человека успели имплементироваться в российскую правовую систему, то есть разными способами воплотились и в российском законодательстве, и в судебной практике, и в позициях Конституционного Суда Российской Федерации. Применительно к уголовному процессу это выглядит весьма отчетливо, да и в других отраслях правосудия, в том числе и в гражданском процессе, это тоже заметно, что автор достаточно обстоятельно анализирует.

Автор анонсировал исследование соотношения нетипичных форм выражения права с легальной отраслевой системой источников, в том числе для целей определения их места, роли и назначения в текущем правовом регулировании. Указанное, естественно, требовало определенности как в элементах исходной системы, так и в их иерархической соподчиненности, ибо, не определившись в этих общих вопросах, *a priori* нельзя требовать точности и определенности в частных. На с. 13 работы Н. В. Самсонов приводит свое понимание и структуру системы, выстроив ее элементы в виде следующей иерархии форм выражения права: 1) акты, составляющие систему федерального законодательства (Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные законы, ГПК РФ, иные федеральные законы); 2) иные нормативные правовые акты; 3) акты национальных судов (решения Конституционного Суда Российской Федерации, акты Верховного Суда Российской Федерации, судебная практика, судебный прецедент); 4) международно-правовые феномены (общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, акты международных организаций и международных судов, в первую очередь решения ЕСПЧ); 5) правовой обычай; 6) правовая доктрина.

Согласиться с такой «основой» исследования нельзя, ибо она внутренне противоречива и коллизионна по сути. Уже при анализе первого подпункта этой системы возникают вопросы о правомерности приведения в едином ряду отдельных форм права. Поясним: практически в каждом доктринальном и учебно-методическом издании как данность, как непререкаемый факт, как аксиома констатируется вывод о том, что доминирующее и особое место в национальной системе источников права занимает Конституция Российской Федерации. Известны и аргументы указанного: это акт высшей юридической силы; он имеет прямое действие; в любой из отраслей российского права Конституция

применяется непосредственно (ч. 1 ст. 15 Конституции Российской Федерации). Дискутировать по сути этих акцентов и доводов, полагаем, нет нужды; это юридически, практически, дидактически правильно. Еще в 1993 году профессор В. М. Баранов предложил нормативно зафиксировать «фундамент» регулятивной системы государства — главную форму права. По его мнению, «в правовом государстве главной формой права должен быть признан не нормативный правовой акт вообще, а только один из них — Конституция». И далее он продолжил: «Конституция государства не может ограничиваться «цементированием» лишь правовых актов. Все правовые акты и иные формы действующего права Российской Федерации (курсив мой. — К. Л.), противоречащие Конституции, не должны иметь юридической силы»¹.

Развитие идеи отечественного конституционализма в этом направлении представляется перспективным и плодотворным шагом.

Однако (со временем) камнем преткновения оказался вопрос о соотношении норм национальной конституции и норм международного договора (к примеру, в виде ЕКПЧ) в случае возникновения непреодолимой коллизии по той или иной нормативной проблеме. Суть споров, как правило, заключалась в том, что по нормам статьи 27 Венской конвенции о праве международных договоров (1969): страна-участник международного договора не вправе ссылаться на положения своего внутреннего законодательства как на основание невыполнения условий и обязательств международного договора (*pacta sunt servanda*). Из тех же посылов традиционно исходила российская правовая доктрина, резюмируя, что: «в случае противоречия норм, содержащихся в Конвенции, нормам, установленным во внутреннем уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации, применению подлежат нормы Конвенции»². Как следствие, однозначными были послылы целого ряда исследователей в области международного права; во-первых, о безусловном приоритете

¹ Баранов В. М. Формы (источники) права // Общая теория права. Курс лекций / под общей ред. проф. В. К. Бабаева. Нижний Новгород, 1993. С. 264. См. также: Баранов В. М. Формы (источники) права // Теория государства и права: учебник для вузов / под ред. В. К. Бабаева. 5-е изд. Москва: Юрайт, 2024. С. 297.

² См.: Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. проф. А. В. Смирнова. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: КНОРУС, 2008. С. 26–31; Уголовно-процессуальное право: учебник / под общ. ред. В. М. Лебедева. Москва: Издательство Юрайт, 2012. С. 80–85.

норм международного договора межгосударственного характера над нормами национальной конституции¹. Во-вторых, о статусе норм международного договора как непосредственно конституционных, неотъемлемой части национальной конституции².

При этом за рамками этих констант, как правило, оставался центральный вопрос: «Охватывает ли понятие «внутренняя система национального права» такую форму его выражения, как Конституция?» Генезис известного противостояния с Европейским судом насущно потребовал решения этой проблемы. В итоге закон и доктрина как бы определились в этих моментах.

Во-первых, были обоснованы тезисы о том, что применительно к системе современного права России Конституция Российской Федерации уже не может быть охарактеризована в качестве Основного Закона (к чему ошибочно апеллирует и автор работы на с. 62 работы). Свидетельством тому выступают однозначные предписания этого нормативного акта: «Конституция Российской Федерации и федеральные законы», «Конституция и законы». В итоге, как, к примеру, итожит А. В. Безруков: Конституция изначально отграничена от иных нормативных правовых актов национальной системы; выведена за рамки внутренней системы национального права. Обладая акцентирующим признаком верховенства, Конституция не возглавляет национальную систему источников, а доминирует над этой системой в качестве формы-источника надсистемного уровня³. Поэтому отсутствуют и не могут возникнуть проблемы в случае коллизии норм национального права и норм международного договора межгосударственного характера. Национальная

¹ См., напр.: *Зимненко Б. Л.* Международное право в судебной практике России: конституционное правосудие // *Российская юстиция*. 2003. № 9. С. 6; *Комментарий к Конституции Российской Федерации* / под ред. проф. Л. А. Окунькова. Москва, 1996; *Тиунов О. И.* Конституционный Суд Российской Федерации и международное право // *Российский ежегодник международного права*. 1995. С. 181.

² См.: *Черниченко С. В.* Права человека в контексте соотношения международного и российского права. Российская правовая система и международное право: современные проблемы взаимодействия: сборник научных статей / под ред. В. М. Баранова. Нижний Новгород, 1996. Ч. 1. С. 32; *Лукашук И. И.* Международное право в судах государств. Санкт-Петербург, 1993. С. 109, 125.

³ См.: *Безруков А. В.* Федеральная конституция и конституционные законы в системе конституционного законодательства и обеспечения правопорядка в России // *Российская юстиция*. 2015. № 10. С. 2–5.

система права, безусловно, должна принять во внимание положения статьи 27 Венской конвенции (и обязательства в договоре), но только в том случае, если нормы и акты этого договора не противоречат предписаниям Конституции Российской Федерации. Предмет проверки этого соответствия — исключительная прерогатива Конституционного Суда Российской Федерации. Обозначая предмет и основу исследования, Н. В. Самсонов был просто обязан определить в этих моментах исследования.

Столь же остра проблема места в приведенной системе такого источника национального права, как федеральные конституционные законы, ибо некоторые исследователи не без основания утверждают: эта форма выражения права — суть органическое продолжение норм Конституции Российской Федерации⁴. По факту это конституционные нормы. В итоге: вновь во всем объеме поднимается вопрос: «Эта форма права входит во внутреннюю систему национальных источников или наравне с Конституцией объективируется в качестве акта надсистемного уровня?». В работе эти моменты — отнюдь не риторические вопросы, оставшиеся без внимания.

На наш взгляд, нет оснований утверждать, что на той же первой ступени-вертикали должны находиться такие формы выражения права, как ГПК РФ и иные федеральные законы, поскольку, во-первых, их юридическая сила несоизмерима ни с силой норм конституции, ни с нормами федерального конституционного закона. Во-вторых, нормы кодифицированного нормативного правового акта и иного федерального закона по юридической силе не суть исходное тождество. В силу чего в иерархической вертикали форм (источников) права эти элементы системы расположены на разных уровнях.

Конвенционально оставим без обсуждения второй подпункт приведенной в работе системы, ибо что есть «иные нормативные правовые акты» Н. В. Самсонов не поясняет. Не дает автор ответ и на вопрос: в силу каких именно обстоятельств эти «иные» акты должны занять второе место в иерархии форм российского права. Это означает, что нет предмета для научного спора.

В третьем подпункте системы (в качестве форм права) указаны акты национальных судов: решения Конституционного Суда Российской Федерации, акты Верховного Суда Российской Федерации, судебная практика,

⁴ См.: *Малько А. В., Гайворонская Я. В.* О роли федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» в правотворческой политике // *Государство и право*. 2015. № 11. С. 26.

судебный прецедент. С таким перечнем согласиться нельзя. Во-первых, в едином ряду (на одной ценностной горизонтали) сгруппированы акты совершенно разной правовой природы. Во-вторых, это акты принципиально разной юридической силы. К примеру, если императивная обязательность итоговых актов конституционного правосудия для законодателя, органов исполнительной и судебной власти как формы «...живого и развивающегося конституционного права»¹, закреплены непосредственно в федеральном конституционном законе², то юридическая сила постановлений пленума Верховного Суда Российской Федерации, его прецедентов, официальных обзоров судебной практики — пока предмет для дискуссий³. Кроме того, сама судебная практика: суть полная неопределенность для доктрины и правоприменительной практики, не говоря о законе. Это обобщающий⁴ феномен, включающий в себя и практику высшего органа конституционного правосудия и всех судов общей юрисдикции, и обзоры, формируемые на уровне различных звеньев судебной системы России. В итоге на одной («однородной») ступени иерархической лестницы эти явления права явно не согласуются. И то, что Н. В. Самсонов не согласен с контекстами подобных подходов (с. 35–36, 38–39, 43, 45 и т. д.), просто обязывает нас еще раз (более детально) вернуться к этим моментам.

Автор, исследуя нетипичные формы российского права, либо отказывается обсуждать некоторые остро дискуссионные моменты предмета анализа, либо очень субъективно расставляет акценты относительно «должного» их места

¹ См.: Зорькин В. Д. Россия и Конституция в XI веке. Москва: Норма, 2008. С. 132–133.

² См.: О Конституционном Суде Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 года № 1-ФКЗ (ред. 31 июля 2023 года) // Доступ из «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.09.2024).

³ Момотов В. В. О влиянии судебной практики на развитие российского законодательства: российский опыт в исторической перспективе // Законодательство в обустройстве российской жизни; история и современность (к 250-летию со дня рождения Михаила Михайловича Сперанского): сборник статей по материалам IX Общероссийского годового собрания теоретиков права (16 февраля 2022 года) / отв. ред. В. В. Лазарева. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма: ИНФРА-М, 2024. С. 209–219.

⁴ См.: Петражицкий Л. И. Общая теория права: Серия классики истории и философии права. Санкт-Петербург: Лань, 2000. С. 452.

в системе и юридической силе той или иной формы. В дальнейшем это не раз заставляет задуматься о правомерности и методологической точности отдельных суждений и итоговых выводов автора, изложенных в монографии. Приведем примеры:

Параграф 2.1 монографии посвящен исследованию таких нетипичных форм российского права, как судебная практика и судебный прецедент. В ранее рассмотренной системе (с. 13 работы), это, напомним, разные правовые явления, автор продолжает отстаивать эту спорную доктринальную позицию. Более того, применительно к точному пониманию феномена «судебная практика» Н. В. Самсонов выступает за дифференциацию ее понимания в широком и узком смысле. В широком смысле — это практика всех без судов. В узком — только судов общей юрисдикции национальной судебной системы: от решения мирового судьи, вынесенного по первой инстанции, до постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации, принятого в порядке надзора (с. 32, 36). Для целей исследования, как оговаривается, принимается исключительно понятие судебной практики в узком смысле, ибо разноуровневая, разнонаправленная совокупность всех неравноценных актов судебной практики в широком смысле изначально делает исследование бесперспективным (с. 36). Аналогично недопустимо для автора рассмотрение для указанных целей актов (судебной практики. — К. Л.) Конституционного Суда Российской Федерации и ЕСПЧ, постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации и официальных обзоров судебной практики, утверждаемых Президиумом Верховного Суда Российской Федерации. Аргументы указанного подхода принимаются вне процессуальной формы и не в процессе разрешения гражданских дел по существу⁵.

Известные аргументы доктрины о том, что именно судебная (прецедентная) практика ЕСПЧ и высшего органа конституционного правосудия Российской Федерации играла

⁵ Вышеприведенный вывод, правда, далее никак не мешает Н. В. Самсонову признать акты отдельных из этих органов, безусловно, значимыми и востребованными, прямыми источниками гражданского процессуального права России. Таким образом, сама практика, с учетом ее закономерностей, прецедентов, текущих тенденций — это бесперспективно; другое дело акты указанной практики, «уважаемые» внимания Верховного Суда Российской Федерации или Пленума Верховного Суда Российской Федерации! Более подробно см.: Самсонов Н. В. Указанная работа. С. 93, 97, 99.

и продолжает играть институциональную роль в правильном понимании новых институтов и норм любой из отраслей российского права, автором во внимание почему-то не принимаются. Не обсуждается особо и то, что функциональная деятельность высшего органа конституционного правосудия России реализуется в строго регламентируемой законом процессуальной форме, а формирование, к примеру, официальных обзоров судебной практики скрупулезно урегулировано Регламентом Президиума Верховного Суда Российской Федерации. Не аргумент и то, что итоговые решения указанных судов основываются не только на букве закона, но и на основе тех смыслов в его толковании и применении, которые наработаны непосредственной национальной судебной практикой, на что неоднократно указывалось в итоговых решениях этих судов.

Несколько иначе, конвенционально соглашаясь с А. Ф. Черданцевым, автор толкует понятие «судебный прецедент» как предписание, содержащееся в решении суда высшей судебной инстанции по конкретному делу, обязательное для иных судов при разрешении аналогичных дел (с. 38). Правда, на с. 39 работы он же уточняет это понятие, добавляя, что прецедент — это решение окончательное, в принципе не подлежащее пересмотру иными судами; признаваемое государством в качестве обязательного для тождественных правовых ситуаций; которым равные или нижестоящие суды должны неоднократно руководствоваться; в отношении которого законом установлено, что отклонение от такого прецедента является основанием для отмены или пересмотра судебных решений по аналогичным делам, рассмотренным равными или нижестоящими судами. В итоге, как трактует автор, только при соблюдении этих условий прецедент представляет собой санкционированную государством форму сформулированной судом нормы права (с. 39–40).

Резюмируем: по сути данного определения, к судебному прецеденту (как форме выражения права) должны быть отнесены исключительно решения Президиума Верховного Суда Российской Федерации, так как только эти акты окончательны и не могут быть пересмотрены каким-либо иным судом судебной системы России. Однако, как в суждении на с. 38, так и в окончательной редакции исследуемого понятия на с. 39–40 работы, Н. В. Самсонов, во-первых, неоднократно апеллирует к актам (судебным прецедентам!) **иных высших судов** судебной системы Российской Федерации (никак

не уточняя последние). Во-вторых, дважды повторяется в дефиниции, что подобными прецедентами должны руководствоваться **равные** суды, а его нарушение **равными** или нижестоящими судами: суть основание для отмены постановленных судебных решений. Увы, но вынуждены еще раз повториться: в судебной системе судов общей юрисдикции Российской Федерации нет судов равных в юрисдикции и полномочиях Президиуму Верховного Суда Российской Федерации. Предположим, что эта форма выражения права формируется не только Президиумом, но и различными судебными коллегиями Верховного Суда Российской Федерации. Однако в этом случае становится порочным утверждение автора об **окончателности** подобного судебного прецедента (как формы права), его неотменяемости иными судебными инстанциями. В судебной практике немало примеров, когда противоречия в правовых судебных позициях различных судебных коллегий Верховного Суда Российской Федерации (по одному и тому же предмету) устранялись именно решением Президиума, сформированным как окончательный прецедент¹.

Во-вторых, в дальнейшем (по тексту работы) автор однозначен в константах о том, что судебный прецедент (как форма выражения права) — акт исключительной деятельности Президиума Верховного Суда Российской Федерации (с. 49, 52, 55, 58). Иные судебные инстанции подобных прецедентов не формируют и подобных форм права, соответственно, не объективируют, не порождают.

В-третьих, двусмысленным видится характеризующий признак (легального прецедента), по сути которого: **именно законом** должно быть установлено, что отклонение от подобного прецедента является основанием для отмены (пересмотра) постановленных судебных решений. На наш взгляд, при подобных акцентах к норме закона формой выражения права уже выступает либо непосредственно норма закона, либо предписание в законе о прецеденте как об юридическом основании должного пересмотра, которые должны носить максимально общий (к примеру, бланкетный) характер.

Таким образом, либо сформулированная Н. В. Самсоновым дефиниция прецедента как формы российского права неверна, либо автор логически и методологически неточно

¹ См.: Даровских С. М. Судебные правовые позиции в уголовном судопроизводстве: теоретические основы и процессуальные формы: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2011. 380 с.

определился в исходных понятиях. И, напротив, признаем: с органом и формой объективации судебного прецедента Н. В. Самсонов, по идее, определился: это исключительно решения Президиума Верховного Суда Российской Федерации, вынесенные по конкретным делам и официально опубликованные как эталон применения права, в том числе для целей формирования единообразной судебной практики. С официальными и опубликованными обзорами судебной практики, утверждаемыми Президиумом Верховного Суда Российской Федерации и рекомендуемыми этой высшей судебной инстанцией нижестоящим судам как образец применения права, дело обстоит принципиально иначе. Н. В. Самсонов считает неприемлемым и явно преждевременным в настоящий момент включение подобных обзоров в перечень источников (форм) российского права. Во-первых, в силу того, что в подобные обзоры нередко включены итоговые решения судебных коллегий Верховного Суда Российской Федерации, которые, по суждению автора, не обладают признаком окончательности. Во-вторых, нормы пункта 5 части 4 статьи 392 ГПК РФ не предусматривают возможности отмены постановленных и вступивших в законную силу решений данных коллегий в связи с (возможным) изменением практики применения правовой нормы. По этой причине Н. В. Самсонов неоднократно и однозначно указывает на их неокончателность и возможность отмены президиумом (с. 56).

Признаем, в обзоры нередко включаются и публикуются решения судебных коллегий Верховного Суда Российской Федерации, но именно в их оценке Президиумом как образцов применения права. Это уже не правовые позиции той или иной судебной коллегии, которые действительно могут и измениться (со временем). Это отобранный, точно оцененный и властно утвержденный Президиумом эталон применения права, адресованный именно в этой оценке в целом к судьям всех иных судебных инстанций. А поскольку, в соответствии с регламентом работы Президиума, исключительно к его ведению отнесено обеспечение и формирование единства (правовой определенности) в целом судебной практики в Российской Федерации, в официальные обзоры включаются и утверждаются исключительно те прецеденты, по образцам которых должна в дальнейшем функционировать вся система национальных судов. Соответственно, по факту официальной объективации этих обзоров судебные коллегии Верховного Суда Российской Федерации уже

не могут «ни передумать», ни изменить варианты решения спора, ни дать иное судебное толкование нормы под угрозой отмены подобных «новаций» непосредственно Президиумом как высшей судебной инстанцией. Как следствие, обзоры, как представляется, это однозначно такая легальная форма явления права, как прецедент (система отобранных и точно оцененных прецедентов), образец-эталон применения права. И, думается, судебная система России в настоящее время уже вполне определилась в этих исходных моментах.

Закономерен вопрос: «А что же иные прецеденты-решения, формируемые иными (нижестоящими) судами судебной системы России, к примеру, в апелляции или кассации?». Н. В. Самсонов твердо определился в ответе на поставленный вопрос, утверждая, что в настоящее время «нет достаточных оснований для отнесения судебной практики ординарных судов общей юрисдикции ни к судебному прецеденту, ни к иным формам выражения российского гражданского процессуального права» (с. 43, 45–46, 57)¹.

Получается, будем уповать исключительно на Президиум. Правда, на с. 44 работы автор скорректировал свое мнение, уточняя, что именно практика судов первой инстанции **является одним из источников** российского гражданского процессуального права в смысле материалов для законодателя. Однако она, несомненно, в настоящий момент **не является источником** в значении формы права, так как не создает новые правила поведения, рассчитанные на неопределенный круг лиц и не является обязательной для лиц, не участвовавших в деле.

¹ Оговоримся, автор монографии не дает понятия ординарных судов, и не совсем строг в их перечне (с. 57), хотя неоднократно апеллирует к ним по тексту работы. Между тем с учетом современного построения системы судов общей юрисдикции Российской Федерации у нас есть весомые сомнения в правомерности к их отнесению, как кассационных судов общей юрисдикции, так и судебных (кассационных) коллегий Верховного Суда Российской Федерации. Кроме того, большей аккуратности, на наш взгляд, требует категория «окончателность» решений суда. Автор перманентно связывает эту категорию с возможностью или невозможностью отмены этих решений вышестоящей судебной инстанцией. Между тем термин «окончателный судебный акт», к примеру, в российской уголовно-процессуальной доктрине и практике отправления правосудия определен однозначно – это акт, вступивший в законную силу; наделенный свойствами акта *res judicata*. И, напротив, в англо-саксонской доктрине и судебной практике этот же термин имеет принципиально иное значение.

Здесь автор не вполне логичен. Как источник сведений (информации) о правовых позициях (суждениях) суда о типичном порядке разрешения споров — это форма выражения права. Как императивное (нормативное) предписание, рассчитанное как образец для неопределенного круга лиц, — совсем не форма, и ее исследование изначально бесосновательно. Можно было бы и закончить на этом. Но на с. 92 работы мы встречаем следующее суждение автора по поводу юридической природы постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации (одной из нетипичных форм российского права): «под правоположениями (Пленума. — К. Л.), ...следует понимать вырабатываемые в ходе юридической (судебной) практики устоявшиеся типовые правила поведения или образцы совершения процессуальных действий, которые являются неотъемлемой, составной частью судебной практики, но в силу правоприменительного органа, их создавшего, типичности правоприменительной ситуации, значимости сформулированных в результате толкования правил в реальности становятся обязательными для последующей юридической практики, тем самым приобретая черты юридических норм».

Все дело, оказывается, в официальном «освящении» типовых правил и образцов (по факту закономерностей!) судебной практики особым актом властного суверена (государства, высшего органа государственной власти или высшей судебной инстанции), чтобы она из бесперспективного предмета исследования была одновременно преобразована в весьма актуальную и востребованную форму российского права. В первичный источник правовых норм, как итожит автор (с. 93, 97, 99). Весьма любопытный, но вряд ли правильно обрисованный генезис рассматриваемого явления.

В параграфе 2.2. работы Н. В. Самсоновым представлен анализ еще одной из нетипичных форм российского права: актов конституционного правосудия. На с. 65 работы он констатирует, что эти акты занимают главенствующее место в иерархической системе источников российского гражданского процессуального права (однако на с. 13 работы эти же акты именованы лишь в подпункте третьем иерархической вертикали). Однозначно признает автор и особую правотворческую роль высшего органа конституционного правосудия России (с. 62) и нормативную природу его итоговых определений (с. 67) и постановлений (с. 71, 74, 77) как нетипичных форм выражения российского права. Почему «нетипичных», автор, несмотря

на присутствующие ссылки на статьи 6, 79–80 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», определяющие юридическую силу указанных актов, дополнительно не поясняет. Аналогично, несмотря на весьма интересный анализ доктрины, он же не определяется окончательно в сути указанной формы (как непосредственно норм-предписаний, прецедента, презумпции, преюдиции, иного «нетипичного» явления права). «Упущена» в работе и определенность относительно места этой формы выражения права в иерархической вертикали источников. Между тем российской доктрине в целом известны суждения, по сути которых акты конституционного правосудия в своей юридической силе оценены и выше норм Конституции, и выше норм, принятых на референдуме. Желательно было глубже вникнуть в эту проблему. Хотя, признаем, это сделать непросто, принимая во внимание разнообразие непримиримых взглядов, суждений и выводов, объективированных в российской доктрине и практике по этим моментам в настоящее время¹.

В параграфе 2.3 работы исследована такая нетипичная форма явления права, как постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Н. В. Самсонов верно определяется в том, что эта форма не может быть отнесена к прецедентам, и основной причиной указанного является обобщающая направленность толкования закона и универсальность основанных на них выводов (с. 78, 79). Однозначен автор в оценке обязательности указанной формы: несмотря на то, что этот подход не соответствует букве закона, тем не менее правовые позиции Пленума принимаются всеми судами судебной системы, и с этим надо считаться (с. 80, 88, 89). Кроме того, в ряде случаев, как им же констатируется, правильное применение законодательства возможно лишь в сочетании содержания конкретной нормы права с разъяснениями, данными по ее применению в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации. В итоге, по сути, это формирование норм (вспомогательных, субсидиарных...) по бланкетному типу (с. 84).

Можно было бы, не вступая в дискуссию, и согласиться с вышеприведенным выводом, если бы автор не подчеркнул: «...именно критерий самости, новизны является отправной

¹ См.: Ковтун Н. Н. Вечно живая и развивающаяся идея конституционализма в контексте основ и сути деятельности высшего органа конституционного правосудия Российской Федерации // Российский журнал правовых исследований. 2019. № 2 (19). С. 89–97.

точкой в определении юридического статуса постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, ...их причисления или не причисления к формам-источникам российского права» (с. 90). Примеров «самости» и «новизны» в понимании-толковании Пленумом нормы закона автор приводит в избытке. Признает однозначно и то, что нередко именно по этим лекалам Пленум Верховного Суда Российской Федерации по факту создает принципиально новые предписания-нормы; при этом сам закон по тем же моментам вообще не меняется.

Много подобных «новаций содержит российское уголовно-процессуальное право» (например о трактовке сути и назначения новой российской кассации в ее понимании Пленумом). Н. В. Самсонов считает подобную практику не только всецело оправданной, но и единственно верной, ценностно ориентированной. Именно аксиологическая составляющая подобных новаций позволяет, по его мнению, объективировать право как реальное средство достижения справедливости, обеспечения общепризнанных человеческих ценностей (с. 99). Как следствие, видимо, и нам следует полагать, что нет ни особой проблемы, ни предмета для научных дискуссий в том, что, к примеру, в экстраординарной российской уголовной кассации закон категорически запрещает суду принимать и проверять повторные кассационные жалобы. Пленум это вполне разрешает, что в соответствии с сутью актов *res judicata* суд кассационной инстанции вправе проверить исключительно свойства законности, а Пленум ориентирует судей к проверке и фактической стороны приговора, и его справедливости. Наконец, что юридическим основанием к отмене актов *res judicata* в законе закреплены исключительно особо существенные и фундаментальные нарушения закона, а Пленум обязывает кассационные составы судов устранять любое из выявленных нарушений закона¹.

С аксиологических позиций это, возможно, оправдано и вроде как справедливо. С позиций буквы закона — сомнительно, ибо в контексте подобных «новаций» попираются ключевые основы и ценности права. К примеру, в контексте сути и следствий акта *res judicata* и правовой определенности состояний и фактов, им установленных. Отчасти также возникает вопрос об

¹ См.: Ковтун Н.Н. О сути и назначении самобытной российской кассации: позиции закона, доктрины и практики // Мировой судья. 2020. № 11. С. 11–17; Ковтун Н.Н. Res judicata реформированной российской кассации // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 4 (5). С. 121–130.

актуальности самого законодателя при данном понимании баланса, сдержек и противовесов ветвей государственной власти. И то, что автор с таким одобрением воспринял эту форму явления нетипичного права, нас никак не убеждает в том, что именно подобными толкованиями и полномочиями Пленума Верховного Суда Российской Федерации можно и нужно «уточнять» истинную волю закона.

По Н. В. Самсонову, правовой обычай может быть объективирован в форме (источника) лишь в той ситуации, если этот обычай санкционирован непосредственно государством в норме закона (с. 169). По мере сил и возможностей автор приводит отдельные из подобных обычаев. Однако здесь же аккуратно оговаривается, что в данных случаях они же уже нормативно «оформлены» как правовое обыкновение. В итоге обосновать наличие такой самостоятельной формы нетипичного права, как «обычай» ни теоретически, ни на уровне интересных примеров в целом не удалось. По сути, аналогичны подходы и к поиску самостоятельной формы применительно к категории «правовая доктрина», ибо труды корифеев российского права, в отличие, к примеру, от работ Ранульфа де Гленвиля², пока в принципе не признаются в качестве самостоятельной формы (источника) национального права.

Рассуждения автора о правовой доктрине и приемы их обоснования наводят на мысль о его симпатиях, пристрастии к искусству софистов.

Излишне прямолинейно связав правовую доктрину с идеологией, Н. В. Самсонов заключил, что в силу положений Конституции Российской Федерации всякая идеология лишается обязывающего качества. И сделал софистический вывод о том, что «допущение использования термина «правовая доктрина» в приведенном смысле исключает возможность признания ее обязательности на территории Российской Федерации, что, в свою очередь, делает нерациональным дальнейшие исследования, нацеленные на выявление наличия у правовой доктрины в таком понимании признаков источника (формы) права в дальнейшем» (С. 176–177).

Мало того, что автор по этому искусственно притяннутому основанию освободил себя от исследования природы правовой доктрины. Он еще взял на себя «полномочия» и смелость констатировать нецелесообразность этих

² Ранульф де Гленвиль – главный юстициарий Англии в 1180–1189 годах и автор «Трактата о законах и обычаях королевства Английского».

исследований в целом¹. В таком подходе есть что-то нигилистическое и даже ненаучное.

В этом упреке, полагаем, нет ничего обидного. Ведь софистика — спор, имеющий своей целью достижение победы над противоположной стороной с использованием как корректных, так и некорректных приемов². Н. В. Самсонов хотел победить «противную позицию», но ему это не удалось.

Автор не посчитал нужным подвергнуть специальному отдельному анализу **смешанные** нормативные правовые акты, которые содержат не только процессуальные нормы, но и другие виды юридических установлений разных отраслей законодательства. Нетипичность их обуславливается многими факторами. Обратимся, например, к Федеральному закону Российской Федерации от 29 октября 2024 года № 367-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации, приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации, признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации и об установлении особенностей исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации в 2025 году»³. Нетипичность документа заключается в том, что в нем урегулированы: а) три разных процессуальных предмета (изменение, приостановление, установление особенностей); б) особенности исполнения бюджета на один год; в) охвачено 12 разноплановых законов. Такого рода норма-

тивные правовые акты принимаются все чаще, и их нетипичность требует особого исследования. Кроме смешанных нормативных правовых актов, можно было бы проанализировать и **совместные решения** разных органов государственной власти, где нередко «переплетаются» самые различные установления.

Полагаем, что представители гражданского процессуального права могут и должны оценивать с позиций своего предмета нетипичные институты гражданского права, предлагать свои модели их процессуального обеспечения. Например, в коллективной монографии об основах теории юридической аномии в параграфе «гражданско-правовая аномия» авторы называют следующие нетипичные институты: институт возмещения потерь, возникших в случае наступления определенных в договоре обстоятельств (ст. 406.1 ГК РФ); институт заверения об обстоятельствах (ст. 431.2. ГК РФ)⁴. Эти правовые институты приводятся как примеры заимствования из зарубежных правовых систем без должной адаптации к российской специфике.

Было бы интересно узнать: «Как эти правовые институты обеспечены процессуальными механизмами?» «Могут ли в принципе процессуальные механизмы исправлять или уменьшать вредные последствия от неудачно имплементированных иностранных нормативных правовых актов?»

Этот фрагмент рецензии мы предлагаем Н. В. Самсонову рассматривать в качестве пожелания на будущие разработки проблем нетипичных источников гражданского процессуального права.

Выдвинутые нами замечания в основном касаются дискуссионных вопросов теории, практики, техники, форм действующего российского материального и процессуального права и, конечно, не влияют на общую высокую положительную оценку монографии Н. В. Самсонова.

По тонкому замечанию Р. Мертон, «человек, который на первый взгляд идет не в ногу с остальными участниками процесса, на самом деле идет в такт с другой музыкой»⁵. Не исключается, что Н. В. Самсонов слышит какую-то свою красивую и новаторскую музыку и по ее нотам аранжирует авторские воззрения на нетипичные источники российского гражданского процессуального права.

⁴ См.: Основы теории юридической аномии: монография / Д. А. Липинский, А. В. Малько, А. А. Иванов, Р. С. Маркунин; под ред. д-ра юрид. наук., проф. Д. А. Липинского. Москва: РИОР, 2024. С. 363.

⁵ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. Москва, 2006. С. 525.

¹ В юридической литературе имеется значительное число разработок о природе, роли и возможностях правовой доктрины, и автор прежде, чем делать столь радикальный вывод, должен был критически их проанализировать. См.: *Бошно С. В.* Доктрина как форма и источник права // Журнал российского права. 2003. № 12. С. 70–79; *Мадаев Е. О.* Доктрина в правовой системе Российской Федерации: автореф. дис... канд. юрид. наук. Москва, 2012; *Гильмуллин А. Р.* Правовая доктрина в механизме Российского государства (теория и практика). Москва: ИНФРА-М, 2019. 141 с.; *Васильев А. А.* Правовая доктрина как источник права. Вопросы теории и истории: монография. Москва: Проспект, 2021. 231 с.; *Перевалов В. Д.* Правовая доктрина: проблемы формирования и реализации: монография. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2022. 166 с.; *Чашин А. Н.* Правовая доктрина как источник (форма) российского права: монография. Москва: ИНФРА-Москва, 2022. 293 с.

² *Сарыбеков М. Н., Сыдыкназаров М. К.* Словарь науки. Общенаучные термины и определения, науковедческие понятия и категории: учебное пособие. Изд. 2-е. Алматы: Триумф «Т», 2008. С. 356.

³ Российская газета. 2024. 2 ноября.

Информация об авторе

К. Б. Лазорин — член правления Федеральной нотариальной палаты, Президент Нижегородской областной нотариальной палаты, нотариус г. Нижнего Новгорода, депутат городской Думы Нижнего Новгорода, Председатель комиссии по имущественным и земельным отношениям городской Думы г. Нижнего Новгорода, соискатель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского.

Information about the author

K. B. Lazorin — member of the Board of the Federal Notary Chamber, President of the Nizhny Novgorod Regional Notary Chamber, notary of Nizhny Novgorod, Deputy of the Nizhny Novgorod City Duma, Chairman of the Commission on Property and Land Relations of the Nizhny Novgorod City Duma, candidate of the Department of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky.

Трудно быть методологом в криминалистической науке: к 90-летию юбилею профессора М. К. Каминского

*Кто томим научной жаждой,
тот не жди любви сограждан*

20 октября 2024 года исполнилось 90 лет Марату Константиновичу Каминскому, заслуженному юристу Российской Федерации, доктору юридических наук, профессору, нашему Учителю, основателю научной школы и научно-педагогической концепции кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД России.

«Научи мозг, а мозг научит тело», — именно так звучит один из основных постулатов научной школы, именно этому мы следуем в образовательном процессе и по сей день. Единственный в своем роде раздел учебного курса криминалистики «Криминалистические основы деятельности по выявлению и расследованию преступлений» прошел практически полувековую апробацию в стенах академии и доказал свою эффективность в процессе криминалистической подготовки будущих следователей, дознавателей, оперуполномоченных и т. д.

Надо признать, что сверхзадача дидактического замысла носила почти авантюрный характер. За основу было взято учение о

динамическом стереотипе, его сущности, формировании и практическом значении. На первый план вышли методическая и дидактическая проблемы структуры версионного анализа исходной информации. Требовалось создать некий алгоритм, который бы моделировал последовательность перехода между звеньями версионной цепи, в которой каждое предшествующее звено индуктивным или дедуктивным образом открывает последующее. Такой алгоритм был создан в виде структуры карты версионного анализа исходной информации. Данная структура независимо от форм деятельности субъектов расследования имеет универсальную логику, основанную на условно-вероятностных суждениях по типу «если..., то, вероятно, ...».

Очевидно, что все это стало возможным благодаря особой методологии Марата Константиновича и результатам многолетних исследований, как правило, монографических и диссертационных, подготовленных в рамках научной школы. Он одним из первых обратил внимание на важные обстоятельства: во-первых, без качественной методологии нельзя построить качественное криминалистическое исследование; во-вторых, без развития рефлексивного моделирования нельзя создать эффективные криминалистические средства доказывания и их использовать; в-третьих, хорошая криминалистика не может быть простой.

В итоге методология стала атрибутом научной школы, ее навигатором, версионный анализ — ядром деятельности по выявлению и расследованию преступлений, труды М. Каминского — эталоном работы в исследовательско-рефлексивной позиции. Это позволило иначе взглянуть на объект и предмет криминалистики, структуру деятельности по выявлению и расследованию преступлений, механизм преступной деятельности и криминалистическую характеристику преступной деятельности, криминалистическое мышление и криминалистическую деятельность, методику расследования и деятельность по доказыванию. Благодаря особому методологическому подходу представителям научной школы удалось:

1) раскрыть содержание исходного уровня исследования проблемы формирования криминалистических и уголовно-процессуальных средств обеспечения экономической безопасности России (диагностика стартового состояния

проблем, особенно методологических и методических, — обязательный и довольно взыскательный этап развития концепции научной школы);

2) разработать и апробировать новый научно-практический подход к формированию и исследованию модели механизма преступной деятельности в сфере экономики (при этом вскрыта распространенная ошибка многих авторов: после придания определенной формы модели механизма преступной деятельности ставится точка, хотя модель строится для того, чтобы с ее помощью изучать реальность);

3) сформировать новую универсальную модель структуры общей (базовой) методики расследования преступлений;

4) обосновать методологические положения относительно цели доказывания в универсальной методике расследования видов и групп преступлений;

5) сформировать новые методики расследования преступлений в сфере экономики.

В целом костяк кафедры уже понимает, что стоит на переходе в высший регистр мышления, а именно — методологический. Мы провели различие между рассудком и разумом. Если рассудок есть способность создавать единство явлений посредством правил, то разум есть способность создавать единство правил рассудка по принципам. Внутринаучная

рефлексия это и есть методология науки для М. К. Каминского. Мы совсем рядом с пониманием универсальной модели механизма доказывания преступной деятельности — недостающего элемента в дуализме преступной деятельности и деятельности по доказыванию.

К этому добавилось ясное понимание: если бертильонаж убила дактилоскопия, то криминалистическую методологию задушит сама эпоха: один ученый пишет, что мед горький, а другой доказывает, что сладкий, а меду все равно. Количество методологических умов в научном сообществе — константа, а население растет.

Дорогой Марат Константинович, поздравляем Вас с 90-летним юбилеем! Мы всегда чувствуем биение неутомимого и бесстрашного сердца нашего Учителя — методолога!

Афанасьев Алексей Юрьевич,
*начальник кафедры криминалистики
Нижегородской академии МВД России,
кандидат юридических наук;*

Лубин Александр Федорович,
*профессор кафедры криминалистики
Нижегородской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации*

Системно-деятельностный подход М. К. Каминского в теории криминалистики и криминалистическом образовании

Анализ развития науки закономерно приводит к выводу о том, что некая совокупность знаний может называться наукой только тогда, когда обозначит свой объект и предмет исследований и разработает свою методологию и общую теорию. В этом сложном процессе перед ученым встает ряд непростых задач, при этом главными выступают задачи общего методологического характера. Ведь как говорил еще В. Ленин: «Кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя «наткаться» на эти общие вопросы».

Эта работа должна протекать в парадигмальном поле конкретного научного направления. Ориентация на конкретное научное направление — залог эффективности всей методологии и теории исследования. Сказанное в полной мере касается и науки криминалистики. Криминалистика в своем развитии закономерно прошла несколько этапов: от того момента, когда в «море собранных фактов возникают первые островки объясняющей их теории», через осознание своей «самости» происходит формирование предмета науки, существенно отличающегося от предметов права и уголовного процесса, до появления ее уникальной методологии и теории.

В становлении методологии криминалистики решающую роль сыграла разработанная Р. С. Белкиным идея отражения, которая выступает в качестве одной из основополагающих идей криминалистики. Это позволило привести к единому знаменателю все частные теоретические разработки криминалистики.

На этой основе целым рядом выдающихся отечественных ученых-криминалистов были проведены плодотворные научные изыскания в области теории криминалистики.

Одним из таких ученых является заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Марат Константинович Каминский, основатель признанной научной криминалистической школы системно-деятельностного подхода, который, по мнению многих ученых-криминалистов, является основным «инструментом» теоретико-криминалистического анализа, частным проявлением материалистической диалектики в криминалистике.

Марат Константинович родился 20 октября 1934 года в поселке Петровск Харьковской области. В 1957 году окончил физико-математический факультет Житомирского педагогического

института, а в 1959 году отделение подготовки экспертов-криминалистов Московской средней школы МВД СССР, после чего до 1972 года прошел путь от эксперта до начальника отдела УВД. В 1973 году окончил адъюнктуру Высшей школы МВД СССР, защитив кандидатскую диссертацию. В 1989 году защитил докторскую диссертацию по специальной тематике.

В 1997 году М. К. Каминский стал одним из инициаторов преобразования юридического факультета Удмурдского государственного университета в Институт права, социального управления и безопасности, где занял должность первого заместителя директора. М. Каминским написано более 160 научных трудов. Он подготовил 2 докторов и более 20 кандидатов юридических наук. Долгое время являлся членом диссертационного совета в Нижегородской академии МВД России.

Основные труды: «Криминалистическая природа эвристических решений» (1977), «Криминалистическая категория «след преступления» и ее содержание» (1984), «Криминалистическое руководство для стажеров службы БХСС» (1987, в соавторстве), «Руководство по подготовке, назначению и проведению судебных экспертиз» (1999, в соавторстве), «Что есть, что может быть и чего быть не может для системы «Криминалистика» (2010), «Курс лекций по криминалистике для бакалавров» (2015, в соавторстве), «Введение в криминалистику и криминалистическое образование» (2015).

М. К. Каминский стоял у истоков кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД России (тогда кафедры криминалистики и специальной техники Горьковской высшей школы МВД СССР) и руководил ею до 1990 года.

Марат Константинович, будучи человеком одаренным, совестливым и умным, убеждал, организовывал и истово вел за собой, подталкивая идею создания оригинальной научно-педагогической концепции. На кафедре сложился коллектив талантливых криминалистов в лице Т. В. Аверьяновой, В. Д. Грабовского, А. Ф. Лубина, Н. Н. Лысова, В. М. Мешкова и других. Его трудами у кафедры были выдающиеся кураторы-профессора: Р. С. Белкин, В. Я. Колдин, Н. П. Яблоков и другие. Р. С. Белкин в «Истории отечественной криминалистики» вспоминал о М. К. Каминском: «Одним из моих старших по возрасту друзей-учеников является Марат

Константинович Каминский... Творчество Марата Константиновича несколько особого рода. Он фактически одним из первых применил в криминалистике деятельностный подход, определив, что объектом криминалистики служит преступная деятельность и ее антипод — деятельность по раскрытию и расследованию преступлений. Эту идею он реализовал главным образом в обучении криминалистике, построив на ее основе оригинальный учебный курс».

Первой из идей, определяющей сущность этого подхода, является, безусловно, идея деятельности, где источником любого знания, самого мышления признается предметная человеческая деятельность.

При этом рассматриваемая деятельность и те отношения, которые в ней порождаются, берется не изолированно, не статично, не автономно, но во взаимодействии. Иными словами, первый объяснительный принцип состоит в том, что преступление и его раскрытие могут быть поняты, если они будут в криминалистической теории представлены как взаимодействующие деятельности людей.

Р. С. Белкин в первом томе «Курса криминалистики» говорил: «Как правильно отмечает М. К. Каминский «преступление, взятое в собственно криминалистическом плане, выступает не только как юридический факт, но и как предметная деятельность (иногда как ее фрагмент: действие, совокупность действий) человека». На этой методологической базе в теории криминалистики было создано криминалистическое учение о механизме преступления, способах его подготовки, совершения и сокрытия.

Кроме этого, на основе доминирования идеи деятельности была построена базовая принципиальная модель взаимодействия преступной деятельности и его раскрытия.

С этих позиций второй объяснительный принцип криминалистической теории выступает как единство деятельности и отражения. Иными словами, привлечение идеи системности в качестве объяснительного принципа для исследования процессов и механизмов взаимодействия рассматриваемых деятельностей гарантирует получение собственно криминалистических результатов, способствует отграничению криминалистического аспекта от уголовно-правового, уголовно-процессуального, естественно-научного и иных аспектов научного знания.

Именно под таким углом зрения рассматривают принцип системности те ученые, которые применяют его для исследования сложных закономерностей общественных явлений.

Выбор и обоснование объяснительных принципов в рамках системно-деятельностного подхода позволяют в общем виде представить схему объяснения взаимодействия этих деятельностей.

Наконец, нельзя не отметить педагогическую деятельность М. К. Каминского, которую можно охарактеризовать как педагогику криминалистики.

Разработанная М. К. Каминским концепция криминалистического образования представляет собой совокупность исходных идей и принципов, ориентируясь на которые педагогические коллективы образовательных учреждений способны самостоятельно проектировать и реализовывать учебные образовательные курсы.

Концепция криминалистического образования как система должна иметь блоковое строение и состоять из:

— системы исходных философско-методологических идей, методологических положений и единиц анализа, используемых для обоснования и реализации криминалистического образования;

— системы основных криминалистических положений, в опоре на которые строится криминалистическое развитие и обучение;

— системы педагогических положений, обосновывающих проектирование и реализацию курса криминалистики как перехода от сущего к должному.

Исходными методологическими идеями, очерчивающими границы исходного универсума, то есть задающими пути исследования криминалистики, являются:

— идея отражения как всеобщего свойства материи;

— идея деятельности, то есть всеобщей формы организации развития собственности;

— идея системности, отражающая наличие сложных составляющих, а именно: субъект — объект — субъектные отношения;

— идея научного анализа по исходным единицам.

Следует отметить, что плодотворные научные и педагогические идеи М. К. Каминского продолжают развиваться и жить в трудах его коллег и учеников.

Каминский Александр Маратович,
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Удмуртского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Удмуртской Республики

Обзор защит диссертаций за 2024 год в диссертационном совете
03.2.009.01, созданном на базе Нижегородской академии МВД России

Диссертационный совет 03.2.009.01 создан на базе Нижегородской академии МВД России на основании приказа Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 24 февраля 2022 года № 218/нк. Совету предоставлено право проводить защиты **по двум научным специальностям**: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки); 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

В состав диссертационного совета входят 18 докторов юридических наук и 1 кандидат юридических наук:

1. Баранов Владимир Михайлович, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, специальность 5.1.1. председатель диссертационного совета.

2. Ильин Игорь Вячеславович, доктор юридических наук, доцент, специальность 5.1.4. заместитель председателя диссертационного совета.

3. Афанасьев Алексей Юрьевич, кандидат юридических наук, специальность 5.1.4. ученый секретарь диссертационного совета.

4. Баранова Марина Владимировна, доктор юридических наук, профессор, специальность 5.1.1.

5. Демичев Алексей Андреевич, доктор юридических наук, профессор, специальность 5.1.1.

6. Кабанов Павел Александрович, доктор юридических наук, доцент, специальность 5.1.4.

7. Кириллов Михаил Андреевич, доктор юридических наук, профессор, специальность 5.1.4.

8. Кудрявцев Алексей Вадимович, доктор юридических наук, доцент, специальность 5.1.4.

9. Кузнецов Александр Павлович, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, специальность 5.1.4.

10. Леханова Елена Семеновна, доктор юридических наук, доцент, специальность 5.1.4.

11. Лубин Александр Федорович, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, специальность 5.1.4.

12. Макарейко Николай Владимирович, доктор юридических наук, доцент, специальность 5.1.1.

13. Поляков Михаил Петрович, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, специальность 5.1.4.

14. Поляков Сергей Борисович, доктор юридических наук, доцент, специальность 5.1.1.

15. Сверчков Владимир Викторович, доктор юридических наук, доцент, специальность 5.1.4.

16. Терехин Владимир Вячеславович, доктор юридических наук, доцент, специальность 5.1.4.

17. Толстик Владимир Алексеевич, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, специальность 5.1.1.

18. Хужин Альфир Мисхатович, доктор юридических наук, доцент, специальность 5.1.1.

19. Шаров Виктор Иванович, доктор юридических наук, профессор, специальность 5.1.4.

В 2024 году в совете защищено 9 диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук.

15 февраля 2024 года состоялись защиты диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук по научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Диссертацию на тему «**Фикция в уголовном праве: теоретико-прикладное исследование**» защитил преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России **Абдулханьянов Ильяс Абдулхаевич**.

Предмет исследования — сконструированные при помощи фикции уголовно-правовые положения отечественного дореволюционного, советского и современного уголовного законодательства, а также правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации и правила квалификации преступлений.

Цель исследования — разработка комплексной системы теоретико-прикладных знаний о фикции в уголовном праве и формулировании на их основе конкретных предложений по дополнению доктрины уголовного права, а также совершенствованию уголовного законодательства в части использования данного инструмента юридической техники.

Научный руководитель: доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации Кузнецов Александр Павлович.

Официальными оппонентами выступили: доктор юридических наук, доцент Ситникова Александра Ивановна, профессор кафедры уголовного права Юго-Западного государственного университета; доктор юридических наук, доцент Санташов Андрей Леонидович, профессор кафедры уголовного права и криминологии Северо-Западного института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА).

Ведущая организация: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского.

Диссертацию на тему «**Выемка электронных носителей информации по уголовным делам**» защитила преподаватель кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России **Телевицкая Юлия Андреевна**.

Предмет исследования — процессуальные особенности выемки электронных носителей информации по уголовным делам, а также релевантно значимой информации, находящейся на электронных носителях (электронных сетях).

Цель исследования — разработка процессуальной формы выемки электронных носителей информации по уголовным делам, а также изъятия самой информации, имеющей значение для уголовного дела.

Научный руководитель: кандидат юридических наук, доцент Власова Светлана Владимировна.

Официальными оппонентами выступили: доктор юридических наук, профессор Костенко Роман Валерьевич, профессор кафедры уголовного процесса Кубанского государственного университета; доктор юридических наук, доцент Пастухов Павел Сысоевич, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Пермского государственного университета.

Ведущая организация: Волгоградская академия МВД России.

27 марта 2024 года состоялись защиты диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук.

Диссертацию на тему «**Обеспечительные меры в праве: теория, практика, техника**» по

научной специальности 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки защитил судья Нижегородского областного суда **Фомин Виктор Юрьевич**.

Предмет исследования — обеспечительные меры во всем своем многообразии, сущностной и содержательной основе, нормативной регламентации и практической реализации, а также доктринальные представления об этом правовом явлении в отечественной юридической науке.

Цель исследования — формирование общетеоретической концепции обеспечительных мер в праве, отражающее научное знание о понятии и функциональной характеристике, видовых проявлениях, проблемах и путях их разрешения, что выражается в усовершенствовании механизма их реализации.

Научный руководитель: доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России Хужин Альфир Мисхатович.

Официальными оппонентами выступили: доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации Малько Александр Васильевич, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Поволжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в городе Саратове; доктор юридических наук, доцент Репьев Артем Григорьевич, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России.

Ведущая организация: Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых.

Диссертацию на тему «**Криминальная виктимизация юридических лиц и её предупреждение: криминологическое исследование**» по научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки защитила старший преподаватель кафедры управления Нижегородской академии МВД России **Александрина Наталья Михайловна**.

Предмет исследования — внутренние и внешние закономерности, состояние и тенденции криминальной виктимизации юридических лиц, пути и способы предупредительного воздействия на детерминанты криминальной виктимизации юридических лиц.

Цель исследования — разработка авторской концепции криминальной виктимизации юридических лиц, включающей систему ее предупреждения.

Научный руководитель: доктор юридических наук, доцент, директор НИИ противодействия коррупции Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (ИЭУП) Кабанов Павел Александрович.

Официальными оппонентами выступили: доктор юридических наук, профессор, почетный работник сферы образования Российской Федерации Горшенков Геннадий Николаевич, профессор кафедры уголовного права и процесса Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского; доктор юридических наук, доцент Майоров Андрей Владимирович, заведующий кафедрой прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности Челябинского государственного университета.

Ведущая организация: Казанский юридический институт МВД России.

Диссертацию на тему «Проблемы проверки и оценки электронных доказательств в современном уголовном процессе» 5.1.4. Уголовно-правовые науки защитил преподаватель кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД России Количенко Артем Андреевич.

Предмет исследования — теоретические и практические проблемы проверки и оценки электронных доказательств в уголовном процессе и способы разрешения указанных проблем.

Цель исследования — получение нового научного знания, способствующего концептуальному пониманию природы электронных доказательств и процедурной специфики использования их в процессе доказывания по уголовному делу, включая порядок их проверки и оценки; разработка предложений, связанных с оптимизацией нормативного регулирования института электронных доказательств и повышения эффективности их применения в практике российского уголовного судопроизводства.

Научный руководитель: доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России Поляков Михаил Петрович.

Официальными оппонентами выступили: доктор юридических наук, профессор Васюков Виталий Федорович, главный научный сотрудник отдела изучения проблем нормативного правового и аналитического обеспечения Научного центра безопасности дорожного движения МВД России; доктор юридических наук, доцент Зуев Сергей Васильевич, профессор кафедры судебной и правоохранительной деятельности Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета).

Ведущая организация: Пермский государственный национальный исследовательский университет.

19 июня 2024 года состоялись защиты диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук.

Диссертацию на тему «Проблемы развития теории и практики трасологического исследования следов обуви» по научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки защитил старший преподаватель кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД России Юматов Сергей Васильевич.

Предмет исследования — закономерности, связанные с отображением и искажением

признаков в следах обуви, образованных в условиях влияния свойств следовоспринимающей поверхности и метеофакторов; интеграция выявленных закономерностей в теорию и методике судебно-экспертной деятельности.

Цель исследования — совершенствование теоретических и методических основ трасологического исследования следов обуви, образованных в условиях влияния свойств следовоспринимающей поверхности и метеофакторов, расширяющих возможности экспертизы и повышающих научную обоснованность и достоверность выводов эксперта, разработка рекомендаций по их использованию в доказывании по уголовному делу.

Научный руководитель: доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД России Лубин Александр Федорович.

Официальными оппонентами выступили: доктор юридических наук, доцент Латышов Игорь Владимирович, профессор кафедры криминалистических экспертиз и исследований Санкт-Петербургского университета МВД России; кандидат юридических наук, доцент Максимов Николай Валерьянович, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова.

Ведущая организация: Волгоградский государственный университет.

Диссертацию на тему «**Судебный контроль за законностью и обоснованностью производства следственных действий в уголовном судопроизводстве России: закон, доктрина и практика**» по научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки защитила преподаватель кафедры управления Нижегородской академии МВД России **Умярова Регина Рушановна**.

Предмет исследования — генезис судебного контроля как отдельного института в уголовном судопроизводстве нашей страны; действующее нормативное регулирование, связанное с судебным контролем по статье 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации; нормы международно-правового характера

относительно вопросов применения судебного контроля; совокупность положений российской уголовно-процессуальной доктрины по судебному контролю в рамках статьи 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации; судебно-следственная практика, напрямую связанная с осуществлением судебного контроля за законностью и обоснованностью производства следственных действий в России.

Цель исследования — разработка, обоснование и апробация нормативных и научных положений для нормализации практики отправления правосудия в области применения судебного контроля за законностью и обоснованностью производства следственных действий.

Научный руководитель: доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России Ковтун Николай Николаевич.

Официальными оппонентами выступили: доктор юридических наук, профессор Колоколов Никита Александрович, профессор кафедры теории и истории государства и права Московского педагогического государственного университета; кандидат юридических наук, доцент Хайдаров Альберт Анварович, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Казанского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

Ведущая организация: Юго-Западный государственный университет.

18 сентября 2024 года состоялись защиты диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук.

Диссертацию на тему «**Проблема оконченого преступления в уголовном праве**» по научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки защитил начальник кафедры огневой подготовки Нижегородской академии МВД России **Благодатин Анатолий Борисович**.

Предмет исследования — нормы российского уголовного законодательства, регулирующие вопросы юридической оценки оконченных преступлений; зарубежное законодательство, затрагивающее обозначенную проблематику;

работы российских ученых, касающиеся стадий преступной деятельности и момента юридической завершенности противоправного деяния; судебная практика Верховного Суда Российской Федерации, судов республик Российской Федерации, областных и районных судов, а также следственная практика.

Цель исследования — разработка научно обоснованных положений по совершенствованию действующего законодательства и правоприменительной практики по вопросам юридической оценки момента окончания преступлений, посягающих на сферу собственности, здоровье населения и государственную власть.

Научный руководитель: доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России Ильин Игорь Вячеславович.

Официальными оппонентами выступили: доктор юридических наук, доцент Ситникова Александра Ивановна, профессор кафедры уголовного права Юго-Западного государственного университета; доктор юридических наук, доцент Ермакова Ольга Владимировна, начальник кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России.

Ведущая организация: Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова.

Диссертацию на тему «**Приостановление производства по уголовному делу: закон, доктрина, практика**» по научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки защитил адъюнкт адъюнктуры Нижегородской академии МВД России **Ростов Данил Владимирович**.

Предмет исследования — положения российской уголовно-процессуальной доктрины, имеющие отношение к сути, нормативному содержанию и назначению института приостановления производства по уголовному делу; нормы международного правового характера и национальной системы права; акты высшего органа конституционного правосудия России и Верховного Суда Российской Федерации, отражающие основные закономерности и коллизии исследуемого института; данные официальной

статистики и эмпирические материалы судебно-следственной практики, имеющие отношение к предмету и задачам научно-практического анализа.

Цель исследования — приращение нового научного знания о сути, назначении, оптимальной процессуальной форме института приостановления производства по уголовному делу; разработка на этой основе теоретически обоснованной и эмпирически выверенной модели эффективной уголовно-процессуальной деятельности органов и лиц, ведущих уголовный процесс, призванной к обеспечению как назначения исследуемого института, так и в целом уголовного судопроизводства России.

Научный руководитель: доктор юридических наук, профессор Ковтун Николай Николаевич, профессор кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России.

Официальными оппонентами выступили: доктор юридических наук, доцент Дикарев Илья Степанович, директор Института права Волгоградского государственного университета; кандидат юридических наук, доцент Перетятко Наталья Михайловна, доцент кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии.

Ведущая организация: Уфимский юридический институт МВД России.

На 4 декабря 2024 года запланированы защиты диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук.

Диссертацию на тему «**Теоретические проблемы правового регулирования использования искусственного интеллекта в юридической сфере**» по научной специальности 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки планирует к защите преподаватель кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России **Балалаева Юлия Сергеевна**.

Научный руководитель: заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Толстик Владимир Алексеевич, начальник кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России.

Официальные оппоненты: доктор юридических наук, профессор Лановая Галина Михайловна, профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя; кандидат юридических наук, доцент Мамай Евгений Алексеевич, доцент кафедры теории и истории права и государства Национального исследовательского

университета «Высшая школа экономики» — Нижний Новгород.

Ведущая организация: Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина.

Диссертацию на тему «**Изменение обстановки как уголовно-правовой феномен**» по научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки планирует к защите преподаватель кафедры криминологии Нижегородской академии МВД России **Долгова Ольга Сергеевна**.

Научный руководитель: доктор юридических наук, доцент Сверчков Владимир Викторович, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России.

Официальные оппоненты: доктор юридических наук, доцент Ефремова Ирина Алексеевна, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии; доктор юридических наук, профессор Тасаков Сергей Владимирович, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова.

Ведущая организация: Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова

Диссертация на тему «**Уголовно-процессуальные средства стимулирования обвиняемого к добровольному признанию своей вины**» по научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки планируется к защите преподавателем кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России **Иваньшиной Анастасией Эдуардовной**.

Научный руководитель: заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Поляков Михаил Петрович, профессор кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России.

Официальные оппоненты: доктор юридических наук, профессор Качалова Оксана Валентиновна, профессор кафедры уголовно-процессуального права имени Н. В. Радутной Российского государственного университета правосудия; кандидат юридических наук, доцент Маркелов Александр Геннадьевич, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Казанского института (филиала) «Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)».

Ведущая организация: Уфимский университет науки и технологий.

*Баранов Владимир Михайлович,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации,
помощник начальника Нижегородской академии
МВД России по инновационному развитию
научной деятельности, председатель диссертационного совета 03.2.009.01, созданного на базе
Нижегородской академии МВД России;*

*Афанасьев Алексей Юрьевич,
кандидат юридических наук, начальник
кафедры криминалистики Нижегородской
академии МВД России, ученый секретарь
диссертационного совета 03.2.009.01,
созданного на базе Нижегородской
академии МВД России*

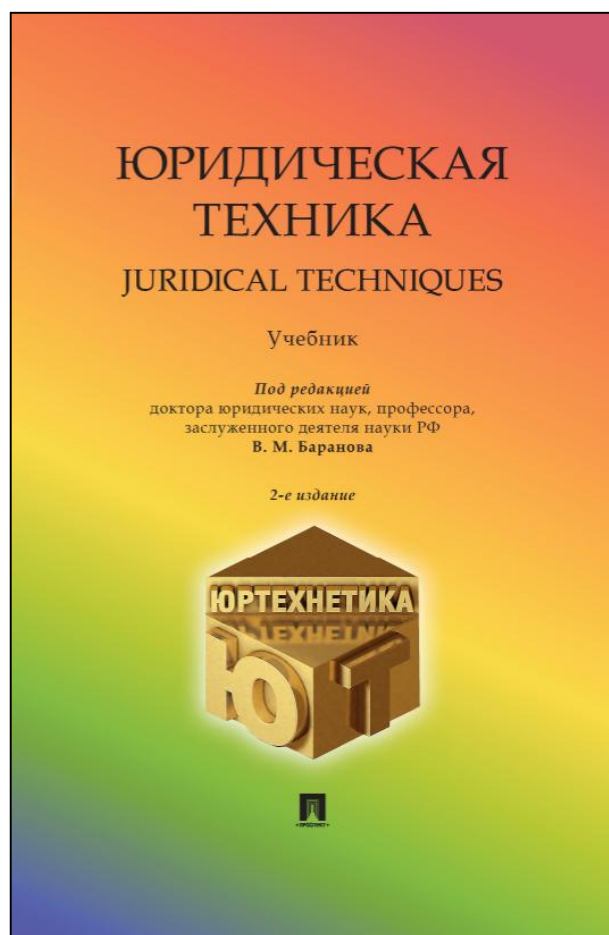
**Юридическая техника. Juridical Techniques: учебник / под ред.
В. М. Баранова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2024. 696 с.
ISBN 978-5-392-42572-3**

Учебник раскрывает как фундаментальные основы, так и прикладные аспекты технико-юридического оформления нормативных, интерпретационных, правореализационных государственных решений. Юридическая техника выступает мощной организационно-управленческой системой, влияющей не только на форму, но и на содержание правовых предписаний.

Книга состоит из 28 разделов. Представляет собой попытку развернутого системного изложения основных средств юридической техники, реализация которых иллюстрируется новейшими достижениями правовой практики. Содержит учебные задания, вопросы для самоконтроля, тесты и литературу, которые могут быть предметно использованы в процессе обучения.

Законодательство приведено по состоянию на июнь 2024 года.

Учебник адресован студентам и преподавателям юридических вузов. Может быть интересен депутатскому корпусу всех уровней, работникам правовых управлений и отделов органов исполнительной государственной власти и всем, кого беспокоит качество правовой основы жизни общества.

**Требования к рукописям статей,
представляемым для опубликования в журнале
«Юридическая наука и практика:
Вестник Нижегородской академии МВД России»**

1. К опубликованию принимаются рукописи статей, соответствующие тематике Журнала.

2. Рукопись статьи должна содержать:

— **универсальный десятичный код (УДК)** (см.: <http://teacode.com/online/udc/>);

— **сведения об авторе на русском и английском языках** (ФИО полностью, ученая степень, ученое звание, должность, место работы, рабочий адрес, адрес электронной почты (данные сведения будут опубликованы), контактные телефоны);

— **заголовок на русском и английском языках;**

— **аннотацию на русском и английском языках;**

— **ключевые слова на русском и английском языках;**

— **список библиографических ссылок на русском и английском языках** (в журнале принята затекстовая система библиографических ссылок, оформленных в соответствии с ГОСТ 7.0.5—2008, с размещением в тексте номера источника и страницы в квадратных скобках; использование подстрочных ссылок не допускается).

3. Статья объемом **не более 12 машинописных страниц** направляется в редакцию в распечатанном и электронном вариантах (в формате RTF), которые должны быть идентичны.

4. Текст статьи печатается гарнитурой Times New Roman, размер шрифта — 14, интервал — 1,5.

Поля — по 2 см с каждой стороны. Нумерация страниц обязательна.

5. Цветная вертикальная портретная фотография автора в формате jpg, разрешением не менее 300 dpi, размером 3,5*4,5 см (фон однотонный, белый).

6. Редакция оставляет за собой право осуществлять техническое редактирование (не меняющее смысла) авторского оригинала.

7. Если рукопись статьи одновременно направляется или была направлена в другое издание, либо была уже опубликована ранее, автор обязан сообщить об этом в редакцию.

8. Автор несет ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат, наличие сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати. После вычитки отпечатанного текста автор на последней странице собственноручно пишет: **«Рукопись вычитана, цитаты проверены (дата, подпись)»**.

9. При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи в сети «Интернет» (на сайте Нижегородской академии МВД России, сайтах научных электронных библиотек).

9. Редакция не взимает платы за опубликование рукописей статей.

Почтовый адрес:
603144, Нижегородская область,
г. Нижний Новгород,
Анкудиновское шоссе, 3,
Нижегородская академия МВД России (РИО).
Тел.: 8 (831) 421-73-21.
E-mail: vestniknamvd@mail.ru
Сайт: na.mvd.rf